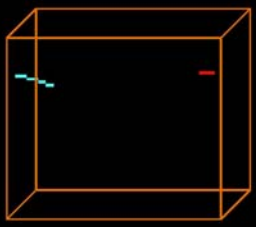
А. С. Акулов

БУКВЫ философии



Александр Акулов

БУКВЫ ФИЛОСОФИИ

Издание третье, измененное

Версия заново сверена 06. 07. 2025

ИПК "Сборка"

Санкт-Петербург
2017

УДК 111+130.3
ББК 84.Р7
А 44
Александр Акулов. Буквы философии. Издание третье, измененное. — СПб.: ИПК "Сборка", 2017. — 660 с.

© Акулов А. С. Буквы философии. 1971, 1997

Акулов Александр Сергеевич. Буквы философии. Философский труд.

ISBN 978-5-85263-238-8

Технический редактор: С. Ефимова

Подписано в печать 15.02.2017. Формат 60 x 84/16.
Усл. п. л. 41. Зак. N 17-09827. Отпечатано
в типографии "Сборка. 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 64, корп. 2. Тел.: +7 (812) 642 43 44, e-mail: info@sborka.spb.ru

SUMMARY

"The Letters of Philosophy" by A. S. Akulov is a philosophical work which is not a monograph or a historically-philosophical study. The books concepts lie mostly outside the Russian, European or any other traditions.

The book considers four principles of philosophy. Two of these principles are related with subjective conditions, the other two — with reduction-developed objective limits.

The author establishes a strict demarcation line between the "ideal" and the "phenomenal", performs non-postulative transcensus, infers the structurelessness of objective being in its own right, invents an idea of "closed-up" and "warped" subjectivities — buffers between the pure objective and the here/now permeable subjective. This makes the commonplace and scientific visions of the universe appear as inferior (moulage) displays.

The final sections of the book represent more than fourty various paradoxes (used in the preceding statement as a peculiar kind of "empirical material") and a detailed term vocabulary.

RESUME SOMMAIRE

Le livre de A. S. Akoulov "Lettres de philosophic" est une oeuvre philosophique qui ne représente aucune monographic ou étude historico-philosophique. La conception du livre est, en général, hors de la tradition russe, européenne ou d'autre.

Dans le livre sont vues quatre origines de philosophie. Deux de ces origines sont liees avec les conditions subjectives, deux autres avec les limites objectives introduites d'une façon objective.

L'auteur délimite nettement "idéal" et "phénoménal", produit un transensus sans postulat, fait la conclusion concernant l'être objectif indépendant, introduit l'image des subjectivités "claquées", "enveloppées" — tampons

entre purement objectif et ici — maintenant transparent subjectif. Les visions du monde ordinaire et scientifique dans ce cas deviennent des développements inférieures (de moulage).

Les derniers chapitres du livre c'est la description de plus de quarante paradoxes différents (utilisées dans la description précédente comme une "matiére empirique" spéecifique) et un vocabulaire détaille de termes.

АННОТАЦИЯ

Книга А. С. Акулова "Буквы философии" — философский труд, не представляющий собой обычную монографию или историко-философское исследование. Концепции книги находятся в основном вне русской, европейской или иной традиции.

В книге рассмотрены четыре начала философии. Два из этих начал связаны с субъективными условиями, два — с редуктивно выводимыми объективными пределами.

Автор резко разграничивает "идеальное" и "феноменальное", производит беспостулативный трансцензус, приходит к выводу о бесструктурности самостоятельного объективного бытия, вводит представление о "схлопнутых", "завернутых" субъективностях — буферах между чистым объективным и здесь-теперь проницаемым субъективным. Обыденные и научные ви́денья мира при этом оказываются неполноценными (муляжными) развертками.

Заключительные разделы книги — описание более сорока различных парадоксов (используемых в предыдущем изложении как своеобразный "эмпирический материал") и подробный словарь терминов.

СОДЕРЖАНИЕ

1. МЕТАТЕОРИЯ-1

1.0 Предисловие…….. 12
1.1 Границы доданности и первый исходный пункт философии…… 16
1.2 Максимы…… 45

2. "СУБЪЕКТ"

2.1 Я-среда и ее деления…… 54

2.1.1 Присутствие при кажимостях…….. 54

2.1.2 Квазисреда…… 62
А. Квазисреды…….. 62
Б. Зрительная квазисреда бодрствующего сознания…… 66
В. Звуковые ощущения и среды……... 79
2.1.3 Контактные ощущения и среды…….. 83
А. Контактные ощущения…….. 83
Б. Соматическое облако 86
2.1.4 Интрофотофоносреда и ее окрестности 90
2.2 Интегративные ощущения……... 96
2.1.2 Реактивные ощущения…….. 96
2.2.2 Ощущения смысла. Ум-ощущение. Отумственные фикции разума и понятий 102
А. Типы смыслов …… 102
Б. ИФФС и смысл…… 111
В. Смыслознак. Фикции понятий…… 117

2.2.3 Волевые ощущения…… 126

2.2.4 Другие интегративные ощущения…….. 133
2.3 Я-среда в целом (резюме)…… 138
2.4 Я-среда и второй исходный пункт философии…….. 145

2.5 ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО 154

2.5.1 Видимость…….. 154
2.5.2 Эрос-Логос-Хаос……... 156
2.5.3 Мистические ощущения…….. 159
2.5.4 Предельные ощущения…… 178
2.5.5 Протоощущения. Сверхощущения……. 181
2.5.6 Волевая и смешанная мистика…… 185
2.5.7 Антилогосное…… 215
2.5.8 Мистика и символика……... 219
2.5.9 Об эстетическом (Контртезисы к распространенным концепциям)…… 222

2.6 ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО 225
2.6.1 Происхождение обмана. Бытовость центрального принципа науки. Псевдосреды 225
2.6.2 Идеализм практики……... 232
2.6.3 Шесть типов истин……... 234
2.6.4 Классы псевдосред…… 240
2.6.5 Уровни как свидетельство не-мира…… 243
2.6.6 Фантомы математики. Мыслят ли вычислители?..... 251
А. Общие вопросы…….. 251
Б. Пример чисел…….. 254
2.6.7 Точные науки……. 260
2.6.8 Псевдосреды оккультизма……... 269
2.6.9 Наука и мировоззрение. Невозможность теоретического синтеза различных наук 272
2.6.10 Комедия психологии и философии….. 276

3 "ОБЪЕКТ"
3.1 Метафизический космос (третье начало философии)…….. 283

3.1.1. Метасознание и переход к абсолюту…. 283
3.1.1.1 Отправные точки…… 283
3.1.1.2 Субстанция…….. 291
3.1.1.3 Альфа и омега. Связность объективного 301
I. Предварительные аналогии……... 301
II. Пункты А — К. Доказательства и обоснования…… 302
III. Возможность вписанности импульса Эроса-Логоса-Хаоса в абсолют…… 312
3.1.2 Праабсолют. Виртуальное недосуществование…… 314
3.1.3 Контуры антиабсолюта…… 326
3.2 Расщепленное бытие…… 338
3.2.1 Постабсолют…….. 342
3.2.2 Время, времена, Хронос. Проницаемость, схватываемость, объем менталитета. (Сводка.)……... 347

4 ТЕЗИСЫ ВОСХОЖДЕНИЯ…… 356

5 "ПРОИНТРОЕКТ"…… 358

5.1 Смысл жизни (абсолютный, рефлексивно-рефлексный, реактивный, умозрительный, относительный /разграничения представлений: А. Фикция личности; Б. Псевдосреда потребностей, относительный смысл жизни/, автономный, подспудный, бессмысленный, программный, отрицательный, панродовой, сновиденийный и здесь-теперь смысл жизни, иерархия смыслов жизни)…… 362
5.2 Цели (тонические; базовые; спонтанно-импульсивные; ложные и фантастические; свободные: высшая, автономная, относительные

цели, звёзды наполнителя; цели оптимизации; заключение раздела)…….. 392
5.3 Критерии (абсурд, отрицательные комплексы тоники, критерий: успех, эктропия, иллюминаторность, законченность, произведение критерия и интуитивный критерий)…… 410

5.4 Стимулы…… 422
5.5 Сопряжение разделов части "Проинтроект" 425
5.6 Вариант резюме…… 427

6. МЕТАТЕОРИЯ-2, парадоксы (раздел-приложение)…… 439
6.1 Введение…… 439
6.2 Апории Зенона Элейского……... 441
6.3 Парадоксы Эвбулида из Милета. Парадокс Диодора…… 448
6.4 Парадоксы пирронистов…….. 450
6.5 Софизмы…… 452
6.6 Парадоксы саморефлексивности…… 454
6.7 Парадокс несуществования 459
6.8 Парадоксы бесконечности……... 460
6.9 Теоремы Гёделя о неполноте…….. 468
6.10. Парадоксы измерения (метрики)…… 469
6.11 Парадокс нефатальности…… 470
6.12 Псевдопарадокс необходимости……... 471
6.13 Парадокс атома протяженности…… 472
6.14 Замыкание псевдосред на вечное повторение…… 473
6.15 Границы диалектики…….. 477
6.16 Парадокс структуры……... 481
6.17 Причинность…… 482
6.18 Случайность…… 485
6.19 Итальянские виноградины…… 486

6.20 Поиски онтологий…….. 488
6.21 Парадокс субъективного ощущения…… 493
6.22 Парадокс логики……. 496
6.23 Астрофизические парадоксы…… 498
6.24 Двигатель……. 499
6.25 Мозг и ощущение……. 499
6.26 Вещество и жизнь……... 504
6.27 Парадоксы эволюции……. 507
6.28 Парадоксы субъективно-социальных сфер 508
6.29 Апология жизни и апология самоубийства 509
6.30 Нивеляция бессмертия …….. 510
6.31 Знаменательные ошибки философов…… 511

ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ……... 517
Синопсис……..... 635
Перечень статей словаря…… 652

ПРЕДИСЛОВИЕ 1991 ГОДА

Прошло ровно 20 лет со времени написания основных разделов книги. Несмотря на расширение объема и другие изменения, главный метод, применяемый в ней, — метод ментально-логического погружения — не претерпел существенных изменений. По структуре и содержанию книга не является ни обычной монографией, ни циклом трактатов. Можно заявить, что читателю предложена новая философская система, если не понимать последний термин в классическом смысле.

К сожалению, история философии (как дисциплина) по-прежнему доминирует над самой философией. Но содержанием последней может быть только философствование на основе нового увиденья, независимо от достижения или обхода старых интеллектуальных вершин. Их вид и ракурс не может быть повторенным, в этом — сходство философии с искусством.

Легко ответить на вопрос о том, почему именно приходится представлять "систему" и начинать ее с условно-методического нуля. В прошлом философии можно видеть по крайней мере два критических момента: появление логических апорий и открытие субъекта. Логические апории до сих пор не нашли для себя должного применения и объяснения в философии и математике, и это вызывает сомнения и настороженность по отношению к названным областям. Если приоритет в формулировании первых дошедших до нас апорий принадлежит элеатам, то собственно открытие субъекта — Новой европейской философии. Указания на мотивы последней отправной

точки в античности — непродуктивны. Подобный античному субъективизм полностью подрывается сохранением наивного материализма (или наивного реализма), а также — синкретизмом.

Наглядности ради, можно было бы обозначить субъективизм принципом Декарта-Юма, но тогда пришлось бы заинтересоваться странной ролью Маха, а также спросить: «Почему этот принцип так да конца и не сформулирован? Почему до сих пор упорно смешивают феноменальное и идеальное? Разум и сознание? Почему такие нефилософские термины, как "личность" и "текст", сейчас в моде у философов?»

Приходится оглядываться назад и начинать инвентаризацию философских представлений как бы заново. Благодаря этому, возможный круг читателей расширяется. Книга "Буквы философии" не только выражает ряд новых идей, но и является своего рода философским букварем. Букварь не может не быть трудным.

Необходимое добавление

Используемое в тексте местоимение "мы" соответствует не "мы" научных статей и не стадному "мы", но двум субъектам: автору и читателю. Это "мы" достаточно условно, поскольку здесь-теперь присутствуемость того и другого может быть различной и формально возможна картинка с несколькими или многими читателями.

Дифференцировано написание слов (есть сноски или пояснения): "космический" и "космонический", "экзистенциал" и "экзистенционал", "психическое" и "психейное", "длительность" и "дленность", "сновидное" и "сновиденийное".

1. МЕТАТЕОРИЯ — 1

1.0 ПРЕДИСЛОВИЕ

Всякий текст содержит не смысл, но определенную возможность его появления. Эта книга под названием "Буквы философии" предполагает связанное с чтением смысловое разворачивание, соответствующее некоторому редуктивному мировоззрению.

Предположим, не исключена вероятность текста (хотя бы условно представляемого), смысловая дешифровка которого дает пресловутое единственно верное мировоззрение. Подобное предположение порождает вопросы: "Может ли существовать единственно верное мировоззрение как таковое?", "Возможно ли вообще понимание текста, содержащего знаковые корреляты такого мировоззрения?", "Возможен ли адаптированный для человека сокращенный вариант изложения такого мировоззрения?"

Заведомо идет речь не о мировоззрении как индивидуально-индивидуализированном явлении (религиозном, политическом, житейском или иного толка), а об универсальном экспландуме-эксплансе бытия, переведенном на индивидуальный (не обязательно вербальный) язык. Иными словами, это мировоззрение гипотетично человечно по своей форме и нечеловечно по содержанию. Сокращенный вариант подобного мировоззрения (назовем его Кардинальным мировоззрением) представляет собой не знание всего и даже не общую теорию всего, а предельно общую трактовку мироустройства. В данный момент мы не видим какой-либо парадоксальности Кардинального

мировоззрения или его производных, хотя даже абстрактная наличность его не может не вызвать сомнений. Среди подобных сомнений: развенчанность объективизма и максимализма, многовариантность подстановок субъекта-наблюдателя, нефизические смыслы соотношения неопределенностей, неожиданность неожиданного и т. п. Так тезис о заведомой нелепости и невозможности Кардинального мировоззрения нисколько не вредит многим концептуально замкнутым воззрениям. Кардинальное мировоззрение вполне может оказаться рядовым объектом рядового философского рассмотрения с возможными ракурсами: Кардинальное мировоззрение (КМ) как таковое, контакт с КМ, сканирование КМ, обладание КМ, последствия обладания КМ, соотношение КМ с прочими мировоззрениями, с наукой и т. п.

Значение введения такого объекта, как КМ, — в теоретической фильтрации индивидуальных и общечеловеческих дефектов умственного зрения, неполноты и изначальной заведомой несообразности умственного восприятия и, наконец, в необходимом саморелятивизме обычного философского мировоззрения, взятого по отношению к КМ. КМ выполняет функцию осознанного или неосознанного эталона, центра, вокруг которого располагается вся аберрация человеческой мысли. Сюрпризы наивности неисповедимы, мыслитель, полностью лишенный ее подвохов, — ирреален. Отсюда, даже при гносеологической несостоятельности Кардинального мировоззрения как такового, некоторый его суррогат оказывается желательным. Пусть это будет не некое абсолютное КМ, а КМ человечества определенной эпохи, человека или мыслящего существа вообще.

Учтя всё вышеизложенное, мы можем отбросить такие одиозные дефиниции, как "единственно верное", "истинное", "научное" и дать определение КМ как максимально реалистичному мировоззрению.

Предполагается реализм не только содержания, но и эпистемологической данности на наличный момент, предстающих в условной форме предположения и дополненности. Мировоззрение, излагаемое в данной книге, мы можем назвать только мировоззрением ориентированным на реализм. Новость такой ориентации не в направленности, а в способе направленности. Исходя из того факта, что не-реализм свойствен всем человеческим сферам, в том числе науке, эту направленность мы делаем редуктивной, убирая из активной базы философского аппарата конъюнктурно-конвенциональные прописные истины принятых способов рассмотрения вещей. Один из пороков этих принятых способов — зараженность фикциями. Другой порок — некорректируемые аномалии представлений, связанные с введением абстрактного. Следовательно, редуктивно-реалистичная философия не может быть абстрактной. Я утверждаю, что в философии значение абстракции должно быть узко ограниченным. В этом плане вполне можно было бы использовать субъективный психологизм (если бы существовал подходящий психологизм такого рода) и локацию объективного (если бы ее кто-то провел). За их отсутствием приходится заново искать точки отсчета, исходные пункты философии, параллельно наблюдая элиминацию таких квазиобъектов, как "рассудок" и "разум". Редукция уничтожает и то и другое. И "разум", и "сознание-неощущение" оказываются всего лишь абстракциями, причем лишними. В поле видения нацеленной на реализм схватываемости может быть только налич-

ность, но не исторически сложившийся модус сведения и указания. Кредо данного изложения: только наличность и неабстрактная сущность за наличностью, если эта сущность выводима и доказуема. Наша задача — описание предельно сущностных каскадов бытия, вскрытие одного каскада за другим, но не зацикливание на иерархии категорий, сугубо бухгалтерских закономерностей, вторичных по своей природе и умственно непродуктивных.

Философии в равной степени вредят как издержки индивидуальных форм здравого смысла, так и издержки наукообразности, накопившиеся за историю цивилизации порочные традиции в манере философствования и в науке. Преодоление первых осложнено невозможностью и нежелательностью безличного или условно-безличного изложения, преодоление вторых — неполнотой класса умопостиганий, ведущих к необходимым переоценкам. В любом случае важен метатеоретический поиск несопряженностей и противоречий.

Как бы ни был странен тот или иной эмпирический факт в естествознании, он будет принят, и соответствующая теоретическая структура будет изменяться до тех пор, пока этот факт в нее не впишется. В реалистично ориентированной философии не менее важным, чем в естествознании — эмпирические факты, является поиск неявных допущений и неправильного сопряжения ключевых пониманий и представлений в интеллектуальной сфере. Одна из задач философии и заключается в том, чтобы искать несообразности в человеке и его видении мира. Уже один перечень фундаментальных несообразностей, причем действительных несообразностей, а не мнимых антиномий — вполне философичен.

Ссылки, имеющие место в данном тексте, представляют собой ссылки на старые или новые парадоксы. Большинство парадоксов приведены в последнем разделе книги. Этот раздел только текстуально может считаться заключительным, так как имеет некоторое опорное значение для ряда разделов предыдущего изложения.

Как правило, в изложении мы избегаем каких-либо экскурсов в историю философии. Автоматичный мыслительный ритм как бы коррелирует автоматизму самовытекания содержания. Этот автоматизм совершенно иной, чем в сфере художественного, поскольку предполагает попытку следования не за новосозданной, а за предсуществующей рядоположенностью и создание условий для такого следования.

1.1 ГРАНИЦЫ ДОДАННОСТИ И ПЕРВЫЙ ИСХОДНЫЙ ПУНКТ ФИЛОСОФИИ

Попытки начала философии, исходящие из инвентаризации и сравнения предыдущих философских систем, отдельных теорий или исторически сложившихся интеллектуальных ситуаций, неизбежно оказываются литературными и стихийными, подобно тому, как стихиен случайный набор разнородных мнений. Никакой необходимости в создании очередной философской системы не было бы, если бы существовала возможность взять уже готовую или изготовить ее путем компиляторства. Мысль о том, что всякая философия есть модернизированное закрепление древнейших ошибок, сдобренное самооправдвниями-саморазоблачениями конкретного филосо-

фа, к сожалению, в большинстве случаев верна, но не является исчерпывающей. Упорство в повторении старых ошибок знаменательно (см. раздел 6. 29) и лишний раз доказывает (если оставить в стороне эмоции) неспособность человека как биологического вида к философии. Сами по себе интеллектуальные возможности человека достаточно велики, а указанная неспособность вытекает, с одной стороны, из близости философии и психологии, малоэффективности психологии, также из различных психологических недоопределенностей, а с другой стороны, объясняется выпадением философии из прагматики, тем, что философия, в отличие от науки, не может поверяться прагматической кажимостью; иными словами, прагматически оправдываемые надуманности, неточности, парадигмы, характерные для науки, для философии совершенно неприемлемы. Рудименты первобытного мышления почти не вредят науке, в которой главное — конвенционально выверенные методики, алгоритмы, интеллектуальная машиноподобность вообще, условно стоящая над психологическими тонкостями и особенностями, альтернативными правомерными вариантами истолкования эмпирии. Первобытное мышление в искусстве, его возрождение, следует одобрить. В философии подобное мышление только создает очередной миф. Главными признаками современного дикарского мышления мы считаем фетишизацию субъективных явлений и следовых эффектов, которые они оставляют. Философия должна отделить себя не только от областей естественнонаучного знания, но и от культурологий, герменевтик, семиологий и прочих гуманитарных способов "познания", причем отделить фундаментально. Под фетишизацией субъективностей мы понимаем не само их рассмотрение, а их объективи-

зацию, овеществление. В устройстве субъективного мира немало тонкостей, но феноменология и психология оказываются неспособны к их прояснению, выделению; предпочитают оперировать довольно неуклюжими абстракциями и во многом чисто бытовыми представлениями. В своем совершенно правильном функционировании человек пользуется массой ошибочных суждений, заключений, обозначений. Часто подобные ошибки вполне допустимы и в науке, но, переходя в область собственно философской феноменологии, мы оказываемся тет-а-тет с закрепленными практикой нелепостями.

* *

Некоторое остранение-остраннение[1] самого философа и его отстранение от собственного мышления в принципе возможно, но эта возможность обычно отрицательно продуктивна из-за обреченной на провал математизации. Тем не менее вполне вероятен метатеоретический аппарат, освобождающий систему от предубеждений и других мненийных искажений, пусть не в деталях и подробностях (полностью налет гуманитарности из философии удалить невозможно), но хотя бы в краеугольных положениях. Несколько интуитивных находок, конечно, могут прорисовать контуры такой метатеории, помочь найти еще ряд недостающих элементов, но не более, — все это близко к пределам человеческих возможностей. Неформально требуется развитие особого

[1] Слово удвоено для легитимизации за пределами литературоведения известного термина В. Шкловского.

философского сенсибилитета, острого философского чутья, а формально — составление реестра всех действительных парадоксов, таких, какие не вытекают только лишь из неудачного сопряжения представлений или недостаточно обоснованных тезиса и антитезиса. Парадоксы, имея связи друг с другом, образуют тот мировоззренческий массив, который замыкает сферу комплементарности исходной метатеории. Взаимодействие в этом плане ясно: бóльшая исходная непроясненность дает больше условий для последующего расщепления интеллектуальных представлений и возникновения противоречий. Кроме того, помощь в релятивизации и очистке мировоззрения оказывает наличие "вечных вопросов": наивность доводов в пользу того или иного решения этих вопросов, проявленная в прошлом, позволяет легче увидеть наивность современных мудрецов. Подобных автоматических отслеживаний, обратных связей между отдельными шагами в развитии концепции можно найти немало.

Начала философии приходится искать вне самой философии, вне теоретических миражей. Здесь и возникает апрагматический и непростой вопрос о том, что именно следует считать реальностью. Чисто риторически этот вопрос может быть продолжен. Можно, например, заинтересоваться количеством реальностей, а также той реальностью, которую необходимо брать в качестве исходно-первичной либо по отношению к субъекту, либо абсолютно. Даже если реальность одна, то она не всегда и не во всем предстоит полностью и тем самым разбивается на каскады реальности (не уровни!). Рассуждая далее, можно спросить: "Частичная реальность или вырванность из реальности — также реальность?" Чтобы гово-

рить о предполагаемых неявных реальностях, нужно увидеть явную. Казалось бы, непосредственная реальность — это все то, что я сам вижу, слышу, осязаю, обоняю и т. п.; точнее говоря, непосредственная реальность — это все то, что непосредственно предстоит, непосредственно дается, независимо от своей "внутренней" или "внешней" представленности. Так бы и было, если бы непосредственная данность не изменялась и предстояла однозначно, если бы на нее не распространялись факторы времени и иллюзии. Ввиду примативности реальности, всякое ее философское определение порочно, как порочно и философское определение философии.

Действительное, данное, существующее, наличное по отношению к реальности даются в определениях через тавтологии. Определения через негацию денотатов антонимичного не лучше, так же, как и через негацию небытия, ничто, идеального. А чувственные конструкции человека не вписываются ни в какие психологические классификации, оказываются своего рода живыми организмами. Они как бы выходят за резонансы как осмысленного, так и всякого иного схватывания и фиксирования. Это техническое слово "резонанс" очень здесь подходит, в том числе для оконкречивания и переиначивания известного выражения Протагора "*Panton chre metron anthropos*" ("Мера всех вещей есть человек"). Тем не менее ударение следует ставить на словосочетании "как бы выходят" — оконтуривание массива кажимости происходит, скорее всего, не из самого контура, не из непосредственной данности.

Обыденно и необыденно метавербальное прослеживается через соотнесенность указательных представлений. Можно видеть три ступени таких представлений:

1) ступень, указывающую на непосредственное здесь-теперь;

2) указывающую на потенциальное или бывшее здесь-теперь;

3) указывающую на то, что вообще не может быть непосредственностью.

Это гносеологическое расслоение реальности уже несколько уплотняет ее понимание, но тем не менее требует уточнений. Бывшее здесь-теперь уже не есть непосредственное здесь-теперь. То, что не может быть непосредственностью, в одних случаях претендует, а в других — не претендует на статус реальности, но претендующее все еще нуждается в своем гносеологическом проведении-обосновании. Возникает очередной вопрос: "Не является ли реальность относительной?" Если сновидение реально, то только в качестве сновидения; если иллюзия реальна — то только в качестве иллюзии; если число "четыре" нереально, то его реальные основы даны не в качестве чисел и не в качестве вещей-предметов... Этот разноречивый список лучше продолжить в более специальных рассмотрениях. Существо некой неотносительной, абсолютной реальности, на данный момент нашего изложения, не определено по отношению к этому изложению, независимо от затекстуальных основ изложения и текста, которые также пока не определены. Возникает необходимость в разграничении между реальностью и истинностью, что вытекает из того факта, что реальности, как правило, приписывают гораздо больший объем охвата, чем он даже условно может быть. По крайней мере необходимо отграничить реальность относительно здесь-теперь (любую) от истинности по отношению к здесь-теперь (любую). Пусть галлюцинация действительно имела место или действительно имеет ме-

сто — ее нельзя противопоставлять пресловутой действительности. Ясно, что не-здесь-теперь галлюцинация уже не есть по отношению к здесь-теперь галлюцинации в качестве самой себя — это только галлюцинация истинная в качестве галлюцинации. Такова компарация и непосредственного мира. Для человека-сознания не может быть строгой действительности. Действительность — компаративная условность, а рамки выхода за пределы условности весьма жестки. Речь не идет об абстрактно-понятийных условностях. Некая грубо-зримая условность для экстраполятивного выхода за ее рамки требует обедняющего рафинирования. Возникает и иной вопрос: "Есть ли непосредственный мир для человека-сознания, то есть, точнее говоря, существует ли непосредственный мир для самого этого непосредственного мира?" Этот вопрос почти подобен вопросу "Можно ли и один раз вступить в одну и ту же реку?" Нужно ли в таком случае считать инерцию непосредственного мира самим непосредственным миром? И мир ли это вообще? По крайней мере, субъективное прошлое уже нельзя считать непосредственной и явной реальностью, но что тогда считать реальностью, если почти все, что кажется данным, пусть немного, но меняется, не является застывшим? Может ли философия брать одним из своих начал столь неустойчивое и непрочное, компаративно снимаемое? Подобное распространяется и на реальное мышление, если иметь в виду собственно мышление, а не очередную абстракцию. Абстракция не может быть началом, вследствие своего отсутствия в фактуальном мире. Непосредственно даются не только восприятия предметов, но и мысли. То, что я мыслю, я вполне ощущаю в качестве мысли же, иначе мне не казалось бы, что я мыслю. Дальше

мыслей — ощущений смысла стоят всякого рода "идеи", какие уже ощущать невозможно. Подразделение на ощущения, восприятия, сознания, чувства для нас неприемлемо. Фундаментальность и посюсторонность акта ощущения оказалась подспудно вымытой из современной психологии. В частности, это стало возможным из-за разноликих и неубедительных значений, придаваемых термину "сознание". Можно сколь угодно долго говорить о непсихологичности современной психологии, склонности ее к псевдообъективным "черным ящикам" и рудиментам архаических концепций во всем том, что этими ящиками еще не охвачено. Подобная критика нам не нужна. Для нас важно то, что не существует субъективного цвета как только цвета, не существует субъективной формы как только формы. Самое квазиэлементарное из ощущений есть всегда и восприятие, причем самовосприятие, и сознание, и самосознание... Любой осколок субъективного мира обладает многими свойствами целого субъективного мира. В этом субъективном мире нет никаких наблюдателей — любое из ощущений предстает как самоощущение. Самые высшие из ощущений — соощущения, интегративные ощущения только кажимостно паразитируют на прочих ощущениях, но находятся в той же плоскости, что и все остальные. Более того, самые интегративные и высшие из ощущений по некоторым данным могут быть рассмотрены и, наоборот, как самые низшие и первичные, как всего только материал для дифференциации на квазиэлементарное. Все эти преждевременные и вынужденные заявления мы делаем с той целью, чтобы рассеять возможные недоразумения, связанные с употреблением привычных слов. Нужно также добавить, что непосредственной реальностью мы называем не толь-

ко "столы" и "стулья", но и соматические ощущения, эмотивные ощущения[2], представления и т. п. Непосредственная реальность — это весь субъективный мир неопределенного настоящего, настоящего, границы которого не совсем определены.

Термин "субъективное сознание" мы будем применять в двух значениях: 1) субъективное сознание в широком смысле — это вся та же непосредственная реальность; 2) субъективное сознание в узком смысле — это осознанность, осознавание, осознаваемость как функция посюсторонней связности, это же и псевдоэлементарное ощущение, отдельное ощущение как самоосознавание себя в себе; соощущение двух таких псевдоэлементарных ощущений — это всего лишь третье ощущение. Соощущения всех ощущений, соощущения всех соощущений, разумеется, есть — иначе бы наступила настоящая, а не медицинская деперсонализация и мир бы рассыпался, но во всех этих "со" нет никакой патрональности, всякое "со" — это только еще одно сознание, простой цемент, а не мастер. Таким образом, человеческое сознание мы представляем как суперсознание, "страну" сознаний, топологию сознаний. В этом суперсознании можно обнаружить отдельные пласты, слои, сферы, среды и т. п. Между всеми этими подразделениями могут быть отношения коррелированности, но отнюдь не управления. На последнее не указывает даже упреждение одного в другом. Нерасшифрованная последовательность следования феноменов не может выдаваться за опричиненность, полная же расшифров-

[2] Чувства-тоны, внутренняя сторона эмоции.

ка не может предстоять. Все это нуждается в более подробном и последовательном рассмотрении и, собственно, примыкает не к первому, а ко второму началу философии.

Как уже говорилось, мысли, представления не менее неустойчивы, чем видимость; но если мысли и представления обладают некоторым нежестким статусом реальности, пусть этот статус инерционен — тем или иным способом мысли и представления (представления в узком смысле) вполне можно ощущать как таковые, то на абстракции можно только ссылаться или полагать их. Если я полагаю равнобедренный треугольник, то это вовсе не означает, что такой треугольник существует реально. Кажущиеся опорные пункты ума — абстракции коренятся в полагании и ссылании на них. Независимо от статуса их реальности и статуса их означенности, они могут быть заданы так, что окажутся вполне устойчивыми, но можно ли задать абстракцию непосредственной реальности? Задав ее, мы уйдем в изложении в абстрактную же плоскость, которой, собственно, нет. Если мыслить непосредственными соотнесенностями, опираясь не на идеи, а на конкретную непосредственность, то все равно мы будем, описывая все это, употреблять выражения, несущие некоторый привкус идеального (идеального-в-нашем-смысле = нереального). Само выражение "непосредственная реальность" не несет ли в себе оторванности от самой этой реальности? Брать за основу конкретную сиюминутную реальность невозможно из-за ее размывания, а опираться на обычные идеальности означает уйти в фиктивную плоскость. Действительной опорой изложения могут быть толь-

ко умственные пропозиции[3]. Они достаточно устойчивы при всяком новом их использовании и, в то же время, содержат в себе реально ощущаемый смысл, интегрирующий те или иные соотнесенности. Пропозициональным является, например, выражение: [Мне кажется, что я присутствую в некотором мире]. Это высказывание схватывает в себе действительную кажимость, но на строгое начало философии оно еще не претендует. Подобная пропозиция, как и пропозиция [Мне кажется, что я ощущаю мое "я"], может быть и просто констатацией, тогда как далеко не всякая констатация является пропозицией. Например, констатация "сегодня, в шесть часов сорок восемь минут, я вижу черную собаку, перебегающую дорогу перед самым капотом красного автомобиля" уже не может быть пропозицией.

В практической деятельности человек опирается на всякого рода несуществующие практические среды, играющие роль функциональных аккумуляторов и функциональных карт. Сама положенность этих сред и отношение к ним диктуются рефлексологической, мнестической, идеомоторной и тому подобной натасканностью, переносом образов реально отсутствующего или выбывшего на опространственное небытие. Если бы законы мира внезапно изменились, то человек (останься он при этом невредим) недолго бы недоумевал, приспособился бы к ним, несмотря на всю их странность, а саму эту странность перестал бы замечать. Однако при последовательном умственном рассмотрении достаточно странно и то, что уже есть, и понять эту странность мож-

[3] Про-позиции, предпозиции, ментальные инварианты, но не любое суждение.

но, только обратив внимание на пробелы импульсивного мировоззрения. Во всякой производимой операции, например в поиске потерянного предмета, сама субъективная реальность имеет значение всего лишь окна-иллюминатора, а главное в этой операции составляют масса заранее выработанных и не всегда осознаваемых "шаблонов", цепи "навыков", множество инертных полуумозаключений, не проходящих через словесное оформление, типа: если предмет не уносили, то он не исчез сам собой, вероятнее всего, он там, а не там и т. д. Эти умозаключения реальны, но важна не степень их реальности, а соотнесенность с задачей. Вся приспособительная человеческая оболочка оказывается прибором, нацеленным не на некую реальность, а на выполнение тех или иных действий, соотносящихся или не соотносящихся с ясными или смутными задачами. Все то, что излишне для прагматического, как правило, выбивается из сигнально-рациональной оболочки сознания, отфильтровывается, остается незамеченным.

Сигнально-рациональная оболочка — это та часть приспособительной оболочки, какая еще может диагностироваться и констатироваться в самом сознании. Полный расчет координации движения, например, в сигнально-рациональную оболочку сознания (СРОС) не входит. СРОС — это только одна из границ человеческого сознания. К таким фикциям, как способности, умения, знания, память, язык, СРОС имеет только частичное отношение: во-первых, потому что перечисленный ряд незначительно посюсторонен, то есть незначительно находится по эту сторону наглядной данности, а, во-вторых, СРОС — это не сами феномены: образы будущего, образы прошлого, смещения сосредоточений и т. п., а границы этих феноменов, то есть СРОС — это вся струк-

тура сознания, как мегаструктура, так и микроструктура до предела разрешимости включительно. Если подходить к данному вопросу неформально, то становится ясным, что СРОС не может быть полностью отчленена от сознания и выделенность СРОС относительна, чаще касается конкретных феноменов, но не всей тотальности осознаваемого, при всем том, что СРОС по отношению к сознанию примерно то же самое, что эндоплазматическая сеть и мембрана — для клетки. СРОС — это не выделяемый полностью из сознания скелет сознания обычно-человеческого типа. Сигнальность СРОС, носящая характер близкий к мгновенным воспоминаниям, и возможна благодаря тому, что отрыв СРОС от чисто качественной феноменальности полностью не проведен. Вполне можно представить, что СРОС образуется за счет наслаивания частичности прошлых сознаний на сознания настоящие. СРОС не есть некое надсознание или "главное сознание"; наоборот, СРОС — это в достаточной степени разрушитель целостности сознания, гаситель интенсивности и дифференциатор. Чем структурированнее сознание, тем ниже его интенсивностная емкость и проницаемость. Этому правилу сопутствуют несколько исключений.

Одновременно с сигнально-рациональным в сознании присутствует и нечто иное — малорациональное, а, может быть, и вовсе не рациональное. С этим нечто коррелируют такие неусловности и условности, как степень возбужденности, активитет (не имеет значения, произвольный или непроизвольный), степень напряженности, спонтанность, импульсивность и аналогичное. Феномены наподобие удовольствие-неудовольствие сюда не входят, но само впадение в

состояние с наличием удовольствия или неудовольствия с этим рядом связано. Обозначим все эти малорациональные изнутри сознания явления рефлексивно-рефлексологическим или — для большей нейтральности и отдифференцированности от чисто бихевиористских ассоциаций как рефлексивно-рефлексное[4].

СРОС и рефлексивно-рефлексное ограничивают и формируют сознание с различных сторон и в то же время выступают в синтезе. Один из примеров такого синтеза связан с тем, что принято называть "долговременной памятью". Сама СРОС представляет только инертные воспоминания, воспоминания, диктуемые непосредственными ассоциациями и мгновенные воспоминания, то есть воспоминания, связанные прямо со СРОС, — это воспоминания привычки и последовательности, воспоминания персеверативно-ассоциативные, фоновые и фоново-ассоциативные. Только феномен новизны и долгое отсутствие в привычной обстановке позволяют в какой-то степени снять с сознания этого спрута. Освежение обыденного приводит на другом полюсе к ностальгическим ощущениям. Невзирая на фактуальность воспоминаний, мы отказываемся от рассмотрения каких-либо хранилищ информации в виде памяти — последние на метафилософском и чисто философском уровнях считаться существующими уже не могут, независимо от обнаружения каких-либо молекулярных структур памяти на соответствующем естественнонаучном уровне.

[4] Второе прилагательное как бы снимает когнитивный оттенок первого.

Непосредственную реальность, какая собственно дается человеку, мы называем областью психического схватывания. Все то, что в эту область не входит, но достаточно близко к ней, назовем психейным. Психейное уже не есть явная реальность. Более чем неуместно дробить психейное на всякого рода элементы типа способностей, памяти, установок и т. п. Единственное, что мы можем заявить: психейное есть подложка психического, то есть психейное — это метапсихическое, то метапсихическое, которое наиболее близко к психическому. Термин "психическое" мы дифференцировали и под психическим понимаем только реальность ощущений. В этом понимании психического термины "установка", "темперамент", "характер" относятся не к психическому как к мимолетной и эфемерной непосредственной реальности здесь-теперь, но являются вынужденными искусственными ярлыками, которые привязываются к попыткам фиктивно объяснить психейное и смоделировать его.

Не следует выяснять здесь принципы работы фотоаппарата и зрительного анализатора. Многие специалисты знают эти принципы, но тем не менее остаются наивными реалистами, считая, что непосредственно тот предмет, какой дается в субъективном, сам субъективным уже не является. Более продвинутый наивный реалист, являющийся одновременно и натурфилософом, будучи последовательным, должен был бы абсурдно считать, что за потолком, какой он видит, за небом, какое он видит, находится гигантская кора его собственного мозга, а на определенном удалении от этой коры — предмет-вещь-в-себе, предмет — прототип субъективного предмета.

Субъективная реальность может и не стать отправной точкой философии только потому, что соответствующего сосредоточения умственно не наступило. Апеллировать в объяснении настоящих ощущений к прошлым ощущениям бесполезно: полная наглядная вытекаемость одних из других не прослеживается. Тем более отсутствует непосредственно-наглядная связь между психическим и метапсихическим. Ощущения, имеющие место при тренировке и упражнении, имеют весьма косвенное отношение к самой сути тренировки и упражнения. Сознание оказывается чем-то вроде индикатора, спидометра, приборной доски при том, что находится вне его. Никто наглядный и заметный за этой доской не наблюдает. Даже ощущение "я" есть часть этой доски, а посюсторонняя роль этого "я" не более чем у красной сигнальной лампочки. Сознание не раздваивается и оказывается собственным самосознанием, то есть сознание и самосознание тождественны. Тем не менее мы не отождествляем денотаты таких терминов как "интроспекция", "самосознание", "рефлексия", "самонаблюдение": уже говорилось о возможности корреляций, параллелизмов в различных сознаниях одного и того же сознания и сощущениях. Поскольку способности, навыки, умения и прочее подобное не находятся в сознании и не находятся в том виде, в каком их представляют, вообще нигде, то и начала всякого прагматического функционирования — вне сознания, а отсюда и философия в своих прагматических звеньях не может исходить только лишь из сознания субъекта. Само философствование не могло бы быть начато без определенных засознательных корреляций. В данном случае очень легко указать на психейное, но пси-

хейное не дается прямым и непосредственным образом, а всякое его членение на области и структуры более чем сомнительно — оно не мозг и не псевдопсихика психологии. Главнейшее из сомнений может породить попытка пространственно-временного рассмотрения психейного. Даже такой привычный объект психологии и физиологии как долговременная память и в условном виде никак не может быть памятью или структурой, закодированной в некоем субстрате. Так называемая долговременная память — это сам тяж потока сознания, то есть это не память о том, что было, но то, что ощущалось когда-то. Сколь бы это ни было близко к наивному представлению о памяти — подобное не может далее связываться ни с наивными, ни с научными представлениями о "хранилищах" памяти в виде ящиков, голов, молекул, динамических процессов. Подобное чудище не может находиться ни в мозгу, ни в традиционно-психическом, ни в цельном психейном. Это наше предубеждение против вскрытия психейного связано не только с его "ноуменальностью", но и с вынужденностью его рассмотрения в самом начале изложения — забыть о нем просто невозможно.

Ясно, что какие-либо проекции прагматики или сознания на психейное более чем нелепы, по крайней мере, на данный момент. Обратные проекции еще менее возможны, если иметь в виду целое психейное. Приходится искать в самом сознании его собственные границы, а такими границами являются СРОС и рефлексивно-рефлексное. При этом последнее может считаться даже перпендикулярным сознанию — настолько косвенны способы его выявления.

Психейно-психический вопрос, он же в другой трактовке либо психофизиологический, либо психофизический, либо психосубстанциональный (под словом "психо" здесь везде, как правило, понимают только посюсторонность, но не психику как бессознательное) оказывается не столько вопросом или проблемой, сколько парадоксом. Этот парадокс возникает из неявного логического круга, совершаемого при попытках объяснений. Ситуация подобна той, когда в геометрии пытаются доказывать с помощью следствий из теорем аксиомы, на которых эти теоремы основаны, или той, когда с помощью генетики пытаются объяснить физику. Все человеческие сферы, независимо от их последующего условного или условно-прагматического обособления от человеческого сознания, остаются постпсихологичными. Можно сослаться на следующую аналогию: проведя сложную работу, мы будем иметь достаточные шансы на кино- или телеэкране отобразить инженерные принципы, на которых основано кино или телевидение. Никакого собственно логического затруднения здесь не возникает потому, что сам человек находится вне экрана, в то время как некие двумерные существа, являющиеся частью изображаемого на экране, достичь подобного отображения никогда бы не смогли.

И после снятия фикций абстрактного, при наличии воспоминаний, вполне заметны связи между различными непосредственными реальностями, не проходящие внутри самих непосредственных реальностей. Заметить репрезентацию этих связей в здесь-теперь можно и не строя каких-либо предположений о прохождении их через психейное; воспоми-

нания в локусе здесь-теперь относятся к локусу здесь-теперь.

Нет оснований считать, что СРОС и рефлексивно-рефлексное (в том числе мнестическое рефлексивно-рефлексное) включают в себя абсолютно все внутренние границы сознания и вбирают всю его приспособительную оболочку. Следовательно, мнестическая рефлексия, вероятнее всего, не ограничивается синтезом мнестического рефлексивно-рефлексного и СРОС. На практике это подтверждается возможностями сверхвоспоминаний, воспоминаний в виде абсолютного возврата. В данном случае большее значение имеет не поворачивание потока сознания вспять, а сверхсовершенное воспроизводство той или иной структуры (текста, большого набора случайных чисел, рисунка поверхности чего-либо и т. п.).

Если посюсторонне выраженную ограниченность субъективного сознания мы обозначим термином "феноум", то мнестическая рефлексия получит в качестве синонимического названия термин "мнестический феноум", то есть "мнестический феноумен", "мнестический феноменоноумен", если не делать сокращений. Именно благодаря мнестическому феноуму в сознании-реальности возможно симультанное восприятие мнестических и квазиамнестических смыслов[5], а также — явление символизации и символьности. Символьностью вообще вымощено сигналь-

[5] Квазиамнестические смыслы — смыслы, в той или иной степени лишенные внутренней структуры, соотносительности, представляющиеся "первично-витальными", дорациональными. Возможно существование смыслов и полностью лишенных связи с воспоминаниями.

но-рациональное, но из этого не следует некое обогащение мышления, расширение смысловой данности в конкретном здесь-теперь, хотя потенциально сама сфера смыслов при этом оказывается увеличенной. Изначальный смысл не образен, но интенсивен[6]. Экспансия символического в эту интенсивность снижает ее до минимума, до состояния, близкого к вырождению, и приводит к действительному вырождению в области собственно идей (области чистой идеальности).

Мнестические феноумы имеют прямое отношение к феноумам активитета, а часто и пересечение с ними. Наглядность такого пересечения резко падает при переходе от частного активитета к базисному. Причина этого — полная измененность сознания при смене такого активитета и достаточная степень амнезии. Базисный активитет выражается в гигантском количестве состояний — от состояния летаргии через сновидно-гипнотические состояния, состояния бодрствования различной степени возбужденности и оживленности до состояния судорожного припадка. Естественно, — речь идет только об отсутствии сигнально-рациональной выделенности, рациональной фиксируемости, но не об отсутствии пересечений вообще. Безусловное рефлексивно-рефлексное — это само базисное явление сознания; условное рефлексивно-рефлексное — это всякое домнестическое центрирование сознания; и, наконец, условно-условное рефлексивно-рефлексное касается

[6] Более наглядно этот факт предстает при рассмотрении классификации феноменов. Градации феноменов представлены в соответствующих разделах книги.

уже конкретно центрированного сознания и узкооперациональных сосредоточений, проходящих через пакеты непосредственных реальностей.

Нас интересуют не общие феноумы, а специфические, в особенности три из последних: феноум направленности-сосредоточения, языковой феноум и феноум неявной логики. Апостериорность первых двух в обычном сознании почти не опознаваема, апостериорности третьего вообще не может быть, по крайней мере, если имеется в виду он, а не его производные.

Первое начало философии исходит не из плоскости субъективного сознания самой по себе и безотносительной, но из заданности сознания помимо сознания. Отношение этого начала к ноуменальному может быть только указующим, но не объяснительно-структурным. Тем самым в качестве начала выступает не психейное, а граница между психейным и психическим (метасубъективносознательным и субъективносознательным). Все это связано с тем, что возможность ступать на тот или иной философский лужок вытекает не из психического, а из корреляций с метапсихическим, в том числе психейным. В качестве феноумности выступает не сама непосредственная реальность в своем чистом виде, но то в ней, что носит на себе явный отпечаток опосредованной реальности, является еще зримой окантовкой. Подобное рассмотрение редуктивно и обратно и не носит синтетически кругового характера.

Предфилософичность языкового формально касается только сознания с тривиальным базисом и с обычной сигнально-рациональной оболочкой. Отделение смысла от знака в языковых феноменах выходит за границы самих этих феноменов. Спаянность смысла и знака феноумным и дофеноумным

образует нечто общее: смыслознак. Под смыслом и знаком подразумеваются стороны реального психического смыслознака, не имеющего вполне четкой отграниченности от фактуры и здесь-теперь случайности, но вовсе не мифический знак кибернетики и лингвистики. Этот последний наукообразный знак был разоблачен еще в Древней Греции пирронистами (см. раздел 6.4.1). Действительно, в сфере науки под знаком понимается некоторый несуществующий предел, вырожденный помещением в сферу идеализаций, а потому и оказывающийся парадоксальным. В отличие от этого, психический знак реален, он не есть идея. Таким образом, под знаком можно непарадоксально полагать не некий фиктивный идеальный знак, но непосредственно конкретный чувственный знак, неотделимый от фактуры и индивидуального изображения. В подобном знаке явно потеряна наукообразная общность. Для того чтобы иметь нечто унифицированное, приходится знак превращать в смысл и искать логические пересечения знака как смысла всего ряда мыслимых знаков, однотипно обозначающих одно и то же. Не говоря о том, что подобная операция идеально-математична, можно заметить, что это пересечение будет уничтожать фактурную сторону знака. Тем самым мы вновь возвращаемся к смыслознаку. Корреляты смысла и знака поглощены, как поглощено и то, что дает воспоминания. Язык в узкоконкретном понимании реально может присутствовать только в самовосприятии. С этой точки зрения, фраза, произнесенная на незнакомом иностранном языке, как правило, не есть язык и не относится к языку в нашем смысле, так как представляет собой не смыслознак и не знак, а псевдознак, ибо знак должен что-

либо субъективно обозначать в своей спаянности со смыслом.

Не существует языка общества (в любом смысле), и не существует словарного запаса личности. Ясно, что все это даже не миражи, даже не идеальные фикции. Плоскость языка полагается в идеальном, но в своем полном виде она заидеальна, превышает статус небытия. Реальный язык в виде инертного восприятия речи — это конкретные смыслознаки, данные субъекту. За ними простирается граница поглощенности — и только. Попытка искусственного расчленения этой поглощенности через наличность рефлексивно-рефлексного превращается в попытку старта в идеальное (несуществующее). Можно видеть следующую иерархию: 1 — зафеноумная поглощенность, 2 — реальные смыслознаки, 3 — надстройка над всем этим — лингвистически понимаемый язык.

Ограниченность психической схватываемости в частном случае распространяется и на текстуальную схватываемость. То, о чем я говорил ранее, постепенно уходит из моего поля обозрения, но уходит не совсем, а оставляет после себя отрывочные воспоминания и указательные ощущения (мнестически сгущенную интенцию). Благодаря интенции и неупорядоченным воспоминаниям возникает окрашенная практицизмом уверенность в том, что существует плоскость изложения. Иллюзию наличности текста поддерживают ощущения с уменьшенной смысловой проницаемостью: общее ощущение-восприятие страницы, множества страниц. В них нет детальной расшифровки интенционностей. Легко понять, что непосредственно-реально плоскости изложения не существует, что она мнима. Я могу вернуться и перечитать предыдущий "текст", но только

когда я его перечитываю, я его расшифровываю, и он становится в своей частности языковым феноменом. При этом сама расшифровка запсихична, ее механизм не проходит через сознание; она дается задним числом.

Нас интересует среда, в которой находится изложение. Попытавшись ее найти, мы можем четко увидеть, что этой среды нет. Тем не менее ее практически полагают, и эта среда есть абстрактная положенность, фикция. Подобное носит характер не умопостигаемости, а чистой инертности, дикарской, обыденной абстрактности. Перечитывание текстов — это порочный опыт, так как опыт каждый раз единичен, а среда изложения выходит за единичный опыт. Создаваемая в сознании ссылка на положенность вызывает абстрагирование от свойств сознания. Это и есть не что иное, как идеализм практически направленного сознания. Диктовка элиминированных ощущений субъекта внешнему миру означает совершение алогического скачка, причем не умственно-сознательного, а рефлексологического.

Не только в изложении, рассуждении, но и во всем том, что дается сознанию, есть определенная архитектоника, связность, повторяемость. Одновременно сознанию даются и явления противоположные перечисленному. Менее связное всегда и менее осознаваемо (имеются в виду феномены), менее фиксируемо, менее запоминаемо. Однако и то, что мало улавливается сознанием, то, что малорационально, все же имеет некоторую связность внутри сознания, некоторую упорядоченность. Здесь можно отметить наличие разных слоев сознания. При всем этом нужно сказать, что тенденция к потере структуры не имеет никаких видимых границ, тенденция к потере связности ограничена связностью ткани сознания, то

есть абсолютная бессвязность вообще не может находиться в сознании. Маломнестичность, амнестичность, быстрота смены ощущений, так или иначе, предстают в том виде, в каком они предстают, невзирая на то, что формальнологический закон тождества к длению ощущений не совсем применим (см. раздел 6.2.1). Связность не обязательно должна быть рациональной связностью или предметовещеподобной связностью — мы имеем дело с более общими свойствами сознания. Говоря и о логических основах рассуждения, мы не должны подразумевать только искусственно созданные и искусственно выделенные логики. Можно видеть различного рода ологиченности ментальных явлений, без какого-либо отношения этих ологиченностей к силлогистике. Существует как бы априорная логика, задаваемая помимо сознания и помимо умственной деятельности, сама выступающая как примативный факт в среде других фактов.

Заставая себя на развернутом или неразвернутом использовании той или иной формализованной логики, мы вправе спросить: "А насколько оправдано само использование логики? Логична ли логика? Как логически доказать ее логичность?" Все это риторические вопросы, переходящие либо в парадоксы, либо в порочные круги. Традиционная формальная логика и известные математические логики — как классические, так и неклассические — сильно смещены в идеальную плоскость и оказываются либо игрушками, либо относительно удобными и относительно доступными моделями других логик — неявных и малодоступных. В частных случаях, на этих моделях можно проиграть и переиграть те или иные варианты умозаключений, перенести взаимоотношения между символами на технические схемы

и т. п. Эти модели обладают недостатками свойственными как моделям вообще (например, оторванностью от прототипа, а в данном случае — от реального мышления), так и специфическими недостатками: отсутствием подобия субстанциональности, атомарным характером своих членений.

Даже абстрактная и мнимая плоскость языка обладает гораздо большими возможностями, чем плоскости абстрактных логик. Заидеальность плоскости языка выражается в том, что явления языка не поддаются полному перечислению, реестрированию, парадигмированию и т. д. Собственно же реальный субъективный язык неотделим от самого наличного сознания, сцеплен с различными порядками образов и даже насыщен ими. В языке возможен эффект новосубстанционализации — новосубстанциональности, что особенно ярко можно видеть в поэзии. Рассматривая язык более широко (и не только как вербальное явление) через призму смыслознаков, смыслосимволов, мы уже не сможем провести абсолютной грани между смыслозначимым языком и смыслосуществующим сознанием вообще. Благодаря СРОС, смыслоговорящими оказываются почти все явления сознания; всякий предмет можно рассматривать и как знак: в меру означенной будет и эмоциональная гамма. Обычно-вербальные знаки и знаки жестов не смогли бы приобрести никаких значений при отсутствии уже предсуществующей рядоположенности значений в ментальном поле. Символизация данная извне, разумеется, усиливает СРОС, но для этого необходима спонтанная, естественная символизация. Богатство обычного естественного языка по сравнению с формальной логикой не только в том, что язык обладает большей вписанностью в человеческое существование, но, главным образом, в том,

что языковой арсенал не ограничивается только знаковыми связностями. Наличие натуральных смысловых связностей выявляет наличие в языке подспудного ряда логик.

Ологиченностью обладает не только языковое и смежное языковому, но в достаточной степени и все субъективное. Ментальная логика в широком смысле оказывается границей данности данностей. Эта неформализованная ологиченность не обязательно может быть рациональной ологиченностью. Всякая традиционная логика логична для чего-либо, но не для себя. Логика ничего не может утверждать о логике своих методов и построений, ибо это воспрещено самой логикой (порочный круг, саморефлексивность), а какой-либо топологически непрерывной с ней металогики мы не имеем, и примативные исходные пункты логики даны помимо нее самой. Логика как будто подтверждается практикой, но это мало о чем говорит, так как из мнестических археологических отложений практики она и выводится. Нужно отметить, что выведение логики из некой практики может происходить только иррационально-алогично. Допустим, что нам удалось неалогично вывести логику из опыта (пусть даже не нам, а некоторому очередному демону), но что значит вывести неалогично? Вывести неалогично означает вывести с помощью правил логики, но как мы будем выводить логику с помощью правил логики, когда сама логика еще не выведена? Интеллектуальная несостоятельность мыслительной предлогики видна достаточно ясно. Кроме того, практика здесь не есть реальное сознание или поток сознания, она — феноумно возникающее идеальное, то есть, с одной стороны — нечто совершенно мнимое, с другой — поглощенность зафеноумного. Умственное возника-

ет задним числом, как отрывочный протуберанец. Опора на фикции — только попытка облагораживания действительной опоры на феноумные элементы неразумия.

Ментальная логика присутствует уже в созерцании и в наиболее чистом виде представляет собой невербализованную, псевдосубстанциональную логику (логику ткани человеческого сознания). Ментальная логика не отождествляется со СРОС. Логическая сторона сознания является более фундаментальной, чем рациональная. Нужно заметить, что обычные умозаключения и суждения не чисто логичны, а являются синтезом логического и рационального. Фактуально логическое нельзя также отождествлять со смысловым и тем более — с логосным. Примативно-логическое выступает как дозаконие, граница присутствия как таковая.

Выведение абстрактных логик из неабстрактных происходит внелогично-скачкообразно. Между сознанием того, что мы либо видим какой-либо предмет, либо его не видим, и формальной аксиомой "из двух противоположных высказываний одно истинно, а другое ложно" лежит пропасть, и ее нельзя ничем заполнить, кроме как алогическим скачком. Если надо учитывать модальности, то неявная логика и здесь не проиграет, ибо, например, видение какого-либо нечеткого и не совсем опознанного предмета и не предполагает опознание, а представляет предмет в том качестве, в каком он есть.

Из изложенного выше можно сделать вывод о том, что первое начало философии, будучи единым глубинно, плюралистично-дивергентно в своих подходах к конкретному мировоззрению. Нет возможности проследить в этом начале какую-либо сплош-

ность-непрерывность, а потому в фактической данности это начало является разбросанным: оно начинается с отсубъективных сторон животно-рефлексологического и заканчивается метатеоретическими максимами (более подробно об этих максимах см. в следующем разделе). Наиболее просто первое начало можно сформулировать так: "Невозможно начинать поисковую мировоззренческую деятельность, не имея необходимых для этого условий, орудий, внутренних готовностей и проторенностей". Впереди начала мировоззрения как такового всегда будут язык и логика, существование самого мыслящего субъекта (мыслительной арены, мыслительного табло), возможность необходимых сосредоточенностей. Следовательно, первое начало философии представляет собой совокупность предначал философии; и все они редуктивно сводятся к границе между психическим и психейным, заданности человеческого сознания помимо самого сознания.

Прагматическая банальность первого начала философии оказывается мифом, как только мы переходим к языку метатеории, ибо сама прагматика при переходе к этому языку выявляет себя как одна из условностей-приблизительностей, "иррадиация" ощущений за пределы ощущений. Отказ от предпосылок обыденного, а затем и от предпосылок научного мышления неизбежен. Этот отказ не означает полного их отрицания, но обрекает мыслящего на действительный тет-а-тет с реальностью и на поиск собственной методологии. Эта методология прежде всего метанаучна, она не должна быть адекватна методам науки, но только — гомологична им по интеллектуальному уровню. Это последнее требование в более существенном смысле означает одновременную противоположность и симметрию философии и науки.

1.2 МАКСИМЫ

Каким бы общим по замыслу ни было то или иное мировоззрение, оно оказывается стихийным и частным, одним из возможных. Одна из причин этого — неуправляемость досознательными корреляциями, случайности в вариациях этих корреляций. Другая причина — доминанта отысторических интеллектуальных ситуаций. Разумеется, само высказывание "отысторическая интеллектуальная ситуация" по отношению к точке отсчета философских начал — не более чем метафора. Положение таково, что кажимость "научности", проходимости — по существующим на данный момент представлениям-конвенциям (весьма приблизительным) — той или иной философской концепции нисколько не спасает эту концепцию от фактической наивности, фантастичности, абсурдности.

Одним из принципов философской теории может быть нацеленность на отказ от собственно постулатов и на выявление подспудно закравшихся постулатов. Для редуктивной теории такой принцип не представляет ничего необычного. Логическая нить не может выходить из концептуального вакуума и быть привязанной к этому вакууму (имеется в виду когнитивное логическое), но это вовсе не означает обязательности постулатов. В рамках неабстрактной философии, далекой от аналогичности (в данном смысле) геометриям, место аксиом могут занимать другие опорные пункты, в том числе те или иные непосредственные соотнесенности с реальностью. Непосредственно дающееся не есть аксиоматическое, но становится аксиоматическим тогда, когда аб-

стрaктно выносится за свои пределы; однако последнее как раз и является неприемлемым для редуктивного мировоззрения. Чистая философия не есть решение задачи о том, как быстрее добраться из пункта А в пункт Б — подобные задачи характерны для науки и околофилософии, прикладной философии, а потому при всяком появлении призрака постулата всегда можно вернуться назад и попытаться методически отмыть то или иное явление до примативного. Агностицизм не исключен, но всегда может иметь место такая постановка вопроса, при которой выбор постулатов оказывается нелепым и представляет собой скачок из царства концептуальной философии в никуда. Неясности мировоззренческого выбора сами по себе служат философским эмпирическим фактом. Одно сводится к другому, а непосредственная реальность как она есть не нуждается в постулативных ходулях.

Потребность в аксиомах возникает при построении некоторых абстрактных теорий. Обычно мировоззренческое значение постулатов переоценивается. Это связано с исторически стихийным недоверием к чувственному. Чувственное якобы осквернено материальным, а потому оно не может служить достаточной опорой познания, чувства-де нас постоянно обманывают, а ум и умопостигаемое — нет. Умопостигаемое не умножает многократно чувственные обманы...

Ясно, что здесь шла речь вовсе не об умственном, какое есть то же чувственное, иночувственное, а — о небытном идеальном, небытийном идейном. Данные ощущений, в том числе умственных, переносятся в фиктивную область, отконцептуально-отссылочно изолированную от мира чувственности. Ввиду этой изолированности, этого прыжка через

небытие, логически никак не оправданного, а оправданного лишь отчасти прагматически, и возникает потребность в исходных принципах, достойных уважения, бесспорных, принятых, самоочевидных, "продиктованных свыше", имеющих авторитет, неизбежных, необходимых, весьма уместных и т. п. Часто эти принципы и перебрасываются в абстрактную плоскость из мира ощущений. При этом, ввиду первоначальных степеней свободы абстрактной теории, эти принципы деформируются, оказываются более общими, более расширенными (никакая чувственность не скажет, что две параллельные нити должны где-то пересекаться или не пересекаться[7]). Рано или поздно недостатки абстрагирования сказываются: возникает положение, когда постулаты меняются или отрицают сами себя. Чувственность показывает, что чувственное солнце постоянно стоит над чувственной землей; движение солнца или земли в реальном акте чувственной схватываемости не регистрируется — это первое. Второе: опрагматизированные мнестические и умственные ощущения переносят в плоскость представлений и практического рассудка утверждение: "Чувственное Солнце вращается вокруг чувственной Земли". Это не некие абстрактно абсолютная Земля и абстрактно абсолютное Солнце. Постулаты — не что иное, как временно-условное направление познания. Заблаговременная порочность постулатов видна достаточно. Аксиоматический метод может быть применен только к определенному разделу той или иной науки, но не к мировоззрению в целом, а тем более — к метамировоззрению.

[7] Подразумевается пятый постулат Евклида.

Аксиомами называют не только первичные принципы, — но и краеугольные. Например, положения А и Б — аксиомы, следовательно, иначе и быть не может, и спорить о положениях А и Б бесполезно, то есть здесь краеугольные положения переходят под видом аксиом в догмы. Пусть мы имеем некоторую аксиому: "Наличие у человека сознания не препятствует познанию". Как правило, подобное утверждение проникает в изложение в неявном, фактурном виде, но аксиоматизировать его более чем нелепо. В нем есть некоторый смысл, но вовсе не оттого, что происходит снятие очередных рамок, наложенных на познание, — в данном случае важно и то, что есть смысл и в высказывании ему противоположном: "Человеческое сознание препятствует познанию". В этом, а также во многих других случаях аксиоматизирование оказывается под запретом (для большей жесткости лучше употребить слово das Verbot). Аксиоматизирование дает не только неоправданные упрощения, но и приводит к абсурду, когда в изложении есть соотнесенности с неатомарными модальностями.

Изложение не обязано быть линейным: 1) те или иные позитивные утверждения в нем могут рассматриваться с различных сторон, в том числе релятивно; 2) от аргументов в пользу различных утверждений требуется различная доказательная сила; 3) возможны разделы изложения или блоки изложения, не имеющие логического значения для последующего материала или не являющиеся завершающими по отношению к тому или иному ходу изложения (эвристические, наводящие, разъясняющие, дающие условную модель).

Пусть мы имеем высказывание: "Объект А сплошь черный и одновременно сплошь красный". Человек способен к пониманию смысла такого высказывания, но он не сможет такой объект увидеть или конкретно необезличенно представить в рамках обычного сигнально-рационального сознания. Данный пример интерпретирует вполне наблюдаемый факт того, что логика вербального смысла, будучи сама не нарушена, может быть нарушена в отношении своей связности с теми или иными соотнесенностями. Нарушается именно рациональное, логика связностей, но не логика смыслов. Собственно примативную логику смысловых феноменов, как вербальных, так и довербальных, невозможно никоим образом нарушить, какие бы химеры ни творило воображение. Многие абстрактно правомерные, но далекие от непосредственных соотнесенностей связи смыслов (смыслы второго порядка) есть те же самые химеры, но подчиненные заведомо созданному набору правил. Вынесение денотативного из пределов реальности происходит не только из-за неадекватности исходных посылок, но и в силу абстрактности и жесткости теоретических разграничений. Нарушение связи смыслов или неправильная связь смыслов (луна есть слон и т. п.) вызывает явное ощущение несовместимости, но смысловые сцепления, далекие от непосредственного и близкого прагматического, не всегда способны вызвать подобные корректировочные ощущения. Это в синтезе с историко-философскими наукообразными сакраментальностями дает интеллектуальную анархию, пышный синдром курьезов, но во вполне подстриженном, приглаженном виде, вплоть до внешней кажимости абсолютной истины, да еще и с симптомами практической подтверждаемости. А последние нисколько не исключены, ввиду ограничен-

ности и разорванности фактически предстающего прагматического.

Логическая многослойность, представляя собой более дальний план, чем многослойность смысловая, имеет разрывы в точках рациональной произвольности обычно в тех случаях, когда один смысловой слой "отображает" другой смысловой слой. Строго говоря, никакого отображения нет — есть только игра подобий, проходящая непрямо: сходство различных слоев сознания объясняется не их взаимоотображением, но их общим происхождением. Одним из правил мышления в подобной ситуации должно быть правило переноса, согласно которому представленность ссылок и образов в одной субъективной среде должна быть согласована с разграниченностью явлений в более близкой к первичному и более зависимой от первичного субъективной среде. Под "первичным" в данном случае подразумевается не предполагаемое фундаментальное первичное, собственно базисное, но первичное применительно к сфере рассмотрения, первичное психического метаконтекста (в прямом, но не символическом, психоаналитическом и т. д. смысле). При всем этом осью философии не может быть ни традиционное гносеологическое, ни некое историческое, ни тем более культурологическое. Так или иначе гносеологическое является для нас первой ступенью, но оно должно представать не в препарированном и не в каком-либо другом абстрактном виде, но в виде конкретно-психологическом. Последнему препятствуют крайняя неразвитость, нерафинированность, с одной стороны, а с другой — условность современной общей психологии, отягощенной физиологизмами и психоаналитическими легендами.

Ограничения, накладываемые на возможность интроспекции, привели к отказу от профессиональной интроспекционной экспертизы, а последняя необходима не только как составная часть психологии или гносеологии, но и как самостоятельное явление, поскольку психейно-психическое соотношение неопределенностей невозможно каким-либо образом исправить прагматикой — оно всегда сохраняется.

ТРЕБОВАНИЯ, ПУТИ И ПРИНЦИПЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ КОРРЕКТИРОВКИ

А. НЕФОРМАЛЬНЫЕ

1. Интуитивное исправление отынтуитивного (рефлексивно-рефлексное, прямо не зависящее от какой-либо произвольности, требующее доумственной базы, доинтеллектуальной философской сосредоточенности, доинтеллектуальной философской проторенности).
2. Полнота рефлексивно-рефлексной тенденции, направленной на мировоззренческую корректировку.
3. Наличие широких спектров и дифференциации внутри мировоззренческих классов рефлексивно-рефлексного, в том числе постинтеллектуальных[8].
4. Априорный оптимум типологии восприятия.
5. Апостериорный оптимум типологии восприятия.

[8] Постинтеллектуальное — новообразованное доумственное, связанное с оценкой осуществления и осуществленности как собственно умственного, так и его производного — когнитивного рационального.

Б. ФОРМАЛЬНЫЕ

1. Нацеленность на отсутствие постулатов.
2. Нацеленность на уничтожение или размывание постулатов (вплоть до увеличения тенденций агностицизма и скептицизма, редуктивного упрощения).
3. Принцип продуктивного сомнения.
4. Принцип релятивизма.
5. Принцип средности — принцип выявления для каждого случая (рассмотрения) реальных или фиктивных сред.
6. Принцип границ абсолютизирования.
7. Принцип адекватности междусредного переноса.
8. Принцип отсрочки проводных положений (положений — связок граней мировоззрения, соответствующих (в том числе) связи каскадов реального; важность особого их рассмотрения и дополнительной переоценки по сравнению с второстепенными положениями).
9. Принцип отсрочки в аннулировании положений и принципов, являющихся новыми, неожиданными и находящихся в дисгармонии с уже принятыми принципами и положениями.
10. Эвристическое допущение альтернативных принципов, представлений и положений.
11. Признание необходимости поиска парадоксов, признание их как опорных пунктов философии.

В. СЛЕДОВАНИЕ ГРАНИЦАМ ПРИМЕНИМОСТИ

1. Научного.
2. Здравых смыслов.
3. Прагматического.
4. Сигнального.

5. Рационального.
6. Иррационального бесструктурного.
7. Логического.
8. Пралогического.
9. Использования данных субъективного сознания.

Г. СЛЕДОВАНИЕ ГРАНИЦАМ ПЕРЕДАЧИ И ГРАНИЦАМ ДОСТОВЕРНОСТИ

1. Психотипного.
2. Языкового.
3. Мнестического.
4. Ткани обычного сигнально-рационального сознания.
5. Ткани любого субъективного сознания.

2 "СУБЪЕКТ"

2.1 Я-СРЕДА И ЕЕ ДЕЛЕНИЯ

2.1.1 ПРИСУТСТВИЕ ПРИ КАЖИМОСТЯХ

Мне кажется, что я присутствую в некотором мире. Мне кажется, что я ощущаю нечто. Пусть даже ощущение — иллюзия, но и тогда оно все-таки реально, хотя бы и в виде иллюзии. Слова "я" и "мне" употребляют в звательном смысле. Этот указательно-символический смысл восходит к прагматике, а потому не является точным и однозначно определенным. Выражения типа "я делаю", "я вижу", "я желаю", "я мыслю" и т. п. есть общепринятые обыденные выражения, в которых допускается гомункулусирование "я" или сведение "я" к суррогату названия одушевленного предмета. Прагматико-приблизительное означение "я" приводит к величайшей путанице в сферах более специальных. Ввиду подобных деформаций и смещения смыслов, о "я" даже начинают говорить как о чем-то загадочном, как о некоем глубоко спрятанном объекте, или ставят знак равенства между понятием "я" и понятием "душа". Однако такие соотнесенности есть соотнесенности с безличным потусторонним и к собственно "я" прямого отношения не имеют. Не выходя из пределов наличности и даже прагматики, мы не можем говорить о "я" как о метафизическом всплеске. Тем более что речь идет о всяком здесь-теперь данном "я" с присущими ему рамками, а не о незримых расширениях этих рамок в иное. "Я"-в-ином — уже не есть натуральное "я".

В несуррогативном смысле словом "я" можно обозначить только ощущение человеческого "я". Это "я" — не имя и не ноумен, но один из самых доступных и наглядных объектов. Такое и только такое "я" обладает статусом реальности, причем реальности непосредственной. Потустороннее или хотя бы частично потустороннее "я", если это не именной суррогат, есть либо уже не "я", либо (что чаще всего) — традиционная фикция, миф, под которым каждый волен понимать всё, что ему угодно. "Я" — суррогат человеческого имени — есть только пустой звук, общее самообозначение человека, служащее для целей обыденных. Наше "я" обладает некоторым квазисубстанциональным денотатом, оно не заместитель какого-либо объекта, а потому в грамматическом плане фактически является существительным, а не местоимением в первом лице и единственном числе. Грамматическими признаками этого нетривиального слова являются несклоняемость, отсутствие соотносительности спряжению (обозначения "мне", "меня", "мы", "себе" и т. п. здесь отпадают) и кавычки.

Высказывания ["я" ощущает] и ["я" кажется, что оно ощущает] логико-грамматически не точны, так как призваны нести логическую нагрузку, которая не соответствует их форме. В высказывании ["я" ощущает] слово "я" пассивно, несмотря на присутствие глагола. "Я" лишено активности в тривиальном смысле. "Я" — это не человек, не субъект, не сознание в целом, не ощущение телесности как таковой. Ощущение "я" столь же просто и наглядно, как и ощущение розового света[9], но в отличие от последнего оно

[9] Еще раз напоминаем, что абстрактного света или цвета не существует.

интегративно, а не частно. Казалось бы, ощущение "я" есть бессознательная (нечеловеческая) абстракция, которая заложена в самом факте сознания. Это верно, но аналогичной априорной абстракцией является и ощущение кислого или соленого в виде их заданности как семиотических явлений. Многие ощущения (например, ощущение конкретного цвета) доступны только указанию и ссылке, их невозможно описать словесно, в то время как ощущение "я" сверх своей нативной доступности имеет при достаточной терминологической дифференцированности и относительную неуказательную вербальную доступность.

Ощущение "я" есть такое ощущение, от которого невозможно или, по крайней мере, труднее всего отвлечься. Это ощущение оказывается ощущением присутствия, то есть ощущением присутствия при ощущениях. Можно не видеть окружающих "предметов", можно сосредоточиться на чем-то и забыть на какое-то время о "своей" "телесности". Разглядывая, например, картину, можно забыть про собственные руки, ноги и сами глаза. Весь реально-доступный мир может состоять только из ощущения "я" и изображения на картине.

Приведенный пример вполне правомерен, но ввиду наличия психологических неопределенностей его не следует абсолютизировать.

Слово [я] (я-без-кавычек) есть только наименование (выражается местоимением в значении существительного). В частности, оно тождественно слову "субъект", если иметь в виду не "субъект вообще" и не кого-то находящегося вовне, а конкретный субъект внутри себя самого. Этот внутренний субъект действительно местоименен и по отношению к

конкретной реальности является условностью. Реальные объекты характеризуются тем, что существуют независимо от того, даны для них слова-обозначения или нет. Теперь допустим, что субъект в один прекрасный момент девербализовался, то есть потерял способность к доминирующей языковой сигнальности. Что получится в результате? Весь субъективный мир будет состоять из ощущений "я", внешних, внутренних и прочих ощущений (при весьма широком толковании слова "ощущение"), и никакого субъекта там не будет. Субъект — это условная оболочка, в которую все это вмещено. В процедуре, которую мы только что рассмотрели, нет ничего фантастичного и деструктивного. "Девербализация" здесь может означать только действительное неиспользование слов в относительно заметный промежуток времени.

Ощущение "я" — одно из тех немногих ощущений, которые в рамках способности опознания не меняются и не уничтожаются с изменениями непосредственной реальности. Оно оказывается цементом всего сознания. Его неформальной характеристикой является наглядная экзистенциальность. Если "я" есть цемент всех ощущений, то [я] или "субъект" — их застывшая пропозициональная рамка. И "я", и [я] пассивны. Их пассивность можно видеть в разном плане.

Кроме того, пассивным является и все субъективное сознание и всякая осознанность. Самоактивность, то есть самостоятельная активность, активность как таковая, а не просто изменяемость, приписывается сознанию вследствие как непоправленных грамматических форм, так и феномена суммационно-практической активности. Фактуально сум-

мационно-практическая активность выявляет себя как прагматическая условность — обозначение-сокращение. Какого-либо метатеоретического значения она не имеет, будучи незамкнутой на последовательные ряды феноменов. Те же ряды феноменов, которые реально присутствуют, могут содержать только ощущения волевых импульсов, сами по себе не являющиеся динамизаторами. Высказывания типа: "я захотел согнуть руку и согнул ее" относятся к примерам пресловутой суммационно-практической активности. Никакой связности между "захотел" и "согнул" нет — действительность здесь скрыта. Суммационно-практическая активность (СПА) — типичная иллюзия, возникающая задним числом при неправомерном разложении сознания на уровни, противопоставлении одних феноменов другим и смешивании сознания с его фикциями.

Мнение, что одно событие в сознании производит другое, есть хорошо известное принятие последовательности следования событий за причину и следствие.

Все сказанное относится и к "немеханической деятельности". Пусть я высказал какую-либо мысль, и, если я мыслю, я говорю, что ощущаю свою мысль. Именно ощущаю — если бы не было ощущения мысли, то мне не казалось бы, что я мыслю. То, что не есть ощущение, — того нет в сознании. Смысл же дается непосредственно-наглядно. Итак, я утверждаю, что мысль есть мысль-ощущение или, иными словами, ощущение смысла. Чисто формально мысли можно разделить на непроизвольные и квазипроизвольные. Последние сопровождаются ощущением волевого импульса. Этот импульс есть импульс-ощу-

щение, а потому не является проявлением деятельности сознания, а тем более "я" или субъекта.

Высказывание [мне кажется, что я присутствую в некотором мире] имеет в себе некоторую соотнесенность с психической схватываемостью, но это высказывание неправильно. В нем присутствует не совсем правомерное расчленение психических феноменов и тавтология. Оно сводится к высказыванию: [мне, моему субъективному миру, кажется, что мой субъективный мир присутствует в моем субъективном мире]. Миру реальных ощущений в целом никогда ничего не кажется, тем более ничего не кажется собственно ощущению "я". Ощущение "я" находится в той же сфере, что и все остальные ощущения, а не парит над ней, не смотрит на нее. Правильнее говорить не [я (субъект) ощущаю то-то и то-то], но [ощущение "я" сосуществует с таким-то и таким-то ощущением] или [ощущение "я" плюс такое-то и такое ощущение]. При этом я-местоимение — только суррогат или рамка. К последнему смыслу ближе высказывание: [в здесь-теперь-так сознании-калейдоскопе присутствуют такие-то и такие-то сознания-ощущения] — высказывание дано без топологических поправок.

Таким образом, высказывания типа "я действую", "я мыслю", "я желаю" неверны в данном контексте. Когда речь идет об ощущениях-мыслях, то они, как все остальные ощущения, автономны до определенной степени и, как все остальные ощущения, суть собственные самоощущения. Иные ощущения в неких своих ипостасях не мигрируют в ощущения смысла. Связность между собственно ощущениями смысла и прочими ощущениями не сознательная, а рефлексивно-рефлексная (см. раздел 1.1).

Кажущаяся координаторность, проективность, апперцептивность и несплошная перцептивность мыслей дается фактуально без передачи явной возникаемости этой фактуальности. Хотя мы прямо не отождествляем мысли с рационалами[10], выражающими отношения между субъективными предметами, а тем более — с суждениями, мы имеем в виду центральные ощущения смысла. Однако если говорить о тех ощущениях смысла, которые без особых сосредоточений спаяны с остальными ощущениями и разлиты в них, не требуют ни вербализаций, ни представлений, то нужно заметить, что их спаянность и разлитость носит досубъективносознательный характер. Например, разлитые ощущения смысла имеют прямое отношение к факту сознательности. Даже сама наличность ощущений связана с ними. Если мы заявим, что некое одноклеточное существо имеет химическое ощущение или некоторое суммарное ощущение, то этим мы должны признать, что оно обладает и разлитыми ощущениями смысла — в противном случае утверждение о наличии у одноклеточного существа ощущений ложно. Можно видеть, что разлитые ощущения смысла — атрибут любого ощущения. Разумеется, примеры с существами иной природы в данном случае могут иметь только иллюстративное значение — мы подчеркиваем значимость разлитых ощущений смысла и ощущений смысла вообще как для обычного, так и для измененного присутствия-в-мире. Любые сновидения, галлюцинации, "деперсонализации" этого не

[10] Принадлежность структурного восприятия, например, осмысленная предметная выделенность.

меняют. Измененными здесь оказываются только рационалы.

Смысл, на первый взгляд (кажуще) связанный с идеями, фактически связан не с идеями, а с неточными представлениями-ссылками на идеи. Осмысленность в той или иной степени означает выделенность, различенность, явность. Парадокс рациональной стороны смысла в том, что, выделяя, она вместе с тем и отграничивает, вычленяет — создается смысловая пленка, непроницаемая для смысла. Более глобально это означает то, что познание увеличивает непознаваемость. Осмысленность сплошь и рядом бессмысленна: выделено то или другое, но сама наличность того или другого оказывается внесмысленно непроницаемой, словно посторонней. Схватываемость психического логично-алогична.

Несмотря на недопроницаемость, психическая схватываемость полностью наглядна. Сознание бессознательно по отношению к себе в плане своего рождения: осознание бессознательно, но бессознательных осознаваний в то же время не бывает, поскольку неосознанное не есть сознание. Так называемые "бессознательные ощущения" не бессознательны, а либо амнестичны, либо слабо центрированы. Кроме того, употребляющие высказывание "бессознательные ощущения" иногда подразумевают вовсе не ощущения, а подпороговые раздражения, то есть нечто непсихичное в нашем смысле.

2.1.2 КВАЗИСРЕДА

А. КВАЗИСРЕДЫ

Совокупность всех внешних реально существующих ощущений мы называем квазисредой. Если предмет находится в зрительном поле, если он видится, то он квазисреден. Иными словами, если я смотрю на предмет и вижу его, то он находится в квазисреде; если я от него отворачиваюсь, то он исчезает из квазисреды.

Квазисредные ощущения — это полные натуральные ощущения, но не абстрактно-психологически вычлененные. Например, ощущение цвета вне иных ощущений реально почти не предстоит. Реальные ощущения — это всегда ощущения-восприятия, какими бы малыми они ни были. Ощущения квазисреды — это все зрительные и звуковые ощущения субъективного настоящего. Ощущения запахов, осязательные и вкусовые ощущения являются в той или иной степени пограничными между ощущениями квазисреды и ощущениями соматического облака.

Одним из интегративных ощущений квазисреды является ощущение движения и вообще изменений. В качестве интегративных ощущений квазисреды могут выступать ощущения других сред и самостоятельные интегративные ощущения.

Квазисреды подразделяются на квазисреды обычного бодрствующего сознания, квазисреды сновидений, галлюцинаторные и иные.

Квазисреды обычного бодрствующего сознания тяготеют к одному классу. Выражение "имеют только один класс" было бы здесь неверно, поскольку частичные выходы за его пределы вполне возможны. Например, вполне известен феномен псевдогаллюцинаций и другие проявления измененного сознания при достаточной сохранности и доминанте обычной СРОС.

Разнообразие здесь может возникнуть и за счет смешения различных типов квазисред.

Более богаты типы квазисред сновиденийные[11] и галлюцинаторные. Однако подробно описать эти среды не представляется возможным, ввиду малых мнестических рефлексий между квазисредами различного типа. Фактор амнезии тем сильнее, чем более дивергентны между собой сравниваемые квазисреды. Из сновиденийных потоков сознания запоминаются, как правило, те, какие более или менее похожи на тривиальный бодрствующий поток сознания, имеют в той или иной степени близкую к нему рационально-сигнальную выделенность.

Классы потоков сновиденийного сознания следующие:

1) Потоки сновиденийного сознания, рефлексивно-рефлексно связанные с "обыденным" сознанием. В них могут действовать те же люди и те же отно-

[11] Мы употребили термин "сновиденийные", но не "сновидные", ввиду того, что сновидными часто называют некоторые явления на фоне бодрствующего или почти бодрствующего сознания.

шения, что и обычно. Часто мнестическая связь основана здесь не на рациональном, а на ассоциативном и эмотивном.

2) Потоки сновиденийного сознания, не связанные с обычным потоком сознания, но имеющие ту же рациональную фактуру; то есть, если в них и действуют люди, то совершенно незнакомые в "этой" жизни, если в них есть дома и города, то совсем не из "этой" жизни. Общее с тривиальной квазисредой здесь только те или иные проторенности, законоподобия, уже начинающие выпадать.

3) Мифические сновидения. Обычные связи вещей здесь нарушены. В редких случаях преодоления мнестического барьера эти сновидения представляются совершенно фантастическими.

4) Ультрасновидения. В них нет ничего похожего на дома, деревья, лица. Это некий естественный абстракционизм. Действующее начало — некоторые сущности апрагматического порядка. К ультрасновидениям иногда приближаются младенческие сновидения, насыщенные одушевленными пятнами, змееподобными существами (но не змеями!) и беспредметными ландшафтами.

5) Прочие.

Могут существовать мнестические связи между сновидениями одного рода без заметного посредства бодрствующего сознания. Некое сновидение вполне может оказаться закономерным продолжением

другого сновидения, какое было по тривиальному отсчету времени более 20 лет назад.

Несмотря на возможность наличия в сновидениях полных аналогов звуковых ощущений, вербальное в них часто заторможено — действует некая передача мыслей между героями сновидений без посредства слов, наличествуют суждения героя без внутренней речи и т. п.

По структурированности и другим параметрам сновидения часто более сложны, чем обычное ви́денье: возможно снови́денье необычайно хитроумных узоров, чтение и писание романов во сне (иногда с последующим воспроизведением наяву). В сновидении вполне возможно и безо́бразное мышление. От всего этого не надо отгораживаться, традиционно указывая на якобы интеллектуально низкий статус сновидений — возможность мнестических иллюзий и иллюзий восприятия ничего не объясняет.

Некоторые сновидения объединяются в сновиденийные потоки — как бы самостоятельные внутренние жизни.

Обо всем этом нельзя не упомянуть, но тем не менее на роль исходного философского лужка могут претендовать только непосредственно переживаемые квазисреды в кажуще-доминирующем потоке сознания. Несмотря на всю сложность сновидений, на их связность друг с другом, наличие в них умозаключений и рационализаций, практически они имеют значение для мировоззрения только по факту своей растительной наличности, по своему тону и пролаганию.

Обычная квазисреда бодрствующего сознания может служить основой неабстрактных и абстрактных представлений, а затем — и основой создания фиктивных прагматических и научных сред.

Б. ЗРИТЕЛЬНАЯ КВАЗИСРЕДА БОДРСТВУЮЩЕГО СОЗНАНИЯ

1. Какая-либо точечная сосредоточенность здесь невозможна, но изменения в ней связаны не только с движением-перемещением, переменой положения, направления взгляда и т. п. — все относительно квазинеподвижное имеет малоуловимую подвижную фактуру: нормальные сцинтилляции, флуктуации, текучесть. Все эти микрозрительные феномены выступают как своего рода приметы стробоскопичности. Однако далее этих примет сравнение идти не может.

Микровосприятия не содержат однозначно определенных ощущений цвета и формы. Ансамбли микровосприятий существуют внутри почти любого ощущения объема или поверхности. Из суммационного сигнально-рационального зрительного сознания какие-либо микрофеномены обычно выбиваются, но тем не менее психическое "броуновское" движение вполне реально. Наиболее яркую его картину дают восприятия в условиях отсутствия источников света.

Полная темнота никогда не бывает полной чернотой. Темнота — это как бы материя зрительного восприятия, она оказывается не чернотой, а зрительным хаосом. Если не иметь в виду неизбежных наложений из других сред сознания, последовательных образов, то этот хаос имеет исключительно микрозрительную природу. Рациональное, а отчасти и неявно-логическое в зрительной квазисреде коррелируют с оптимумом освещенности. Если темнота иррациональна, малосигнальна, доинформационна и имеет специфическую ологиченность, отличную от

ологиченности обычного зрительного сознания (ментальная логика здесь рассматривается как граница данности вещей в виденности), то чрезмерная освещенность также уничтожает обычное сигнально-рациональное. На первый план может выступать не ослепляющий фактор, а контрастирование. При предельном усилении освещенности возникает нечто вроде цветовой относительности: ярко высвеченный однородный по цвету экран теряет свой цвет и может приобрести цвет источника света, экран сам превращается в источник света психически, но при наличии на экране нескольких цветов, а затем их одновременном сильном освещении цветоразличение имеет место. Наличие одного цвета как бы индуцирует наличие другого. Это компарационное граничное восприятие с недостаточно выработанной сигнальностью играет роль пародии на обычное цветоразличение. Цветовые иллюзии менее известны, чем иллюзии формы, размера и опознавания, но связанные с ними формальные принципы почти те же.

Следует заметить, что все зрительные иллюзии зрительно реальны. Чувственный карандаш, наполовину опущенный в чувственную воду, реально-зрительно сломан. В том, что все зрительное есть нормальная иллюзия, сомневаться не приходится. Конституциирование этой иллюзии — вполне в рамках СРОС.

Рефлексивно-рефлексное, проступая через мнестическое и микромнестическое (инерцию квазисреды), а также через сосредоточение-рассредоточение, способно приводить зрительное сознание к определенному статусу, несмотря даже на те или иные

искажения восприятия, изменения условий восприятия (например, искусственную перемену "верха" и "низа"). Возможность самоподстройки и сохранения статуса не распространяется на изначальную предрасположенность к иллюзиям. Эти иллюзии можно рассматривать как своего рода зрительные парадоксы, вытекающие не из неких недостатков или погрешностей как таковых, но из компенсаторных способностей, сглаживающих эти недостатки. Естественно, парадоксами не могут считаться иллюзии фактурного характера (перспектива) и патологического характера (например, диплопия).

Однако, говоря о квазисреде, само слово "иллюзия" мы вынуждены взять в кавычки. Критерием иллюзорности в обычном случае является прагматика. Указывать здесь на антифилософский характер прагматики не имеет смысла — достаточно того, что собственно квазисреда никогда не может поверяться квазисредой; то, что было квазисредой, — сейчас уже не квазисреда. То, что видится, — то и есть квазисредная истина.

Зрительное сознание последовательно-пассивное (при суммационной активности) с прагматической точки зрения не кажется инородным наростом, проявляет себя как прибор прицела и индикации. Тем не менее никакие эксперименты (область прагматики) не смогут доказать, что зрительное сознание не есть эпифеномен, поскольку всякого рода переадаптации могут соответствовать переадаптации иного, а зрительное сознание имеет шанс быть отбросом этого иного. Самоосознаваемость и многосложность не являются гарантией противоположного.

Зрительные ощущения коррелируют со многими другими ощущениями, в том числе с ощущениями во-

левых импульсов, недистантных и дистантных осязательностей. В квазисреду входят зрительные соотнесенности ощущений соматического облака. Тем не менее эта многосвязность остается несамостоятельной, несамодовлеющей — сознание заслоняет собой свое происхождение. Указанные корреляции, практически отмечаемые, являются не только антифилософскими, но и антипсихологичными (при использовании термина "психика" с учетом разделения на "психическое" и "психейное").

На зрительную квазисреду наложены проекции из других сред. В ней самой разлиты недифференцированные диффузные волевые, эмотивные и смысловые ощущения. Сверх того, на нее проецируются эти группы ощущений в своем специальном виде.

Зрительное сознание недопроницаемо, несамостоятельно, неполно, несамовытекающе. Его трудно дополнить до какой-либо цельности. Если многие смысловые и эмотивные ощущения имеют тенденцию к монистичности, при экстраполяции их дополненности, то зрительное сознание трудно как-то дополнить, оно плюралистично и в лучшем случае наводит на различные атомистические гипотезы. Какая-либо попытка усиления зрительности приводит только к продолженной зрительности.

Антимонистичность зрительного связана со зрительной структуральностью. Эта структуральность имеет четкий сигнально-рациональный характер (в том числе в сновидениях), который совершенно исчезает в микровосприятиях и граничных восприятиях, заменяясь иррациональностью. На пределе зрительной разрешимости (по времени и по протяженности) исчезает не только рациональное, но становится неопределенной и сама ментальная логика.

Собственно психологическая интерпретация стробоскопических эффектов не должна упираться в физико-прагматическое. Можно видеть, что иерархии рациональных выделенностей нисколько не касаются начальных сцинтилляций, флуктуаций, призрачностей. Существование зрительных рационалов проходит через волны неопределенности, через массив зрительных феноменов с коротким периодом субъективно выделяемой жизни. Это своего рода стробоскопия третьего типа.[12] Тем не менее рациональность имеет здесь явно досубъективный характер — делать на микрозрительное слишком большой акцент было бы опрометчиво. Однако вполне можно говорить об обращении процессуального в протяженностное и структурное. На кажущийся зрительный локус времени рядового восприятия приходятся 2–3 спонтанных колебания всего зрительного поля. Локус времени зрительности вообще совсем иной, чем локус времени зрительной рациональности. Локус рациональности здесь совпадает с локусом опознания. Тестирование локуса путем предъявления объектов и напечатанных слов не может иметь какого-либо теоретического значения ввиду иерархичности рациональной среды.

Зрительного материала недостаточно, чтобы судить о его исходной плюралистичности или об исходном расщеплении чего-либо цельного.

Условно зрительное можно подразделить на составляющие из форм-структур, объемной или поверхностной консистенции (блеск, матовость, фактура, текстура и т. п.), цветности и другие. Однако, как уже отмечалось, реальное зрительное ощущение —

[12] По сравнению со стробоскопическими эффектами, наблюдаемыми в технике.

всегда и восприятие. Восприятие цвета и света вне иных зрительных составляющих достаточно экзотично.

Если по физическим кажимостям основа всех цветов — белый свет, то психологически основа всех цветов — совершенная темнота. До некоторого предела увеличение психической "светности" коррелирует с рационализацией зрительного поля. Чем сильнее освещенность, тем обычно менее заметны микрозрительные элементы, находящиеся в психическом "броуновском" движении.

Психическая зрительная темнота протяженна, но не двумерна и не трехмерна, а ее подвижные элементы негеометричны. Они явно не точки, но о них нельзя сказать, протяженны они или нет, то есть они нерациональны и, более того, возможно, дологичны. Все это касается рядового восприятия без каких-либо специальных сосредоточений. При попытках намеренной интроспекционной экспертизы в темновом зрительном восприятии кроме этих зрительных квазимолекул можно выделить некоторую сетчатую структуру, мозаичность. Элементы сетки являются ячейками, не переходящими одна в другую. Они более светлы, чем остатки протяженности между ними. При различных других условиях, механических раздражениях глазных яблок и т. п. может даже возникнуть предположение о возможности виденья собственной сетчатки. Здесь не идет речь о каких-либо фантомных ощущениях. Промежуточным между описанными феноменами и фантомами является виденье более крупных и более ярких вспышек или, наоборот, появление более крупных темных пятен наподобие "угольных мешков" Млечного пути, борозд и т. п.

Микрозрительные элементы могут быть тусклы или обладать почти всеми цветами радуги. Все это наблюдается при отсутствии цветовой однозначности: в "сцинтилляциях" как бы нет разницы между цветом и светом. Совокупность квазицветных элементов суммационно производит общее ощущение темноты. Восприятие темноты и ее элементов — один из примеров для установления топологии сознаний.

Другой крайний случай зрительного восприятия — это восприятие пучка света в его эпицентре, то есть восприятие самого излучающего участка в квазисредном источнике света. В предельном случае этот участок бесструктурен и однороден, внутренне недвижен. Квазисредно "источник света" — это не свет и не источник света, но источник чего угодно другого: энергии, антиэнтропии. Источник света выступает как разграничитель полярностей, фактор разделения того, что уже заведомо присутствовало в темноте, но было смешано, аморфно. Темнота — это пустой включенный экран зрительного сознания.

Никакой светности не может быть не только у идеи длины волны, но и у условно обытиенной длины волны. Если темноту назвать зрительным вакуумом, то ее элементы окажутся спонтанно возникающими и исчезающими квантами зрительного поля. То, что называют источником света, выступает квазисредно как источник напряженности, формообразующий искривитель зрительного пространства.

Тем не менее элементы зрительного сознания — всего лишь квазиэлементы, ввиду их неполноценности и, по крайней мере, субъективно данной поверхностности.

2. Зрительная квазисреда не является ни евклидовой, ни трехмерной. Зрительные объекты трехмерны только в своей рационально-суммационной выделенности. Взятые вне корреляций с тактильно-кинестическим, не как прагматическое сигнальное, они теряют стереометрическую определенность. На двумерном плоском изображении или в зеркале можно воспринять нечто трехмерное, но многомерность несет уже и чистый холст, и обычная серая стена.

Не отождествляя протяженность и протяжение, протяженность и пространство, далее мы придаем термину "пространство" меньший логический объем, чем термину "протяженность". Порождается благодаря этому некое неокартезианство или нет, нас не интересует, — отказываясь, как видно из вышеизложенного, фетишизировать телесность, мы тем не менее признаем актуальность декартовского парадокса пустоты. Пусть это будет "картезианство" с поправкой на бестелесность и непространственность.

Пространственность имеет отношение не к чистому зрительному, но к сигнальной выделенности, а эта выделенность может быть совершенно разной. Получается, что одна и та же протяженность порождает различные пространства. Кроме подобных частных ощущений протяженности существует и общее. Общее ощущение протяженности — уже не квазисредное, а интегративное ощущение.

Участок зрительного сознания (именно участок, хотя и апространственный) суммационно вполне может образовывать собой нечто явно трехмерное; в другом случае он, в ряде представленностей, может считаться искривленной двумерной плоскостью, са-

моосознающейся; с учетом микрозрительного и в волнах микрозрительного он неопределенномерен, чуть ли не бесконечномерен.

Суммационно двумерными могут считаться быстро предъявляемые и быстро исчезающие объекты, а также предметы в особом ракурсе, например, если грани прямоугольного предмета скрыты за одной гранью. Мир выявляет себя как суммационно двумерный в опытах со стабилизацией сетчатки (путем оптико-механической стабилизации или путем обездвиживания глазных мышц). Однако при отсутствии исключений, ограничений поля зрения, зрительная среда стереометрична.

Какая-либо определенномерность сразу исчезает при попытках более строгого рассмотрения зрительности в самой себе. Внутри "двумерной" поверхности белой стены и "трехмерного" воздуха оказывается явным как бы дополнительное пространство с неопределенной измеряемостью, подобно неопределенной измеряемости пространства запаха и его проекций, призрачное.

Призрачны границы зрительного сознания и "расфокусированное" зрительное сознание. Призрачность заключается в диффузном понижении проницаемости сознания, в составлении чего-либо протяженноосознаваемого из провалов опознаваемости, сосредоточенности, понижении иных характеристик, свойственных оптимальному зрительному восприятию.

Нетрехмерность зрительного сознания еще и в том, что это сознание не является полноценной протяженностью, не похоже на протяженности фиктивные, геометрические.

Одно из свойств зрительной квазисреды — перспективность (психический прототип закона квадрата расстояния), а с этим свойством связано свойство сфероидальности. Куполообразность звездного неба и вообще неба не диктуется свойствами его предметоположенности. Мнимо куполообразна темнота и общее незрительное ощущение пространства. Призрачно-шарообразен весь психический мир. С одной стороны, призрачное уничтожает границу сферы, делает ее неопределенной, с другой — призрачное размывает контуры чего-либо, ограничивающего дальние горизонты видимости, восстанавливая сфероподобность.

Гомункулусов-наблюдателей в сознании нет, и некоторые из восприятий, в том числе экспериментальных, позволяют выдвигать гипотезу о том, что зрительное сознание не шарообразно, но представляет собой внутреннюю поверхность весьма малой сферы (по сравнению с иллюзорно огромными апперцептивно-стереометрическими горизонтами). Парадоксальность в том, что внутри сферы нет ничего, даже пустоты менталитета, и в том, что сама внутренняя поверхность сферы отнюдь не есть искривленная двумерность в чистом виде. Как уже отмечалось, неопределенномерность сознания вполне актуальна, и само высказывание "поверхность сферы" имеет только статус приблизительной локализуемости. Таким образом, "сферическая гипотеза" означает нематематичность поверхности этой сферы, наличие некоторой малой толщины у нее, то есть расположение мира с неопределенномерностью между двумя концентрическими сферами, расположенными весьма близко друг к другу.

Антифилософское значение "сферической гипотезы" заключается в наукообразности последней. Один из признаков наукообразности здесь — наличие подстановки опыта: двумерность воспринимаемого определяется путем тех или иных ограничений, вносимых в восприятие, с последующим распространением наблюдаемого на всякое восприятие данного класса. Примерами подобных опытов могут быть опыты со стабилизацией сетчатки, а также опыты с изменением локальности воспринимаемого при использовании зрительных труб, микроскопов и даже просто ограничителей угла зрения без всякой оптики. Видимое в последних случаях может казаться находящимся непосредственно в "сетчатке", "мозгу" — границы видимости как бы совпадают с границами психически существующей соматики. Пропозициональность подобных опытов касается только подобных же опытов, но не опыта восприятия вообще. "Сферическую гипотезу" приходится иметь в виду только потому, что цепь подстановок здесь не достигла еще обычного для естественных наук абстрактно-прагматического масштаба.

Иллюзорная реальность есть также реальность (в качестве иллюзии). Как мы увидим в следующих разделах (пример квазисреды это делает уже ясным), даже реально-иллюзорный психический мир вовсе не шарообразен в обычном смысле из-за отсутствия в этом шаре "ядра", наличия в его центре области психического вакуума. Следовательно, вся разница между протяженностью сред сознания и протяженностью согласно "сферической гипотезе" заключается лишь в масштабах и дистанциях — стереометрическое кольцо здесь имеет только кажимостно разную толщину. Мы не будем здесь обсуждать возможность поглощения этой разницы апперцептивной ин-

тенциональностью. Ясно, что любой феномен, в том числе внутренний феномен, при попытках его локации неизбежно овнешнивается. При наличии и локации центрированного внимания имеет место обрыв замкнутой шарообразности (пространства внутри шара), а поскольку границы этого обрыва не предстают, оказываются поглощенными, то психическая протяженность выглядит карикатурно сходной с римановым пространством. Без десосредоточения, децентрации в нем невозможно даже проведение или поставление непересекающихся замкнутых прямых[13].

Это сходство, а также сходство осознаваемостей с некоторыми математическими топологиями (например, антидискретными топологиями) не следует возводить в правило или абсолютизировать каким-либо иным способом.

У квазисреды масса других более зримых показателей ее неевклидовости, в том числе перспектива, — вычерчивание картинок с ходами лучей, с целью сведения видимости к физическим трюизмам, абсурдно относительно самой наглядной видимости.

Изменения в зрительном сложно-наложены, и это не только "предметно-телесные" изменения. Зрительность дается в размытых и не соответствующих друг другу локусах времени. Зрительная хронизация не охватывает все зрительное целиком, но существует для каждой частности изнутри ее самой и изнутри каждой зрительной выделенности. Все возможные наложенности сходны несколько с наложенностями небесной механики (есть качественные, флуктуационные и тому подобные исключения). Наличие ощу-

[13] Прямые геометрии Римана

щений различной степени интегративности дает градации дленности[14] от еле заметной и вырождающейся — до полного отсутствия субъективного времени в том или ином ощущении. Самоосознаваемость каждого из ощущений делает его самого критерием собственной дленности. Другой критерий — критерий длительности — компарация частных ощущений в интегративных ощущениях (наблюдатель-гомункулус отсутствует).

Апрагматически квазисреда оказывается желеобразной обволакивающей калейдоскопичностью и голографией "твердой" на ощупь. Эта мельтешащая среда кажуще непрерывна во времени и в пространстве, из-за наличия малоосознаваемых обобщений с иллюзорной истинностью.

Ввиду мгновенных амнезий и мнестических иллюзий, неизбежного распространения близкого и далекого прошлого на настоящее, неуловимости самого локуса времени, квазисреда является неполноценно реальной средой в том качестве, в каком она предстает. Поток же квазисред есть не только нечто нереальное, но даже и не есть нечто идеальное. Он — поглощенность. Какая-либо расшифровка этой поглощенности, реставрация, трансцендентальное узрение и т. п. при условии первичности целого по отношению к части, может и не приводить, вследствие указанных причин, к потоковости или склеенности квазисред, к подобию их ментальному про-

[14] В отличие от длительности, характеризует не разные восприятия, но сравнительно постоянные ощущения относительно быстроизменяемых, удержание постоянных ощущений, их отмерянность в потоке.

странству-времени. Топографическая прагматическая склеенность продолженных ощущений при этом не имеется в виду — она заведомо разоблачает сама себя — речь идет не о "вещах в себе", а о континууме ощущений как объекте.

Будуще-прошлый поток сознания, как бы он ни представлялся из здесь-теперь сознания, проглочен и неестественен, хотя и может полагаться в некотором роде истинным — истинным вразбивку, истинным в качестве базы воспоминаний или как сами эти воспоминания. Ввиду этой асознательной проглоченности, недопроницаемости, непредставимости в качестве собственно самого себя, говорить о прерывании или непрерывании потока сознания бессмысленно. Поток сознания является не только субъективно-непротиворечиво непредставимым, но никогда не выступает и как нечто прагматическое, как собственно продленное сознание. Кажимость потока сознания — это только общее жизнеощущение плюс мнестическая интенция. Экстраполяция этой кажимости проистекает не из квазисред в чистом виде, а из инерционной схватываемости пакета квазисред.

В. ЗВУКОВЫЕ ОЩУЩЕНИЯ И СРЕДЫ

Звуковые ощущения гораздо ближе к протоощущению, чем зрительные. Наличие в них двух слоев осигналенности более явно. Реактивная осигналенность звуковых ощущений весьма слабо подвержена анализу на предмет ее апостериорности или априорности. Первичная осигналенность может и не иметь никакого биологического значения (завывание ветра в трубе, гудение трансформатора, звуки капающей во-

ды и т. п.) — при всем этом мы имеем в виду не звук как проявление чего-либо, но его тоническую наполненность, примативную одухотворенность.

Оструктуренность звукового почти призрачна. Попытки музыковедческого оструктуривания малоспособны охватить звуковую данность целиком и полностью. Между тем оструктуренность звукового имеет в себе гораздо большие спектры, чем оструктуренность зрительного.

Значение звуковых ощущений в прагматическом отношении, как правило, недооценивается. Бытует расхожее мнение о том, что 99% всей информации человек получает через зрительный анализатор. Естественно, при этом не учитывается качество и значимость информации. Кроме того, постановка опытов для выявления, откуда и как поступает информация, сколько этой информации проходит и по каким каналам проходит, весьма сложна, тем более что необходима еще и статистическая обработка, привязанная не к условиям эксперимента, а к онтогенезу.

Всякого рода естественные и искусственные звуки, не носящие обыденно-сигнального значения, воспринимаются как белый шум, а иногда и называются белым шумом, но обычно никому не приходит в голову назвать белым шумом подавляющее большинство зрительных ощущений. Звуковая сосредоточенность, в отличие от зрительной, носит более насильственный характер и, соответственно, более значимый. Постороннее звуковое чаще является вредоносным фактором, чем постороннее зрительное. Если мы выделим из всего зрительного только операционально значимое, то количество всей "зрительной информации" резко сократится.

Именно звуковые ощущения оказываются первичными носителями информации надобщения. Само наличие "текстов" связано с запускающим воздействием звукового. Человеческое мышление, в своем каноническом виде, целиком и полностью коррелирует с внутренней речью — внутренней представленностью звукового.

Поэтому звук, так или иначе, более пластичен, более передает как рациональное, так и иррациональное (например, эмотивное-в-себе), чем зрительное, если, конечно, не учитывать, что опора на зрительное при передаче рационального в любом случае подразумевается.

Мнение о том, что звук одномерен и имеет только одно измерение — по времени, необоснованно. Субъективно он иногда не имеет никакого измерения по времени (устойчивый микрофонный эффект, тон звукового генератора и т. п.). Субъективное ощущение звука (о чем, собственно, и идет речь) может быть совершенно не изменяющимся, константным — одна и та же "звуковая форма" или одно и то же "звуковое коленце" (в ином случае) протяжены по пространству, но не по времени (инерционность восприятия). Ощущение плывучести звука — ощущение уже не звуковое, а сцепленное с неизменяющимся звуком и изменяющимся остальным субъективным миром.

В пространстве-протяженности звук не является чем-то точечным, а по числу измерений явно превышает зрительность. Кроме того, звуковые ощущения не даются поверхностными по кажимости, звук выходит как бы из глубины вещей. Разумеется, пересубъективирования подобных кажимостей суще-

ствуют, но не уже, чем до границ малой сферы восприятия, границ соматического облака.

Несмотря на всю возможную апрагматичность звукового, на возможность наличия звукового мира, превышающего по богатству данностей мир канонических эмотивностей, в музыке чрезмерное значение придается попыткам этносного осигналивания. Это осигналивание выражается в рефлексивно-рефлексном биологического толка, попытках звуковой передачи тех или иных обыденных явлений, текстов, а также косвенно — в простой звуковой демонстрации устройства музыкальных инструментов. Осигналивание часто означает притупленность. Классические и неклассические бравурности, вспенивания, грохотания, пасторали, сюсюканья и т. п. и есть непримитивно-примитивная рационализация, совершенно необязательная. Собственно искусством оказывается то, что все-таки прорывается вопреки всему названному балласту.

* *

Протяженная тишина представляется белой темнотой. Этот звуковой вакуум наполнен не только слуховым фоном полусоматической природы, но и фоном, похожим на тот, какой имеет морская раковина. В нем есть нечто от тютчевского гула. Звуковой вакуум более призрачен, чем зрительный, и его "броуновское движение" — это действительный предел восприятия.

Звуковое часто предстает не только в виде акустических вспышек, всплесков, ударов и т. п., но и в виде целой среды. Эта среда, как и зрительная среда, имеет тенденцию к сфероидальному замыканию мира.

2.1.3 КОНТАКТНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ И СРЕДЫ

А. КОНТАКТНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

Все субъективные среды можно разделить на реальные и фиктивные; реальные ощущения, в свою очередь, делятся на "рецепторные" и "нерецепторные", "внешние" и "внутренние", интегративные и неинтегративные. Многие из этих подразделений, в особенности отмеченные знаком кавычек в предыдущем предложении, достаточно условны. Термин "рецепторное ощущение" (или "рецепторная среда") мы никак не можем относить к связанности ощущений с физиологическими рецепторами, тем более что далеко не всегда соответствующие параллели проведены. Рецепторными ощущениями (или более благозвучно, но менее точно — рецептивными ощущениями) мы называем все неинтегративные ощущения, за исключением ощущений-представлений, то есть неинтеллектуальных представлений. Естественно, при этом мы никак не собираемся проводить или отменять коррелированность представлений с рецепторами. При необходимости можно было бы говорить об афферентности и об эфферентности.

К рецепторным ощущениям мы относим звуковые, зрительные, осязательные, тактильные, вестибулярные, гравитационные, обонятельные, вкусовые, температурные и ощущение соматического облака. Возможны также всякого рода малоописуемые ощущения типа хронометрических, геодезических, электромагнитных (за пределами светового диапазона). Существуют также ощущения сухости, влажности, маслянистости, затылочное "виденье" и т. п. Ощущение при прощупывании чужого пульса —

это не только тактильное ощущение — правильнее его было бы назвать транссоматическим. В соответствующих условиях слышать можно не только непосредственно ухом, но и всем телом, и это будет не только лишь слышание.

"Твердость" и "мягкость" вполне можно "осязать" и дистанционно — с помощью постороннего предмета, как, впрочем, и форму, и это будет не столько осязание, сколько экстракинестичность. Само осязание оказывается микрокинестичностью, а его высшим органом — вовсе не кончики пальцев, а язык.

Все (или, по крайней мере, почти все) рецепторные ощущения, кроме звуковых и зрительных, с достаточной степенью правомерности можно назвать контактными. Это либо контакт-соприкосновение (ощущение твердости), либо тонкий контакт (обоняние), либо самоконтакт (ощущения соматического облака).

Экстракинестические и тактильные ощущения придают психологическому миру псевдоматериальность, рефлексивно снабжают зрительное степенями прочности, но сами по себе они достаточно призрачны. Так для зрячего в темноте и твердая стена — не совсем твердая стена. Общая рационализация опирается на синтез всех ощущений.

Имеет некоторый смысл называть обонятельные и вкусовые ощущения хемоощущениями. В определенном классе случаев обонятельные и вкусовые ощущения неразделимы, взаимокомпенсаторны.

Обонятельные ощущения протяжены, но негеометричны, обладает еще большей призрачностью и многомерностью, чем звуковые. Потенциально они более богаты, чем представляются. Обычно они образуют фрагменты среды, но не полную среду, ос-

таются малоструктурными, вернее, неопределенно-структурными, маломнестичными, малопредставимыми (представить, например, сколько-нибудь развернуто тот или иной запах, как правило, нельзя[15]).

Возможен незрительный и незвуковой каркас эстетического, но из-за амнестичности и эфемерности соответствующих ощущений это редко имеет какое-либо гуманитарное значение.

Причина амнестичности хемоощущений вполне ясна и заключается в оборванности сигнально-рациональной оболочки. Если контактные хемоощущения и имеют сигнальное значение, то только узкое, однозначное. Экзистенциальное отчуждение сред сознания в том, что наиболее богатые среды отчуждены сигнально-рациональным, а менее богатые редуцированы почти до исчезновения. Во всем этом имеется закономерность. Однако бедность хемосред не снимает возможности реанимирования богатства конкретных спектров ощущений обоняния и вкуса.

Сам термин "хемоощущение" избран нами как дань эволюционизму — здесь можно было бы говорить о квантово-молекулярном ощущении — при желании проводить какие-либо натурфилософские корреляции. Такие корреляции преждевременны, а отсюда и термин "хемоощущение" не имеет, по нашему представлению, никакого отношения к химии, а равно и к физиологии. Если угодно, здесь идет речь не о химии, а о психохимии, что никак не соединимо по существу, невзирая на длинноты параллелизмов.

[15] Подробнее см. раздел 2.5.5.

Б. СОМАТИЧЕСКОЕ ОБЛАКО

Казалось бы, ощущение соматического облака (ощущение собственного тела) — самое телесное из ощущений, но в действительности оно — одно из самых призрачных. Конечно, мы имеем в виду собственно ощущение соматического облака или его частностей, но не косвенное ощущение тела через зрение или осязание.

Ощущение соматического облака — это ощущение границ соматического облака, но не некой иллюзорной наполненности. В полном ощущении соматического облака человек не имеет обыденно понимаемой человеческой формы — опять явно прослеживается тенденция к сфероидальности. При общей, но не скачущей сосредоточенности на соматическом облаке, поднятая вверх рука сливается с общим облаком, не оказывается чем-то выступающим наподобие ветви. Даже и при специальном неполном ощущении (тем более непреднамеренном) разделенности, расчлененности соматического облака отсутствуют, но есть различные области и направления. Все эти области фактически оказываются всего лишь поверхностями.

Призрачность соматического облака, его оповерхностность и малоизученные причины эффективности китайских методов медицины проливают некоторый иной свет на сугубо нефилософскую гипотезу о местонахождении сознания человека... в коже или иных оболочках эволюционно кожного происхождения. В какой-то степени это ассоциируется со значением мембран для микроорганизмов,

но продуцировать отсюда какие-либо философские заключения не имеет смысла.

Ощущения давления, тяжести, натяжения, тепла, холода и дают в итоге ощущение тела. Ощущение тела или ощущение соматического облака (что вернее) отчасти составляется из всех перечисленных ощущений, а отчасти является их пересечением, диффузной интегративностью. Ощущение соматического облака образуется также и за счет соматических реактивностей (ненейтральные ощущения, например, ощущение боли, ощущение локальной приятности и т. п.), но оно и само в определенной степени реактивно. При всем этом интегративность ощущения соматического облака не столько суммационна по протяженности, сколько суммационна по витальности; эта интегративность слишком тонка и подходит к порогу проницаемости. Тело — всего лишь призрак тела. Призрачно не только оно, но и отдельно взятое ощущение телесной тяжести.

Соматическое облако — это не только ощущение, но и среда, отдельная от квазисреды. В этом смысле соматическое облако является ареной для многих других ощущений и при этом, в отличие от квазисреды, не сливается с каждым из них.

Итак, соматическое облако не отождествляется с контактными ощущениями. Тогда возникает законный вопрос: где в этом случае находятся соматическое облако и контактные ощущения? В квазисреде они, конечно, не находятся. Можно в какой-то степени рассматривать среду внутренних проекций (квазикожную среду, поверхностную среду соматики), но полное объединение разнороднейших ощущений в одно общее затруднено. Определенную путаницу вызывают и накладки зрительных и звуковых ощущений. При желании можно продуцировать

различные каверзные вопросы типа вопроса о средонахождении хруста в голеностопном суставе.

Если ощущения вкуса, запаха можно отнести к пограничным между квазисредными и соматическими ощущениями, то к собственно соматическим ощущениям относятся ощущения соматической тяжести, растяжения, кинестические ощущения (в том числе "мышечные", "сухожильные" ощущения), некоторые реактивные и некоторые экзотические ощущения (бегание "мурашек", "стук" в висках, ощущения после травмы т. п.). Всякого рода амбивалентные ощущения: виденье собственного тела, слышание собственного голоса (внешняя компонента), улавливание собственного тепла или холода — мы относим к квазисредным ощущениям и пограничным ощущениям.

Все собственно соматические ощущения и ощущения смежные им оказываются разорванными и фрагментарными. Они соединяются не сами с собой, не через непосредственную осознанность, а через общее сознание. Следовательно, соматическая среда — это не одна среда, а совокупность различных сред-локальностей. Ощущение соматического облака и другие ощущения (умственные, реактивные, прочие условно-вторичные по своей вписанности в субъективный мир) выступают в роли объединителей тех или иных соматических островов. Ощущение всего тела сразу психотехнически возможно, но оно осуществимо через отвлечение и релаксацию; оно более апперцептивно, чем перцептивно.

Соматический остров — не одно ощущение, но совокупность разнородных чувствований. К собственно соматическим ощущениям здесь могут локус-

но присоединяться и пограничные, и интегративные ощущения.

Ощущение соматического облака по отношению к этим островам выступает одновременно и как доощущение, и как надощущение.

Телесные ощущения — это не тело физическое или некое псевдореальное тело, и равно не зрительные ощущения видимости тела. Что же касается вопроса о наличии некоего "седалища" телесной чувственности или сознания вообще, то всякого рода сосредоточенности такого типа абсурдны и парадоксальны. Не будем считать, что чувственность находится в чувственно ощущаемом мясе (а тем более в умственно полагаемом).

Когда мы говорим, что мыслим головой, то сильно искажаем картину проекций коррелированных с мышлением. Некогда, например, считалось, что мышление и чувствование осуществляются сердцем. Никакого возмущения подобное полагание не вызывало. Мыслей в чистом виде нет, и соматически их "источник" проецируется на область над гортанью и, в лучшем случае, на участок перед лобной костью и глазами (но вовсе не за лобной костью и глазами!). Под черепом же как в нормальном, так и в анормальном случае никогда ничего не ощущается. Даже головная боль — это не боль в голове, а боль поверхности головы.

Человеческое тело — это психологическое тело, совокупность телесных психических сред. Всякое противопоставление души и тела, тела и психического — не более чем нелепость, подкрепляемая наивным материализмом и наивным реализмом. Тело человека — будь оно мертвое или живое, вскрытое или нет, свое или чужое — только лишь приборная данность

психики, данность вполне стробоскопичная, суммарная, не претендующая на объективность.

2.1.4 ИНТРОФОТОФОНОСРЕДА

Интрофотофоносреда (ИФФС) — среда внутренних представлений, то есть представлений внутренних по своему происхождению; конкретное проецирование их может быть различным. Под словом "внутреннее" мы, естественно, понимаем не перцептивные соматические ощущения, тем более что соматически-внутреннего психологически не существует; это только противопоставленность наивно-внешней отнесенности квазисреды. В интрофотофоносреду входят неидеальные представления, здесь-теперь наличные. Фиктивные "представления" разума и некие суммарные знания никакого отношения к ней в своем конечном виде не имеют. Иными словами, ИФФС — совокупность узримых апперцепций.

ИФФС почти полностью аналогична квазисреде, но ее менталы обладают меньшей четкостью и большей способностью к относительной произвольности. Псевдогаллюцинации, "образы темноты" — явления пограничные между ИФФС и квазисредой. Закономерно-естественно раздельное рассмотрение интрофотосреды (ИФС, фотосреды) и интрофоносреды.

Если я отворачиваюсь от предмета, предмет исчезает из квазисреды, но я могу его представить. Это представление находится в фотосреде. Здесь не имеется в виду последовательный образ, наподобие образа только что выключенной лампы или ее нити.

Образы в фотосреде могут быть представлены относительно ярко, очень четко и подробно (эйдетизм) или иметь лишь указательное значение; идет вырождение в интенцию. Некоторые из интенций можно назвать неразвернутыми образами. Скорее всего, именно с ними связано мнестическое за гранью ясности.

Образы имеют различную степень развернутости-интенционности. Возможны три рода апперцепций. Они даются через: 1) наложение ИФС-образа на псевдоквазисредный образ, то есть на лжеобъективный предмет (отсылка туда-то); 2) оперирование с суррогатами, наподобие представляемых или зрительно доступных планов, чертежей, карт; 3) обычное "зависание" представлений непосредственно перед глазами, без каких-либо дальних отсылок.

Часто фотосреда проецируется как псевдопродолжение квазисреды, соответствуя, например, высказываниям: "Земля круглая", "На Земле есть Китай и Антарктида". В этом смысле ИФФС может выглядеть как прицел интеллекта, направленного на небытие, в сторону несуществующих идей разума. В ИФС имеет место только неточный обыденный образ треугольника, чисто знаковый образ числа 333333. В представлении чисел, например, числа "пи", как, впрочем, нередко и в других случаях, существуют не только интрофотосредные знаковые образы, но и интрофоносредные произносительные.

Высказываниям "Е равно эм це квадрат" или "7-хлор-2-метиламино-5-фенил-3-Н-1,4-бензодиазепин-4-оксигидро-хлорид", в зависимости от сосредоточенности и направленности, соответствуют самые различные интрофотофоносредные представленности,

той или иной степени рациональности и адекватности. Однако в любом случае эти представленности приблизительны и вспомогательны, неразумны: они суть только психологические отправные точки в условное несуществующее — идеальное, какое само бывает иногда также промежуточным. Реально-действительные психологические представления чаще всего антиинтеллектуальны и, кроме того, индивидуально-разнообразны. Можно говорить или не говорить о роли абстракций как фильтра: роль фактуального интеллектуального фильтра выполняют уже знак и знаковые алгоритмы. Это видно по многим областям и приложениям математики. Чем ярче зрительные или звуковые представления, тем хуже они для целей интеллектуальных. (По крайней мере, подразумевается рядовая интеллектуальность.) Эвристичность ярко данных образов довольно сомнительна. Рабочие представления, как правило, неразвернуты, имеют характер ссылок на идеальное или мнестическое, либо прямым образом обслуживают соответствующие мыслительные феномены, но родина всего этого — психическая нестрогость.

Интрофотосреда способна проецироваться непосредственно в квазисреду (например, при желании передвинуть предмет с одного места на другое, при поиске предмета).

Как и другие интросреды, ИФС связана со всевозможными аутосуггестиями. Самовнушение и внушение резко повышают эйдетические способности.

"Интросреда" запахов и среда соматических представлений практически отсутствуют, но могут быть внушены кажимости и иллюзии запахов, тех или иных проявлений соматического, а затем, при неко-

тором усилении суггестивного, — действительные ощущения запахов и соматичностей, неотличимые от "предметно-коррелированных", "естественных". Здесь есть некоторое сходство с попытками представления эмотивностей — эмотивности непредставимы, а то, что кажется результатом их вызывания, есть сами же эмотивности, но в ослабленном виде.

Вкусовые и обонятельные псевдообразы (какие чаще и могут иметь место) отличаются от действительных образов тем, что упор в попытках представления делается на обстановку возникновения вкусового или обонятельного, а не на их тонику. Собственно образы-представления неотличимы здесь от соответствующих обычных ощущений. Возможно индивидуальное повышение эйдетических способностей в отношении некоторых запахов (например, запаха костра), но это, скорее, ограничивается рационально выделенными или негибкими образами и не может иметь краеугольного значения.

Звуковые представления далеко не всегда имеют характер среды. Чаще всего дается локальный дежурный интрофонопейсмекер, но тем не менее и он вполне может разрастись за зенит и надир. Поскольку рабочая интрофотосреда занимает ограниченный объем, незначительный по сравнению с потенциальным объемом, есть смысл говорить о единой интрофотофоносреде (интрофотоинтрофоносреде). В этом случае можно апеллировать к синтонии и синхронии звукового и зрительного, но интрофотосреда и интрофоносреда соединимы друг с другом не непосредственно. Их конечная связь — в рефлексивно-рефлексном, а реально-психологическая связь — в области неразвернутых смыслов.

Интрофоносредно реальны фонетическая компонента вербального, гармонические тоны и то негармоническое, что внешне воспроизводится речевым аппаратом. Нефонемные представления звуков (без каких-либо "О-о-о-о!" и "У-у-у-у!") уже близки к игре тонов чувств, эмотивностям как таковым. Подобные апперцепции плавно переходят в интегративные ощущения. Смысл поэзии и музыки в таком же переходе. Прагматическая разница такого перехода от вербального — в привлечении не только дополнительных смыслов, но и дополнительной чисто звуковой интеграции (рифма, звукопись, звуковой период, распределение пауз).

Многие из апперцепций (они не обязательно должны направляться только в квазисреду!) гомологичны мышечным действиям. Сверх того, внутренняя речь выявляет себя частично как "ослабленная" внешняя речь, обнаруживает слабое движение соответствующих мышц. Большее значение имеет здесь не этот последний факт, а наличие волевого импульса, отсылки, пространственное распределение, вовлечение в тоническое действие соматических полей. Одна из компонент ощущения волевого импульса — микроаутосуггестия. Без микровнушений-импульсов квазипроизвольное движение "тела" или образов невозможно.

Можно заявить, что рассмотренные здесь интросреды носят характер несколько сходный с тем, что некогда называли эманациями. Однако отличие явное: построения, перемещения, деланья и т. п. совершаются, но из материала, не предстоящего своей конечной природой, и неизвестно каким образом и почему совершаются.

Фотосреда слита с оперативно-координативной средой. Отделить их друг от друга далеко не всегда удается. Оперативно-координативная среда вполне соответствует своему названию, прямо не зависит от зрения, от зрительных переносов (представлений), а ее пространство по своим свойствам промежуточно между пространствами интрофотосреды и пространством за затылком. Фактически пространство оперативно-координативной среды — это совокупность тех зачаточных пространств, которые в своем полноценном виде могут быть присущи только слепому от рождения.

Мнестические ощущения — одна из форм интросредных структурных ощущений. Иногда можно говорить и противоположное: "Интрофотофоносредное есть рефлексивно-рефлексно перетасованное мнестическое". И мнестическое и обычное ИФФ-средное покоятся на трех китах: структурности-информативности, псевдоконсистентности и осмысленности. В то же время ИФФС есть начало мнестического "входа" и начало мнестического "выхода".

ИФФС вместе с кажимостями контактных эхосред (интенциями и указаниями на контактное) является центром человеческих сознаний. В ней пересекаются дифференцированные и интегративные ощущения, от нее идет смысл, воля, память, действие, сфера эмотивностей.

Нельзя понимать интросредное как слабое "внешнее": между самым тихим шепотом и самым мощным внутренним произнесением лежит непреодолимый барьер — междусредная граница. Она фактически никогда не преодолевается, но обходится — непрерывности, постепенности в этом случае нет. Внутренние произнесения легко релятивируются (в особенности мнестически), поскольку они все-таки не

произнесения, имитация настоящих произнесений не обязательна. Близость интрофотофоносредного к границе между смыслом и знаком вызывает даже некоторые возможности отождествления ИФФС-феноменов со смыслами и движением смыслов. В обыденности внутренняя речь и мышление попросту отождествляются. В действительности ИФФ-средное — это только одна из арен ветвления смыслового и волевого. "Эманативность" последних выражена в гораздо большей степени, чем у представлений как таковых.

Интересна связь ИФФС с фазами засыпания, некоторыми типами сновидений, состояниями дремоты.

2.2 ИНТЕГРАТИВНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

2.2.1 РЕАКТИВНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

Любое ощущение является реактивным, но реактивность, имеющая достаточно выраженный характер, присуща только определенной группе тонических ощущений. Ощущения этой группы иначе можно назвать неиндифферентными, ненейтральными. Эта их ненейтральность не есть только символ, она является самозначимой.

Среди нейтральных ощущений иногда можно выделить ощущения кажуще-связанные с реактивными. Могут иметь место целые группы или комплексы таких ощущений. Подобные симптоматические ощущения мы называем мозаическими.

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕАКТИВНЫХ ОЩУЩЕНИЙ

1. Разлитые реактивности или реактивности, расфокусированно присутствующие в любой ткани сознания.
2. Главная компонента локальной боли, главная компонента локального "удовольствия".
3. Неболевые реактивные ощущения, сцепленные с соматикой.
4. Невербализуемые и маловербализуемые ощущения, переходные от соматикосцепленных к автономным (неиндифферентные).
5. Эмотивно-канонические ощущения.
6. Неканонические эмотивности.
7. Тонкие эмотивные ощущения (ТЭО).
8. Мистические ощущения (тонкие неспецифические ощущения — ТНО).
9. Предельные ощущения.
10. Сверхощущения.
11. Протопатические ощущения.
12. Протоощущения.
13. Прочие.

Разлитая реактивность — это не слишком выделенная реактивность. Ее классический пример — теплые и холодные цвета и оттенки, не сам тот или иной цвет, но его незримая тонусная окраска, дающая некоторое витальное вчувствование.

Ощущения пункта 4 в чистом виде не поддаются строгой вербализации, но, чтобы дифференцировать их от других, достаточно представить реактивные ощущения, входящие в комплексы ощущений усталости, бодрости, оживленности и т. п. Эти ощуще-

ния могут возникать при пробуждении и засыпании (имеются в виду именно ощущения переходно-пограничного характера), действии сильнодействующих медикаментов, алкоголя, в специфических восприятиях танцора, спортсмена, болельщика и т. п.

К эмотивно-каноническим ощущениям относятся удивление, страх, тоника досады, смеха и т. п. (имеется в виду основная внутренняя компонента подобных эмоций). Сюда же входят отдельные ощущения, входящие в комплексы гнева, радости, ярости, переживание надрыва-катастрофы и другие. Большая часть этих ощущений, так или иначе, представлена вербально, хотя и далеко не всегда однозначно и точно.

Неканонические эмотивности каких-либо конвенциональных обозначений не имеют. В зависимости от своего ранга они могут "инициироваться" и восприятием необычного, ранее незнакомого интерьера, и орнаментом, и литературной арабеской. Спектр этих реактивных ощущений (р-ощущений) чрезвычайно широк. Часто в них можно видеть и определенное частичное отделение человека от биологических привязок и социальных несвобод. В рядовом случае эти р-ощущения являются основными пейсмекерами художественного мира и критериями художественных оценок (или эстетических оценок в общепринятом понимании).

Тонкие эмотивные ощущения. Эти р-ощущения несколько близки к ощущениям экстатических состояний, и некоторые из них имеют вербальные обозначения. В качестве примеров можно привести ощущения таинственности, очарованности, грандиозности, великолепия, тонику барочного архитектурного и музыкального стиля и т. п. Многие из

ТЭО — элементы тонкой психологической настроенности. Некоторые слабоинтенсивные ТЭО очень сходны с разлитыми реактивностями, представляют собой нечто вроде внутреннего или внешнего "света", реактивную "наэлектризованность".

Мистические и предельные ощущения, сверхощущения мы называем особыми реактивностями. Эти высшие ощущения требуют отдельного рассмотрения вне данного раздела. Для особых реактивностей характерна неспецифичность, вырванность из обычного круга явлений.

О протопатических и протоощущениях можно только сказать, что они существуют. Нетривиальные протопатические ощущения (необязательно те из них, что имеют место при патологиях) и протоощущения требуют не только особых состоянии сознания, но и особого базисного состояния. Если и дается обладание непосредственными сведениями об этих ощущениях, то только в исключительных случаях. Однако реликтовы не сами названные ощущения, но возможность их учета, протоколирования, превращения их в материал для анализа.[16]

Благодаря р-ощущениям мир предстает человеку в неиндифферентном виде. Выступая в роли безапелляционно ценностных ощущений, они оказываются одним из центров аксиологической кристаллизации существования.

Наличие р-ощущений вызывает парадокс вполне смежный психофизиологическому парадоксу. Р-ощущения являются ценностными ощущениями, но фактор, вызывающий такое их свойство, отсутствует как в самом сознании (психологической открытости),

[16] Подробнее см. раздел 2.5.5.

так и в физиологическом (психологической закрытости). В случае квазибытийной онтологизации физиологического (а естественные науки, в отличие от точных, пока так по-детски и поступают со своим предметом), за субъективным сознанием мы будем иметь неприкаянный гомеостаз организма. До этого гомеостаза сознанию буквально нет никакого дела, оно о нем может и не знать — важно только (в данном случае!) его "отражение" в виде р-ощущений. Неестественно онтологизированный, неестественно объединенный физико-биологический мир в своей ортодоксально-объективной представленности сталкивает оцененность р-ощущений, причину их оцененности, на сами эти ощущения, ибо он объективно-индифферентен и голодинамично-автоматичен. С другой стороны, р-ощущения в том виде, в каком они даются, полностью наглядны, а следовательно, и здесь нельзя искать скрытую причину оцененности.

Индивидуально-обыденная и иная рационализация р-ощущений касается только их вплетенности в условно представляемый прагматический мир, то есть эта рационализация не касается самой сути р-ощущений. В самих себе р-ощущения не информационны, а антиинфомационны; семантика их вплетенности в обыденность не совпадает с их внутренней бесструктурной семантикой. Р-ощущения — это самое витальное из всего, что дано человеку, но никакая их рассудочная интерпретация невозможна, невзирая на всю их важность и центральность. Будучи как бы расхожим проявлением "жизненности", "человечности" или "животности", они в то же время нечеловечны в своей сердцевине, в главном импульсе.

В отличие от нейтральных ощущений, р-ощущения обладают топологической изолированностью от

сферы остальных ощущений, а отсюда дополнение их через иную субъективную данность возможно только ассоциативное или коррелятивное.

Среди р-ощущений можно видеть воспроизводимые и невоспроизводимые, наведенные и возникающие без какой-либо видимой причины, циркуляторные и поступательно-непрерывные, сопровождающие индивида целую жизненную эпоху. Для р-ощущений не существует не только какой-либо среды представлений, но и представлений вообще: р-ощущения вполне можно почувствовать, но их нельзя представить. Если в силу каких-либо причин возникает кажимость представления того или иного р-ощущения, то фактически это будет не представление, а действительное р-ощущение более слабой интенсивности. Аналогично нет воспоминаний о р-ощущениях. Отсутствие воспоминаний может быть компенсировано представлением мозаических ощущений и слабоинтенсивным воспроизведением тех р-ощущений, какие могут быть воспроизводимы.

Нетрудно видеть соответствие между бесструктурностью, амнестичностью, антиинформационностью.

2.2.2 ОЩУЩЕНИЯ СМЫСЛА. УМ-ОЩУЩЕНИЕ. ОТУМСТВЕННЫЕ ФИКЦИИ РАЗУМА И ПОНЯТИЙ

А. ТИПЫ СМЫСЛОВ

Никакое из ощущений не может существовать без той или иной степени осмысленности. Диффузная осмысленность характерна для любого ощущения, но вместе с ней существуют и специальные ощущения смысла.

Относительно доступное чистое смысловое можно видеть в эвристическом поиске нового смысла, то есть в смысловом поиске смысла, когда одно смысловое направлено на другое смысловое. Это может быть неопределенная смысловая сосредоточенность, нерациональная беспочвенная направленность, попытка понимания "того, не знаю чего" или попытка уловить весь смысл мира в одном акте без узримых отправных пунктов из чего-либо.

Аналогичное можно иногда видеть в так называемой бездумной (необразной, невербальной) задумчивости, — кажется, что тот или иной человек о чем-то сильно задумался, вся его мимика и поза свидетельствуют об этом, но в действительности он как бы и не думает ни о чем, а просто ждет... подобно тому, как рыбак ждет момента, когда дернется поплавок.

Для того чтобы не дифференцировать вышеприведенное состояние от сходных с ним состояний созерцательности или просто десозерцательного "застывания", приведем в качестве примера энергичную попытку вспомнить смысл слова с забытым значени-

ем без перебора вариантов, но с помощью одного внутреннего напряжения.

В данных случаях вполне можно говорить о неопределенно-интенционном смысле, а иногда и о пропозициональном смысле — смысле как пропозиции пропозиций, смысле как незримом хватательном органе, экзистенциально-тоническом щупальце.

Перцептивные корни апперцепции, перцептивность апперцептивности не позволяют делать какие-либо переоценки смысловой схватываемости, невзирая на возможность посюстороннего узрения активаций связанных с апперцепцией, — это узрение также перцептивно...

Смысл может распространяться не только на структурное, но и на бесструктурное, а потому он не является атрибутом рационального. Мысль, мышление не исчерпываются только лишь отношениями и изменениями, но тем не менее в большинстве случаев они проявляют себя как комбинаторики смыслов через те или иные рациональные способы интрофотофоносредных раскладок. Мышление в области, близкой к совершенной бесструктурности, чрезвычайно экзотично.

Взаимоотношение смысла с неявной логикой более нетривиально, чем взаимоотношение с рациональным. Так, разносредные противоречия — это не совсем противоречия; а заведомо алогичное — не всегда бессмыслено. Бессмысленно что-то относительно чего-то, но не само в себе. Для окончательного проведения водораздела между неявной (в том числе нерациональной) логикой и смыслом необходим выход за субъективную грань. Субъективно логика идет и впереди, и позади смысла; и смысл и логика здесь имеют множество градаций. На неко-

тором уровне форма и структура теряют способность отождествления и вложения, и форма выявляет себя как нечто более первичное, чем структура. Например, это вполне можно сказать о малодифференцированных и неопределеннодифференцированных ощущениях. Запах фиалки резко отличается от запаха черемухи, но чем отличается? Ясно, что не структурой, это — отличие формы, формы как качественности.

Если говорить не о градации, а о тотальном смысле и тотальной логике, то главной характеристикой логики является полное отсутствие апперцептивности (по крайней мере, субъективно узримой апперцептивности). Смысл проникает повсюду и, как хамелеон, принимает форму всего; смысл — это сама возможность субъективной проницаемости. Логика — ограничитель этой проницаемости, детерминант формы-качественности и еще более ее дискриминант.

Возможность иметь ощущение связана с возможностью проникновения смысла. Ввиду поверхностности и неполноты такого проникновения, мы имеем поверхностные и неполные ощущения, но наиболее важный момент заключается здесь в том, что сам характер этой неполноты и этого недопроникновения порождает эту, а не другую качественность всякого конкретно взятого ощущения.

Бесструктурные ощущения коррелируют с сильно упрощенным деревом смыслов; здесь имеют место разлитый смысл (смысл-скрепление, смысл-связность), смысл-опознание и смысл-локация. Смысл-опознание и смысл-локация невозможны без мнестического, а, следовательно, и без апперцепции.

То или иное неразложенное ощущение-восприятие и игра ощущений смысла на нем имеют разли-

чия только интенционные и инерционно-хроносные, поскольку ощущения смысла обычно тяготеют к большей концентрированности и неразвернутости, чем само "обслуживаемое" ощущение. Взаимоотношения ощущений смысла и конкретного ощущения, на какое они накладываются и в каком растворяются, нельзя сводить к суперпозиции ощущений различных сред (например, квазисредных ощущений и ИФФС-ощущений). Подобные суперпозиции характерны более для прагматического манипулирования с предметами и не отвечают всем возможным исключениям и крайним случаям.

Сама поставка ощущения как ощущения невозможна без смысла, но одновременно эта поставка невозможна и без разлитой реактивности. Смысл и реактивность всегда в той или иной степени соприсутствуют; они не только надощущения, но и доощущения. Их пространственно-временная развертка является одновременно и частичной нейтрализацией, дифференциацией, а далее — и рациионализацией.

Наличность нетривиального смыслового в кажущемся бездумьи вполне может быть искажена интроспективно-ретроградно. Это искажение совершенно не корректируется в отношении гипнотических фаз, иногда пресекающих обычное бодрствование, состояний более выраженной, чем приводилось выше, отключенности. Смысло-волевое, безлично-смысловое, ввиду антиинформационности, амнестичны, но смысловая нацеленность эвристического характера (о "бессознательном" здесь говорить неуместно), еще не развернутая в представления, инкубационно-интуитивная, имеет большую "интеллектуальную" ценность, чем осмысленное восприятие уже готового результата, и — прямое отношение к усилению проницаемости сознания. В этом отношении неоп-

ределенно-смысловому соответствует большая логосность, чем восприятию смысла, сцепленного со структуро-информационным.

Всякий результат какой-либо умственной деятельности более или менее прагматичен, так или иначе, имеет своей осью прагматическое и не является "музыкой сфер", но некоторые состояния поиска результата, не поддающиеся научной трактовке, являются самофинальными-в-себе, сверхценными.

Так называемые "разум" и "рассудок" — несуществующие, мнимые орудия идеального и прагматического. Это миражи, возникающие над умом и умственными ссылками.

Ум — это реальная зона ощущений смысла, предстающая в настоящем. Она представляет собой слой, распыленный по всему субъективному сознанию и спаренный со всеми другими слоями сознания (проникнувший во все другие слои сознания). Умственная зона может иметь одно или несколько ядер. В частности, ядрами умственной зоны являются области ссылочных ощущений, в том числе фоносредных (соматическая проекция на "кожу" вблизи речевого аппарата), фотосредных (проекция на "кожу" над переносицей, проекции на квазисредное). Возможны другие ядра, необязательно связанные с гомункулусом соматического облака.

КЛАССИФИКАЦИЯ СМЫСЛОВЫХ ОЩУЩЕНИЙ

1. Разлитые
2. Канонические } рабочий смысл, в том числе рациональный смысл
   невербальные }
3. Канонические }
   вербальные }

4. Инсайтовые
5. Безлично-диффузные
6. Тонкий смысл
7. Предельный смысл
8. Сверхсмысл

Рабочий смысл — это смысл, используемый в обычных практических действиях и при решении задач достаточно стандартных. Этот же смысл может играть служебную роль по отношению к некоторым другим смыслам.

Невербальные смыслы — вычлененные смыслы почти всех субъективных сред. Их отличие от разлитых смыслов заключается либо в несплошности, либо в соответствии пересечениям разнородных или различных ощущений. Невербальные смыслы имеют множество градаций, собственную систему знаковостей. Часть невербальных смыслов вполне можно иерархически поместить между пунктами 3 и 4 перечня.

"Невербальными смыслами" в данном случае названы смыслы так или иначе сходные с вербальными по своей субъективной данности. Многие из них параллельны вербальным, являются образным компонентом смыслознаков.

Инсайтовый смысл — смысл-догадка, то есть собственно смысл, относящийся к догадке, но не обслуживающие ее смыслы-тривиальности (служебные смыслы-обозначения). Инсайтовый смысл совершенно нерационален, невербален, представляет собой как бы вспышку из подспудного. Тем не менее он, как правило, трудноотделим от связи с мозаическими образами. Он есть та самая амнестичная

волна, которая выносит содержание, — но не само содержание. Он является не столько несплошной связью представлений, сколько несплошной связью интенций.

Безлично-диффузный смысл — это смысл беспредметного мышления, деперсонализированного ума. Подобными смыслами вымощена философия за пределами обычной философии: философия музыкальной фразы, философия той философской поэзии, в которой нет "философских проблем", нечленимая, неаналитическая метафизика жизни и смерти.

Некоторые виды безлично-диффузного смысла могут относиться к экзистенциальным потенциалам или к экзистенциально-мнестическим потенциалам. Приведем пример такого потенциала. Что такое СЕВЕР? Есть север — абстрактное понятие, есть север — только часть севера, есть прагматически несуществующий север, север ощущений здесь-теперь, север — воспоминание, север — представление, — все перечисленное либо формально, либо узко частно. Абсурдны рациональные сложения и рациональные наложения севера, но есть СЕВЕР как абсолютный интенциональный всплеск, суперфеномен севера в здесь-теперь сознании, не являющийся, естественно, некой абстрактной идеей. В отличие от представлений, подобные потенциалы далеко не всегда могут быть произвольно наличными и требуют подспудного настроя.

Тонкий смысл — необходимый атрибут некоторых нестандартных аналитических рассмотрении и чистых (неэмотивных) эстетических восприятий. Он может проявляться при анализе логических парадоксов. Связываясь с весьма жесткими разграничениями (рационально-интеллектуальными, художественными), он остается нерациональным, бесструк-

турным, тоническим. Главный цвет его тоники — микрологос.

Предельный смысл и сверхсмысл сопровождают собой появление каких-либо значительных обобщений, открытий, сосредоточенностей, концентраций и раскрепощений, но гораздо чаще указанные смыслы контрмозаичны так называемому непродуктивному шествию "сверхценных идей", умственной фантастике или патологическому пиршеству мыслей. При этом предельный смысл монотоничен, сверхсмысл — политоничен. Предельный смысл вполне можно назвать предлогосом.

В классификациях ощущений смысла и реактивностей есть некоторое сходство, и это имеет свою причину. Чем глубже и интенсивнее смысл в себе, чем более он проницаем — тем больше он сближается с реактивностью. Предельный смысл и сверхсмысл могут сопровождаться предельными реактивными ощущениями и сверхощущениями.

Любое смысловое ощущение протяжено, само в себе уравновешено, неконсистентно, прозрачно, недопроницаемо. Полностью проницаемым могло бы считаться только субъективно нереальное и фантастическое чистое Логос-ощущение. Смысл может следовать за структурой и даже создавать ее, но сам он бесструктурен, антиинформационен.

Кроме приведенной здесь фронтальной интенсивностно-топологической классификации смыслов, возможна классификация и по стадиям осмысливания, а также классификация рациональная — по стадиям данности рационалов. Можно указать на смысл-выделенность, смысл-опознание, смысл-ссылку. Практически в психологическом опыте существуют смыслоконструкции, в которых комбинируются выделенности, опознаваемости и ссылки.

Смыслознаки и постзнаковые смыслы — это вторичные смыслы, являющиеся в большинстве случаев рациональными. Не следует думать, что мышление возникает только на уровне "второй сигнальной системы": вторичная семиотика неизбежно связана и со вторичной семантикой.

Смыслы-обозначения, смыслы-мнестемы, смыслы-суждения (рационалы); операции со всеми названными смыслами (например, смыслоподстановки) так или иначе, в той или иной степени изучались и излагались множество раз во множестве дисциплин, но, между тем, все эти разновидности вторичны и сами по себе не работают, не образуют динамики и самоявления: они суть, рационализированная пена, выносимая дознаковыми смыслами. Все модусы канонического мышления феноумны, а само мышление динамизируется из трафаретов феноумного. Фактически деятельность скрытого животного выдается за деятельность "мыслителя" или за деятельность "разума". При возможности полных тавтологий, силлогизмов, индукций и дедукций, это граничное животное пытаются неловко подменить неуклюжей и скрипящей интеллектуальней машиной или, в лучшем случае, надеть на это животное упряжь из алгоритмов.

Вербальное в ряде специальных случаев не вызывает рационализаций, либо вызывает специфическую иррациональную рационализацию (заговоры, заклинания, намеренные алогизмы неологического характера, художественная образность в рамках искусства для искусства). Эффект дерационализации может возникнуть и благодаря суперрационализированному. Как бы ни неразумны были по своему эвристическому происхождению так называемые художественные средства и приемы, в каждом кон-

кретном случае применения они все-таки рациональны, пусть и задним числом, и вычлененно-вырванным образом. Иногда такая особо изощренная рационализация вызывает колоссальный эффект иррационализации: хитроумно сделанный ключ здесь как бы открывает скрытый замок с хитроумным устройством. Иррационализацию иногда дает и научное открытие.

Фигурально смыслы — как дознаковые, так и послезнаковые — можно назвать дополнительным сознанием в сознании, хотя нечто неосмысленное вообще выпадает из сознания, не находится в нем. Любое из сознаний человека не может полностью отождествиться со смыслом. Условно допустимо говорить о смысловом измерении сознания, об интенсивности смысла как скалярной величине и т. п.

Смысловые схватываемости, связанные с терминами и словесными суждениями, не являются фундаментально новыми или более высшими по рангу, чем смысловые схватываемости образов-представлений или образов квазисреды.

Б. ИФФС И СМЫСЛ

Наибольший диапазон смысловых схватываемостей в большинстве случаев можно обнаружить среди смыслов, связанных с квазисредой и ИФФС. При этом максимальное число разновидностей смыслов удается выделить в ИФФС. Интрофотосреда и интрофоносреда оказываются как бы желтыми пятнами умственного зрения. Всякого рода экзотический внесредный смысл, смысл в себе (остающийся субъективным и здесь-теперь наличным), обычно имеет те или иные фотосредные и интрофоносред-

ные отблески, аккомпанементы. В ИФФС пересекаются квазисредные следы и апперцепции на квазисреду, все роды воспоминаний и предсуггестий, псевдогаллюцинации, интенции, все роды и типы представлений (от операциональных представлений, близких динамическим стереотипам, до грез; от фрагментов технических схем до фактуальных разворачиваний художественных символов), всевозможные ссылки на несуществующее: идеи, законы, догмы, авторитеты и т. п. — почти всё условно-приблизительно или условно-точно вырисовываемое из сфер поглощенности.

Фотосреда — отнюдь не микросреда, в которой можно представить, например, тот или иной предмет, иметь воспоминание о том или ином событии. Во многих случаях она допускает (как это бывает часто в квазисредных сновиденийных средах) полное редуцирование звуковых кажимостей. Воспоминания о каких-то событиях не обязательно сопровождаются внутренней речью и вообще представляемым звуковым компонентом. Вполне возможны бессловесные умозаключения. Внешняя и внутренняя речь оказываются частными случаями некоторой более общей интенциональности. Произвольный переход на безъязыковую информативность, сигнальность затруднен, но к подобной интенциональности внутренних "телепатем" вполне можно приблизиться с помощью более плотного пакетирования слов в единицу времени.

Написание романа в виде текста следует за чуть опережающим интрофотофоносредным представлением. Аналогично чтение романа будет чтением при условии, что текст рефлексивно расшифровывается через ИФФС.

Из области протяжения ИФФС выпадают узколокальное реактивное (например, боль) и локальности под поверхностью соматической ощущаемости (в особенности, как это уже отмечалось, подобное заметно в субъективном отсутствии пространства под поверхностью головы).

При наличии достаточных интроспективных способностей и проторенностей, ИФФС исследуют следующим образом: мысленно изготовляют фотосредный перемещающийся в пространстве крестообразный визир и пытаются помещать его в тот или иной локус субъективного мира. Опыты с визиром требуют отработки и достаточной тонкости восприятия. Нельзя использовать отвлеченное воображение. Визир не должен быть условно-интенционен, неразвернут. Наоборот, опыты допустимы при максимально возможной эйдетичности представляемого. Перемещение визира осуществляют только последовательно, без скачков.

Этот вполне чувственный визир никогда не сможет попасть, вследствие некого искривления психической протяженности, в точки "удовольствия" и "боли". Аналогично точка пересечения визирных линий не попадет в пространство под черепной коробкой наблюдателя и будет оттуда чуть не вытолкнута. Даже если визир собирать на месте будущей локализации, в названных случаях не поможет и такая хитрость: законы геометрии как бы перестанут существовать.

Всю область условной субъективной протяженности можно разделить на области, пропускающие визир — области визирной разрешимости, области визирного запрета и промежуточные. Промежуточными областями можно считать пространство за за-

тылком, пространство за спиной у впередсмотрящего наблюдателя. В промежуточных областях требуется пусть не отвлечение, но дополнительные усилия на воображение-апперцепцию. При этом успех перемещения визира или постановки его переменен и неоднозначен.

Можно выделить область абсолютного запрета: предполагаемые пространства "внутри тела" и области незаконченности визира (пересечения визирных линий) — точки локальных реактивностей. В последнем случае даже возможна визир-терапия: размывание и уничтожение боли путем попыток наведения на нее фотосредного визира. Колеблющийся центр визира в этом случае отождествится с центром различных сознаний, а взаимоналожение их вызовет и взаимопогашение реактивного.

Проведение визира через контактные ощущения упрощается в том случае, когда визирные линии являются касательными к поверхности соматического облака. И наоборот, проведение визира через звезду или трубу завода, находящегося у горизонта, возможно тогда, когда одна из визирных линий совпадает с линией взгляда. При этом продолжение этой линии за "небесную твердь" редуцируется.

В некоторых опытах имеет значение размер визирных линий. За эталон лучше принять субъективную длину локтя. Нахождение предметов за стеклом или иной прозрачной преградой в той или иной степени препятствует четкому проведению визирных линий. Сложность проведения визира через предметы, находящиеся в нескольких субъективных километрах (у горизонта), может объясняться отчасти атмосферными условиями и воздушной преградой, отсосредоточенностью на другие предметы, располо-

женные на более близком расстоянии. Однако проведение визирных линий внутри массивных непрозрачных предметов (здания, мебель) совершенно невозможно. Есть некоторые приемы помещения визира за эти предметы, без перемещения его через последние, но успех здесь не гарантирован и во многих конкретных примерах сомнителен.

Во всех случаях проведения визира не следует смешивать квазисреду и фотосреду, в том смысле, что визир должен проводиться внутри предметно наличных объектов, но не воображаемых, совмещенных с предметными. С помощью опросов и простейших тестов можно убедиться, что далеко не все люди способны к более или менее точной интроспекции. Кроме того, для различных психотипов существуют и различные первичные типы интроспекции. Неспособного к интроспекции, выдающего одно за другое, казалось бы, можно выявить сократовским методом, приведя его к противоречию с самим собой, — но возможности корректировок пресекаются здесь с неожиданной стороны: вне зависимости от степени развития, образования, у испытуемого может возникнуть головная боль и другие малоприятные ощущения. Получается, что фраза Хилона из Спарты: "Познай самого себя" при отсутствии адекватных доумственных проторенностей (а полностью адекватными они никогда быть не могут), остается благим пожеланием.

Категорически заявлять, что неразлитые смыслы способны охватить только охватимое ИФФС, не приходится. Однако смыслы-рационалы действительно распространяются только на то, что хотя бы потенциально охватимо ИФФС. Так называемые непредставимые смыслы суть только пределы ссылочных

смыслов (трехугольный одноугольник, 345, 36-мерное пространство, абсолютно красная абсолютная синева и т. п.). Улавливается не смысл иных геометрий, иных ракурсов мира, но смысл при потенциальной совместимости или репрезентации "не-здесь" того, что не представляется или не совмещается с чем-то "здесь".

Возникновение непредставимых смыслов (идей) первоначально связано с расхождениями между фотосредой и фоносредой. Некой знаковости в чистом виде никогда не существует. Знак дается так или иначе на перекрестье различных сред или подсред, но в качестве доминирующего выступают или один или, реже, два способа данности. В идее числа 1719 семиотика доминирует над семантикой; в идее 11-мерного пространства доминирует неполнота конструктивного задания; красная синева диахронична и представляет собой попытку совмещения "не-здесь" двух несмешанных представлений.

Первичная знаковость интрофоносредного практически редуцирована. Ее реликты чаще всего выступают как аккомпанемент вторичнознакового или "элемент" вторичнознакового.

Относительно самостоятельное нерациональное интрофоносредное связано с адаптивными потенциалами, общим настроем, попытками регулировать этот настрой. Возможны другие корреляции, например, с характером дыхания.

Говорить об отождествлении или неотождествлении смысла с какой-либо частностью ИФФС не приходится, поскольку речь может идти только о множестве смыслов, связанных с тем или иным ИФФС-объектом. При использовании знаков происходит заметное сокращение, деградация ИФФС. От

ИФФС (вначале от фотосреды, а затем от фоносреды) может остаться только ассоциативный всплеск-пик, указывающий на мнестическое, или, что более точно, — на рефлексивно-рефлексную поглощенность.

Рудименты ИФФС не есть сам смысл, хотя и существуют только постольку, поскольку охвачены и выделены смыслом. Употреблять термин "смысло-представление" вполне допустимо, причем в самых различных контекстах, однако отделение смысла от представления обычно не является сложным. Иное наблюдается при наличии смыслознаков (если подразумевать вторичные, "искусственные" знаки).

В смыслознаке, если иметь в виду его конкретное использование, маловозможно провести грань между смысловой и знаковой стороной. Часть смыслов обслуживает коррелирующие со смыслознаком образы, а часть — сам знак, прорисованность этого знака.

В. СМЫСЛОЗНАК. ФИКЦИИ ПОНЯТИЙ

Чаще всего реальный смысл, связывающийся со знаком (слово, словосочетание), неразвернут и неразвернуты спаренные с ним образы.

Смыслы и образы могут иметь совершенно постороннюю ассоциативную окраску. Из-за корреляций с различными типами эмотивного, смыслообразное и смыслознаковое приобретают конкретную неповторимую специфичность. При этом реактивное часто возникает из-за дополнительных цепных индуцирований смыслообразов и смыслознаков в виде символов. Символ выявляет себя в данном отношении как монолит, в котором некие третичные ново-

обозначения слиты с первичными — это кольцо сигнальностей, где предельная сигнальность (своего рода третья сигнальная система) сливается с базисной сигнальностью.

Наглядно-субъективно на первый план выдвигается не смысл, а знак, но знак является существующим только при опознании. Для прагматических целей того смысла, который необходим для опознания знака, вполне достаточно. То, что это опознание есть (как реальная проясненность) именно не совсем развернутый смысл, а не просто опознание лингвистической или образной структуры, видно из различных примеров и ситуаций: рассмотрения знакомого слова с забытым значением, встречи с человеком, лицо которого хорошо известно, при том, что не удается восстановить в здесь-теперь сведений об этом человеке и о предыдущих встречах с ним.

Реальные смыслы высказываний и слов в однородных контекстах индивидуальны для каждого отдельного их появления, но то, что в них общего для всех их явлений, то, что могло бы остаться от пересечения этих смыслов, мы называем смыслорадикалом. Эта компонента смысла имеет наибольшее значение. Хотя мы ее сейчас выделили с помощью искусственного приема, она всякий раз реальна, как остов любого смысла, и именно она является носителем когнитивной логики, но не то, что называют понятиями.

Часто денотаты слов есть только нечто "висящее в воздухе" — фикционное или полуфикционное, причем нередко тогда, когда предметы мышления даются совершенно непосредственно, не в родовом, а в конкретно-видовом качестве. Даже в констатациях реальных кажимостей мышление обычно не

может быть некой фиксированной копией или зарубкой, предполагающей за собой нечто четко определенное. Рефлексивно-рефлексное в любом случае будет контрсубстратом, корректором и искажителем. Приходится говорить не о конвенционально-условной или выдуманной культуре мышления, но о культуре того, что прямым образом никогда не дается, — о животно-интеллектуальной, зоопсихейной парасоциальной рефлексивно-рефлексной культуре. Ничто "зоо" и ничто "социо" философски не предстоит в философской плоскости — можно говорить только об условной вписанности одноименно называемого в некоторую неочевидность, ввиду мировоззренческой элиминации научного и обыденного. Формально интеллект не может считаться чем-то реальным, и нет нужды рассматривать его как идеальное. Если разум есть бессомненная фиктивность, то интеллект выглядит как проекция этой отындивидно ограниченной фиктивности на засубъективную поглощенность. Следовательно, интеллект может рассматриваться как заведомо неразвернутый потенциал, во многом возникающий из-за самого факта описания, хотя и имеющий характеристики независимые от описания.

Понятия нельзя признать потенциальными в таком же смысле, как интеллект, — они неизбежно идеальны, развернуты в своей несуществующей повиснутости. Однако при этом содержание и объем понятий не поддается перечислению и строгому уточнению (за исключением некоторого узкозначимого класса случаев). Понятия оказываются фантомами, отправленными со ссылочного смысла в дурную бесконечность. Они не могут сами по себе претендовать на роль атомов мышления именно вследствие своего несуществования. Логическое или ка-

кое-либо философское понятие понятия гносеологически порочно как в смысле мыслительной единицы, так и в смысле псевдодиалектической постоянно достраивающейся лестницы понимания ("развитие" и уточнение понятий). Животно-рефлексологическая природа человеческого мышления достаточно прозрачна (хотя, конечно, речь идет не об условных и безусловных рефлексах), и если человеческая рефлексивно-рефлексность переросла естественную сигнально-рациональную оболочку и образовала через частную мнестическую рефлексивно-рефлексность семантико-семиотический горб, то никакие мнимые идеалистические флюиды онаукообразенного здравого смысла не способны выявиться в реальном мышлении, основанном не на понятиях и логике, а на рефлексологической натасканности.

Дефиниции понятия оказываются или невозможными, или противоречивыми. Логически бессмысленны высказывания, в которых заявляется сначала, что понятие — эта совокупность суждений, а затем — что суждение — это связь понятий.

Если я произнес в некотором контексте слово "медведь", то заодно и вызвал радикальный смысл (смыслорадикал) этого слова, — и более, как правило, ничего не нужно. Если наша цель есть "медведь вообще" или даже некий "медведь вообще" в зауженном смысле, то мы столкнемся с лингвистическими, прагматическими, структурными, хроносными несуразностями. Есть медведь бурый, белый, очковый, ..., n-й, (n+1)-й……, ископаемый, есть медведь-игрушка и изображение медведя, есть фигуральности энтомологические, технические, прозвища, фамилии, топонимы… С другой стороны, можно задать вопрос: "Является ли мертвый медведь мед-

ведем?" или "Медведь ли эмбрион медведя?" Мы имеем парадокс качественности, согласно которому, медведь, как и Сократ, не мог родиться и не мог умереть: умирает или живое, или мертвое, но живое, когда живет, не умирает, а мертвое не может еще раз умереть.

Вследствие иллюзий восприятия и воспоминания, я могу выдумать и объективировать с помощью смысловых отсылок и "безденотативных" медведей, какие не предстанут в качестве представителей вида и рода, например, "зеленого медведя"; я могу не знать, что сумчатый медведь не относится к семейству медвежьих. Что следует полагать? Наличие понятий в себе? Понятий вне конкретного субъекта? Иногда заходит речь и о понятиях за пределами социума, ввиду очевидного наличия ложных взглядов и представлений, не исчезающих на протяжении эпох.

Попытка выявить смысл понятия приводит не только к парадоксам качественности и парадоксам изменения качественности, но и к иным: неизбежно всплывает психофизиологический вопрос-парадокс и вопрос о вещи в себе: существует ли медведь сам по себе или только в представлениях и ощущениях; возникает проблема составленности или несоставленности объекта из элементарных частиц. Обычная ситуация оказывается невероятно усложненной, обремененной тотальными мировоззренческими вопросами, относительно простой случай требует лавирования в массе ярлыков и "измов".

Можно обойтись и без длиннот наглядности, указать на то, что в психической реальности мы имеем дело со смыслообразами, смыслознаками, интенция-

ми. Идеального в психической реальности — а это единственная субъективная реальность — нет.

Чистый смысл есть интуитивная проницаемость. Сосредоточившись мимолетно на какой-либо данности, можно интенционально-сгущенно вместить в еле заметном всплеске смысла все ее сигнально-рациональные связи. Смысл может не потребовать для себя дополнительных образов при сосредоточении на одном образе; тем более он не потребует идей и понятий — псевдочасовых мыслительного. Сказав это, мы тем не менее не должны преувеличивать объем рабочего смысла — смысл уподобляется знаку, выступает в виде смыслознака, корректируется засубъективным пейсмекером, в котором и заключается все нечленимое и скрытое богатство рациональности.

Во всплеске смысла часто содержится решение задачи без какого-либо обращения к образным, знаковым разворачиваниям и ссылкам на идеи. Если обращение к разворачиваниям необходимо, то подобная необходимость обычно свидетельствует о непроясненности исходного смыслового импульса и указывает на пути поиска через серии других смысловых импульсов.

Мышление замыкается в себе, отталкивается от неточностей психики и тем самым создает цепи противоречий. Если мыслительная блокада возможных вариантов направленности достаточно велика, происходит образование ссылок на идею. Идеи оказываются проекцией реальных смысловых ссылок на небытие. Ввиду неизбежной противоречивости ссылок и хронального их расположения, не исключено образование нетривиальных, многоэтажных и

саморазрушающихся идей. При этом логическое саморазрушение идеи не обязательно принимают во внимание. В качестве идей соответственно могут существовать не только фотосредно непредставимые и квазисредно несуществующие объекты математики, но и четырехугольный треугольник, шестизначное однозначное число, соединяющая две точки кривая линия, являющаяся более короткой, чем проходящий через эти две линии отрезок прямой.

Понятие есть не только одна из таких идей, но и идея весьма нечетко заданная, сводящаяся не к ссылкам на сознание, но — к идеальным представлениям традиций, интерсубъективной и субъективной стихийности. Если понятие о понятии в той или иной степени закрепилось исторически, то это не означает его полной приемлемости для большинства человеческих сфер. С другой стороны, понятие о понятии конвенциально неопределено, в него пытаются вкладывать различный "смысл". Понятия отождествляются то с дефинициями, то с представлениями или общими представлениями, то с абсурдно-бесконечным пониманием-приближением, то с отражением "сущности" явлений в феноменах, то с мыслью непсихической или психической, то с определенного рода суждением, то с обобщением, то с идеалистическим перечнем, не имеющим начала и конца, то с частью мировоззрения...

Любое абстрактное идеальное существование фактически означает несуществование. Отождествление понятий с тем или иным реальным психическим (сознательным в нашем смысле) всегда спорно, так как интенциональность феноменов всегда конкретна для каждого отдельного наличия.

Априорная эгофункциональность психики переносит цементирующий момент, связывающий раз-

народные сознания-ощущения в целостное сознание, и на то, что сознанием не является, — на поглощенное прагматическое (метапрагматическое), с одной стороны, и — на фантомы последнего в небытии, с другой стороны.

Мы отказываемся считать категории понятиями, несмотря на то, что многие общепринятые категории — такие же фикции, как и понятия.

Сам термин "категория" малоудачен в том плане, что он имеет смежные и ассоциативные значения вербально-классификаторского и родового. "Категория" — это неявляемое в чистом виде сущностное, если речь идет о реально значимой категории. Обычная субъективная форма представленности категории может быть достаточно случайной или систематически неполной, но при любом варианте может приобретать характер психического доказательства. Как нечто оформленное выглядят только знаки, символы и направленности. Наибольшее логическое значение здесь имеет направленность.

Среди всех реальнозначимых категорий можно выделить такие, какие не являются частным в более общем. Монокатегорией является, например, категория "красота" (прекрасное). Она резко выделяется из тех категорий, какие нередко ставятся с ней в один ряд. Ее выделенность — как в особом экзистенциональном значении, так и в отсутствии разложимости. Комическое разлагается на составляющие, трагическое также разлагается и т. д. Красота в большей степени проступает не через центральное смысловое, но через реактивное. Через смысловое проступает другая монокатегория: сознание.

Абстрактность монокатегорий более чем сомнительна: они абстрактны вербально, но конкретны реально. С монокатегориями часто связаны те или

иные безотчетные религиозности (проторелигиозности). Есть глубочайшая, но нефиксируемая разница между выражением "дерево вообще" и выражением "красота вообще".[17] Ясно, что денотат первого выражения есть фикция. От пересечения всех возможных представлений о деревьях ничего не остается, ибо представления оказываются саморазмытыми, переведенными в небытие или абстрактное указание на направление в никуда. То же, что остается от логического пересечения всего прекрасного — более чем колоссально. Это бесструктурная, бестелесная красота, сверхинтенсивная, но не ее отблеск, разлитый в человеческой видимости. Реальные предельные реактивные и предельные смысловые ощущения — только подступы к подобным "абстракциям". Чтобы горгона Медуза не испепелила, вступать во взаимоотношения с ней можно, лишь разглядывая ее отражение на щите, а этот щит и есть пленка человеческого сознания.

Категория "информация", попав в парадокс саморефлексивности, уничтожается, но монокатегории характеризуются тем, что и в своем дополненном и продолженном виде сохраняются, оказываются антиинформационной нечеловеческой значимостью.

* *

Реальное человеческое мышление носит поверхностный характер и не имеет никаких субъективных механизмов, возникая как нечто наглядное в виде импульсов из поглощенности. Поверхностность человеческого мышления заслоняется вербализацией, и эта маскировка вносит многочисленные искаже-

[17] Подробнее см. раздел 2.5.2.

ния в общие представления о мышлении вообще — собственно чистое мышление подобно сновидений-но-интенционному мышлению. Далее отделенное не только от слов, но и от образов (интенционная концентрация), мышление оказывается почти неуловимым, не теряя тем не менее своей значимости и актуальности — другой вопрос в том, что это освобожденное мышление весьма редко фиксируется в последующих за настоящим здесь-теперь и всегда связывается с изменением базового состояния, мнестическими смещениями.

Сознательные апелляции к досубъективносознательной поглощенности для самого сознания не играют решающей роли. Эти апелляции стихийно заменяются обращенностью к проекциям на небытие: идеальностям различной степени представимости и непредставимости, в том числе средам и объектам рассудка и разума, то есть несуществующим положенностям несуществующего. Эти среды оказываются своего рода продолжениями квазисреды, ИФФС и сознания в целом.

2.2.3 ВОЛЕВЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

Собственно волевые ощущения реактивно бесцветны. В своем чистом виде они не имеют никакой формы и структуры — по крайней мере, внутренней формы и структуры. Отсутствие формы снимает какую-либо характеризуемую их осмысленность, а отсутствие структуры снимает их внутреннюю рациональность.

От других интегративных ощущений волевые ощущения отличаются нетривиальным отношением к про-

тяженности и реальности, а именно: они коррелируют с изменением и размыванием реальности. Несмотря на свою непостоянную уловимость, эти ощущения окутывают собой все сознание и связываются с самой его наличностью.

Тенденция волевого представлять собой границу сознания превышает такую же тенденцию ментальной логики, а потому волевое вырисовывается в субъективном как феномен более первичный, чем чувство, смысл и нейтральное тривиальное ощущение. Небольшое усиление крайних состояний сознания уже означало бы, что волевые ощущения не только бессмысленны и бесчувственны, но и алогичны, не только алогичны (дологичны), но и бессознательны (досознательны). Прямым путем фиксировать подобные особенности волевого невозможно из-за отключения смыслового и мнестического. Если переход к сверхреактивностям означает первую ступень отключения, то переход к крайнему волевому (волевому в чистом виде) — вторую. Подразумевается, что первая ступень связана со снятием рационального, а вторая — со снятием логического и смыслового. Косвенное фиксирование особенностей волевого, фиксирование задним числом может рассматриваться только как предварительное.

Вторая трудность в рассмотрении волевого заключается в необходимости отмежевания от гомункулусирования реального волевого. Спасение здесь не только в диалектике временных рядов и диалектике самого вложения сознания в сознание, но и в достаточной прозрачности общей природы того, что проходит через сигнально-рациональный центр сознания и через периферию сознания.

Качественно-интенсивностная классификация волевых ощущений имеет сходство с классификацией смыслов и реактивностей только при рассмотрении феноменов, связанных с кажимостями субъективной автономии.

КЛАССИФИКАЦИЯ ВОЛЕВЫХ ОЩУЩЕНИЙ

1. Ощущения волевых сред — тотальных волевых координат.
2. Безапелляционно переживаемое частное волевое (касается изменений в дифференцированных ощущениях).
3. Диффузное парареактивное волевое.
4. Экспозиционное волевое.
5. Домотивное волевое.
6. Мотивационное волевое.
7. Частное суперволевое.
8. Общее суперволевое.
9. Тонкое волевое.
10. Тонкое волевое неспецифическое.
11. Предельное волевое.
12. Сверхволевое.

1. Ощущения волевых сред — это базовые и наложенные волевые состояния.

Базовые состояния: бодрствование, небодрствование, инободрствование.

Состояния, наложенные на базовые: дремота, гипнотические фазы сна, вялость, оживление, напряженность, скованность, абулия и т. п. Здесь указаны наложенные состояния только для обычного базового состояния бодрствования. Граница между небодрствованием и инободрствованием условна.

2. Можно видеть три вида безапелляционного частного волевого:

а) внешнее от порхания бабочки и тиканья часов до движения товарного поезда и раската грома (подразумевается именно волевая компонента изменения субъективной реальности);

б) соматическая непроизвольность от моргания до деяния в состоянии "аффекта";

в) пограничное волевое: от легкого давления и поглаживания до удара током и физического насилия.

В перечисленном мы обращаем внимание не на прочие категории ощущений, а на лишенные квазипроизвольности волевые импульсы, как первичные, так и индуцируемые первичными синтонные или негативные.

3. Парареактивное волевое. Эти волевые ощущения непосредственно связаны с реактивными ощущениями, словесно и двигательно неоформленными сиюминутными побуждениями, влечениями. Парареактивное волевое как бы создает дополнительное реактивное погружение. Возможно неспецифическое ИФФС-оформление парареактивного волевого.

4. Экспозиционное волевое. Ощущения несколько сходные с предыдущими, связанные со спокойным рассматриванием предметов, изображений, интерьера, ландшафтов.

5. Домотивное волевое (импульсивное, стереотипное). Здесь имеются в виду импульсы, коррелирующие не только с выполнением привычных действий в утилитарном смысле, но и импульсы, связанные, например, со случайными, навязчивыми действиями (игра с цепочкой, болтание ногой, постукивание предметом о предмет и т. п.).

6. Мотивационное волевое (запускающее, поддерживающее, прекращающее, преодолевающее, переключающее и т. п.). Связано с выбором направленностей активности, перераспределением направленностей.

Мотивационное, независимо от степени своей ущербности, обязательно проходит через центральную умственную зону. Верблизация смыслов и намерений внутренней речью не обязательна. Здесь важно осознание не только результата, но и начала действия, важна связность волевых импульсов со смысловыми импульсами. Знаковая выраженность последних не играет особой роли. Мотивационное волевое в сумме с импульсивным и стереотипным волевым составляет рабочее волевое суммационно-практической активности.

7. Частное суперволевое. Характеризуется приматом конкретного действия над последствиями и какими-либо данностями. При этом уничтожаются все иные интересы и жизненно важное. Характерны девизы: "Умрем, но не сдадимся!", "Вперед под танки!", "С нами крестная сила!", "Будь что будет!", "Только через мой труп!" и тому подобные.

8. Общее суперволевое. Далеко не всегда фиксируется мышлением достаточно четко. Чаще имеет место тоническое фиксирование. Формально интенсивность воления выглядит здесь как степень упомненности, в виде априорной или апостериорной отиснутости в границе сознания.

Речь идет не о мотивах, а о сверхмотивах, образующих относительный смысл жизни. Общее суперволевое предрассудочно и распространяется на все проявления индивидуальной деятельности. Оно не может сводиться к поставленным целям или к приказам поступать так, а не иначе. Имеет значение не

волевая формула, а ее соответствие действительному.

9. Тонкое волевое. Связано с деятельностью, требующей обуздания обычно-органических волевых импульсов и отрицательных эмоций, стадных порывов. На второй план отступают страх, боязнь крамолы, богохульства, житейское нежелание мыслить до конца и без смысловых прыжков.

В сфере интеллектуальной тонкое волевое поддерживает мышление, выходящее за грань обыденного здравого смысла; в прагматических сферах оно имеет отношение к тому, что называют словами "мошенничество", "интрига", "политиканство", "заговор" и т. п. — ко всему тому, что связано с крайней опасностью, но требует самообладания и строго дифференцированных и продуманных действий.

10. Тонкое неспецифическое волевое (мистическое волевое). Соответствует аналогичным сосредоточенностям реактивного и смыслового.

11. Предельное волевое. Экзотическое ощущение внезапной свободы, внезапного неожиданного раскрепощения, краткая иллюзия того, что все возможно.

12. Сверхволевое. Феномен недостаточно ясный по своим внутренним проявлениям. Чаще всего имеет прямое отношение к коллективным психозам, панике, религиозному умопомрачению (непросветлению[18]). Имеет место аннулирование всех бывших ранее сосредоточенностей, создание новых многообразных доминант.

[18] Элементы "умопомрачения" характерны и для состояния просветления. Прежде всего, это тонкое сужение кругозора.

* *

Сама представленность волевых ощущений дается в зависимости от затрагивания центрального сознания; в более общем случае волевые ощущения коррелируют с деформацией и изменением всего сознания; волевое переходит в малоуловимое, а затем вообще перестает быть ощущением, то есть вымывается из субъективного.

Если над зоной ума витает фикция разума, то "зоне" воли соответствуют фикции, условно именуемые "силой воли", заповедями, обетами, судьбой и т. п. Установление несуществующих точек опоры здесь коррелирует с поглощенно-психейными точками опоры. Значение всякого рода волевых фетишей — в самовнушении, кажимости возможности управления незримым (что именно чем здесь управляет — весьма спорно), но главное в том, что фикционные разграничения и сосредоточения оказываются иногда прагматически действенными, а, следовательно, не по своему обозначению-условности, а по своему витальному назначению приемлемыми, хотя бы временно. Здесь важно отсосредоточение-сосредоточение, усиление посредством иллюзий и искусственных приемов активного умомненья, отпечатывания нужных стереотипов. Молитвы, призывы, заклинания действуют отнюдь не только механически как оборотная сторона рефлексивно-рефлексных точек — иногда все это приводит к неописуемым невоспроизводимым явлениям паранаучного свойства.

В некотором роде волевые ощущения первичны по отношению к прочим ощущениям, они связаны со степенью наличности всего сознания вплоть до его рационального отсутствия. Даже засасывания в сон, дремоту, патологическое восприятие связыва-

ются с усилением волевых трансформативных ощущений за счет ослабления обыденно-тривиальных ощущений волевого настроя. Всякая попытка не заметить бесцветно-незримые силы через симптомы волевых ощущений оканчивается тем, что эти "силы" усиливаются и действуют подобно стихии. Волевые ощущения по своему основному содержание соответствуют тому, что как раз перпендикулярно плоскости сознания, малодоступно мнестическому. Можно не брать такие состояния, как кома, судороги, шок, — достаточно указать на явления эмоциональной тупости и чувственной обостренности, спутанности ума и высшей ясности, крайней усталости и бодрого оживления.

2.2.4 ДРУГИЕ ИНТЕГРАТИВНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

К интегративным ощущениям относится ощущение "я", ощущение дленности, ощущение длительности, ощущение протяженности. Это наиболее общие интегративности. Ощущения протяженности могут быть различных видов. В их числе квазисредная протяженность, незрительные протяженности, свободные от зрительных, а затем и — каких-либо геометрических ассоциаций.

Аналогично, ощущение дленности — это не субъективное время, связанное с теми или иными частными изменениями, а всеобщее ощущение текучести. Имеет место неизменяемая триада сознания: "я"-протяженность-дленность. Эта триада реально автоабстрактна, экзистенциальна и представляет собой остов сознания.

Существуют интегративные ощущения непосредственно ИФФ-средные и квазисредные, а также интегративные ощущения, пограничные между квазисредой и ИФФС. ИФФС по отношению к разнообразным интегративностям вполне разделима на интрофотосреду и интрофоносреду. По связи с протяженностями различие между зрительным и звуковым проступает уже в квазисреде, невзирая на возможности частичной нивелировки такой разницы.

С интегративными ощущениями различного порядка и данности связано также выделение предметов из видимости, образование кажимости самотождественности этих выделенных предметов во времени. Интегративны ощущения пропорций, ощущение движения, метрическое ощущение (прототип математического количества), ощущение формы, размера, удаленности и т. п.

Возникает впечатление противоречия: с одной стороны, интегративные ощущения выступают как симптомы иррационально-бесструктурного, с другой — многие интегративные ощущения представляются признаком сигнально-рационального, структуро-информационного. Сверх того, определенное недоумение способна вызвать разнородность интегративного.

Существуют различные приведения интегративностей к единству. Одно из таких приведений заключается в использовании градаций ощущений смысла. Имеется в виду использование смысловых феноменов не как вспомогательных, а как стержневых. Исходя из расширенной таблицы ощущений смысла, мы доходим до искусственных рационализаций, а затем уходим от них. Можно воспользоваться сходствами между таблицами ощущений смысла, реактивностей и волевых проявлений. При этом рас-

познавательные и когнитивные интегративности окажутся в той или иной степени пересеченными с зоной "рабочих смыслов" (см. 2.2.2.А). Тем не менее наиболее значимо, на наш взгляд, такое рядоположение интегративностей, какое естественно связывает их с неинтегративными ощущениями и сознанием в целом.

Графически, при таком рядоположении, поток сознания выглядит в виде ствола дерева, а конкретная я-среда — как срез этого ствола (точнее говоря, срез ствола плюс несколько сердцевинных волокон различной длины, некоторые из последних — от корня до вершины). Наиболее дифференцированные ощущения располагаются у периферии среза. Большинство зрительных и звуковых ощущений — это кора дерева. Безапелляционные частные волевые ощущения — меристематические ткани. Наиболее интегративные ощущения — сердцевина дерева. Для полного рассмотрения, в модели волевых ощущений необходимо учитывать уже не срез дерева, а растущий побег (конус нарастания).

В хроносном плане возможна и иллюстративная картина потока сознания в виде метамерного дождевого червя, в котором всякий последующий сегмент отчасти сходен с предыдущим сегментом, а каждый сегмент представляет собой своего рода квант потока, сознание вместимое в наименьший локус субъективного времени.

Подобные общие рассмотрения целесообразнее приводить в более специальном разделе (см. 3.2.1). Здесь мы указываем только определенные ориентиры. Один из таких ориентиров — степень константности и возможность повторения интегративного ощущения.

Трудноклассифицируемыми интегративностями являются интенции отношений. Подразумеваются не столько отношения-рационалы, типа канонически выданных эрзацев мышления (книга лежит на столе; ребенок испугался индюка; диктатура себя изжила), сколько отношения, невыразимые ни подобными сентенциями, ни системой подобных сентенций. Полному членению на рационалы не поддается даже чисто смысловое. Тем более подобная операция затруднена для смысло-воле-реактивного. Интегративно выраженные отношения сравнимы с символами-образами[19], а часто неотделимы от последних в своих мозаичностях. Психическая посюсторонность в таких случаях замыкается на воспоминания о воспоминаниях, полное прояснение которых невозможно не в связи со степенью изначальной произвольности ассоциирования, но в связи со стертостью бывших некогда достаточных оснований, сверхмасштабностью всего пласта ассоциаций. Даже и в более простых случаях ключевую роль приобретает данность знака (в том числе напоминающего), связность знака с непрояснимым, в особенности тогда, когда свободная алгебраическая замена знака невозможна, невзирая на всю его изначальную произвольность или кажимость таковой. Например, вполне можно заменить (пользуясь русским языком и в рамках русскоязычной культуры) имя "Теофраст Бомбаст фон Гугенгейм" на имя "Парацельс", выражение "английская королева" на выражение "королева Ве-

[19] Возможны различные символы-образы, начиная от таких, как "улитка" ("черепаха") — медлительный, "череп" — символ смерти, опасности, яда, и кончая представлениями типа "мое прошлое", "Лета", "Дом".

ликобритании" (невзирая на всю формальную разницу), более сложно заменить наименование "Китай" наименованием "Хина" или "Хань", и практически никак нельзя заменить (без тонико-смысловых потерь) имена "Фет" и "Бальмонт" на алгебраическое "поэты А и Б", невзирая на всю логическую допустимость такой замены в соответствующих контекстах.

Если в смыслознаке, смыслообразознаке искусственно выделить знак и смысл или смысл, образ и знак, то часть, называемая знаком, может быть подразделена на знак и знакосмысл, а образ — на образ и образосмысл. Роль знакосмысла — в наличии смыслов, дающих схватываемость и слияние несемантической стороны знака, то есть знакосмысл — это внутренний смысл знака. Примерно то же можно сказать о внутренней стороне образа, образа как самозамкнутости вне иных образов и вещно-предметных соответствий, побуждений-сходств.

Соотношения между знаками и реактивностями малоопределены. Кроме того, соотношения между "внутренней" реактивностью знака и его "внешней реактивностью" могут быть самые неожиданные, непланируемые. Сверхважной может оказаться и конкретная данность знака в здесь-теперь, та или иная его модификация: в структуре знака есть "внезнаковые" — неозначающие структуры, оказывающиеся разделом между смыслом и реактивностью.

2.3 Я-СРЕДА В ЦЕЛОМ (Резюме)

Я-среда — это совокупность всех данных ощущений в кажущемся настоящим локусе времени. В эту совокупность входят и ощущения, не имеющие внутреннего временного локуса, и ощущения собирательные, в которых так или иначе, интегрированы ощущения разных локусов времени.

Все то, что реально дано человеку, есть его собственные ощущения; следовательно, единственное, что дано человеку, есть я-среда.

Я-среда характеризуется тем, что всякая произвольно взятая ее часть самоосознается. Действительно, если я вижу черное пятно, то это черное пятно самоосознается, в противном случае его бы не было, так как за этим пятном не наблюдает никакой гомункулус. Ощущение "я" находится в том же царстве феноменов, что и черное пятно, несмотря на иную выданность, выдвинутость в сознание.

Какие бы произвольно выделенные данности сознания мы ни брали, всегда самоосознается каждая из подданностей этих данностей и одновременно то или иное их множество. Объединение и пересечение двух элементов я-среды есть элемент я-среды. Если объединение есть одновременное восприятие-осознавание и выделенность ощущений, то пересечение — это более общее ощущение или более интегративное ощущение. Более общее ощущение — ощущение общей принадлежности, общих свойств, а интегративное ощущение — в строгом смысле, не само собственно пересечение и не сама сумма ощущений, но новый феномен, на всем этом или на части всего этого основанный, вернее, с частью всего

этого или со всем этим скоррелированный. Нужно учесть и различную заданность различных интегративностей. Чистыми пересечениями, например, могут быть предметно-рациональные интегративные схватываемости.

Я-среда обладает подобиями с субстанцией, и в ней невозможны "пустые элементы", "нули", "бесконечности" и другие абстрактные математические характеристики. Протяженность я-среды не имеет геометрического характера. Метрику и размерность я-среды образует исключительно функция самоосознаваемости. При этом априори ясно, что размерность любого из сознаний я-среды не является кратной единице.

Субъективное пространство, точнее, совокупность субъективных пространств перцептируется-апперцептируется как одно или несколько интегративных ощущений. При этом с общим субъективным ощущением протяженности нельзя смешивать частные: зрительное, звуковое, обонятельное, соматическое, фотосредное и т. п. Общее ощущение протяженности не есть ощущение размеров, кубатуры, пространства предметов обыденности, — это ощущение разлитости, расплеснутости, которое константно и никогда не меняется, подобно ощущению "я". Ощущение "я", ощущение дленности и ощущение протяженности образуют единую триаду.

Я-среда является негеометрически многослойной средой, благодаря инерции, обычным воспоминаниям, мгновенным воспоминаниям, ощущениям смысла, ощущениям движения и т. п. Интеграция одних ощущений другими не есть какой-то процесс, происходящий внутри я-сред, но внутри я-среды дается только результат. Сознание предстает как самосоз-

нание каждой данности сознания, даже если между подданностями отсутствуют протяженностно-пространственные или какие-либо еще связи. Все это вовсе не означает, что трещине на стене известно о существовании в данное время запаха одеколона. Взаимосвязь-самоосознавание этих двух ощущений сразу происходит в третьем ощущении, с ними сцепленном и на них наложенном. В свою очередь, это третье ощущение опричинивается не из перечисленных двух ощущений, но из поглощенности. Я-среда не может быть центрирована сразу во всех средах и ощущениях. Централен узел наибольшей сосредоточенности; прочие ощущения оказываются довольно призрачным аккомпанементом. Под термином "узел" мы подразумеваем обозначение области наибольшей психической схватываемости безотносительно к наличию в этой схватываемости тех или иных ментальных границ, в том числе междусредных границ.

Высказывания о реальных я-средах вполне могут характеризоваться алогизмом и отвлеченностью. Пусть мы имеем высказывание: "Я вижу предмет А" (ощущение предмета А имеет место). Само это высказывание оказывается "висящим в воздухе" — вначале полуреальным, а затем — выдернутым из реальности. Непосредственная соотнесенность с той или иной реальной я-средой также оказывается исчезнувшей, и ряд таких соотнесенностей представляет нам обыденный предмет-поток, типа того, что "покоясь, стоит на столе". Даже если условно допустить, что человек говорит не словами, а непосредственными соотнесенностями, то окажется, что подразумеваются вовсе не какие-то определенные я-среды и не данности, предстоящие через бывшие

реальности, но некоторый суммационный пакет воспоминаний из ряда бывших и переиначенных я-сред, причем неполный и внутренне размытый. Следовательно, умозрения и высказывания соответствуют не совокупности ощущений, а некоторой сигнально-рациональной выделенности мнестического. Это мнестическое, по сути, населено апперцептивным и, представая в своей конечной форме, является в форме апперцептивного. Подобная рациональная выделенность образуется по иррациональному типу и является стихийно-стереотипной.

Как правило, язык соответствует ощущениям достаточно нестрого. При намеренном усилении этой нестрогости (с некоторыми специальными сосредоточениями-разграничениями) мы будем иметь язык "строгих" абстрактных построений. Любая якобы строгая наука нестрога бытийно и психологически. Язык по отношению к пакетам я-сред описывает только определенного рода ограниченные и искусственно выделенные схемы. При толковании последних легко может быть внесена еще одна произвольность. Мировоззренческое очищение отчасти заключается в подборе условий для того, чтобы способ рассмотрения явлений не создавал на фактуре рассматриваемого собственных наслоений, снятие которых принципиально невозможно.

Само виденье людей, предметов, изображения в зеркале, изображения на картине и т. п. уже есть рациональная выделенность. Будучи актуальной рефлексивно-рефлексно, она совершает холостую работу, осигналивая и непрагматическое (формы облаков, клякс, фигуры Роршаха). Это избыточное осигналивание входит в подспудные основы художественного восприятия. Так, возможности избыточного восприятия могут быть испытаны на наиболее "аб-

страктных" художественных произведениях. Осигналивание имеет шансы идти и дальше к символизации и самоотрицанию, образуя феномен пропуска чисто рациональной выделенности, когда произведение вызывает обычные и тонкие эмоции без выделения чего-либо предметного и роршахового.

Выделение того или иного предмета или явления связывается с комплексом апперцепций. Основой последних чаще всего является неявная проторенность. С одной стороны, на расстоянии могут быть оценены прочность предмета, его твердость или мягкость, материал — без каких-то специальных мыслительных рассмотрений, одним мгновенным взглядом; с другой стороны, все это внушает видимость невидимого, иллюзии принятия декораций за действиительную обстановку и т. п. Из-за наличия этого рефлексивно-рефлексного (в том числе мнестического) светофильтра перед глазами невозможно знать, что мы видим и что мы могли бы видеть в чистом виде.

Один и тот же объект в поле обозрения, то есть не чистый реальный объект, а обыденный предмет-поток может характеризоваться различной выделенностью в качестве перцептивно-апперцептивной конструкции, в зависимости от степени и направления сосредоточения. Например, он может быть только пятном в общей картине фотосредно-квазисредного. Чем меньше сосредоточенность, тем более это пятно призрачно. И наоборот, эффект той или иной дерационализации иногда обеспечивается чрезмерной сосредоточенностью. В любом случае угловые границы зрительного восприятия неполны и размыты.

Каким бы зыбким ощущение ни было, оно тем не менее всегда полноценное ощущение — полу-

бессознательных и бессознательных ощущений не бывает, поскольку ощущение и есть то, что ощутимо присутствует, в каком бы виде это ощутимое присутствие ни давалось. Возможное отключение мнестического и диффузность волевого ни о чем не говорит.

Гете заметил, что человек не удерживается долго в сознании и должен убегать в бессознательное. Все, что дано, есть только сознание и некого нырянния субъекта как рамки сознания туда и сюда быть не может. О нырянии в поглощенность можно не говорить, поскольку мы фактически всегда там и оттуда, но уже не в качестве таких обозначений, как субъекты и местоимения. Между тем, в словах Гете можно видеть метафорический намек. То, что он назвал "сознанием", следует понимать только как обычно-упорядоченное сознание, а гетевская погруженность в бессознательное — не что иное, как наполнение сознания иным содержанием при частичном или полном уничтожении сигнально-рационального, прагматического, а также при частичном или, возможно, полном в той или иной компоненте отключении мнестического. Это кажуще подспудное сознание не является чем-то глубоко спрятанным. Оно вполне явно в момент своей данности. Пакеты ясред, объединенные тем или иным особым ощущением, связанные с эстетическим или эвристическим, могут состоять из сознаний смешанного типа (подспудно-неподспудных) в рамках специфической сосредоточенности.

Собственно субъективные сознания несамостоятельны и несамовытекающи. Тем не менее "подсознание", "бессознательное", "неосознанное", "нейродинамика" — только игрушки, состоящие из фиктивных положенностей, проекций на небытие некото-

рых границ явного. В строгом смысле, они не могут претендовать на роль неявной реальности.

Существует мнение, что гипнотизер действует на субъективное сознание гипнотизируемого, а уже затем — на нечто иное. В этом мнении заключена двухступенчатая ошибка. Во-первых, действует не гипнотизер, то есть не его табло-сознание; во-вторых, "действие" не направлено прямо на сознание поддавшегося гипнозу или гипнотизируемого. Нейрохирург же ничем не лучше гипнотизера. Любые человеческие действия — не что иное, как все те же пассы. Рефлексивно-рефлексная значимость дающегося в сознании структуро-вещественного фантома лежит в основе синдрома псевдоматериальности.

Для обычного сознания структура и есть его искривленная граница. Манипуляторство со структурами-границами — это манипуляторство через посредство иного. Поскольку ничто в субъективном сознании не является полностью проницаемым и полноценно данным, то и любые действия проистекают из сознания только кажимостно.

Допустим, что в сознании есть нечто, что не есть пассивное изображение. Поскольку это нечто находилось бы в сознании, то оно было бы полностью наглядным. Эта полнота наглядности оказалась бы абсолютной проницаемостью от и до, уничтожающей необходимость какого-либо познания. То был бы абсолют.

2.4 Я-СРЕДА КАК ВТОРОЙ ИСХОДНЫЙ ПУНКТ ФИЛОСОФИИ

Философия не исчерпывается сферой вербального и может присутствовать в ощущении несловесных звуков и зрительном созерцании. Во многих восприятиях предстает та или иная выраженность философии. В зрении есть и умозрение, а в мироощущении всегда даны и существенные составляющие мировоззрения и даже их живые переливы.

Как мы уже говорили, мировоззрение-изложение нигде не "висит", его нет, как нет текстов и полностью развернутой цепи воспоминаний-представлений в здесь-теперь. В реальном здесь-теперь мы можем иметь только мировоззренческие интенции, а эти интенции, сколь бы умственны они ни были, не разумные представленности, а ощущения, мироощущения. Следовательно, единственной мировоззренческой реальностью являются мироощущения. При этом не имеет значения, приняло ли мироощущение форму высказывания или нет, является ли оно результатом умозаключения или итогом иного (катарсис, внезапная несанкционированная проторенность, изменение положения вещей в "худшую" или "лучшую" сторону и т. п.). Слова "мировосприятие", "миропредставление","мирочувствование","миросозерцание", "миропонимание", конечно, несколько различаются по своей семантической окраске, но в рамках этой книги наиболее исчерпывающим термином является именно МИРООЩУЩЕНИЕ — мы не будем вновь обосновывать тезисы, что действительный психический феномен более или менее локален, полнокровен топологически, что всякое ощущение, невзирая на свой объем, есть неизбежно и восприятие, и

смысловая данность, что ощущение как некая вырванность по узкому качеству есть только абстракция. Ощущение = феномен, феномен = ощущение (и в микро-, и в полной макропредставленности). Разве только термины "мирофеномен", "мироофеномение" слишком двусмысленны и могут вызывать превратные ассоциации. Они проигрывают даже таким выражениям, как "мироявление", "мирокажимость".

При поиске отсубъективного исходного пункта философии, предпочтение нельзя отдать ни построению из умозаключений, ни эксперименту, ни интуиции, ни так называемой первой мысли. Приоритет нельзя отдать и тому, что как будто наиболее уместно, гармонично, значимо. Все перечисленное может оказаться одинаково ложным, а если не ложным, то ложно истолкованным.

Прагматически под философствованием обычно понимают всего лишь игру слов по конвенционально принятым правилам. Вполне может быть и так, что эта игра слов ничему действительному не соответствует. Чаще всего так именно дело и обстоит.

Собственно философствование заключается в движении интегральных смыслов или в сосредоточении на интегральных смыслах. Эти смыслы — одновременно чувствования, поскольку относятся не к первому, а к глубинному плану субъективной данности. Кроме того, они содержат некоторые в той или иной степени уловимые тонические обещания или претензии выхода за пределы этой данности.

Фактически дающиеся философствования необязательно приводят к систематической философии. Чрезвычайно редкостные мыслительные сосредото-

чения могут проявить себя как факторы системообразования. Всякого рода озарения "красотой", "ужасом", "Логосом", сочетаниями последних слишком сильны, чтобы быть такими факторами, но некоторые органически неопределеннозначимые оттенки названной триады уже образуют мировоззренческий вопрос, обращенный большей частью именно к внесловесной способности философствования. Подобное внесловесное философствование составляет самую суть искусства. В поэзии оно возможно не через прямые смыслы сочетаний слов, но... через отвлечение в словах от слов, через символы и иные способы создания сосредоточений. Наоборот, так называемая "философская поэзия" содержит только тысячи раз повторенные в прошлом сентенции и не имеющие достаточной ценности бытовые догадки, но вовсе не философию...

Можно взять и менее тонкие, более "традиционные" способы мировоззренческого сосредоточения. Известное высказывание "Я мыслю, следовательно я существую" (Мыслю, следовательно существую), несмотря на возможность последующего сведения к тавтологии в процессе уточнения, достаточно проницательно, содержит в себе неявные смыслы. Именно "мыслю, следовательно существую", но не "хожу, следовательно существую", "дышу, следовательно существую" и т. п. Все эти "хожу" и "дышу" прямо или косвенно, через слова или помимо слов, но предстают только через мышление. Вполне справедливо, что история Новой философии началась с приведенного декартовского тезиса. В нем уже присутствуют в скрытом виде Юм, Кант и Авенариус.

Более современным началом философии могла бы быть фраза [ОЩУЩАЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО

СУЩЕСТВУЮ], поскольку ощущение — это то, через что может предстать всякое нечто, если оно может предстать, поскольку всякое ощущение уже содержит в себе компоненту мысли — в противном случае оно не было бы "ощущениемостным". Дефект выделенной фразы заключается в наличии глагола и скрытого "я" или [я]. Высказывания "ощущения есть, следовательно они существуют", "совокупность ощущений означает существование их самих" могут быть прочитаны как тавтологии. Кроме того, текучесть ощущений (или, по крайней мере, ряда ощущений из совокупности ощущений) уже означает определенную парадоксальность. Придание существованию, сверх того, большего статуса, чем реальному наличию, требует объяснения термина "существование", что делает невозможным начало, исходность, а сведение существования к реальному субъективному наличию создает опять тавтологию и снимает возможность начала. Это второй парадокс попытки второго начала философии, если, конечно, не считать веера семантико-семантических парадоксов (часть которых мы рассматривали).

Высказывание "ощущение — это первая реальность" и высказывание "ощущения — единственная субъективная реальность" чрезвычайно непродуктивны, хотя для кого-то они — подлинное откровение.

Корень всех парадоксов в одном: в невозможности основания чего-либо производного в самом этом производном. Следовательно, начало строгой философии может быть только вне ее, а это де-факто означает начало философии в "недофилософии". Так и произошло. Мы начали изложение с обыденной дофилософской констатации: "Мне кажется, что я при-

сутствую в некотором мире". Последующее уточнение этой фразы привело к ее полному логическому размыванию, но, тем не менее, первичный импульс был дан и философствование началось.

Все это можно сформулировать суммировано: "Второе начало философии есть сфера ощущений". Однако эта сфера будет именно началом только при наличии первого начала — совокупности предначал, рассмотренных в первых разделах книги. С другой стороны, эта обыденная или необыденная формулировка требует обыденного, заведомо нефилософского определения философии, но, исходя из обыденного, ничего уважительного о философии сказать нельзя. Весьма подходят такие эпитеты, как словоблудие, мудрствование, мыслительная жвачка, пустая обстоятельность, интеллектуальный вирус, лженаука, ненаука и так далее. Мы можем только спокойно заметить, что все это верно. Какого бы философа мы ни взяли, мы можем обнаружить у него, в лучшем случае, только тот или иной вклад в философию как сферу человеческой погруженности, философию как социальную сферу, но — не собственно философию как некое здание-построение. При ближайшем рассмотрении всегда окажется, что предлагаемое здание то не имеет никакого фундамента, то не имеет стен, то имеет обманный фундамент, ложные стены, и в любом случае оно — блеф. Наличие у того или иного философа некоторых верных положений нисколько не снижает эту блефовость, поскольку блеф для того, чтобы быть правдоподобным, должен иметь в себе некие "реалии". Философия — это как бы жилище, в лучшем случае годное только для самого философа, его эпигонов и апологетов, а если философ уже вошел в хрестоматии, то в определенной степени для тех, кто зарабатывает

на жизнь каким-либо своим отношением к философии — ведь должен и блеф приносить пользу.

Самообман, а следовательно обман в философии (прибегать к эвфемизмам здесь более чем непристойно) крайне прижился, и вопль "а король-то голый" здесь не поможет, поскольку те или иные вопли по более конкретному вопросу раздавались еще до нашей эры, но новые короли и новые ... (здесь как раз нужен эвфемизм) предпочитают не замечать, что до них что-то донеслось.

Именно поэтому в качестве второго начала философии и предлагается попытка избавления от обмана, попытка различения реальности и нереальности. Наиболее естественным образом эта попытка и приводит к я-среде. Ведь даже иллюзорность я-среды есть реальность иллюзорности в ее уже конечном виде, данность, но не обещание данности. Я-среда — это общий и целый итог каждого мгновения. Из области слов мы указываем не на область слов, но на то, что видится, слышится, чувствуется, думается и вообще кажется в сейчас. Все то, что реально кажется в сейчас, и есть я-среда.

Некая некажимостная интерпретация я-среды маловозможна из-за инертности я-среды, из-за существования субъективного локуса времени обычных нейтральных ощущений (например, ощущений виденья предметов) в течение 2-3 колебаний всей этой части субъективного мира, в течение 2-3 малозаметных, но все же явных флуктуаций. Опыты с ограничением угла зрения и эксперименты со стабилизацией сетчатки, несмотря на все философские фильтры и табу на данные естествознания и их прямое наивное истолкование, пусть не абсолютно, но приемлемы и философски, поскольку объектом эксперимента здесь оказывается восприятие, я-среда,

но не некие косвенности. Разумеется, и здесь имеют место "черные ящики", фактически опосредованное, но не прямое влияние на я-среду. Главное в том, что отсчет и заключения совершаются не по данным приборов, не по той или иной косвенности, но по видению испытуемого. В частности, указанные эксперименты и опыты показывают, что зрительная реальность состоит из некоторых микрозрительных данностей, в которых человеческое ви́денье не является объемным и близко к изображению на плоской, чуть искривленной картине. Эта микрозрительная реальность является как бы кадром зрительности.

В течение локуса времени сигнально-рациональных данностей вполне можно успеть прочитать одним актом короткое слово или, по крайней мере, одну букву, но сокращение локуса времени до микрозрительного делает опознавание буквы невозможным, хотя и не снимает реальности. В данном случае в качестве реальности будет выступать пятно определенного цвета на фоне определенного цвета, естественно, мелькающее пятно, промелькнувшее пятно. Субъективно никакой буквы здесь нет, независимо от того, что изображено на предъявлявшемся материале для экспериментатора. Это изображение для экспериментатора зависит от условий эксперимента и в большинстве случаев есть только представление об изображении, "правильном изображении".

Микрозрительное характеризуется рамками иных локусов субъективного времени, чем зрительное предметной выделенности[20].

За исходные точки отсчета нельзя брать некие "феноменологические" чистые сущности — эти сущности род абстрактного небытия. Было бы очень странно считать, что они более устойчивы, более надежны, чем чувственное. Скорее наоборот, эти будто бы рафинированные идеальности вполне можно заменить конкурентными, причем выбор "этих", а не "иных" идеальностей весьма произволен, зависит от теоретических предубеждений. Ссылки на то, что чувственное нас обманывает, что оно эфемерно и малоприемлемо в качестве фундамента чего-либо, проистекают из скрытого наивного реализма или, во всяком случае, из его рудиментов. Многие упорно продолжают считать, что ощущения суть отражения того, что за их пределами. Это запредельное считается менее иллюзорным, чем ощущения. В этом, может быть, и не было бы философской крамолы, если бы ощущения не считались подобными чему-то "внешнему". С другой стороны, бытует совершенно недопустимое отождествление предметно-вещного мира с реальным миром, в то время как этот прагматический предметно-вещный мир — всего лишь стереотипный фантазм, потребный для осуществления относительно произвольной двигательной функции.

[20] Это не пространственно-временная толщина в обычном смысле. Тонкое малоуловимое время-пространство — другое время-пространство, но не продолжение того, какое представляется натуральным.

Выводы. Второй исходный пункт философии лежит вне теоретических конструкций и словесной сферы, взятой в чистом виде. Этим исходным пунктом может быть явление я-сред, при условии необходимых сосредоточений и предварений, связанных с первым исходным пунктом философии. Явление я-сред сравнимо с несуществующими сферами и положенностями, предстающими через умственные ссылки. Контраст, выявляемый при этом, служит определенным критерием различия реального и нереального.

Очистка субъективного мира, рассматриваемого в предельно широком понимании, идет не до псевдоумопостигаемых сущностей, вырождающихся в небытную идеальность, но до феноменов здесь-теперь-так наличных. Соответствующие этому пропозиции (про-позиции) играют не некую корневую роль, но только роль рамок, роль алгебраических функций и аргументов.

2.5 ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО

> Я знаю нечто, что реет и светится перед моей душой; если бы это достигло совершенства и постоянства, это была бы вечная жизнь. Оно таится и все же возвещает о себе. Приходит же оно воровским образом, чтобы отнять и украсть у души все вещи. А все же немного открывается и показывается, чтобы очаровать душу, и привлечь ее к себе, и похитить, и отнять у нее ее самое.
>
> Augustinus sanctus

2.5.1 ВИДИМОСТЬ

Если ум склонен к отвлечению, то реактивное — к преувеличению. В уме реальны картины и модели с иной фактурой и заданностью, чем у прототипа, а также ссылки на идеальное; в реактивном реальны ссылки (реактивные же) на еще большую интенсивность и тотальность реактивного. Попытки синтеза этих двух тенденций в современном мире носят достаточно ограниченный характер и оказываются (как это ни странно) одновременно и экстраполяцией прагматического. Мифические миры, так или иначе — миры с собственной прагматикой, будь то прагматика утопическая, нравоучительная, развлекательная или иная. Мифические миры являются структури-

рованными, а структуро-прагматические рациональные и квазирациональные параметры рано или поздно начинают заслонять собой сущность субъективно-сознательного зашкаливания, — мистическое через мифическое вырождается в мистерическое, а затем и в сакраментально-ритуальное, лишенное каких-либо реактивно-значимых, особых психологем.

Можно и не брать явно выраженные смыслы и реактивности — на уровне разлитого смысла и разлитой реактивности вполне реально дается феномен, который близок к тому, что принято называть панпсихизмом и панвитализмом. Рациональное дробление на "живое" и "неживое" здесь не вполне осуществлено. Плеск воды и гуд трансформатора представляются не менее живыми, чем человеческий голос. Это может быть связано с тем, что вся человеческая данность есть живые человеческие ощущения. В обычном восприятии "внешних объектов" наличествует не только опсихиченность сама по себе, но и то, что соответствует реактивным ощущениям. Проскакивающая в неисправной установке электрическая искра воспринимается как нечто реактивно-кульминационное, независимо от того, насколько наблюдателю известна схематизаторская природа искры. В реальном восприятии гром и молния — не бухгалтерское атмосферное явление, но экзистенциальное. Отклонение стрелки прибора может быть связано с теми или иными параметрами, схемами, соображениями практическими и отвлеченными, но само это отклонение дается через сознание и в сознании и кажется фактически волевым и живым; точно так волевым и живым кажется удар током.

Если бы у доканонического мышления был собственный разум, то в этом праразуме искра воспринималась бы не только как явление, соответствующее установке, но и как акт, присущий природе вообще, всплывающий в сознании момент всего, что скрывается за видимостью. Словно в дикарском мышлении, гром и молния превратились бы в проявление неких глубоко спрятанных механизмов — будто Там нечто свершилось или нечто есть, а молния — только знак, указующий перст.

Рассмотрение самых обычных явлений с одновременной элиминацией области схем и рассудочных полочек приводит к оживотворению и одухотворению зачеловеческой территории, но и чисто человеческое восприятие уже оживлено, одухотворено и лишено рассудочности. В нативной здесь-теперь-так видимости звезды — это точечки, а вода в море — вовсе не аш два о. Сказать, что в непосредственной реальности весьма много того, что никак неохватимо научно, — означает сказать трюизм, но, сверх того, в непосредственной реальности и много такого, без чего наука оказалась бы нелепейшим абсурдом, фантомом, повисшим в небытии. Между тем так оно и есть: все построения наук, взятые безотносительно к субъективному, взятые сами по себе, и оказываются таким фантомом.

2.5.2 ЭРОС-ЛОГОС-ХАОС

Издержка, содержащаяся в утверждении, что негде существует особый мир идей или понятий, так и остается издержкой, но нельзя не видеть глобальной разницы между выражениями типа "дом вообще", "человек вообще", "ветка вообще" и выражениями

"страх вообще","красота вообще". Если денотат первых размывается, то денотат вторых — субстанционализируется, теряет посторонние частности, приобретает Тон безличного Оно, оказывается тонической напряженностью, не столько интегрируя я-среды, сколько их размывая и уничтожая. Если бы человеческая способность к проницаемости стремилась к бесконечности (иными словами, к единице, когда подразумевают интенсивность): $n \to \infty$, где n — число ступеней восхождения (или ИП $\to 1$, где ИП — интенсивность проницаемости), то красота и страх оказались бы живыми, запредельно напряженными излучающими пятнами-тонами, чем-то испепеляющим, наподобие лица горгоны Медузы, антиинформационными и антиструктурными.

Нейтральное ощущение никак не может быть дополнено, доделано до самостоятельности. Оно содержит в себе только ментальную протяженность и оттенки ненейтральных ощущений. Аналогично не могут быть внутрисубъективно-экстраполятивно дополнены и волевые ощущения — они слишком граничны и алогичны, взятые изнутри самих себя, и ведут не к некому экстраполятивному бытию, а скорее к границе между бытием и небытием.

Очищение и интенсивностное дополнение характерны, как правило, только для ощущений смысла, ощущения реактивной отрицательности и ощущения реактивной положительности. Все это квазисубстанциональные первичности.

Переходящие субъективный предел, экстраполированные в запредельность, последние ощущения выглядят так:

Эрос — запредельное положительное ощущение,
Хаос — запредельное отрицательное ощущение,
Логос — запредельный смысл,
Эрос-Логос-Хаос — запредельный смысл и запредельная реактивность, абсолют менталитета.

Тривиально понимаемой нейтрализации положительного и отрицательного в указанной триаде может и не наступать. Прагматическая разделенность "боли" и "удовольствия", "страха" и "радости" адекватна только сигнально-рациональной человеческой природе, но не некой чисто ощущенческой сути тех и других. Даже и в прагматическом плане здесь возможны эффекты потенцирования одного другим и непогашающего уравновешивания.

Сами по себе запредельные ощущения не могут быть достигнуты в рамках омнестиченного сознания, но те или иные тоничности, в частности связанные с синтезами форм и оттенков, могут приближаться к эстетическому пределу сознания, и одна из данностей может выступить в роли передатчика того, что человеку никогда и ни при каких обстоятельствах не дается в рамках обычного сознания.

Некоторые ощущения, например, ощущения от живописной картины могут казаться как бы освещенными чем-то иным, будто за этими ощущениями или скрытно в самих этих ощущениях присутствует что-то сверхважное, а сами они — только оттенок, отблеск того, что присутствует.

При всякого рода эстетико-гедонистических воспарениях неизбежно чувство потери, потери того, что как будто и не могло быть потеряно, но, тем не менее, оказалось вероломно отнято. Отнятое это, кажется, было не Здесь, а где-то Там, как будто про-

изошло то, что аллегорически можно назвать изгнанием из рая.

Все это странным образом может подтверждаться и в обыденном: во всяком ощущении страха, каким бы легким оно ни было, всегда содержится отблеск запредельного ужаса, некой происшедшей в незапамятные времена мировой катастрофы.

2.5.3 МИСТИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ

А. ВВЕДЕНИЕ

Мистические ощущения сами в себе являются субъективной тонической реальностью. Экстраполятивна в них только реактивная ссылка на кажущиеся объекты вне сознания. Мистические ощущения выглядят как тонкие оттенки Эроса-Логоса-Хаоса и того, что можно назвать Антилогосом, то есть они оказываются реальными оттенками того, что не может быть названо реальностью открытой полностью субъективно. Если по ныне существующей теории считают, что все цвета суть производные трех цветов, то по случайной, а, скорее всего, по неслучайной параллели мистические ощущения вырисовываются как ослабленные производные названных внесубъективных экстраполятивных объектов. Только некоторые из мистических ощущений (мистика волевого) выпадают из этого отношения.

Реально мистические ощущения в большинстве случаев даются как сопутствующие некоторых сочетаний других ощущений (мозаических). Сильно выраженные собственно эстетические ощущения чаще всего суть совокупность мистических и мозаических ощущений. Сверхсильные эстетические ощущения

(даются человеку весьма редко) могут связываться и с другими особыми реактивностями и смыслами, а слабо выраженное эстетическое или менее интенсивно выраженное (чем через посредство мистических ощущений) эстетическое коррелирует с тонкими эмотивностями. (Художественное, в нашем понимании, далеко не всегда эстетическое в прямом и обратном смысле, а потому основой художественного часто является не эстетическое, а обычно-эмотивное и смысловое.)

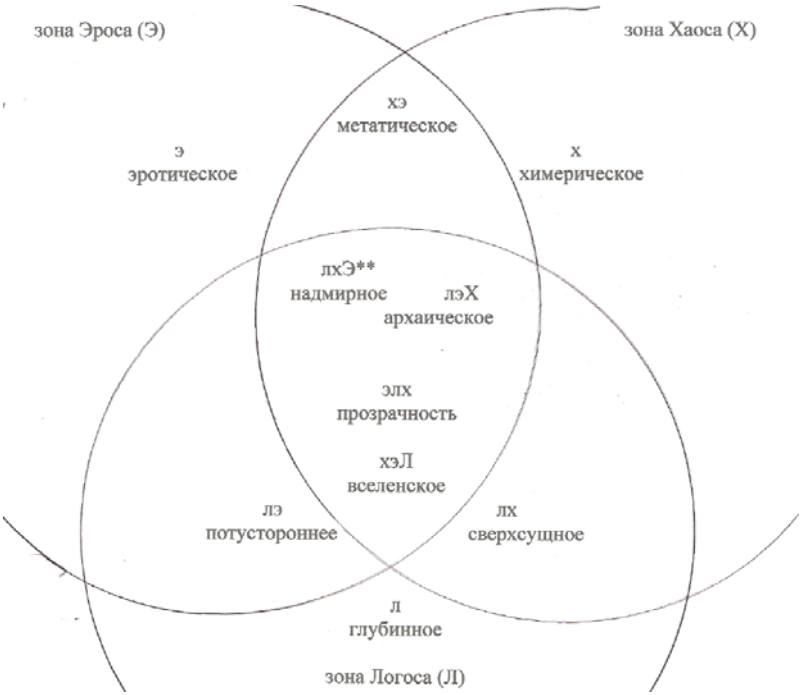
Мистические ощущения всегда положительны, даже в том случае, если они сцеплены с отрицательными эмотивностями и витальной деструкцией, срывом витального тонуса. Всякого рода "мистические ужасы" обычно соответствуют наличию отрицательных канонических эмотивностей, входящих в комплекс ощущений вместе с мистическими ощущениями. Тем не менее нельзя абсолютно строго исключать возможность мистической отрицательности, ввиду фактора амнезии и фактической невозможности анализа тех р-ощущений, какие имеют место достаточно редко и одномоментно.

Метатеоретический статус анализа мистических ощущений, как и анализа реактивностей вообще, нетривиален, так как не может быть сведен только лишь к здесь-теперь интроспекции. Всякого рода утверждения о накоплении "опыта", о "культурологической практике" являются нефилософскими. В то же время апелляции к вечному Там, к эйдосам-неидеям, разлитым повсюду, не могут ничего вызвать, кроме законного скепсиса. Понятно, что статус мистического более строг, чем, скажем, статус этического, но все же нейтральное его подведение из сферы индивидуального бытия к сфере философского бытия непрост. Надо заранее оговориться о возможных мировоззрен-

ческих дефектах при рассмотрении явлений сознания, дающихся непостоянно. По крайней мере, такой дефект как неполнота абсолютно или хотя бы сколько-нибудь гарантированно устранен быть не может.

Мнестическое "стояние" явления "перед глазами" никак не может быть достаточным аргументом, ввиду вполне известных иллюзий памяти и мышления, наличия предустановок и т. п. Необходимы аргументы, которые выступали бы в роли дополнения. Одним из таких дополнительных аргументов является наличие тех или иных необычных эффектов в ослабленном виде при заведомом их провоцировании или провоцировании тканью художественного произведения. Наиболее веский аргумент — это прорисованность предпозиционной карты мистических ощущений. Эта прорисованность примерно такого же рода, что и у периодической таблицы Менделеева. Наличие в этой карте пустого места уже притягивает соответствующий материал из индивидуального потока сознания, в том числе и из тех его явлений, которые спровоцированы искусством. Следовательно, неполнота анализа мистических ощущений может заключаться в ограничении самой сферы мистических ощущений, но не в потере их внутри такой сферы.

ДИАПАЗОН ПРЯМОЙ ТРИАДНОЙ МИСТИКИ*



*Непрямая, то есть обратная мистика — это мистика антиабсолюта, связанная с обращением реактивного и антилогосным. Тонкие неспецифические ощущения "вне триады" восходят к волевому и сверхструктурному.

Дополнительные разновидности мистики будут рассмотрены в специальных разделах.

**Прописная буква означает превалирование соответствующего оттенка.

Это ограничение не может никак быть исключено — демонстрация потоков сознания (через то или иное преломление) или "культурных отложений" человечества на предмет того, что они уже рассмотрены и профильтрованы с целью поиска недостающих или упущенных по предположению элементов, может быть неэффективна, что вполне связывается с самыми различными причинами, из которых главные: необходимость адекватной настроенности конкретного сознания и разность между различными субъектами, в конечном итоге упирающаяся в психейную разность. Последнее обстоятельство — причина мистического релятивизма: эпилептоиды совсем не склонны к собственно мистическому восприятию, у маньякоидов мистическое восприятие перекрыто эмотивным и т. п. Подобные сведения, почерпнутые из биографических, патографических или других источников, вполне погашаются параллельно почерпнутыми сведениями о возможности измененных состояний сознания, в которых один психотип начинает обладать свойствами другого психотипа. Наиболее фундаментальный закон всех мыслимых данностей — это нормальное распределение (закон Гаусса). Он может быть применен не только к мистическому или эстетическому, но и к мозаическому, что в частном случае можно проследить на использовании литот-гипербол, метафор или метонимий. Эти средства преимущественно характерны для соответствующего им психотипа, но, с другой стороны, психотипы неабсолютны, в ограниченных случаях способны переходить друг в друга. Можно заметить, что запретную грань мистического маньякоид Гоголь переходил в процессе нанизывания гипербол, эпилептоид Достоевский — в выворачивании наизнанку: эпилептоидная жвачка у него неиз-

менно начинает обрастать шизофреноидными сверхценными идеями. Аналогично шизофреноиды Гофман, Андерсен и Фрейд в накале своих построений, связанных с дальними планами сознания и чисто умственной эстетикой, отумственным юмором достигали области эмотивного. Фрейдовская метонимия получила несвойственное применение, будучи выстроенной из ткани метафор.

Более подробное рассмотрение поднятых здесь вопросов выходит за грань этой книги, поскольку рассмотрение таблиц психотипов более задача психологии, чем философии, требует иного материала и иных способов изучения и, что более важно, иной меры строгости и точности.

Основной критерий для выделения и начала рассмотрения особых реактивностей — отнюдь не мнестическое, а интенционное. Интенционная проверка не может заменяться интуитивной проверкой, но вполне может следовать за ней. Типичное для философии всех времен схематизаторство часто диктовалось предустановками, соображениями симметрии и числовой игры. Построение каких-либо зигоморфных философских цветков (и вообще внесимметричных) не следует исключать заранее. Числа, в данном смысле, — только источник предварительного поиска, но не алгоритм.

Исчерпывающий анализ чувственного невозможен. Мы заранее здесь ограничились сферой редких и особых чувств. Экзотичность и эфемерность не способствуют изъятию мистического из анализа, вследствие связи этой сферы с эстетическим восприятием (в том числе восприятием шедевра, восприятием витальных экстремумов через призму измененного сознания).

При анализе особого восприятия мы используем два метода: пример и наведение. Пример показывает условия возникновения особого ощущения. Наведение провоцирует его интенцию. С целью привязки конкретного ощущения-тона к языковой плоскости текста, используется искусственная вербализация. Как уже отмечалось, для большинства особых ощущений словесных обозначений нет.

МОНООТТЕННКИ

Б. *ЭРОТИЧЕСКОЕ*

Эротическое входит в состав большинства комплексов достаточно ярко выраженного "удовольствия" и "наслаждения" и может касаться самых различных погруженностей сознания. Оно проявляется как тоническая вечная истина, по импульсивности — "любострастная", по ассоциациям — розовая, восходящая, эйфорическая. Эротическое выступает как разлитая "божья улыбка", заря, тонкий, чисто созерцательный, дионисийский экстаз.

Оно невозможно без специальной рефлексивной настроенности, а при наличии такой настроенности его мозаическими коррелятами могут быть самые различные квазисредные и фотосредные образы: звуки капающей воды в полной тишине, журчание ручья, родника, осязательные, зрительные и транссоматические ощущения от человеческого тела.

Эротическое — это микроэрос, ощущение животворности, юности, чувственной благодати. Слабоинтенсивное, почти незаметное по интенсивности, эротическое содержится в ощущении "я". Человеческое "я" выглядит как отдаленный потомок мирово-

го ПраЯ — Эроса. Сам тип человеческого сознания имеет эросную природу, и адекватно этому строится фактуальная аксиология реактивностей. (Релятивистские гипотезы полового дитонизма, коррелирующего с половым диморфизмом, мы рассмотрим в разделе "Антилогосное".)

Иногда эротическое может сопровождаться явлениями, напоминающими усыпление, гипнотическую стадию засыпания. Как и всякая тоничность, это ощущение не имеет формы и характеризуется только интенсивностью. В нем нет времени как такового — это ощущение неизменно-застойно. Выпадая из области психической схватываемости, эротическое заменяется зачарованностью, оцепененностью или другим видом неспецифического.

Эротическое как неспецифическое, эротическое-в-узком-смысле только смежно обычно понимаемой эротике или сексуальному. Чисто отсексуальное неспецифическое — совсем иное ощущение.

Будучи внутренне незаконченным, гедонистически непредельным, оно имеет тенденцию либо на усиление, либо на уничтожение, нейтрализацию. Отношением перпендикулярным сознанию в ряде случаев здесь может быть возбуждение.

Эротическое сравнимо с волшебным стеклом, через которое можно видеть, но не охватывать нечеловеческое райское.

В. *ХИМЕРИЧЕСКОЕ*

Химерическое имеет чистую направленность на Хаос. Само по себе достаточно редко и обычно содержится в комплексах с другими мистическими ощущениями либо в растворенном виде. Это край-

няя степень эстетизирования крайней степени безобразного, трупарного. Для выраженного погружения в химерическое необходимо определенное обращение "психических фаз", то есть для сосредоточения на нем требуется то, что называют извращенностью, или резкая измененность сознания.

Химерность химерического — не сколько в соединении в его мозаическом разнородных структур, сколько в непосредственном отношении и включении химерического в комплекс готического ужаса (олицетворением которого в средневековом искусстве и считались химеры).

Химерическое как микропадение в Хаос сопряжено со многими разновидностями эмоций страха. Мозаически эти эмоции не связаны с чем-то конъюнктурным, а имеют непосредственное отношение к вероятности расправы, убийства, возмездия за поступок. Таким образом, химерическое часто паразитирует на отрицательных ощущениях, оставаясь в то же время внечеловеческим элементом положительности. Это начало того минуса, в котором человек — уже не человек, когда отрицательность, традиционно связываемая с биологически и психически вредоносным, обретает внечеловеческую космичность.

Если сравнивать страх или ужас с пламенем, то химерическое и смежные последнему оттенки неспецифического будут границей пламени или верхним слоем пламени, где стихия "огонь" неотделима от стихии "воздух".

Г. *ГЛУБИННОЕ*

Мозаическая основа глубинного — сверхценные идеи и их симптомы. В отличие от тонкого

смысла, глубинному могут соответствовать темные высказывания, заклинания, магические операции.

Симптомы особых погруженностей сознания, соответствующие глубинному, способны спровоцировать следующие строки Блока:

Странных и новых ищу на страницах
Старых испытанных книг,
Грежу о белых исчезнувших птицах,
Чую оторванный миг.

Жизнью шумящей нестройно взволнован,
Шопотом, криком смущен,
Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен.

Глубинное является разновидностью тонкого смысла или более глубоким тонким смыслом и может быть названо тонким неспецифическим смыслом или мистическим смыслом.

Историческая амнезия не доносит того факта, что главной компонентой[21] познания всегда являлась логосность, сопричастность Логосу как вершинному бесструктурному смыслу. Знаки — не лучший способ передачи такой сопричастности. Пифагор, Платон, Альберт Великий имели некогда такое влияние, какое не может быть понято современностью.

[21] Термин "компонента" здесь ближе к такому же термину топологии и векторной алгебры, нежели к химическому — "компонент".

Интеллектуальные ценности сколько прибавляются — столько и уменьшаются: рост по закону снежного кома происходит таким образом, что сердцевина незаметно тает и остается лишь поверхность. Только ничтожная и далеко не лучшая в тоническом плане часть прошлого познания служит фундаментом познания будущего.

ДВОЙНЫЕ ОТТЕНКИ

Д. *МЕТАТИЧЕСКОЕ*

Оттенок Эроса-Хаоса, собственно сексуальное ощущение. Лишено какого-либо внутреннего динамизма. В отличие от всевозможных блудоощущений, не содержит в себе сопоставлений временных рядов и волевого начала. Вряд ли может быть связано с чем-либо, кроме полового ощущения. В противоположность эротическому, в нем нет элементов микропсии и любования.

Это ощущение недостаточно выраженного, уравновешенного оргазма; некоторые из транссоматических ощущений содержат метатическое в качестве компоненты.

Метатической данная тоника названа из-за своей неафишируемости. Афишируемо либо эмотивное, либо эротическое, либо даже блудное; метатическое в художественном всегда на заднем плане или отсутствует. Вполне благополучно оно может отсутствовать и в культах фаллического, поскольку мозаичность метатического не имеет подобных строгих фиксаций.

Е. *ПОТУСТОРОННЕЕ*

Оттенок Эроса-Логоса. Относится к трудноописуемым ощущениям и мозаически крайне фрагментарно. Может быть спровоцировано черными силуэтами далеко летящих птиц; например, зигзагообразный силуэт чайки, летящей вдали, особенно вечером, в стороне заката, дает некую пронзительность, он как бы проницает стенку этого мира.

Потустороннее может присутствовать, при наличии адекватных рефлексивно-рефлексных проторенностей, в щебете птиц, шуме деревьев. В нем имеет место некоторое тоническое отлетание. В церковном пении, иногда в комплексе с самостоятельным эротическим, потустороннее дает впечатление некоей небесности.

Разбавленно передает потустороннее "природа" на закате солнца, в частности темные листья ветлы на фоне еще светлого неба, когда внимание концентрируется то на небе, то на самих листьях.

На камне сидим перед славой вечернего солнца:
Не больно глазам, и покорному сердцу не больно.
Над ласковой гладью промчатся пугливые птицы —
То чайки, то ласточки. Смолкнут недолгие звоны:
То Angelus дальний... И мнится: у милой гробницы
Мы побыли вновь, и родная пришла, нашептала
Нам Ave — ...

Вяч. Иванов

Потустороннее может входить в комплексы с тонкими эмотивностями. Некоторые из них можно назвать комплексами темницы и пленности. Эти

комплексы как бы служат метафорой тюрьмы человеческой вычлененности, "изгнания из рая". В мозаических образах таких комплексов имеют место противопоставления земной юдоли и Неба, тюрьмы и мира:

Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно...

Лермонтов

Окно мое высоко над землею,
Высоко над землею.
Я вижу только край неба с вечерней зарею —
Вечерней зарею.

Гиппиус

Мозаическое потусторонней тоничности очень часто контрастно: свет и тень, Бог и человек, мечта и действительность. Потустороннее — не меланхолическое (тонкая эмотивность) и не вселенская тоска. Как и эротическое, потустороннее — все та же "божья улыбка", но только глядящая из темноты.

Основа указанного поднятия потустороннего над чистой эйфоричностью — гораздо бóльшая осмысленность.

Если некоторая весьма малая доля разлитого эротического может представать через светло-алый орнамент на белом фоне, то подобная же доля потустороннего — через черный орнамент на белом фоне (деталями орнамента могут быть кресты, свастики, символы карточных мастей и т. п.).

Если говорить аллегорически, то эротическое — это восход, а потустороннее — закат и в чисто тоническом смысле, без привнесения каких-либо прагматических ассоциаций.

Ж. *СВЕРХСУЩНОЕ*

Оттенок Логоса-Хаоса. Мозаическим сверхсущного могут быть объекты аффективных ошибок, когда, например, глыба известняка за поворотом лесной дороги принимается за привидение, висящая в темной комнате одежда с причудливыми складками — за некое чудище из некоторого странно-знакомого, но скрытого мира, коряга — за кобру и т. п. Подобные ошибки оказывают как бы гипнотизирующее действие, меняют сознание — каким бы рационалистом человек ни был, несколько мгновений он пребывает в особом состоянии, близком к сновидному; в этом состоянии все привычные представления оказываются разбитыми в пух и прах.

Впечатления от сказочно-кошмарных сновидений обуславливаются не только эмотивным, но и сверхсущным. Обычные художественные признаки сверхсущного часто проступают через стилизованные образы летучих мышей, сов, ночных бабочек.

Эмотивно сверхсущное может быть связано с комплексом "замочной скважины" (табуированным любопытством, бредом ревности, неправильным истолкованием обрывков слов). Такие комплексы как страх-интерес, отвращение-любопытство, греховное озарение далеко не всегда присутствуют. Более важно иногда инфернальное любопытство тонического характера, "темномудрие".

И следы в песке видали рыбаки
Шестипалой человеческой руки...
. . . . . .
Только раз отсюда в вечер грозовой
Вышла женщина с кошачьей головой...

Гумилев

При наличии сверхсущного мир кажется логически разорванным; в обычной обстановке как бы образуются провалы, из которых выглядывает непостижимое, тайное, не предназначенное для созерцания обычному оку. Субъект не столько слышит или видит, сколько подслушивает, подсматривает, оказывается случайным свидетелем иного мироустройства, иного течения событий, чем можно было бы предполагать. Причем это иное всегда носит некоторый налет "неэтичности", непринятости, запретности. Подслушивание, подсматривание, факт свидетельства чаще всего кратки, не дают возможности саморазоблачающей сосредоточенности.

Краткость демонстрации — один из приемов киноискусства: монстры, привидения, дьявол и т. п., предстающие перед зрителем только на доли секунды, воспринимаемые неполно, производят более сильное впечатление, чем при исчерпывающей экспозиции.

ТРОЙНЫЕ ОТТЕНКИ

3. *АРХАИЧЕСКОЕ*

Из трех оттенков более выражен Хаос. Это как бы потустороннее с привнесенным Хаосом или сверхсущное с привнесенным Эросом. Архаическое оказалось в роли реального символа древности, праха, пепелища, духов предков, гения рода.

Использование архаического в культе панродового в современном мире сходит на нет. К различного рода сверхощущениям архаическое при его усилении подходит через тот или иной панродовой образ, например, через такие образы, как "мать-земля", "жизнь-смерть", "Озирис".

Иногда ту или иную интенсивность архаической тоничности способны спровоцировать статуи идолов, различные музейные реликвии, старые иконы. Особенно это характерно для стиля иконописи, в которой отсутствует то, что принято называть благостью. Эта "благость", между прочим, есть не что иное, как более четкое эротическое. Другие возможные мозаичности архаического: забытый, заросший травой колодец, некоторые кладбищенские и болотные пейзажи, вид поваленного бурей леса, — все это имеет мозаическое значение при феноменах необычности, непривычности вúдения.

Собственно "загробное", а иногда и "гробовое" ощущение связано гораздо чаще с тониками именно архаического, но не потустороннего.

И. ВСЕЛЕНСКОЕ

Из трех оттенков более выражен Логос. Характеризуется дионисийским слиянием с природой в своих мозаических коррелятах, прозрением сокровенного.

Есть некий час в ночи всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

* *

Тени сизые сместились,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...

Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой...
Все во мне и я во всем...[22]

Тютчев

Вселенское в несколько иной эмотивной рамке:

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,

[22] В двух последних строчках сняты восклицательные знаки, чтобы убрать вероятность обыденной эмотивности.

Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

Блок

Или

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Лермонтов

В ноктюрнах Тютчева свое понимание хаоса: тютчевский хаос — это вселенское ощущение, оркестрированное образами и эмотивностями. Это основное ощущение при превышении своих обычных границ доходит до вселенского сверхощущения. Рассудочно тютчевский хаос выглядит как некоторая онтологическая первоматерия или праматерия, однако именно эта рассудочность и вызывает здесь превалирование логосного над реактивным. Это одно из многочисленных проявлений психического соотношения неопределенностей.

Разлито вселенское могут передавать белые шары, кресты и другие подобные фигуры с несколько размытыми контурами на темном, несколько неоднородном фоне (аналогично, вселенское в той или иной степени может передавать звездное небо). Связь вселенского с образами ноктюрнов необязательна.

К. *НАДМИРНОЕ*

Тройной оттенок с преобладанием эросного. Атрибут религиозно-возвышенного в искусстве. В ин-

тенсивном и чистом виде встречается достаточно редко. Впечатление, необходимое для вызывания надмирной тоничности, может произвести особое и редчайшее сочетание светлых, крупных, грандиозных кучевых облаков, богатых формами-извивами (они часто находятся гораздо выше, чем обычные кучевые облака), с перистыми облаками в прогалинах первых.

Надмирное иногда характерно для мусульманской архитектуры. При определенном угле освещения надмирное ощущение способен вызвать вид Тадж-Махала[23].

Л. *ПРОЗРАЧНОСТЬ*

Уравновешенное тройное ощущение. Это ощущение можно назвать белой мистикой или мистикой живой тишины. Ощущение *прозрачности* — это ощущение созерцательного покоя, обездвиженности, вечности. Любой микронный сдвиг от этого ощущения как по координате "цветности", так и по координате возбуждение-торможение уже дает некоторую, пусть и вполне божественную, но демонность[24].

Ощущение "прозрачности", ощущение-прозрачность может вызвать встреченная в парке одинокая статуя из белого мрамора в греческом стиле: возникает ассоциативное противопоставление шума деревьев и

[23] Для иллюстраций описываемого предпочтительнее черно-белые изображения.

[24] Слово "демоничность" имеет несколько иной оттенок, окрашенный волевым.

колебания веток неподвижности и кажущейся вечности статуи, светлого мрамора и темно-зеленого растительного фона. Нечто подобное, но на основе других мозаичностей скорее всего вызывает и японский "Сад камней". Ощущение *прозрачности* в слабой степени может быть спровоцировано обстановкой безлюдья и безмолвия при наличии определенного уровня бодрствования. Разумеется, в ощущении *прозрачности* есть нечто от гипнотического ощущения, но, в отличие от последнего, ощущение *прозрачности* — это ощущение высшей ясности.

Если ощущение *прозрачности*, не меняя своей пропорциональности, переходит в предельное ощущение, что в обычном случае возможно не более одного-двух раз за всю жизнь, то это предельное ощущение будет не чем иным, как кажущимся присутствием Бога (кажущимся присутствием Абсолюта).

В отличие от всех прочих ощущений человека, это присутствие наиболее интенсивное и яркое, в то же время обезличенное, имперсональное, ничем не окрашенное, но "нейтральной" эту предельность никак нельзя назвать.

2.5.4 **ПРЕДЕЛЬНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ**

Предельное ощущение с уравновешенной направленностью на Эрос-Логос-Хаос снисходит до человека весьма редко.

В предельном ощущении, называемом "оргазмом", имеется синтез направленностей на Эрос и Хаос; и в качестве предельных чаще всего и встречаются парные направленности на Эрос-Хаос, Эрос-Логос или же Логос-Хаос.

Все три ощущения в уравновешенном виде, пожалуй, характерны только для состояния внезапной нирваны, несанкционированного какими-либо попытками достижения. Искусственно вызванные крайние состояния, наподобие турии, нирваны, самадхи и т. п., характеризуются синкретичной тоникой, связываются пусть и с умиротворенным, но все же волевым началом, всевозможными "пещерно-туннельными" ощущениями, органической новизной, что неизбежно снимает предельную обостренность, если иметь в виду обостренность самой рассматриваемой тоники, но не целого восприятия. Обостренность целого восприятия более характерна для сверхощущений. Все эти описания мы приводим ради размежевания представлений. Подведение под определенную интроспективную статистику возможно только для парных предельных ощущений — тройное ощущение в своей достаточной выраженности выходит за грань статистики не только ввиду своей экзотичности, но и ввиду колоссальности, интенсивности. Это — самое интенсивное ощущение из всех, на какие способен человек. Сверхощущения не дают такого качества, вследствие разбросанности, а иногда расфокусированности или супермозаичности.

При испытании предельных ощущений субъект как бы оказывается в положении соглядатая подспудного, проникнуть в которое слишком глубоко ему не удается, невзирая ни на какие иллюзии объективизации, "слияния", "растворения", "обожения" и т. п. — в любом случае субъект не теряет качества вычлененности из мира, тем самым оставаясь посюсторонним, а не потусторонним субъектом. Какая-либо иносторонность содержания сознания или наличие иносознания никак не снимает грани субъ-

ект-объект — эта грань только отодвигается в иное, иной становится сама посюсторонность.

Для собственно предельных ощущений характерен феномен отключения памяти без обязательного отключения памяти остального сознания. Все это связано с невозможностью существования предельных ощущений интрофонофотосредных, структурных, информационных. Состояния "просветления", "озарения" не могут полностью явиться в воспоминаниях, возможны только чисто указательные мнестемы. В момент прохождения предельных ощущений сознание как бы проваливается в некоторую антиинформационную глубину, возникает ощущение прочувствования всего мира. Этот всемир — бесструктурен. Используя метавербальный аспект метафоры, можно было бы сказать, что в этот момент человек смотрит на мир глазами другой сущности, нежели человеческая.

Предельные ощущения обладают автономной ценностью, а то, что имеет место после них, достаточно тривиально: от связи полов не рождаются небожители, от художественного или интеллектуального не появляется космическая гармония. Вместо "гармонии" налицо только чернильные строчки, измазанные краской холсты, остатки указательных воспоминаний. Любой шедевр — это вовсе не то, что было в момент его создания, если в этот момент являлось предельное ощущение.

Никогда нельзя подстроить, подогнать условия так, чтобы предельные ощущения возникли, а последние могут возникнуть и без всяких видимых условий — совершенно внезапно.

Мне снился сон, что сплю я непробудно,
Что умер я в и грезы погружен,
И на меня ласкательно и чудно
Надежды тень навеял этот сон.
Я счастья жду, какого сам не знаю,
Вдруг — колокол — и все уяснено!
И, просияв душой, я понимаю,
Что счастье в этих звуках, вот оно!
И звуки те прозрачнее, и чище,
И радостнее всех голосов земли;
И чувствую: на дальнее кладбище
Меня под них, качая, понесли.[25]

Фет

2.5.5 **ПРОТООЩУЩЕНИЯ**. **СВЕРХОЩУЩЕНИЯ**

А. ПРОТООЩУЩЕНИЯ

Субъективные данности в той или иной степени, в том или ином отношении всегда пресекаются по полноте зоной рефлексивной поглощенности. Такое поглощение вполне возможно для мнестического и рационального. В некоторых реликтовых случаях оно закономерно и для логического. Протоощущения иначе можно назвать первобытными ощущениями, ощущениями палеоядра сознания, выделяющимися тем, что

[25] В этом, как и в других стихотворных примерах, наводящих на антиинформационное, весьма желательно полное снятие знаков препинания. Предполагается недекламативная, монолитная интонационность. Подчеркнуто эмоциональное актерское чтение не подходит.

они частично спроецированы на верхние слои сознания. При этом не исключено, что отсутствие логического в ряде отношений здесь носит не первичный космогонический, а вторичный, вновь образованный характер. Протоощущениям свойственна "потеря времени", невозможность отсчета времени изнутри их самих, невзирая на прерывистость и переменчивость мозаичностей. В отличие от мистических ощущений, предельных ощущений, протоощущения не имеют никакого отношения к "вечности", "абсолюту". Их вневременность совершенно другого рода. Протоощущения тяготеют не к застою, но — к неопределенности.

К протоощущениям близки особые реактивности запахов, негармонических звуков (завывания ветра в трубе, скрежет от медленного движения огромного и ржавого механизма), ощущения, связанные с восприятием пожара, урагана, землетрясения в самый первый момент застигнутости ими, когда еще не ясно, что именно происходит. В указанных комплексах ощущений могут быть и действительные протоощущения.

Более строго некоторые протоощущения можно выделить, указав на тонико-соматические ощущения при лихорадке, "спутанности сознания", засыпании. При этом надо обращать внимание не на образы, смыслы и т. п., а на общее ощущение жизни, оттенки новизны, ее приметы тонического характера. Протоощущение есть недифференцированное ощущение существования как чего-то внерационального и внелогического.

Б. СВЕРХОЩУЩЕНИЯ

Сверхощущения, подобно предельным ощущениям, близки к эстетическим и смысловым пределам сознания. Их отличие от предельных ощущений — оркестровость и присутствие того или иного "волевого" начала. Они никогда не представляют собой монотона, не тяготеют к денотатам монокатегорий в общем случае, хотя присутствие в сверхощущениях гаммы мистических ощущений не исключается.

Основа сверхощущения — резко возросшее по интенсивности и тотальности протоощущение, обретшее ранее несвойственную ему сверхсигнальность. Эта сверхсигнальность содержит самокульминационность, не предполагая иного, чем то, что уже есть.

Если предельное ощущение тяготеет к сосредоточенности, то сверхощущение — к рассредоточенности. Отсылка к иным денотатам здесь маловозможна, ввиду крайней степени реальной призрачности, дающейся внавал бесконечномерности, массы свернутых ИФФС-ощущений.

Сверхощущение — это ткань, которая может быть соткана из самых разнообразных тоничностей, включая и эйфорические тоничности и космический ужас. Это неопределенно-многомерный эстетический бульон, в котором нарушены прагматические связи между вещами. Вследствие рассредоточенности, звуковые, зрительные и внутренние ощущения перемешаны; между ними нет никакой сигнально-прагматической разницы, и то, что дано, есть сплошная многослойная реактивность. Мозаическим оказывается все. Как и следовало ожидать, мнестическое здесь отступает.

Сверхощущение равносильно чрезвычайно краткому (около 2-3 секунд) попаданию на другую планету с необычной и богатой природой, иными законами. При мимолетности такого восприятия, никакая сосредоточенность не будет возможна, видимость уподобится яркому пятну или нечеловеческой музыкальной фразе.

Наиболее часто встречаются неполные сверхощущения. Некоторые из них способно вызвать искусство, при наличии готовых психейных проторенностей.

Классификация сверхощущений, строго говоря, невозможна из-за их эклектичности, многосоставности. По первичному моменту возникновения сверхощущения можно подразделить на восходящие и нисходящие. В частном случае они возникают вследствие удара "сверху" или "снизу". Организующее значение в сверхощущении могут иметь и отрицательные реактивности. Например, в экстремальных индивидно-редкостных условиях (сильнейшее отравление, окончание действия наркоза в процессе операции, резкое неблагоприятное изменение всей жизни с тенденцией долговременности) возможно локальное погружение в сверхощущение черно-фиолетовой мистики, сверхощущение разреза пластов существования.

Один из признаков сверхощущения — наличие метрически неусваиваемой, но воспринимаемой нерационализируемой многомерности. Некоторый аналог сверхощущения можно получить в киноискусстве при плавном горизонтальном движении камеры с одновременным движением ее вокруг оси. Физически неразложимое движение-изменение на экране

при этом должно сопровождаться монотонным "организующим" звуком.

Сверхощущение всегда захватывает собой все субъективное сознание. При наличии сверхощущения возможно почти полное тождество многосоставной особой реактивности и субъективного сознания. Имеет место как бы ореактивирование-проваливание структуры.

Во многих сверхощущениях (СО) можно выделить фоновые ощущения, ощущения запуска и поддерживающие ощущения. В большинстве случаев запускающие ощущения одновременно являются и поддерживающими. В том случае, если запуск сверхощущения происходит "изнутри", со стороны протоощущений или эстетических переживаний отвербального характера, всё внешнее зрительное и звуковое превращается в аккомпанемент. Гораздо чаще такой запуск происходит извне. Генератором СО (хотя бы кажущимся генератором, генератором-дирижером) может быть и скрип колодезного ворота, и "буря на небе вечернем", и завывания ветра, и голоса тропического леса. Другой вопрос в том, что запуск СО как таковой невозможен без глубокого внутреннего резонанса.

2.5.6 **ВОЛЕВАЯ И СМЕШАННАЯ МИСТИКА**

А. ВВЕДЕНИЕ

В простейшем случае волевая мистика вызывается чередованием в субъективном пространстве-времени мозаического рассмотренной триадной мистики. Кроме того, в воле-мистическое могут транс-

формироваться и тонкие эмотивности, когда им придается чрезмерная интенсивность.

Экстраполяция предельного волевого не представляет собой ничего особенного, поскольку для субъекта она означает еще большую поглощенность-проглоченность, чем обычно. Иллюзии, связанные с субпредельными и предельными волевыми ощущениями, имеют отношение к усилению имманентной активности, уменьшению имманентной активности, стороннему принуждению, отпадению стороннего принуждения, а также к необычным восприятиям с "положительным" или "отрицательным" экспозиционным волевым. Ощутимой проекцией волевого здесь является динамическая производная — сверхускорение в ту или иную сторону или внезапное переключение динамического пласта.

Очистка предельного волевого от структуро-реактивного аккомпанемента осуществляется в два приема или ступени. На первой ступени можно видеть, что "демобилизация-победа" и "демобилизация-поражение" есть одна и та же психейная демобилизация независимо от знака такого катарсиса. На второй ступени вполне ясно, что в бесценностном мобилизация и демобилизация — одно и то же. Увидеть это прямо уже сложнее, но это просто увидеть с помощью экстраполяции. Вершина активности и вершина пассивности (и то, и другое — патологии) означают впадение в амнестический "сон без сновидений", уничтожение сигнально-рационального сознания. Что такое "сон без сновидений", и действительно ли он без сновидений вообще — фактографически, изнутри самого субъекта, говорить не приходится. Ясно одно: в нем нет субъекта в обычном понимании. Одинаково неправомерно говорить как о нали-

чии во сне-без-сновидений (СбС) ощущенческих феноменов, так и об их отсутствии. Последовательно или одновременно имеет место уничтожение рационального и логического. Уничтожение последнего нивелирует и сами поставленные вопросы о качественности СбС изнутри самого СбС. Такой вывод вытекает из самых простых экстраполяций гипнотических и полугипнотических состояний. Фактуальным является одно — амнестическая поглощенность. Какие-либо опыты с искусственным гипнотическим упираются в психическое соотношение неопределенностей. При всем этом действия подопытного и даже его высказывания, если они не релятивируются прямо, могут быть не приняты во внимание ввиду их близости к сновиденийному сну.

Итак, чистое волевое мы рассматриваем как некоторую сущность вне структурного и вне бесструктурного (реактивного). Эта экстраполятивная в данном случае сущность находится вне координаты осознание — неосознание. Реально-субъективно волевое может диагностироваться только в виде хотя бы частичных комплексов со структурным и бесструктурным через изменения феноменальной динамики. В этом нет никакой экзотики, поскольку в чистом виде в субъективном сознании не существует практически ничто. Если точки схождения в Эрос и Хаос, невзирая на всю их неабстрактность и субстанционализированность, нами не онтологизируются на данном этапе рассмотрения, то все равно субстанциональность, протяженность, сознательность — их характеристики. Волевое характеризуется тем, что оно нехарактеризуемо. Для него равно непригодны как протяженность, так и непротяженность, субстанциональность и несубстанциональность, созна-

тельность и несознательность и т. п. Волевое в чистом виде абсолютно внелогично. Эта внелогичность, естественно, не тождественна алогичности.

Тоны волевой и смешанной мистики имеют прямое отношение и к экстраполяции сверхструктуры-сверхинформации. Структура и информация (не в вырожденном кибернетическо-математическом понимании) — тривиальные данности любого нейтрального субъективного осознавания. Прежде чем переходить к структуро-информационным экстраполяциям (в пределах таких экстраполяций мы уже не имеем ничего рационального), мы должны во избежание разночтений кратко охарактеризовать взаимоотношения между структурой и информацией.

Разумеется, речь идет не об идеально-абстрактных структурах и информации, но о структуре и информации внутри сознания, его ощущенческой карты. Отождествление-неотождествление между структурой и информацией сводится к тому, что высказывание: "Любая информация является структурой, и любая субъективная структура является информацией", будучи совершенно верным, не является достаточно полным описанием. Этим утверждением взаимоотношения между структурой и информацией не исчерпываются, вследствие того, что отличительной особенностью информации может быть ее несплошность.

Живое сознание скорее похоже на табло и не есть система в кибернетическом значении этого слова. Сознание ограничивается собой: в нем нет источника сигналов, приемника сигналов — оно саморефлексивно, и это как раз та саморефлексивность, какая не вызывает против обыкновения логического парадокса, — типа парадокса "Лжеца" или "Брадо-

брея" (см. раздел 6.6). Физиологическое или псевдопсихологическое рассмотрение эффекторов, рецепторов и центральных "обрабатывающих" звеньев по отношению к собственно сознанию совершенно посторонне — оно за рамками психофизиологического барьера-парадокса. Этого барьера нет, но он возникает из-за самого способа рассмотрения явлений, принятого в естествознании.

Вероятностно-статистическая (или энтропийная) дефиниция информации мало подходит к сознанию. Сознание само по себе есть повисший сигнал, сигнал-в-себе, сигнал-в-здесь-для-себя. Какое-либо нездесь потусторонне и выпадает как предмет анализа. Обычная попытка войти в не-здесь — аналитически проходит через порочный круг и, соответственно, названный выше парадокс. Внутри самого сознания нет никакой памяти, и локус времени каждого из ощущений — вне иных локусов своего же времени, а отсюда неправомерно заявлять о неопределенности и ожидаемости данностей в каждом из локусов времени внутри сферы сознания. Если анализировать не сознание как таковое, а условный поток сознания, то можно говорить о прерываниях, переключениях, перенесениях ментальной инерции, что и есть проекция волевого на этот нереальный поток (по крайней мере, субъективно нереальный).

Та или иная неосуществленная возможность рациональной выделенности в сознании связана не с отделением одного от другого (отделенному находиться негде), а оказывается растворенной и безлично проглоченной. Внутрисознательная информация, в отличие от внутрисознательной структуры, может как обладать недискретной сплошностью, так и быть рефлексивно-рефлексно разорванной. Первый план информативного сливается с самим сознанием и,

подобно сознанию, является сплошным; последующие планы информативного даются уже расчлененно из различных ощущений и различных сред сознания, оказываются самоосознаваемыми структурными вырванностями из сознания, вычлененностями из вычлененности, и служат точками опоры тем или иным срединным интегративным ощущениям. Обычно это касается сигнально-рациональных интегративных ощущений, связанных прямым образом с мнестическим и рефлексивно-рефлексной проторенностью. Разновычлененность информации второго и последующих порядков может осуществляться не иначе как за пределами сознания, за границами сознания, ибо связность рядов информации на этом уровне является сознательной только опосредованно (через мнестемы, иные нементальности).

Таким образом, субъективносознательная информация есть все та же сознательная структура, реально предстающая, но обладающая той или иной степенью реальной (не идеальной!) отвлеченности — автоматической отвлеченности. Эта степень может быть равна и единице. Какой-либо чистой неинформативной структуры в субъективном не существует.

Во многих отношениях объем субъективного человеческого сознания весьма ограничен. Некие сверхструктуры и сверхинформации никак не смогут вместиться в конкретное здесь-теперь сознание. Объем возможности интенционного присутствия прошлых сознаний в сознаниях настоящих также ограничен. Тем не менее из-за потенциальных богатств структурного, которые, помимо всякого верхне-поверхностного сознания, способно поставлять психейное, вполне можно говорить о высоте феноумности, той или иной рефлексивно-рефлексологической отрабо-

танности. Мир психейного, мир засубъективносознательной поглощенности может по-разному сообщаться с табло субъективного сознания, — в этом весьма банальном утверждении видна связь волевого и структурного.

Экстраполяция структуро-информационного приводит к псевдоденотатированию абсолютных интеллектуальных и перцептивных возможностей. Истинный денотат такой экстраполяции в рамках рассмотрения сознание — несознание назван быть не может. Даже частично проведенная подобная экстраполяция означает нечто чудовищное в человеческом смысле. В узкой частности она может включать в себя вещи совершенно фантастические: актуальное знание всех языков мира, всех наук и искусств, умение делать все то, что может быть ремесленно-физически доступно. Аналогично подобная зарефлексивность означает полную информированность (не исключена возможность появления логических парадоксов), феноменальную память, феноменальные эвристические проявления и т. п. Более глубокое проведение экстраполяции означало бы, что органы чувств проэкстраполированного субъекта совершеннее микроскопов, телескопов и иже с ними. Легенды о необычайных способностях мудрецов древности — ничто по сравнению с этим. Ограничение способностей, связанных с "абсолютным" владением зарефлексивным, вызывается не только факторами взаимоисключения, логической несовместимости, дурной бесконечности, но и тем, что и "абсолютная" или "предельно возможная" зарефлексивная проторенность была бы все равно связана с поглощенностью и ограничением объема сознательной наличности в здесь-теперь. К этому добавляются и самые

главные чисто прагматические ограничения, нивелирующие любые сверхспособности, где бы и у кого бы они вдруг ни появились. Экстраполятивная сверхрефлексивность вовсе не означает отсутствия неполноценностей, связанных с субъективной вычлененностью и всегда актуальной несамостоятельностью субъективного сознания. Наличие повышенной зарефлексивной задействованности может быть констатировано не через реальное сознание, но через пакет сознаний — конкретное реальное сознание в любом случае оказывается достаточно примитивным, ибо всякая зарефлексивность отчуждена и подобна шептанию внутреннего голоса, самому субъекту, строго говоря, не принадлежащего.

Образующие волевую и смешанную мистику тоны бесструктурного, отструктурного и волевого выявляют себя как данности-оттенки локально-субъективных проявлений абсолюта, послеабсолюта и доабсолюта. Сигнально все это выглядит как антиинформация, необычная информация и автогенерация.

МОНООТТЕНКИ (МОНОТОНЫ)

Б. *ГИПНОТИЧЕСКОЕ*

Направление на чистую волю практически представляет собой исчезающее, развеивающееся внутреннее протоощущение. Никакой связи с квазисредой в этом общем ощущении нет. Человек здесь — уже не человек и даже не соматическое облако. Сознание в *гипнотическом* полностью лишено мнестем и представляет собой объект, подобный *tabula rasa*, не являющийся субъективным сознанием в полном смысле.

Для получения суррогатов *гипнотического* необходимы, по крайней мере, условия сенсорного ограничения при отсутствии сенсорного голода, то есть одновременно должны быть подавлены перцепция и апперцепция. *Гипнотическому* восприятию-ощущению подобно восприятие в соответствующей фазе засыпания: диагностика гипнотического иногда возможна при намеренном выведении подопытного из состояния засыпания или состояния сна-без-сновидений.

Перечисленное — простые и удобопонятные примеры. В действительности *гипнотическое* возможно при наличии обычно понимаемого бодрствования и в качестве случайности, и в качестве строго регулярного фактора. Последнее сказывается на отсутствии границ у субъективных локусов времени, на генерации локусов времени. В моменты или "периоды" присутствия выраженного гипнотического воспоминания невозможны (по крайней мере, спонтанные), и связь с собственным зарефлексивным оборвана, а также, в меру данности гипнотического — оборвана и связь с рефлексным. Тем самым подавлено сопротивление тому, что принято называть внушением.

Известные явления, связанные с искусственно вызываемым тотальным постгипнотическим, достаточно вариабельны. Они отличаются не навязыванием чужой воли, но приданием очищенному от структур сознанию индуцированных структур и переживаний.

Легкость внешней кристаллизации психического мира объясняется в значительной степени почти полным отсутствием предшествующей внутренней кристаллизации.

Переход через гипнотическое — это незаметный возврат к истокам и рождение заново. В прагматическом смысле это выглядит как отсоединение от собственного опыта. Сновиденийное сознание, в отличие от гипнотического, — это создание иноструктурного, параллельная или архаическая дивергенция.

В. *ОСОБОЕ СТРУКТУРНОЕ*

1) Надвосприятийное структурное. Не является связанным с мистическим само по себе. Содержит потенциальность и парадокс восприятия-невосприятия. Например, на расстоянии 40-50 см мы можем вполне за "1-1,5 взгляда" увидеть целую страницу, но мы не можем сказать, сколько на ней букв, сколько слов, предложений и т. п. Окинув страницу "одним взглядом", мы также не можем изложить содержание текста. Однако, между тем, страницу мы явно видели.

2) Примером абсурдированной (или дурной) надвосприятийности является число "пи" со 140 знаками после запятой, с бесконечностью знаков после запятой, повторяемые знаки числового ряда (именно знаки; см. раздел 2.6.6): 32141, 32142, 32143, 32144, 32145, 32146, 32147, 32148, 32149, 32150, 32151 ... 44444 ... и т. д.

Некоторое отношение к эстетическому (а вернее, к разделам обычной эстетики) могут иметь ритмические ряды дизайна и архитектуры.

2) Мистическое новоструктурное. Связано с предметами и явлениями необычными или кажущимися

необычными и никогда ранее не виденными, с новой чем-то особенной обстановкой (климат, флора, культура и др.). Характерно для первого видения чего-либо. Например, иногда возникает при видении остатков пожарища в чаще леса (столпы черных, обугленных деревьев), видении огней полигона во время летних учений ночью.

В художественном это ощущение выражается либо через описание малоизвестного экзистенциально значимого (а чаще всего — нюансов последнего), либо — через фантастику и художественный эксперимент.

И стало ясно, кто молчит
И на пустом седле смеется...

Блок

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне.

Брюсов

Мне странно видеть лицо людское,
Я вижу взоры существ иных.

Бальмонт

Характерный пример из живописи — картина Ива Танги "Томительный день". Иной оттенок новоструктурного дает восприятие японских миниатюр человеком совершенно далеким от восточной этосной и этносной семантики.

Новоструктурное может проявляться не только по денотативным связям, но и по связям организуе-

мого художественного материала, например, по чисто лингвистическому: "красный смех", "далекий шепот", "белая тьма". Новоструктурное несколько иных параметров можно видеть в неологизмах Хлебникова.

Другая разновидность новоструктурного присутствует в перенесенности значений от одних способов выражения к другим, что часто характерно для реактивно индифферентной метонимии, для "макроконтекстуального" символического (непрозрачного в более узком контексте), когда, например, словом "змей" обозначают солнце (житийное, неастрономическое, сказочное), для процессуально возникающего символического, когда "север" или вершина башни вдруг оказываются символами эдема.[26]

3) Структурное реально превышенное, либо фантастически превышенное. Касается (если не имеют значения элементы экспансивности) описания чрезвычайных способностей и умений. Сюда может привноситься и иная мистика.

4) Мозаическое. Иногда бывает трудно отдифференцировать от новоструктурного. Главная отличительная черта мозаического — сохранение коррелирующей с ним реактивной тоники при отвлечении от мозаического.

После некоторого обзора структурного мы видим, что оно имеет несколько классов и множество дифференциаций внутри классов. Общим у каждого

[26] В поэзии Ф. Сологуба и К. Бальмонта.

особого структурного является наличие указания на своеобразное отлетание из мира обычного структурного.

В первом классе — это логическая экстраполятивность, логическая продолженность.

Во втором классе таким указанием является уход в законтекстуальные денотаты или спонтанно рождающиеся денотаты при экспериментах с художественным материалом. Такие спонтанные денотаты есть даже у бессмысленных словосочетаний (естественно, имеются в виду словосочетания, производящие мистический эффект) и у таких же бессмысленных наборов звуков.

В третьем классе — уход за возможности сознания, в их потенциальную расширенность.

В четвертом классе — "улетание"[27] на тонике.

Три первых класса и в несколько стертом виде особые реактивности четвертого присутствуют в стихотворении Бальмонта "Сейчас на Севере горит луна" ("Звук звуков"). Кульминационными строчками этого стихотворения являются следующие:

Когда б на Север мне умчаться вдруг
От черно-белого мельканья клавиш!

Первый класс выражен чуть ли не в математическом образе мельканий, "зебры" в пространстве и времени при явном несовмещении всех "зебр" примеров в одном восприятии.

Второй — в ряде традиционных и нетрадиционных символов и аллегорий. При этом традиционные

[27] Подобно улетанию на волнах музыки.

символизации мельканий, как ни странно, с трудом расшифровываются (см. раздел 2.5.8).

Третий — в дальновидении и мечте переноса. При индивидуальном прочтении, наличии интонационных ударений и эмотивных акцентов возможно присутствие и четвертого класса. Тем не менее четвертый класс будет менее выражен. Более того — он почти нежелателен при чтении и декламации, так как наверняка в данном случае не совсем естествен, и соответственно этому неизбежно будет иметь место эстетическое снижение.

Тот факт, что особое структурное многообразно, неудивителен. Полная структура подобна древу, и мы сейчас видели несколько его ветвей.

Г. *БЕССТРУКТУРНОЕ*

Десять главных оттенков нами уже были рассмотрены ранее (прямая триадная мистика).

ДВОЙНЫЕ ОТТЕНКИ

Д. *ТОНКОЕ ПРОТООЩУЩЕНИЕ*

В нем есть синтез *гипнотического* и *структурного* (волевого и *структурного*). При сочетании особоструктурного с волевым и отсутствии реактивного, волевое действительно выглядит гипнотическим не только вследствие аналитического рассмотрения или экзистенциальной экстраполяции, но и самым прямым и наглядным образом. При уравновешенной направленности воля — структурное (договоримся в

дальнейшем подчеркивать превалирующий в триаде или диаде оттенок, для отличия от уравновешенных сочетаний) какой-либо эффект напряжения, иногда связывающийся с волевым, отсутствует.

Название данного сочетания "тонкое протоощущение" несколько условно, его адекватность — в кажимостях иножизни, еще не полностью ставшей плотью и кровью, а потому приходящей через первичное, недифференцированное.

Хорошо на зеленой луне,
Там душа моя бродит во сне;
Осторожно по трещинам дна
Как слепая ступает она,
А за нею зубчатая тень
Со ступеньки скользит на ступень.

Вс. Рождественский

* *

И лишь во сне,
Над этой жизнью рея,
Себя тая,
Цветка касалась
Бабочка-психея,
Душа моя.

Р. Рождественский

Е. *ТОНУС ПОМРАЧЕНИЯ*

Направленность: воля — *структурное* (более выражена волевая компонента; слово, обозначающее превалирующий оттенок,— подчеркнуто). Названный

тонус связан с крайними состояниями и переходом в крайние состояния как сверхактивного, так и пассивного характера. Уровень напряжения высокий в обоих случаях. Подобные реакции возможны после действия (или продолжения действия) вредоносного фактора большой силы.

* *

В состояниях также крайних, но лишенных напряжения, мы имеем чистое волевое, то есть гипнотическое. Интересен процесс перехода от гипнотического к структурному. Между этими двумя пределами располагаются все рассматриваемые нами оттенки. Переход от гипнотического к структурному возможен через посредство реактивного (с вероятной последующей отменой реактивного).

Иллюзия тождества напряжения и воли довольно распространена. Напряжение — обычный симптом несбалансированности, неуравновешенности. В житейской практике в таких случаях ради преодоления, поглощения напряжения[28] прибегают либо к дополнительным мотивациям (псевдосила воли — обращение к окольным зарефлексивным проторенностям, переключение напряжения как бы на более длинную ослабляющую цепь), либо к пересосредоточениям, пересубъективированиям. Развитие некой деятельности "с напряжением" обязано только инерции и патологично. Запускающий момент, будучи весьма слабым, оказывается действенным при отсутствии зарефлексивного сопротивления; после достижения оптимального уровня активности деятельность продолжается и поддерживается импульсив-

[28] Напряжение это всепобеждающе, его отменить непросто.

но-стереотипно и часто без какого-либо позитивного самоотчета.

Ж. *СТЕРИЛЬНОЕ*

Направленность: воля — *структурное*. Объекты отправления: неспособные вызвать реактивность сложнейшие орнаменты, различные перенасыщенные рисунки, дающие видимость смещения, переливания, мерцания, отточенные до кристальности музыкальные фразы.

От надвосприятийного структурного стерильное отличается тем, что оно в состоянии приковать к себе внимание и при отсутствии специального интереса. Для рассматриваемого оттенка очень часто характерны элементы вычурности, оборванности, дискомпозиционности и т. п. Если мы имеем дело в этом отношении с архитектурой, то возможны: иллюзия падания стен, видимость утяжеления верхних этажей по сравнению с нижними, расположение окон ступенями, либо иррегулярное. В живописи подобное выражается через утяжеление правого плана по сравнению с левым, повисание объектов изображения, немотивированные элементы, вырванности, другие нарушения распределения изобразительных масс.

Отличие стерильного от новоструктурного мистического более просто: видение объектов, вызывающих оттенок стерильного, невзирая на их необычность, не дает ощущения куска другого мира или попадания в другой мир. Имеет место перетасовка обычных элементов, переиначивание, пусть даже виртуозное, уже известного. Стерильное ни к чему не призывает, никуда не зовет, существует само по себе.

Может показаться странным, но к стерильному тяготеет музыка Дебюсси и Масне. При снятии совершенно излишних (для декламатора, чтеца про себя) эмоциональных издержек, излишней интонационной натуги вполне стерильно известное стихотворение Малларме "Лебедь" (в том числе в переводах Волошина и Дубровкина). Лед в образах стихотворения — как бы дополнительный признак стерильности. К тонкому стерильному чувству близки и современные верлибры, создающие "неореальность", использующие абстрактный язык искусственных метонимий.

3. *ВОЛЮНТАРИСТИЧЕСКОЕ*

Направленность: воля — бесструктурное. Десять главных оттенков. Парадная сторона волевого. Отправными мозаическими пунктами иногда могут быть военная музыка, показ средствами киноискусства успешно надвигающихся войск (орд, легионов), флотов и т. д. В живописи и скульптуре волюнтаристическое трудно выразимо, поскольку требует актуальной динамики в мозаическом. Кресты, свастики, рыцарские гербы носят слабые оттенки обычней триадной мистики. Эта мистика переходит в волюнтаристическое, когда указанным символам придается движение.

Волюнтаристическое в трагедии проявляется тогда, когда из факта падения или смерти героя убираются снижающие элементы и одним из главных героев становится рок (греческая трагедия). Близкая атмосфера характерна и для повести Л. Андреева "Жизнь Василия Фивейского".

Элемент напряженности в указанной диаде связан с недостигнутостью или незадействованностью особого структурного. Сам термин "недостигнутость" здесь довольно условен, ввиду фактического несовпадения субъективного разреза данности с какими-либо предпосылаемыми и предполагаемыми генеалогиями. Напряженность волевых ощущений не тождественна неуравновешенности, нескомпенсированности, демонности, возможных для чисто реактивных ощущений.

И. *ПРОДЕНОТАТИВНОЕ*

Направленность: воля — бесструктурное. Наиболее выражено волевое. Десять оттенков. Невзирая на то, что отличия здесь даются только по бесструктурному, эффект их весьма заметен.

Проденотативное часто характеризуется не противопоставлением "Земли и "Неба", а самим отрицанием земной юдоли и направленностью в иной мир.

1) Проденотативное-эротическое:

Есть иные планеты, где ветры певучие тише,
Где небо бледнее,
травы тоньше и выше...

Бальмонт

2) Проденотативное-глубинное:

Но этот мир весь — только след
Иного мира. Он неведом.
И речь о нем — безумный бред,
Ей навсегда остаться бредом.

. . . . . .

Я поглощаю каждый миг
И предаю земле земное,
И лишь в гаданиях постиг
Предначертанье роковое.

Сологуб

3) Проденотативное-прозрачность:

О, если бы и мне найти страну,
В которой мог не плакать и не петь я,
Безмолвно поднимаясь в тишину
Неисчислимые тысячелетья.

Гумилев

4) Проденотативное-потустороннее (присутствует неудалимое тонкое эмотивное):

На том берегу наше счастье взойдет,
Устав по лазури чертить огневую дугу,
И крыльев бесследный смирится полет
На том берегу.

На том берегу отдыхают равно
Цветок нерасцветший и тот, что завял на лугу,
Всему, что вне жизни бессмертье дано,
На том берегу.

Минский

И. *ЭКСТАТИЧЕСКОЕ*

Направленность: воля — бесструктурное. Основа — зарефлексивная проторенность. Мозаическое может быть отправным пунктом, но само по себе мало значит. Теоретически возможны все десять оттенков. Возникновение их чаще диктуется сдвигом органическим или медитативным. Явление этих оттенков на всякого рода онтогенетических узлах диктуется чаще всего ранее указанными причинами, но при большей вероятности мистического эффекта. Ощущение напряжения практически отсутствует.

Экстаз в полном смысле этого слова включает в себя экстатическое мистическое только как одну из компонент. Тем не менее уровень субпредельности сообщается ему именно рассматриваемым здесь ощущением.

Смешанная мистика может приобретать большие степени интенсивности, чем мистика чисто триадная.

ДВОЙНЫЕ ОТТЕНКИ

(Неволевая смешанная мистика)

К. *МУСИКИЙСКОЕ ДИОНИСИЙСКОЕ*

Направленность: *структурное* — бесструктурное. Десять главных оттенков. Относится к озарениям и просветлениям, не связанным с творчеством в обычном смысле. Требует той или иной экспозиционной стихии. Часто может относиться к восприятию музыки, иногда — к восприятию архитектурных ансамблей, природных ландшафтов. В поэзии Тютчева вселенское дается в сочетании с мусикий-

ским дионисийским (восприятие тютчевского хаоса).

Л. *АРХЕТИПНОЕ*

Направленность: *структурное* — бесструктурное. Имеет значение при расстановке субъективной карты отношений, в том числе — с проекций межлюдских отношений. Касается как "абсолютных" архетипов, собственно архетипов (в их субъективной представленности, реальности), так и относительных архетипов (археклассов).

Ограничимся простым перечислением собственно архетипов и археклассов. Архетипы: Тень (реальная предствленность близка к юнговской), Анимус и Анима (представленность обратна юнговской), Клоака, Абсолют, Белая Дыра, Чудовище, Берег Дальний, Скрижаль Истины, Сверхрефлекс, Провокатор. Значение указанных архетипов совпадает с названиями, но при этом Провокатор = внутренний провокатор = "я — провокатор сам себе"[29]; архетип Белая Дыра — это широкая интенция, конкретно выливающаяся в представления о волшебных идеях и волшебных предметах (чудесных алгоритмах и чудесных объектах).

[29] То есть фактически "за-я" как репрезентант рода, стадный корень.

Археклассы производны[30] и связаны с конкретной этосно-этносной шлифовкой. Например, существуют те или иные археклассы матери, мужа и т. п. Человека-в-себе фактически нет, есть пятно человека, восприятие человека, представление о человеке, и в связи с этим археклассное выполняет функцию тонической компоненты физиогномического, сексуального, расового, психотипного. Археклассное вместе с архаическим входит в комплексы панродового (архетипное при этом остается более дальним и глубоким планом).

Археклассное может связываться с той или иной лингвистический структурой, например, с выражениями: "солнце красное", "берег дальний", "чистое поле", "сокол ясный", "сине море" и т.п.

В археклассах цыгана, грузина, гуцула кроме чисто формальных элементов есть и то, что никакими словами не передается, то есть тоническое. Культура того или иного народа имеет свою тонику, и ника-

[30] Производны (если брать точкой отсчета дочеловеческое, палеоядро сознания) и сами архетипы. Ближе к первичному сочетания, образуемые соответствующей тоникой бесструктурного и тем или иным особым структурным (эротическое-структурное, потустороннее-структурное, надмирное-структурное и т. п.). При подробном анализе можно обнаружить в архетипном наличие определенной спутанности, условности интерпретаций. Архетип "Клоака" явно близок к химерическому-структурному, "Чудовищное" ("Чудовище") — к сверхсущному-структурному. Тем не менее, мы указываем уже сложившиеся комплексы ввиду их большего значения. В архетипах суммируется не только собственно мистическое, но и ослабленные сверхощущения, квазирационализированные предельные ощущения с той или иной долей неявной фетишизации.

кое самое подробное описание ее не передаст. Например, китайцы ассоциируются не только с бамбуком, конфуцианством и желтым цветом. Тонику более всего улавливает музыка.

М. *МИФОЛОГЕМНОЕ*

Направленность: *структурное* — бесструктурное. В качестве *структурного* здесь обычно выступает символическое структурное, неусловное. Имеют место достаточные пересечения с архетипным. Стихийное проступает в виде оформленном мотивационно (например, как спасающая или карающая сила).

Часто связано с узловыми повторяющимися моментами космогонических и теогонических систем, фольклорных сюжетов. Не исключено первоначальное магическое значение этих элементов.

Примеры из фольклора: баюканье неодушевленного предмета бездетной четой; побег, растущий до неба, по которому герои попадают в верхний мир; девушки, сбрасывающие одежду и превращающиеся в птиц, или, наоборот, птицы, сбрасывающие перья и превращающиеся в купальщиц; чудовище, поедающее принцесс; птица — транспортное средство, которую герой кормит собственным мясом; переживание потопа праведником; воскресение или возвращение героя, олицетворяющего смену времен года, и др.

ТРОЙНЫЕ ОТТЕНКИ

Н. *МЕТАМОРФИЧЕСКОЕ*

Направленность: воля — *структурное* — бесструктурное. Связывается с тем или иным экзистенциональным, часто проецируется на весь поток сознания.

Я — царевич с игрушкой в руках,
Я — король зачарованных стран,
Я — невеста с тревогой в глазах,
Богомолкой бреду я в туман.

Сологуб

(Более выражен оттенок прозрачности.)

Пронесет тебя по коридорам,
Пронесет от башни и до башни,
Со стеклянным выпученным взором,
Ты поймешь, что этот сон всегдашний.

Гумилев

(Есть оттенки химеричности и архаичности.)

Я закрою голову белым,
Закричу и кинусь в поток,
И всплывет, качнется над телом
Благовонный речной цветок.

Блок

(Оттенки сверхсущного, метатического.)

И когда, упав в твою гробницу,
Ты загрезишь о небесном храме,
Ты увидишь пред собой блудницу
С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе приникнуть,
Целовать со злобой бесконечной.
Ты не сможешь двинуться и крикнуть.
Это все, и это будет вечно.

Гумилев

(Поочередное шествие метаморфического, химерического.)

Метаморфическое-глубинное:

"Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, —
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма".

Тютчев

Мозаическим метаморфического могут быть и отдельные поэтические образы. Пример метаморфического-химерического, проступающего через них:

Крикнул аэроплан
и упал туда,
Где у раненого солнца вытекал глаз...

* *

Людям страшно —
у меня изо рта
шевелит ногами
непрожеванный крик.

Маяковский

О. *МАГИЧЕСКОЕ*

Направленность: воля — *структурное* — бесструктурное.[31] Связывается с любыми попытками актуальной рационализации нерационального. Касается как магических действий, так и магических представлений (актуально разворачиваемых). Термин "магическое" условен и может быть отнесен, согласно определению, к религиозным и иным действиям, не связанным с магическим в обычном понимании.

П. РЕТРОГРАДНО-АУРНОЕ

Направленность: воля — *структурное* — бесструктурное. Иногда связано с идеализацией "утра жизни", прошлого. Пример — поэзия Есенина.

Ретроградно-аурное проступает в идеализации эллинистического периода Греции, в интенциях, имеющих отношение к экзотической атрибутике классического периода той или иной страны.

[31] Напоминаем, что вхождение бесструктурного в любое сочетание обеспечивает десять главных оттенков.

Трагична потеря ретроградно-аурного в поэзии того или иного автора. Так, в поэзии Блока произошел явный надлом — целый пласт интенций оказался изъятым в стихах Блока после его "болотного" периода, а "снежный" период их вымыл окончательно. Противоположный пример: при всей неумолимости времени, Афанасий Фет сохранил "ауру" своей юности и в старости, почти до самой смерти.

Фетовская "аура" носит эротический и отчасти потусторонний оттенок; блоковская — потусторонний, сверхсущный, глубинный, то есть букет блоковской "ауры" уникален. Он не восходит ни к античности, ни к Парни.

Р. *ТРАНСМНЕСТИЧЕСКОЕ*

Направленность: воля — *структурное* — бесструктурное. Мистическое ощущение связи с обстановкой, уничтоженной амнезией. Сопровождает внезапное воспоминание о прочно забытом нетривиальном и красочном сновидении, вследствие какого-то события в мире бодрствования, внезапное воспоминание в сновидении о предыдущих давних сновидениях, некоторым продолжением которых является настоящее сновидение (или один из сюжетов последнего).

Пример: героиня Андерсена, увидев розу в саду волшебницы, вспомнила свою предыдущую жизнь, память о которой была уничтожена чарами. Эта волшебница как бы и есть та амнезия, которая отделяет необычное от обычного. Эстетическое в некотором смысле играет роль розы, разрывающей сигнально-рациональные и психейные "чары".

Иллюстрацией трансмнестического-потустороннего может быть картина Мориса де Вламинка "Летний букет".

С. *СТРЕМЛЕНИЕ К "ВНУТРИУТРОБНОМУ СУЩЕСТВОВАНИЮ" (СВС)*

Направленность: воля — *структурное* — бесструктурное. Отчасти выражено в известном стихотворении Лермонтова, начиная со строчек:

Но не тем холодным сном могилы
Я б желал навеки так заснуть...

Часто соответствует чувственному корреляту психоаналитической легенды "бегства от действительности", может иногда окрашивать ностальгические ощущения и, наоборот, — предвкушения страны обетованной или эдема.

Т. ОКЕАНИЧЕСКОЕ ОЩУЩЕНИЕ

Направленность: воля — *структурное* — бесструктурное. Длящееся несколько секунд ощущение того, что обстановка настоящего уже когда-то была, а происходящее сейчас событие уже имело место в некие доисторические и досубъективные времена, что в данной совершенно незнакомой местности наблюдатель уже когда-то бывал. Ощущение это есть не просто результат сравнения или наблюдения, но подобно удару молнии, внезапному просветлению сознания. При переходе не на мгновения, а на некото-

рый поток дления будет иметь место очень редкое ощущение "вечного повторения", "вечного возвращения".

Достаточно сведений о том, что подобные чувствования характерны для определенных психических заболеваний. Интерпретации специалистов здесь оставляют желать лучшего, но ясно: ведущую роль в последних случаях играет синдромальная "роза" и возможность выхода за пределы тривиальной сигнально-рациональной оболочки сознания.

Ощущение "вечного повторения", "вечного возвращения" весьма возможно в сновидениях.

Ты поймешь, что этот сон всегдашний...

Гумилев

Все это когда-то уж было,
Но мною забыто давно

А. Толстой

У. *МУСИКИЙСКОЕ АПОЛЛОНОВСКОЕ*

Направленность: *структурное* — бесструктурное — воля. Компонента вдохновений и озарений, не являющихся предельными ощущениями.

2.5.7 **АНТИЛОГОСНОЕ**

1) Прелюдия

Подробно мы рассмотрим антилогосное в разделах, касающихся онтологии (3.1.3). Здесь мы постараемся только дать некоторое предварительное представление о нем. Антилогос можно рассматривать как отрицательный Логос, Инологос. Если иметь в виду чисто логические корни, то нужно указать на невыполнимость для антилогосного закона тождества. Формальнологический закон тождества А = А, в частном случае для антилогосного принимает вид А = минус А, при том, что минус А $\neq$ А, но минус А = минус-минус А, минус-минус А = минус-минус-минус А и т. д. В области математических условностей здесь мы бы имели антипротяженность, антигеометрию, отрицательную площадь, — все это применимо не к протяженности в нашем смысле, а к хроносности.

Соответственно возникает некоторый субъективный зеркальный предел: Хаос-Антилогос-Эрос — своего рода женский Абсолют. В прагматическом плане антилогосное не является ни алогосным (алогичным), ни внелогосным (внелогичным, наподобие психейного волевого). Оно инологично. Косвенно антилогичное используется не только в реальных суждениях (их часто путают с интуитивными суждениями), но и в математике, физике. Пример этому — иррациональные числа и высшая математика в ее традиционном виде. Более конкретный пример — аксиома Дедекинда, представления о непрерывности.

Человеческая субъективность — это субъективность логосно-эросного типа, и если Логос для нее означает ясность, то антилогосное связано с эмоцией, которую можно было бы обозначить термином "удивление-смущение" или термином (в другом плане) "четко-достоверная смутность". Если логосное дает наличность-связность, то антилогосное дает ощущение действительной пропажи, немыслимой связности, метасвязности. Фактуальное восприятие среди всего прочего являет собой пример интерференции логосного и антилогосного. Эта интерференция более глубока и базова, чем интерференция рационального и иррационального (в том числе информационного и антиинформационного).

2) Особые реактивности антиабсолюта

А. Направленность: Хаос-антилогос-эрос (ХАЭ). В слабоинтенсивном виде это уравновешенное ощущение мягкой бархатной тьмы с кажущейся измененностью течения времени. Оно подобно ощущению в темной башне молчания при сосредоточении на дленности существования. Иногда оно возможно в квазисредных ноктюрнах при отсутствии звезд или при свете луны, приглушенном облаками.

Лунная мгла мне мила,
Не серебро и не белые платы.
Сладко глядеть в зеркала
    Смутной Гекаты.
. . . . . .
Бледный затеплив ночник,
Зеркалом черным глухого агата

Так вызывает двойник
Мира — Геката.

Вяч. Иванов

Б. Хаос-антилогос-эрос (ХАЭ). Более известно при добавлении волевого. В совокупности с отрицательной эмотивностью — это ощущение падения в сновидении. В более нейтральном случае — ощущение полета в темном туннеле с потерей ориентации.

Несколько смежны ощущения расстройства схемы тела, мгновенные ощущения восприятия ошибки направления движения, ощущения иных координативных "сшибок". Это и мгновенная запоздалая отрицательная "эврика" заблудившегося в лесу, оказавшегося не там, и т. п. Везде рассматриваемая тоника входит как одна из компонент в комплекс ощущений-длений.

В. Антилогос-эрос (АЭ). Мистическая компонента материнского чувства. Возможны различные мозаические варианты.

Г. Антилогос-хаос (АХ). В совокупности с различными эмотивностями:

Тщетно пышного рассвета
Сердце трепетное ждет.
Пропадет денница эта,
Это солнце не взойдет.

К. Павлова

Глухая ночь кругом. Тоскует непогода.
Туман сгущается... Погасли фонари.
Глухая ночь кругом. Глухая без исхода,
Без яркой полосы спасительной зари.

К. Диксон

Д. Антиглубинное (слабый Антилогос).

Я ухо приложил к земле,
Чтобы услышать конский топот,
Но только ропот, только шёпот
Ко мне доходит по земле.

Нет громких стуков, нет покоя,
Но кто же шепчет и о чем?
Кто под моим лежит плечом?
И уху не дает покоя?

Ф. Сологуб

Менее интенсивный оттенок, более свободный от эмотивного, но и более связанный со *структурным* (структурная перенасыщенность):

Замкнулся круг моей боли
Мое бытие вернулось в стихию
Стало легендой ракушек
Я возведен в сан крапивы
Колдовством обращен в камень
Гляди. Из моих карих глаз сочится мед
В моих пальцах блестит зеленая ящерка
Мелькает нежный рожок улитки

Я вернулся к себе как статуи
Чей голос чужим не слышен

Иван Голль
(Перевод Г. Ратгауза)

Е. Хаос-антилогос-эрос (ХАЭ). Причастность витальному, панвитальному. Есть оттенок противоречия между логосностью сознания и антилогосностью "жизни". Обозначить это ощущение только как любовь к живому недостаточно. Имеет место как бы открытие живого по типу той же нерациональной и насильственной "эврики" (но свободной по отсутствию имманентного сопротивления, невозможности его). Это ощущение не наше, но того, кто живет в нас и окрашивает собой наше существование в секунды редкого резонанса.

2.5.8 **МИСТИКА** И **СИМВОЛИКА**

При достаточной необходимости мистическим ощущениям можно подобрать физиологические, прагматические и прочие полуобоснования, полупричины, но подобное может носить только вспомогательный характер, например для нахождения места мистическим ощущениям среди прочих явлений, но мистические ощущения уже содержат в себе ссылку на иное, не сводящуюся к тем или иным заведомо известным схемам. Эта ссылка представляет собой не только экстраполяцию, но и нечто похожее на реактивное осязание иного. Реактивное осязание-ощупывание совершенно иррационально, а потому неправомерно производить по отношению к его иному

какие-либо попытки рационализации — это будет новое мифотворчество.

Большинству мистических ощущений (в том числе нелогосных) соответствует слабоинтенсивный разлитый смысл и едва заметное разлитое океаническое ощущение. Последнее указывает на то, что и совершенно "незнакомые" мистические ощущения родственны субъективному миру, представляют для него некий глубинный пласт, который эпизодически может появляться в качестве наличного. Высказывание "глубинный пласт" следует рассматривать только как многозначный символ, но не в прямом смысле. Превращение глубинной кажимости в модель, в строение психики — традиционная ошибка. Родственность и знакомость незнакомого в рассматриваемом случае такого рода, что мистическое кажется ближе обычных ощущений, обычных каждодневных данностей субъективного мира, то есть, по крайней мере, некоторые из особых реактивностей тонически представляются более родной стихией, чем набор обычных сред сознания или чем прагматические среды.

Мистическое всегда касается пределов тривиального существования. Через мистическое сможет дойти подспудно и то, что не доходит через обычный смысл и зарефлексивно спрятано. Эта спрятанность может приобретать различные формы на самых разных уровнях при попытках ее импульсивной или опосредованной интерпретации. Вовсе не обязательно истолковывать черно-белые клавиши в стихотворении Бальмонта как дни и ночи; "темный дуб" из стихотворения Лермонтова, который "склонялся и шумел", — как продолженный героем человеческий род, как ветви дивергенций; а блоковский "благовонный речной цветок" — как нечто фаллическое.

Мистическое часто переплетается с той или иной подавленностью зарефлексивных проторенностей. Имеются в виду не только галлюцинации испытывающего жажду, в которых представляется колодец, грезы голодающего о царских яствах или обманчивость либидозных восприятий. Даже задержку дыхания Сведенборгу удавалось использовать для целей духовиденья. Многие из мистических ощущений являются симптомами вылетания из человеческой оболочки, а это вылетание осуществляется далеко не всегда на путях пересечения с первичными потребностями, хотя полностью исключать пусковое значение последних не приходится.

Рядоположенность ценностных ощущений такова, что мистические ощущения (собственно мистические) оказываются на вершине всех тех ценностей, которые даются непосредственно. Однако в этой непосредственно-реальной ценности есть и своя косвенность — некоторое обещание-воспоминание. В прямом смысле мистические ощущения выступают как пудра существования или "лихневмон" — лакомое средство обмана. Ссылка, содержащаяся в особых ощущениях, никогда не достижима, а это и есть ссылка на кульминационный пункт бытия (пусть даже предполагаемый, экстраполятивный) — Эрос-Логос-Хаос. Этот пункт выступает как нечто логически законченное в себе, а также как нерасщепленный "цвет" рассмотренных выше оттенков, но при попытках более полного рассмотрения субъективного мира перед нами появляются и иные "бесцветные" экстраполятивные пункты: внелогическое первичное (запредельное волевое в себе) и иносхватываемость, запредельная схватываемость (максимальная структурная дешифровка). Эти экстраполятивные объекты, так или иначе, вплетены в импульс жизни.

2.5.9 **ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ**
(Контртезисы к распространенным концепциям)

В сферу эстетического неизбежно входит все особое реактивное, независимо от наличия связи последнего с художественным миром. Частично в сферу эстетического входит и тонкоэмотивное. Структурный коррелят (мозаическое) — необходимый балласт эстетического, и собственно эстетическое есть совокупность мистического и мозаического. Интенсивность эстетического определяется пропорцией между мистическим и мозаическим (между интенсивностью мистического и числом структурных элементов мозаического). Мы живем в опрагматизированном и рационализированном мире. Интенсивность эстетического в нем обычно исчезающе мала. Мистическую составляющую эстетического (если подразумевать аспект воздействия, аспект впечатления, возможность сдвига тонического настроя) можно отождествить с волшебной составляющей, но понятно, что крупицы волшебства не взрывают этот "твердый" мир только потому, что они микроскопически малы.

Нет нужды проводить при анализе эстетического фактурные разделения, ибо эстетическое находится в иной плоскости, чем прагматические отношения коррелирующих с ним объектов. Термин "объект" здесь, разумеется, не означает философского объекта. Не только эстетическое не вмещается в художественное, но и художественное не вмещается в эстетическое — логические объемы этих терминов могут только пересекаться. Художественное, хотя и рассматривается наукой эстетикой, тем не менее чаще всего основано не на эстетическом, а на чисто эмоциональном и интеллектуальном, — законы ху-

дожественных жанров могут быть формализованы и обобщены сами по себе. Они обращены в конечном итоге к восприятию и должны считаться именно с ним, из него они и порождаются.

Художественными являются также произведения не несущие ни специфической информации, ни эмоций, основанные на бесстрастном абсурде. Всякого рода интеллектуально и эмотивно стерильные произведения могут представлять собой какую-либо безассоциативную данность или безассоциативный процесс. При этом выпадение из рамок искусства не обязательно, а рамки эти весьма условны и относительны.

Эстетическое имеет четкий субъективный критерий: все эстетическое обладает особой аурой волшебства, — как бы тонка и сколь бы мала ни была эта аура, она всегда ощущается. Эстетичным может быть не все произведение, а только его часть или отдельные моменты. Дающее эстетический эффект произведение не обязательно полноценно в художественном плане, иногда оно вообще оказывается уродцем.

Эстетическим часто оказывается наделено то, что "не сотворено" человеком, и артефакт, который не считается произведением искусства. Отнесение эстетического куда-то вовне — традиционная условность; в строгом смысле, эстетическое — особый чувственный слой, что вполне соответствует этимологии, однако ввиду достаточной вероятности отсутствия здесь-теперь такого слоя, принято иногда называть эстетическими чувственные способности, связанные с восприятием искусства. В контексте наших рассуждений, всякое отнесение вовне остается внутри чувственности, и, таким образом, эстетиче-

ское — только один из ее дополнительных планов. Возможности экстраполяций, кажущихся расширений в метафизическо-космическое мы не отрицаем.

Мы не считаем, что эстетическое должно быть сцеплено только со зрительными и звуковыми ощущениями, что другие ощущения (запах, осязание и т. п.) не связаны с эстетическим — любой субъективный пласт имеет шанс оказаться в одном из здесь-теперь населенным мозаическими структурами. Более того, протоощущения могут дать особую реактивность и без мозаического, и не исключено спонтанное возникновение особого реактивного без корреляции со структурным.

Какое-либо отграничение эстетического от "органического" или "телесного" не имеет никакого логического смысла, ввиду традиционной примитивности самого членения на "телесное" и "духовное". Эстетическое стоит вне прагматических классификаций, оно находится над обыденными сигнальностями, хотя и может быть тем или иным образом вплетено в них.

При всем том эстетические ощущения отнюдь не бескорыстны и могут сопровождаться влечениями и вожделениями. Если говорить метафорически, в них заложено вожделение высших сил, стоящих за перегородкой сознания. Связь эстетического с прагматическим и "вылетанием" из прагматического и человеческого вообще мы косвенно отмечали ранее (например, онейроидные грезы голодающего). Тривиальные человеческие отправления, как правило, перестали быть эстетическими и чаще всего таковыми не являются в силу их автоматичности, отработанности. В этом смысле человек находится в худшем

положении, чем хищник, идущий по следам лани, или олень, выбирающий дорогу к водопою.

При рассмотрении эстетического восприятия следует осторожно относиться к взаимоотношениям субъекта и "объекта", так как "объект" обычно оказывается упрощенным, предметно-вещным или псевдосредным. Указания на подобные объекты — дань языковой технике. В строгом смысле деления на очный и заочный контакт с предметом эстетического восприятия не существует, так как имеет значение не практический предмет (картина, книга, ландшафт), а наличные ощущения, независимо от того, как они возникли. Картина, которую я сейчас вижу, — совсем не та картина, какая полагается в сферах практики как предмет учета и продажи. Картина, которую я вижу "в сейчас", — неотделимая часть сознания, не носящая характера объекта.

2.6 **ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО**

2.6.1 ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБМАНА. БЫТОВОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРИНЦИПА НАУКИ. ПСЕВДОСРЕДЫ

Допустим, я нахожусь в одной комнате и фотосредно представляю себе обстановку другой — невидимой в данный момент. Фотосредно я бессилен представить себе полностью со всеми подробностями обстановку невидимой сейчас комнаты, и псевдосредой в данном случае будет тот или иной вид комнаты, какую я представляю, каким бы он был, если бы я сам присутствовал в соседней комнате. Это псевдосреда первого порядка. Псевдосредой

более высокого порядка, если иметь в виду данный конкретный пример, будет "соседняя" комната, восстановленная полностью, видимая целиком и со всех позиций. Эту комнату я был бы даже неспособен увидеть, ибо в реальных ощущениях может присутствовать только часть комнаты, но не эта условно-абсолютная комната, подобная псевдообъектам практики. Приведенные виды псевдосред есть не что иное, как несуществующие ощущения, фантастические несуществующие восприятия.

Первые обыденные псевдосреды суть продолжение сознания в стихийно-дикарский рассудок. Основа такого продолжения — прагматическая рефлексологичность и рефлексивность, взращенная на основе последней. Не видя сквозь стену, человек тем не менее почти чувствует то, что находится за стеной. Наивные утверждения типа "я там был" или "я туда пойду", естественно, не могут быть приняты в качестве действительного оправдания бытовой рассудочности. Инертно данные формы и формулы человеческого существования вполне могут быть отброшены, и их эпистемологическая ценность весьма сомнительна. Как это ни абсурдно, но фиктивными ощущениями оказывается охваченным весь предполагаемый мир. Из связок типа "поверну голову", "пойду", "поеду", "полечу", "увижу фотографию", "посмотрю в оптический прибор" — и "удостоверюсь" — вырастает чудовищный мираж. Научное, преданно следуя за аналогичной же проторенностью, пусть и отнимает у травы зеленый цвет, сладость у сахара, жгучесть у крапивы, боль у скальпеля, тем не менее оставляет ощущенческую структуру, ощущенческую карту и создает нелепое наложение несовместимых ощущений.

Ввиду отсутствия полного сопряжения между различными науками, несводимости структур одной науки к структурам другой, отсутствия абсолютного физического времени и абсолютного физического пространства, а также ввиду наличия теории относительности или гомологичных и аналогичных ей теорий (что неизбежно при введении каких-либо поправок в первую), наличия квантовой механики и математической статистики, эта карта оказывается чрезвычайно запутанной, а при ее воображаемом сверхмега-сверхмикроединстве — абсурдной. Совершенно ровная и прямая линейка в то же время оказывается совершенно шероховатой и кривой, а в микровременных интервалах никакой линейки и нет, поскольку в этих интервалах оказываются неопределенными атомы линейки и ее элементарные частицы; в зависимости от отношения к наблюдателю, скорости и траектории его движения, та же линейка имеет различную длину и различную форму. Как уже отмечалось, возможность изъятия одних аномалий здесь создает возможность аномалий других. Даже при заведомой простоте действительного мира направление эволюции научных теорий — это направление в сторону усложнения, дифференциации, специализации, а потому никакая сверхтеория, исправляющая предыдущие теории, здесь положения не спасает.

Происходит подмена действительности стробоскопической кажимостью. Отмена этой кажимости приводит к тому, что физические тела превращаются в условность, суррогат психического образа.

Пусть я никогда не бывал в Бразилии, пусть я ничего не слышал о Бразилии, кроме того, что есть такая страна, но некоторая из псевдосред-бразилий есть Бразилия, составленная из моих несуществую-

щих и, кроме того, несуществовавших ощущений, как будто я осмотрел и обшарил каждый уголок Бразилии и каким-то чудом составил все эти противоречивые и неспрягаемые рассмотрения в одно общее. Причем, не обязательно "Бразилия" здесь — это Бразилия какого-то момента времени (псевдомомента, ибо в строгий момент нулевой толщины ничего "бразильного" нет), — это может быть Бразилия от своего образования до настоящего времени и далее в будущее. Подобная идеальная и противоречивая Бразилия выглядит продолжением ощущений за рассудок в разум, то есть в фиктивную надстройку над умом, лжеопору в качестве отношения к реальному и относительно действенную интенционно-психологическую и интенционно-прагматическую опору.

Допустим, что я держу в руках какой-то предмет, например, наподобие куба, — всякий раз я вижу только некоторые грани этого предмета и не вижу других. В одной из псевдосред этот предмет есть мои ощущения одновременно со всех сторон предмета и даже "изнутри" предмета.

В псевдосредах можно видеть собирательность ракурсов, приближение удаленного и видение невидимого. Есть псевдосреды срезов и разрезов, есть псевдосреды подстановок. Псевдосреда подстановки имеет значение тогда, когда микроструктуры, подструктуры (клетки организмов, атомы, молекулы и т. п.) подставляются в макропсевдосреду, структуру (надструктуру), и в более общем случае, когда идеальности одного опыта подставляются в идеальности другого опыта. Неидеального материального просто не существует, а реальность при всех этих подстановках ускользает от взора. Кроме того, ло-

гически четкая подстановка и невозможна. Разные структуры по-разному стробоскопичны, одни структуры размывают и нивелируют другие. Тем не менее большинство наук основано на подстановочно-расширительной экстраполяции, рефлексивно-рефлексно дающейся уже в обыденном.

Мы указали на три дефекта научного мировоззрения: гипостазирование несуществующего, стробоскопический разлад, использование подстановок. Четвертым дефектом является понятие "закона природы". С метафизической точки зрения, такое понятие — нонсенс.

Пакеты я-сред и воспоминания о них способствуют выкристаллизации различных повторяемостей, неосознанно и осознанно закрепляемых в качестве законоподобий и законов. Законоподобия и законы отправляются от чисто внешнего, оказываются чистой поверхностной прагматической связью, но не выявлением неких сущностей. Какая-либо внутренняя природа "вещей" субъекту никогда не дается. Сверх того, не даются и сами "вещи". В рассуждении, направленном на нечто внутреннее, мы имеем дело с подстановкой. Производятся ссылки не на действительно внутреннее, а на то внутреннее, которое было когда-то внешним, то есть фактически одна внешность подставляется в другую внешность, создавая иллюзию внутреннего. К собственно имманентному у субъекта нет доступа. Здесь уместно задать вопрос: "Об имманентном чего идет речь?" Об имманентном образа? Так это совсем не та имманентность! Естественнонаучная имманентность образа — также не та имманентность. Экстраполятивно представляемое внутреннее, в любом случае, — это только то, что так или иначе, прямо или косвенно может быть

внешним. В крайнем случае, оно — только гибрид на основе смежного внешнего. Все это из обыденно-прагматического распространяется и на науку. Из того факта, что суждения в точных и естественных науках проистекают из менее очевидного, вовсе нельзя заключить, что эти суждения менее поверхностны, чем обыденные законоподобия типа того, что боль чувствуется в человеческом теле, а не в ножке стула, что предмет, закрытый другим предметом, как правило, не исчезает, что лампа в подавляющем большинстве случаев светится только при подаче напряжения и т. п.

Предмет, закрытый другим предметом, это не предмет-ощущение, а псевдосредно-прагматический предмет. Почти аналогичными псевдосредными предметами являются и объекты науки. Теоретические и экспериментальные данные возникают на основе опыта субъекта, поставленного в обыденные условия со специальными сосредоточениями или в специально подобранные условия с обыденными и заведомо суженными сосредоточениями и деятельностью, но естественные науки не объясняют сам человеческий опыт, а только подставляют один опыт в другой опыт. Современная физика не в состоянии ответить на элементарный вопрос: "Почему снаряд, выпущенный из орудия, летит?" Ссылаются на те или иные понятия, но эти понятия вторичны по отношению к факту полета, придуманы человеком на основе заведомой, беспредпосылочной возможности полета тела. Между теоретическими структурами и заопытной сутью нет ни взаимных, ни односторонних соответствий. Есть только некардинальные соответствия между теорией и практикой естественных наук. Отсюда и следует несостоятельность не-

метафизической теории в объяснении опыта как первичной данности по отношению к опыту.

Наукой рассматриваются не мифические законы природы, а закономерности связи эмпирических образов на конкретной ступени абстрагирования. Этих закономерностей в чистом и окончательном виде нет объективно, и повторяемые артефакты, которые называют закономерностями, индуцированы оболочками субъективности: происходит расщепление мира на то, чего собственно и нет, — на уровни. Гораздо менее очевидна объективная невозможность дистанционности, но всякая элиминация субъекта к тому и приводит. К этому добавляется неоднозначность выделения-вычленения структур, а следовательно и физических объектов. По ту сторону субъекта нет соответствующей наукам среды. Например, элементарнейший закон Архимеда невозможен чисто объективно ввиду того, что вне научных и обыденных образов не существует ни "жидкости", ни емкости, куда она вмещена, ни "погруженного тела". С другой стороны, никаких законов не существует и в псевдоонтологиченных натурфилософских средах. Для того чтобы появились законы, необходимо субъективное отвлечение: нужно считать настоящее сосуществующим с частью прошлого и будущего, то есть законы не реальны, а идеальны. Так называемой природе законы не нужны, так как природа — всегда настоящее, каким бы это настоящее ни было: частичное настоящее с определенной степенью точности и относительности или настоящее-вечность. Законы ничем не управляют; они не могут существовать где-то, висеть в воздухе или в безвоздушном пространстве, но могут идеально-отсубъективно рождаться во время псевдосредных взаимодействий, при условии, если данная псевдосреда не

будет отделяться от умополагаемого наблюдателя-регистратора. Законы — всего лишь статистическая суммационность, шаблон развития и образуются как интеграция более элементарных проявлений во времени. До этих проявлений никаких законов не может существовать. Возьмем следующую псевдосреду: электрон возвращается на свою прежнюю орбиту и испускает квант энергии. Пока не произошло это событие, никаких законов относительно этого события не существует. Получается, что рассматриваемые объекты воплощают свою структуру во временное инобытие. Можно сказать более точно, не прибегая к лишней иллюстративности: нечто случается или происходит ряд событий, вследствие чего образуется некоторая фигура связи. Если закон обобщен на несколько или на все объекты сходного рода, то он есть закон "висящий в воздухе" — готовая к услугам фикция, светофильтр памяти перед глазом.

Если где-то антропоцентризм и имеет смысл, то прагматический антропоцентризм совершенно нелеп, а в космос или природу механически проецируется ритуализм человеческих отношений и стремление населить мир духами королей, старейшин, юриспруденции.

2.6.2 ИДЕАЛИЗМ ПРАКТИКИ

Практика (в узком смысле слова) и опыт должны приниматься только в той степени, в какой они сами ограничены. Чрезмерное доверие практике и неявная ее экстраполяция — причины заблуждений. Можно заблуждаться тысячи и миллионы лет, подобно тому, как тысячи лет люди думали, что Солнце движется

вокруг Земли. Прагматическое, в конце концов, может разрушить те заблуждения, какие оно само навеяло, но это "в конце концов" может произойти слишком поздно или вообще не произойти. Поэтому, наряду с ограниченными специальными мировоззрениями, исходящими из каких-либо ступеней практики, требуются мировоззрения, заранее ставящие практику под сомнение, исходящие из иного принципа.

Разумеется, подобные мировоззрения вполне могут и не соответствовать или даже противоречить прагматическим задачам, не выходить на круг стыковки с ними или, наоборот, перерасти эти задачи, находиться слишком далеко от них. В большинстве случаев подобные непрагматические мировоззрения имеют методическое значение, являются некоторым эвристическим эталоном и точкой отсчета для остальных групп мировоззрений. Аналогии здесь можно видеть и в искусстве, и в науке, и в религии. Например, "массовое" искусство вырождается при отсутствии искусств экспериментальных и элитарных; обычная бытовая религиозность вырождается при отсутствии святых, подвижников и некоторых надрелигиозных принципов.

Пусть Ахиллес не может догнать черепаху, а летящая стрела неподвижна, но в этих последних утверждениях есть нечто методологически лучшее, чем в алогическом скачке, который неявно заставляет делать практика, вводя постулат движения вне ощущений. Из движения ощущаемо наблюдаемого вовсе не следует наличие некоего абсолютного движения. Иллюзии, которые дает практика, — самые чудовищные и длительные. Об этом говорит опыт человеческой истории. Методический отказ от тех или иных постулатов, какие индуцирует кажимость, совершенно необходим, — в нем содержится попытка

определения и поиска более совершенных путей познания, чем наиболее ближние и доступные.

Идеализм практики отчасти связан с эмоционально-волевым обыденным фетишизмом, с переносом персональных впечатлений на гипостазируемые вещи в себе. Подобные явления закрепляются и в языке: такие термины, как "вкусное", "красивое", "любимое", оказываются уже не чисто субъективными, но прагматически квазиобъективными.

2.6.3 ШЕСТЬ ТИПОВ ИСТИН

Определение истины, согласно которому истина есть знание, верно отражающее действительность, малоприменимо: более или менее приемлемо отображать вещи в себе может только узкая часть знания и незнания, и точная онтологическая картина невозможна. В связи с этим можно указать шесть типов истин:

1) субъективная истина;
2) идеометрическая истина;
3) псевдосредная истина;
4) абсолютная истина;
5) предельная относительная истина;
6) онтологическая истина.

Субъективная истина — истина, не выходящая за пределы я-среды. Теоретически она не опирается на практику и псевдосреды. Субъективными истинами являются истины констатаций ощущений, а также истины прояснения характера ощущений и групп ощущений. Субъективные истины, выходящие

за рамки просто констатаций, либо пропозициональны (инвариантно, парадигмно), либо имеют явную возможность быть пропозициональными. Большинство субъективных истин легко верифицируемы непосредственной данностью.

Субъективные истины связаны прямо или опосредованно с настоящим и его ближайшей окрестностью.

Идеометрические истины — это безмысленные истины, относящиеся к миру идей (истины не ума, а разума). Их примером могут быть те из математических положений, какие неочевидны и ненаглядны.

Псевдосредные истины — истины обыденных, естественнонаучных и натурфилософских псевдосред.

Для идеометрических и псевдосредных истин характерно уклонение от собственно ментальной логики.

Абсолютная истина — предел чистого онтологического (то есть метафизического) познания — и есть объективный мир, несмотря на отсубъективную направленность любых истин. Эта предельная истина не может быть отраженческой истиной — она неизбежно субстанциональна, засубстанциональна, оказывается растворенной в объективном мире. Ощущения человека, знаки, идеометрические ссылки для ее передачи непригодны.

Наличность абсолютной истины в таком виде можно подвергнуть сомнению и по способу ее введения. Необходимости в доказательстве объективного мира здесь нет никакой — в данном случае произошло бы отождествление указанной истины с "необъективным миром", но чаще всего возражение

способно вызвать отождествление истины с каким бы то ни было миром.

Если допустить, что некоему демону (наподобие традиционного демона физиков) удалось получить названную абсолютную или просто максимальную по значимости истину, то результат подобного получения неизбежно будет либо субстанционален, либо иным образом окосмичен. Действительно, полная истина о космосе А (именно полная истина) окажется некоторым космосом Б, тождественным космосу А. Следовательно, космос А, еще до того, как демон приступил к своему труду по нахождению истины, уже являлся абсолютной истиной. Символическое условное отражение здесь неприменимо. В этом рассуждении отнюдь не отождествляются выражения "удалось получить и "удалось познать", будь даже демон превращен сам в свой результат. Рациональность и логичность абсолютной истины не могут предполагаться.

Предельная относительная истина — истина чистой философии, то есть философии, отделенной кардинальным образом от науки и обыденности и имеющей собственный предмет. В отличие от массы других относительных истин, предельная относительная истина не замкнута на фиктивные среды. Ее неполнота, приблизительность, контурность могут быть связаны не только с тем или иным отрывом от первичного, модификацией сред познания и т. п., но и — с непредвиденными факторами и факторами принципиальной непознаваемости. Даже в рамках герменевтики философия представляет собой всего лишь акт, подобный мировому акту, предполагающий свою заведомую ошибочность и самоуточнение, при невозможности уточнения полного. Одно из на-

чал философии — мировоззренческая ошибка, но одна из ошибок — мировоззрение экстраполируемое из науки и обыденности, увы, зачеркивает себя, не давая ни продолжения, ни начала.

Онтологическая истина есть не что иное, как синтез предельной относительной истины и некоторой неструктурной вырванности из абсолютной. Это рабочая истина теоретической философии, относимая к объективному миру. Будучи относительной, она содержит в себе подобия, "отблески" абсолютной истины, а в ряде случаев — только указания по аналогии, намеки на абсолютную истину, ибо непосредственно информационным образом нельзя даже частично отразить собственно субстанциональность.

Онтологическая истина имеет три критерия:

1) логическая самонепротиворечивость в границах применимости логики (применимость логики определяется генеалогией того или иного факта, его досубстанциональностью, постсубстанциональностью и т. п.);

2) согласованность с действительными данными человеческого сознания (точнее, субъективного сознания: психического, безнадстроечного сознания, лишенного идей);

3) аналогическая и гомологическая согласованность со степенью сложности научных псевдосред, то есть, в более широком смысле, параллельность сложности псевдосред, продуцируемых человечеством.

Нужно сказать, что сердцевинные положения философии (со снятой эпистемологической оболочкой) вполне могут и не быть фактуально в последней ин-

станции сложными, но сложность указанных выше псевдосред должна в них тем или иным образом учитываться.

Важно еще заметить, что сам разговор об "истинах" вынужден. Вопрос о среде существования истин делает последние достаточно парадоксальными и неопределенными. Можно говорить об умственных и внеумственных истинах и даже об "умных", "безумных" и "правдиво-глупых". Тонических истин мы уже косвенно касались. Все нетонические истины косвенны и подобны не иллюминаторам, но только опосредованным показаниям приборов.

Давно длится спор о наличности истин вне субъекта, в частности об истинности высказывания "дважды два равно четыре" при том условии, что высказывание это не высказано, ввиду отсутствия человека и человечества... Определенные нелепости по отношению к истинам создают событийно-исторические констатации на основании каких-либо источников. Не менее нелеп и поднимавшийся корифеями логики вопрос "о числе виноградин, собранных в Италии в прошлом году". Здесь мы фактически имеем парадокс итальянских виноградин, поскольку их числа не может быть, когда область рассмотрения выносится за пределы прагматики. Если иметь в виду некую существующую вне сознания далекую точность, то совершенно неясно, что надо считать виноградиной: нужно находить ботаническую разницу меду завязью и виноградиной, то есть между виноградиной состоявшейся и несостоявшейся, между виноградиной собранной и несобранной, пропавшей и не пропавшей и т. п. Сюда же примешивается проблема административно-политических и географических границ Италии (необходимая точность: до каждого виноградного куста, до каждой виноградинки, расту-

щей на границе). Таким образом, числа виноградин, собранных в Италии, просто не может существовать. Фактически неразрешим и более простой вопрос о совершенно точном числе книг, находящихся в книгохранилище, если часть книг испорчена мышами, насекомыми и микроорганизмами, часть книг имеет форму свитков и тетрадей, некоторые рукописны, некоторые более похожи на газеты и журналы, разрозненны или, наоборот, объединены случайным образом под одним переплетом, а в момент проведения инвентаризации и перерывов в связанной с ней работе происходят изменения, вносящие неразбериху и в более формальный вопрос о единицах хранения. При этом неизбежны ошибки в подсчетах и классификациях, волюнтаризм и разница во мнениях экспертов.

Можно ли избежать идеализма в проблеме истины? Даже в простых примерах идеалистичны как приближенные, так и точные решения. Нефиктивной фиктивностью характеризуется обычно понимаемое знание, а отсюда неидеальные истины, то есть фактически субъективно-реальные интенционные и иные истины имеют спектр чрезвычайно узкий. Если не отягощать проблему истины акмеизмом логической пунктуальности, то можно было бы говорить об иерархии истин, где имеет место обязательное замыкание абстрактно-идеальных и псевдосредно-идеальных в широком смысле истин на истины психологического здесь-теперь. В любом случае представления об истинах выходят за рамки данной философской концепции и также за рамки философии вообще и требуют в той или иной степени прагматического подхода. Представления о "правде" и "истине" более относятся к компетенции уточненного и диф-

ференцированного здравого смысла, нежели к компетенции философии, изначально ориентированной на реализм. Рассуждения об истине-в-себе, истине как таковой — это рассуждения об абстракции абстракций, а потому важнее представления о тех рабочих истинах, без которых невозможно изложение. В этом плане статус "истинность" вторичен и менее мощен ментально по сравнению со статусом "реальность". То, что реально, то всегда в той или иной степени истинно, пусть даже истинно в качестве иллюзии; но то, что истинно, чаще всего нереально.

2.6.4 КЛАССЫ ПСЕВДОСРЕД

Для многих псевдосред базой является сам дающийся в качестве псевдосредного феномена язык. Тем не менее существуют полагания и доязыковых псевдосред, а также псевдосред генеалогически связанных с языком, но формально и практически почти полностью от него оторванных. В частности, псевдосреды могут соответствовать тому, что принято называть предметным мышлением. Предметное мышление необходимо дифференцировать, с одной стороны, на образное мышление, которое непсевдосредно, а с другой — на чистое предметное мышление в квазисреде.

Можно выделить два способа подразделения псевдосред на классы. Первый способ — фактурный и связан со степенью сохранности в псевдосредах рудиментов человеческого сознания, характером заданности псевдосред, мыслимостью или немыслимостью объектов псевдосред и т. п. Этот способ более гносеологичен, но мало применим практически.

Чаще мы имеем дело не с классами псевдосред-направленностей, но с классами псевдосред-"феноменов", псевдосред-планов и псевдосред-пластов. Они касаются не столько сфер какой-либо деятельности, сколько сфер психической погруженности, модусов психической заданности.

По второму способу выделения классы псевдосред коррелируют с соответствующими совокупностями человеческих направленностей.

ПЕРВЫЙ ТИП ДЕЛЕНИЯ НА КЛАССЫ

1. Постфотосредные и околофотосредные псевдосреды. Псевдосреды, способные быть квазисредами.

2. Псевдосреды и псевдосредные "феномены", которые касаются объектов, несуществующих в квазисреде или присутствующих в ней в неспецифическом виде. То, что можно видеть в оптический прибор (микроскоп, телескоп), в момент своего виденья является квазисредой. Фотографии объектов, снятых через электронный микроскоп, сами по себе могут быть квазисредой (присутствовать в квазисреде), но говорить о квазисредности видимых на них объектов в большинстве случаев не приходится. Не совсем специфичными можно считать объекты малоразличимые, имеющие малые угловые размеры применительно к конкретной оптической системе.

При всем этом объекты рассматриваемых псевдосред так или иначе (пусть и не полностью проницаемо и до конца) могут представать фотосредно, то есть в неинтеллектуальном воображении.

3. Псевдосреды малопредставимого и непредставимого, предполагающие не разворачивание в воображении, но воображаемую потенциальность.

4. Псевдосреды логически невозможных объектов, в том числе математических объектов, являющихся пределом абстрагирования: точная окружность, линия, актуальная бесконечность.

Прагматически несуществующие объекты: кентавры, сказочные василиски, литературные персонажи относятся к первому классу псевдосред, невзирая на свою фактуальную неявляемость.

ВТОРОЙ ТИП ДЕЛЕНИЯ НА КЛАССЫ

1. Основания (кажимостные) установок верований и волевых проторенностей. Это рефлексивно-рефлексные установки и их кажимостное объяснение, попытки внеобразной рационализации отэмотивного, культурно-эстетического. Человеку обычно недостает образной констатации фактов и необходимо их вещное, "действительное" утверждение, однако на место действительного неизменно становится мнимое.

2. Надбытовые и надыдивидуальные объяснительно-прагматические псевдосреды. Сюда относятся конструкции псевдосред математические, позитивных наук и всякого рода непозитивных наук и паранаук (магия, астрология, натурфилософия и т. п.).

3. Прикладные псевдосреды. Это псевдосреды осуществления действий. К ним относятся формализуемые компоненты приемов обыденных действий, технологические приемы и кажимостная среда их приложения. Собственно ментальным пунктом деятельности, пунктом опоры ментального здесь является фотосредно-интенционное с осколками квазисредно-

го, а псевдосредное выступает в роли кажимостной сферы растекания того и другого.

В данном классе псевдосред происходит слияние воображаемого об идеальном и воображаемого о данном. Действительно, где существуют правила, предписания, алгоритмы, методики, регламенты, прейскуранты, цены? Бытовое отождествление всего этого со здесь-теперь знаками ложно и при расширении сферы психической погруженности. Никакого "общественного сознания", естественно, не существует, как не существует и идеального. Положенности идеального вполне явны и проистекают из неопределенно-субстративной среды, не являющейся собственно психической средой, где психическая среда — только индикатор и табло.

2.6.5 УРОВНИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕ-МИРА

Всякий уровень, рассматриваемый в неметафизических моделях мира, оказывается несводящимся к самому себе, несамостоятельным. Его примативные факты даны подуровнями, метатеоретическими или не подлежащими анализу явлениями. Любая псевдосредная структура, как выясняется, не может претерпевать изменения сама по себе, ее изменения обусловлены изменениями ее подструктур, в том числе и тогда, когда побудительными для изменений считаются внешние макровоздействия, ввиду того, что воздействие, как это ни смехотворно, в конечном итоге есть воздействие внешних подструктур на подструктуры внутренние, а макроскопична здесь только форма-оболочка этих микроскопических процессов. Движуще-активное начало стекает по ступе-

ням подстановок, а затем вымывается в заопытность или в затеоретичность.

В способах принятого рассмотрения явлений, в традиционном срезе кажимостных пластов данности структура большего порядка оказывается ограничителем и как бы информационным катализатором входящей в нее структуры меньшего порядка (подструктуры); однако само деление на структуру и подструктуру зачастую регламентируется соображениями удавшейся познавательной выделенности. Изменения динамических структур меньшего порядка иногда и рассматриваются как *clinamen*, нечто случайное. Бóльшая структура имеет подвижность-наличность только потому, что действия меньших структур направляются по определенному руслу, обусловленному ограничивающе-каталитическими свойствами большей структуры (или отбираются). Связность структур меньшего порядка в структуру большего порядка микроструктурна, микродленна, но это не создает препятствий для той констатации, что макроструктура качественно доминирует над подструктурой. При всем парадоксе обратного доминирования быть не может, несмотря на зависимость, несамостоятельность макроструктуры. Не только софистика и вербальное крючкотворство заключены в том примере-силлогизме, который показывает, что при гибели организма доминирования компонентов организма над организмом не происходит на том основании, что труп — это не организм. Можно видеть, что не только свойства молекулы не сводятся к свойствам составляющих ее атомов, но и то, что атом в молекуле — уже не тот атом, каким он был в свободном состоянии. В утверждении, что система не сводится к сумме ее частей, а части в системе не идентичны самим себе, взятым вне системы, нельзя

не видеть топологической парадоксальности: связность структуры второго порядка в структуру третьего порядка осуществляется через структуру первого порядка... Уровни носят характер пространственно-временных четырех — семимерных сфер с повышением степени стробоскопии. Однако, кроме одного стробоскопического эффекта, здесь имеет место и другой и еще несколько подобных. Спрашивается, как все это может быть самообъективным? К этому вопросу нужно добавить и вопрос о согласовании полихроничности.

Макропроявления и сводятся и не сводятся к микроявлениям. Упорядоченность коррелирует с отбором ряда состояний из всего множества возможных состояний, но в противовес этому возникает вопрос: "А каким образом, например, организм может влиять на квантовые подструктуры, если в микроскопические промежутки времени организма как такового не существует, а в макроскопические промежутки времени большинство квантовых явлений размыто и неопределено?" То, что сказано о времени, вполне можно отнести и к пространству. Обратив внимание на пространство, можно видеть более отчетливо малоуловимые особенности времени. Если из-за размывания объектов-структур невозможно пространство как порядок следования объектов-структур, то из-за размывания событий-явлений невозможно время как порядок событий-явлений. Необходимо добавить также поправку на отсубъективность, субъективность, отнаблюдательность, ракурсовость, растровость и т. п.

В некой постулированной натурфилософской "объективной реальности", при последовательности ее введения, и не может быть никаких систем и уровней:

уровни оказываются всякий раз наличными только в тех или иных единичных рассмотрениях. Псевдосреды различных рассмотрений, псевдосреды различных наук оторваны друг от друга. Прагматически значимые подстановки возможны не абсолютно, но только в некоторых отчасти пересекающихся моментах и областях. Отсутствие полных пересечений приводит к тому, что задачи одной науки не решаются с помощью другой науки, более "атомарной", во всех мыслимых случаях. Вмешательство одной науки в другую обычно только служебно. Даже из той утрированной формулы (подстановочность), что организмы и молекулы состоят из элементарных частиц, нельзя сделать вывода о том, что биология и химия сводятся к предполагаемой абсолютной физике. Впечатление о подобном сведении может возникнуть на основе экстраполяции изученных и разработанных областей определенных наук на области менее изученные и разработанные и вообще на пробелы знания, но дело здесь вовсе не в пробелах знания, а в ущербности псевдосред и их отрыве друг от друга, причем отрыве не вре́менного характера, но фундаментального. Разрыв между уровнями возникает уже в результате различной заторможенности псевдосредных объектов и невозможности получения информации от чего-либо незаторможенного. Заторможенности диктуются не столько аппаратом самих рассмотрений, сколько изначально данными образами. Если человек может иметь непрерывно ощущаемый предмет-поток, то постройка соответствующего ему псевдосредного объекта, данного в миллиардные доли секунды, может оказаться рассыпанной. Аналогичное происходит при попытке ненатурфилософской подстановки псевдосред разных уровней.

Макровременные явления (а значит, и макроструктуры!) суть не что иное, как кажимости инерции; неинертное их рассмотрение эмпирически невозможно, ввиду корреляции в эмпирических образах микровременного с микропротяженным. Даже теоретически рассматриваемая вселенная в первые малые мгновения своего существования оказывается похожей на элементарную частицу. Сверхмегаскопическое, почти гигаскопическое, превратилось здесь в сверхмикроскопическое, почти элементарный квантовомеханический объект. Любая структура, так или иначе, выявляет себя как искаженная данность, инертная наложенность. Вырождение структуры замыкается и на вырождение движения; сама возможность предполагаемого атомарного движения разоблачается и отвергается греческими апориями. При этом квантовое движение, движение-неперемещение и даже просто движение-изменение не менее парадоксальны. Попытка считать зеноновские и пирроновские объекты чисто макрообъектами или только макрообъектами может породить лишь иллюзии, тем более что парадокс "неумирающего и нерождающегося Сократа" может быть распространен на всякое изменение всякого объекта с тем конечным выводом, что любое изменение невозможно. Структура переходит в изменение примативного, а изменение примативного вырождается само по себе. Мы вполне имеем косвенные представления о движущихся элементарных частицах — на уровне, сопоставимом с этими представлениями, наличествует фундаментальный дефект физического (отфилософского) взгляда на мир: движение превращается в артефакт недосмотра или просмотра главнейшего из физических наблюдений. Отход от бытовой логики, который уже

намечен в квантовой физике, еще недостаточен. Этот отход будет и бóльшим, но никогда — полным.

При рассмотрении субъективных изменений может быть взята и другая точка отсчета. При этой теоретической точке отсчета искажением будет считаться не инертность, а отсутствие или недостаточность инертности. В этом случае время будет раз и навсегда застывшим Хроносом, подобным протяженности, а субъективные изменения будут выглядеть как отключения от Хроноса, хронологические недопроницаемости. Все это означает, что в субъективном даются некоторые многомерные живосечения Хроноса. Однако в нечастном значении подобные рассмотрения подходят не столько к физической концепции пространства-времени, сколько намечают контуры некоторой неоперившейся метафизики, еще не успевшей очиститься от натурфилософии. Действительно, при указанном выше начале отсчета-рассмотрения, гигаобъекты будут более элементарны, чем макро-, микро- и т. п. объекты. В конкретном приложении это означает, что макроистория первичнее микроистории, а также знаменует воплощение телеологических принципов, которые в этом случае однозначно не могут не быть. В обозримых смыслах подобное вполне включается, подгоняется под вышеназванный принцип доминирования структур над подструктурами.

Тем не менее концепция застывшего Хроноса (включая варианты полихроничности, полипространственности, пула растворенных друг в друге миров и т. д.) остается абстрактно-гипотетичной, не имеет достаточного выхода к реальным вычлененностям в виде эмпирических явлений. Ущербность последних, явная деформированность и аберративность — не

основания для полного их гносеологического отбрасывания. Главный недостаток данной концепции — "натурфилософичность" и недостаточная "метафизичность". Показатель этого — сохранность уровней, приводящая к парадоксам. Отказ от уровней, признание их иллюзорности дает уже другие формы мировоззрения.[32]

Если мы "объясняем" движение тел, исходя из законов механики, то мы считаем тела сплошными, не состоящими из элементарных частиц, атомов и молекул. При этом не следует видеть нечто позитивное в том, что имеет место отвлечение, идеализация. Получается, что тело, несмотря на свое движение, полностью пассивно. Иногда рассматривают некоторые совершенно искусственные макропроцессуальные условия формально на одном пространственно-временном уровне со "сплошным телом", вводят понятия импульса, силы, инерции, но при этом акт движения остается примативным, то есть подобные понятия только инструментально-прагматичны и в углубленно-прямом смысле непознавательны. Они сконструированы на основании опыта, подогнаны под опыт; сам опыт они не в силах объяснить.

Математический аппарат и его физические объяснительные соответствия подгоняются под некоторый ряд таких опытов. Найденные системы соответствий распространяются через операции подстановок на другие мыслительные опыты. Эти мыслительные опыты в конце концов могут совпасть с праг-

[32] Даже в околофизических мировоззрениях бóльшие уровни — это симптом "смазанности", нечто подобное фотографии быстро движущегося объекта, снятого со слишком большой выдержкой.

матическими результатами, из среды которых предварительные заключения об указанных результатах и выводились. Элемент продуктивности здесь — только предположения, допущения, аппроксимации, упрощения и пр. При этом сравнительно более глубокие вопросы: "Что?", "Как?", "Зачем?", "Почему?" остаются без ответа. Натурфилософская фантастика обычно находится позади науки своего времени, не опережает ее, а при определенной временной дистанции и рассмотрении подобной фантастики из будущего (речь не идет о художественной фантастике) она почти всегда представляется наивной и огрубленной, причем даже тогда, когда естественнонаучные концепции, на почве которых она выросла, остаются по-прежнему сравнительно приемлемыми. Рассыпанность натурфилософского мира выражается в невкладывании подуровней в уровни, подсистем в системы, в непродолжении систем другими системами, в замыкании конечного уровня или конечной системы на неопределенность, в хронологической несопряженности или невписываемости протяженностно-хроносных сфер друг в друга, в наличии стробоскопических иллюзий, принимаемых за объекты, в отсутствии дополнительности между различными средами. При этом попытки рассмотрения целостности неизменно приводят к заключению об артефактности дающейся частичности.

Рассыпанность натурфилософского мира означает, что естественнонаучный мир также рассыпан, что физического мира объективно не существует. Более подробно мы рассмотрим последнее в других главах данного раздела.

2.6.6 ФАНТОМЫ МАТЕМАТИКИ. МЫСЛЯТ ЛИ ВЫЧИСЛИТЕЛИ?

А. Общие вопросы

Есть различие между средой изложения и средой изучения. Эти среды можно еще более дифференцировать и выделить среды промежуточные. Всякий раз над средами осколочной реальности здесь будут доминировать среды несуществующие, фантомические. В математике фантомы изучения и фантомы изложения могут быть максимально близки друг другу, и в случае идеально проведенной формализации они совмещаются. Если говорить о реальной смысловой плоскости, "смысловых вспышках", соответствующих математическому, то приходится напоминать об их неполной структурной адекватности математическим объектам: ощущения смысла здесь нестроги, фактически данные образы расплывчаты, полупризрачны. Все это сказывается и на строгости, возникает неоднозначность математических построений. Отвлеченностью, несуществуемостью оказываются не только идеальные объекты математики, но и само математическое изложение в своих атомарных пунктах, то есть математика — это не умственная наука. Она антипсихологична. Алгоритмы математики идут прямо в рефлексивно-рефлексное, а ее рядоположенности и конструкты — в фиктивный разум.

Математику широко можно определить как науку о таких фантомических объектах, которые после своего задания обосабливаются от каких бы то ни было реальных объектов и реальных образов. Боль-

шинство областей математики имеют дело с почти предельными псевдосредами. Отношения между математическими объектами после того, как эти объекты заданы, считаются достаточно жесткими, а каждое такое отношение — внутренне исчерпанным. Математические объекты и закономерности полагают существующими, независимо от того, известны ли они субъекту-продуценту или нет. Будучи заданными, псевдосреды математики не апеллируют к эмпирии и ощущениям вообще, несмотря на то, что положенность математического без последних невозможна. Выведение одних отношений из других здесь запрещено любыми способами, кроме способа кажимостно-логического разворачивания; требуется та или иная степень последовательности такого разворачивания — некая абсолютная логическая последовательность означает уже выход за рамки математического фантома, разрушение его, а иногда и противоречие каким-либо математическим "табу".

Для математики нет традиционно понимаемой вещи в себе — этому способствует то, что математическое задается (в непсихологическом смысле) помимо сознания и представляется вне сознания.

Существование математики возможно благодаря своеобразной идеометрической религии. Примативные факты математики представляют собой иррациональные положенности, и внутри математики они неопределимы. Не имеет математического определения и сама математика. Характеристикой математики является то, что она есть набор систем рациональной положенности иррациональной интенционности зарефлексивного, и вся пресловутая строгость математики есть не что иное, как строгость логического аппарата, в ней используемого.

Скачкообразные алогичности могут быть удобны для идеализаций, и в определенной степени они растяжимы в том плане, что противоречия и алогичности остаются либо неявными, либо фактурно невозможными на некотором внедренном уровне рассмотрения, но тем не менее противоречий избегнуть полностью нельзя, и часто они вполне явно открываются в вопросах фундаментальных. В ряде случаев та или иная математическая область может поставить себя вне логики: либо дать собственное определение непротиворечивости, либо наложить табу на операции, рассмотрения, разложения метатеоретического плана, ведущие к абсурду, но это приводит к отсутствию согласованности между различными областями одной и той же науки, делает ее логически неоднородной.

Невозможны не только реально, но и логически такие объекты как: ординарно-геометрическая точка, прямая, бесконечность актуальная и потенциальная, нуль, числовой неограниченный ряд, бесконечно малая величина, переменная непрерывная величина, геометрическое пространство, приближенная величина и т. п. Все они содержат интеграционный алогизм, абстрактное совмещение несовместимого, что как раз и вызывается потребностью отвлечения.

Мы говорили об истоках математической абстракции, но непосредственный процесс проведения тех или иных математических операций выглядит относительно логично, однако логичность эта является потусторонней, а не психической, ввиду алгоритмизирования и ссылок на небытное. Субъект, продуцирующий математический фантом, проверяющий или воспринимающий его, действует машиноподобно. Если за этой машиноподобностью и стоит логика, то непосредственно субъекту она не дана или просто не рас-

сматривается. Великий математик — это подкорка и, в частности, мозжечок. Если субъект и применяет логику, то чаще всего не логику логического разворачивания, а логику связи алгоритмов, по которым происходит это разворачивание.

Из многих областей математики быстро испаряется их первоначальный умственный и эстетический блеск, ввиду того, что усложнение идет параллельно с алгоритмизированием-автоматизированием, то есть техника угрожает идиллическому существованию не только общества, но и — интеллекта. Умственное ощущение логосности от современных математических представленностей совершенно иного толка, чем, скажем, во времена Кардано и Тартальи. Почти обо всей современной математике (исключая некоторые еще тихие ее "заводи") можно сказать то же, что сказал когда-то Декарт об алгебре: "Она настолько порабощает ум известными правилами, что из науки развивающей ум превращается в путаное искусство, которое его сковывает".

Б. ПРИМЕР ЧИСЕЛ

Б-1. Тривиальные числа. Среди ощущений смысла, промежуточных между каноническими и разлитыми, выделяются такие, которые можно назвать метрическими. К такого рода ощущениям относятся те или иные обособленности реально ощущаемых объектов-образов друг от друга, различение относительных размеров квазисредных объектов и т. д. Хорошо известно, что при демонстрации нескольких групп одинаковых предметов с разным количеством предметов в каждой, вполне можно определить, в какой группе их больше, а в какой меньше. Эта способность

более выражена, если число предметов не превышает семи. В указанном случае имеет место невербальное ощущение количества. Ощущение количества получило словесные знаки для обозначения дискретных и недискретных градаций своих интенсивностей: "два", "много","семь","меньше", "больше" и т. п.

Конкретное тривиальное число есть интенсивность пропозиционального ощущения количества, а в переводе на непосредственную соотнесенность есть само ощущение количества, так как в непосредственной соотнесенности метрическая интенсивность и ощущение количества есть одно и то же.

Тривиальная операция сложения по своей субъективной данности подобна смешению двух пучков различного монохроматического цвета.

Б-2. Натуральное число — примативный математический объект, и потому оно не имеет математической заданности, математического определения в строгом смысле этого слова. Все попытки найти такое определение без привнесения в него признаков тавтологии являются заведомо бесплодными, но, как и попытки решения квадратуры круга, они могут быть побочно продуктивны. Не давая определения числу, как тавтологические, так и нетавтологические попытки определения могут дать новую базу для взгляда на природу числа, состыковывают так или иначе понятие числа с другими неопределимыми понятиями, например, с понятием множества. В отличие от других сходных случаев философия, как и математика, не может дать определения числу. Действительно, с нематематической точки зрения, число — средство данности неонтологических объектов. Как вырожденная категория оно близко подходит к категории "форма" и есть степень дискретности объекта или (что то же самое) — совокупности объек-

тов. Легко понять, что все эти правомерные заявления не суть строгие определения. Они мало чем лучше коррелятивного определения числа на "пальцах", "кулаках" и арабских знаках. Числовой ряд воспринимается совершенно не так, как соответствующий ему знаковый ряд, — он воспринимается полуосмысленно-полубессмысленно. Знаковый ряд играет ту же роль, которую раньше играли дощечки с зарубками. Соответственно числовой ряд, как и параллельный ему полностью представленный знаковый ряд, находится не в сознании, а вне его. Эти ряды — фикции. Подобные фикции некоторым образом становятся грубовато-абсурдированным обобщением зарефлексивно-рефлексного. Несмотря на такую заданность "зарубок", их сущность не меняется.

Кантор попытался дать определение числу. Две совокупности предметов называются равномощными, если составляющие их предметы могут быть сопоставимы по одному. Число предметов данной совокупности есть то общее, что имеет данная совокупность и всякая равномощная ей совокупность.

Эта попытка определения является до гениальности косвенной и лишний раз подтверждает идеометрическую неловкость человеческого сознания по сравнению с выдуманным этим сознанием разумом. Канторовское определение, несмотря на всю свою утонченность, восходит к древней ссылке на зарубки, на сопоставление по одному. Недостаток данного определения не только в тавтологии (явно выраженной), но и в том, что отнюдь не очевидно, что общим в равномощных совокупностях будет только число. Сколько бы разнородные предметы (пусть даже непсихические и нематериальные) мы ни уговаривались брать, будет иметь место такое пересечение этих совокупностей, какое не поддается полно-

му анализу. Это при том, что особенности каждого из предметов, входящих в ту или иную совокупность, вполне могут остаться за рамками рассмотрения. В математике избавляются от подобных трудностей, вынося их за рамки теории, но здесь даже неясно, что нужно выносить, притом так, чтобы само число осталось внутри математики, — требуется дать числу новое, уже негативное определение.

Б-3. Когда мы говорим, что 8 + 2 = 10, мы говорим это только потому, что имеется такое воспоминание. Есть ли в этом случае в сознании что-либо, относящееся к числу, кроме знаков? — Ничего!

На первый взгляд кажется, что 8 + 2 есть удобная запись, просто расшифровывающаяся, но если она и расшифровывается в некой идеоплоскости, то без участия сознания; мышления здесь нет. Великий счетчик — это область психейного (засознательного), отбрасывающая через посредство сознания миражи идеального. Даются правила, воспоминания, корректирующие ощущения, но действительное сложение — это отосланная в разум идеальность. Выражения типа 8 + 2 = 10 могут быть элементами вычислений с помощью алгоритмов. 4357 + 11398 внутри потока сознания не есть сложение чисел — это своеобразное сложение ссылочных феноменов. В разуме числа имеют самостоятельный статус: они там суть числа в числах и оторваны от каких-либо объектов-образов, хотя и могут тем или иным образом соотноситься с последними. Фактически натуральные числа — небытие, их нет, но тем не менее они полагаются. Если некто видит перед собой двадцать пять каких-либо неупорядоченно расположенных объектов, то он не видит их ни глазами, ни умственно в том плане, что их именно двадцать пять. У него мо-

жет быть только осмысленное ощущение тривиального числа "много" или полутривиального — "примерно столько-то".

Когда считает логарифмическая линейка — она не мыслит. Так же и люди — при вычислениях не мыслят. Рефлексивно-рефлексно зарубленные знаки исполняют роль делений линейки, а роль перемещающегося движка играет алгоритм.

Числа, за исключением тривиальных чисел-ощущений, не могут находиться в сознании *Homo sapiens*, они — "вне сознания далеко". Можно заявить, что число 333 441 представимо в виде ряда единиц, но мы не можем сознательно этот ряд представить. Есть только положенность, что это число представимо в некоем математическом бульоне… Представимость непредставимого в математической плоскости становится данностью, и здесь совершается скачок от мысли-ощущения к идее. Всякое натуральное число для человека немыслимо, даже то, которое соответствует тривиальному числу. Если тривиальное число есть реальная схватываемость, то натуральное, а тем более рациональное число совершенно бесплотно. Собственно переход от ощущения к идее субъективно законен, но нелогичен и нерационален. Подойти к сущности числа можно только "дорогами, запретными для мысли"[33], но, ввиду достаточной формализации, надобности в приближении

[33] Строчка из стихотворения Брюсова "Числа". Первая строфа этого стихотворения:

Мечтатели, сибиллы и пророки,
Дорогами, запретными для мысли,
Проникли — вне сознания — далеко,
Туда, где светят царственные числа.

к сущности числа у современной математики нет. Раскрываются возможности числа, но вовсе не некий его "тайный смысл". С одной стороны, такого смысла вовсе нет, поскольку чисел реально не существует, они суть полагаемые идеальные объекты, пределы интуитивных и неинтуитивных ссылок, то есть фиктивные опорные элементы. В то же время, с другой стороны, сам подход к числам — иррациональный прыжок в темноту, сходную с прасубъективностью, и наличие формализаций не может установить здесь определенность: всякое пользование числами полубессознательно.

Математические понятия подобны образам поэзии — они также истираются от длительного употребления, превращаются в банальности, но всякая подобная банальность, взятая чуть глубже, дает развертывание целых пропастей псевдосредных затемненностей, следов аналитической торопливости. Непроясненность такой выдумки, как числа, вполне можно видеть не только в метаматематиках, но и в самой теории чисел. Так, не найден закон простых чисел, не найдено ни одного нечетного совершенного числа и не доказано, что таких чисел не существует.

Сознание абстрагируется само от себя, благодаря тому, что число формализовано знаком; но невозможно представить какое-либо большое число, не пользуясь звуковыми или письменными знаками, а знаки — это вовсе не числа.

Можно говорить о парадоксах чисел. Имеет место следующее явление: натуральных чисел нет в сознании, но, с другой стороны, они должны логически в нем присутствовать. На книжной полке (квазисредно) находится определенное число книг, но сознание недостаточно интегративно для того, что-

бы это число было известно сразу без пересчета (n>>7). Число превращается в неуловимую для сознания степень дискретности. Когда мы используем пересчет, то мы фактически складываем не единицы, а сами сознания.

Пусть в субъективном поле зрения имеется экран с размером, необходимым для того, чтобы его можно было более или менее сразу[34] охватить взглядом, и пусть на этом экране находятся n одинаковых фигур, причем 70 > n > 40. Несмотря на то, что перед субъектом находится эта совокупность квазисредно-реальных фигур-ощущений, число их строго не улавливается, что образует парадокс. Реально никакого числа не выражено, дискретность не говорит сама за себя, но это число как будто должно быть обязательно, в противном случае сам факт виденья фигур был бы невозможен. Полного парадокса здесь нет, ввиду ухода чисел, "говорящих за себя", на иной воображаемый уровень. Реально осознаваемая совокупность фигур не находится во взаимо-однозначном соответствии ни с зарубками, ни со знаками — она соответствует сама себе.

2.6.7 ТОЧНЫЕ НАУКИ

Получение информации от некоего "объективного внешнего мира" невозможно: это получение есть процесс, а нечто, полагаемое объективным, оказывается недвижным при самых взаимоисключающих и противоположных концепциях времени, в случае

[34] Для физиологов (изучающих восприятие и называющих себя почему-то психологами) это "сразу" будет несколько иное.

последовательного их проведения. Даже традиционный натурфилософский мир был бы недвижен в "реальное" натурфилософское мгновение. С другой стороны, информация выступает только как атрибут пленки между субъектом и объектом. Принадлежность информации к объективному достаточно сомнительна и потому, что она проявляет себя только в виде разновидности структуры, пусть даже неспецифической структуры, то есть — как свойство выделенной частности, относительности, но не целого и абсолютного.

Получаемая каждый раз информация есть информация о фиктивном мире. Это первичная фикция, рациональный образ. Рациональный образ — уже не просто совокупность ощущений, но пропозиционал данности сознания, соотносимый с другими пропозиционалами и засубъективным. Связываясь с уже данным опытом, идеометрически обработанная, подобная информация перебрасывается на мир-фантом — вторичную фикцию или модель мира. Если первичный рациональный образ еще может быть связан с внутрисознательным, то модели мира не есть картины (портреты) мира. Они через посредство эмпирических образов и помимо них индуцируются фрагментарной человеческой практикой. В практической деятельности знания об объективном мире не составляют необходимости, ибо сама практика процессуальна, состоит из останков давно умершего, либо является вырванностью из нерасчленимого.

Легко переступить через узкий промежуток, отделяющий Ахиллеса от черепахи, но этот акт неизбежно есть перешагивание через скелет того самого человека, который и один раз не смог войти в одну и ту же реку. Здесь тем более практика оказывается илом, археологическим отложением, уже неживыми

оболочками между субъектом и объектом. Если сравнить человека с дождевым червем, то прагматика, будучи человеческой стихией, оказывается в этом сравнении только норами в полудециметровом слое перегноя, но отнюдь не всем земным шаром.

Детали наблюдений могут в то или иное время присутствовать в сознании. Они приходят в сознание и уходят из него. При этом рациональный образ есть некоторая застывшая положенность, собственной реальности не имеющая, но рассматриваемая ввиду наличия частных и интегративных ощущений о ней. Если мы даже имеем быстрое наблюдение, присутствующее в сознании полностью, то оперируем с ним, опять-таки представляя его как положенность, ибо, как правило, нельзя одновременно иметь наблюдение и теоретизировать о нем. Вопрос осложняется тем, что результат эксперимента часто не есть обычное наблюдение, его получают через долгий срок после того, как проведена серия наблюдений, после обработки материалов. Он может и не быть промежуточно чем-то чувственно наглядным, а сразу явиться в виде "идеи разума", то есть в уже законченной форме идеальной связки опыта.

Между являющимся в сознании и псевдосредами гораздо больше разницы, чем между вещественными и комплексными числами. Аналогия эта примечательна: субъект оперирует с псевдосредами так же, как если бы они были, ссылается на них так же, как и на явления своего сознания.

Мысль о том, что человеческие ощущения отражают "внешний мир", — весьма наивная тавтология, ввиду того, что под "внешним миром" подразумевается мир, который сотворяется человеком через родовые корреляции на основе таких же ощущений, на

основе ряда операций подстановки опыта. "Внешний мир" называют не познанным полностью, но это означает, что сотворенный мир не связывает имеющийся опыт достаточно глубоко, то есть не связывает полностью. Если современный "физический" тип мышления в какой-то степени признает нелепость объективации опыта и содержания теорий, то это нельзя сказать о других науках, называемых естественными. В этом плане современнейшая физика явно "неестественна".

Мозг, о котором говорят в физиологии, есть не что иное, как подстановочное продолжение человеческих ощущений в разумо-рассудок. Используемая подстановка делает мозг уже не серым студнем, а конструкцией из клеток и их отростков. Делая другие прямые и косвенные подстановки, можно рассматривать мозг уже на других уровнях и в других теоретических ракурсах, но все это — наши же несуществующие ощущения, аналогичные ощущениям о соседней комнате.

Некоторые области науки могут строиться на базе процессуальных идей. В этом случае мы имеем дело уже не с разумо-рассудком, а с несколько более очищенным разумом: разумом формул и идей. Всякого рода несуществующие ощущения и образы здесь вспомогательны и интерпретативны.

Смыслообразы, витающие над формальными математическими построениями, достаточно случайны и неточны. Концептуально прокламируемые смыслы и истолкования бесплотны и бесчувственны в своем последовательном виде, а иногда и вовсе не нужны: достаточно бывает и связи между символами. Связь символа решения-ответа с прагматикой или наблюдениями может потребовать специальных операций выбора между "физическими" и "нефизи-

ческими" смыслами. Эти операции — своего рода низведение разума до рассудка, а наука может выглядеть как существующее вне сознания искусство для искусства.

Тем не менее эмпирические стереотипы являются конечным объектом изучения естественных и точных наук. Эмпирические стереотипы суть реально-полуреальная граница науки, а сами они в этом качестве в любом случае субъективны, пусть даже инструментально-субъективны, отсубъективны.

Наука об объективном мире — онтология — может быть построена только по античному типу и является логико-умозрительной. Разумеется, она не может быть натурфилософией. Собственно онтология связана с зоной ума, но не с разумом и рассудком. Более строго, онтология и не наука, но рафинированная градация системы интенций, основное ядро последовательной метафизики. Между подобной онтологией и наукой лежит пропасть. Эта пропасть кажется несколько меньше только благодаря тому, что мы обычно сталкиваемся с фактами неудачных онтологий, без остатка растворенных в фикциях.

Усовершенствование процесса получения эмпирических стереотипов ведет к ломке традиционных псевдосредных конструкций. Внутри как будто бы относительно приемлемых псевдосред вдруг появляются несогласованности, противоречия, пустоты и белые пятна, которые никак не могут быть оправданы несовершенствами познания. Существует ставшее банальным выражение "безумная идея" и вопрос: "Настолько ли идея безумна, чтобы быть истинной?" То, что называют безумными идеями, может быть чем-то внезапным, непредвиденным или прямой алогичностью применительно к рассудочным интерпретациям. "Безумные идеи" действитель-

но безумны, поскольку проистекают не из ума, а из разума, то есть фактически они идут от зарефлексивно-рефлексного. Разум, как и всегда, остается несуществующим фиговым листком.

Безумные идеи возникали задолго до современной физики: это отрицательные числа, мнимая единица, дифференциал, бесконечность и т. п. Появление безумных идей в физике объясняется, в частности тем, что она все больше превращается в физическую математику. Одни безумные идеи связывают старые представления, которые еще невозможно отвергнуть, с рядом новых фактов (первоначальная теория Фитцджеральда и Лоренца о сокращении длин стержней; корпускулярно-волновая теория света; постулаты Бора); другие — с практической пользой уничтожают последовательность знания, вносят в него иррациональные или алогические элементы. Например, не одну сотню лет используемое дифференциальное исчисление алогизирует представления о прерывности и непрерывности. Так, многие математики, в том числе знаменитый Мишель Ролль и не менее знаменитый Льюис Кэрролл, отказывались в свое время принимать математический анализ. В некотором роде недологичность можно назвать тропом. Он представляет собой математическую метафору, подобно тому, как это имеет место в художественном мире. При этом логичность и нелогичность оказываются разными сторонами одного и того же, иногда и несопрягаемыми, образуют совершенно новый, но уже логичный узор. Ранее говорилось, что весьма часто нелогичность оказывается словно выпавшей из границ науки. За наукообразной "поэтической" вольностью может стоять прагматически полезная произвольность, распространяющая свойства одного на свойства другого, с после-

дующими теоретико-аппаратурными поправками, а зачастую и без последних. Ясно, что со временем "безумность" точных наук, в особенности физики, должна возрастать, ибо физически собственно субстанциональность непознаваема, а увеличивающееся число опытных данных требует согласования вне ее самой, не сколько в человеческом сознании, сколько в прыжке через человеческое сознание. Из-за познавательно-прагматической необходимости, на цементе иррациональностей и алогичностей строится сплошь и рядом бессвязная модель мира, не похожая на объективный мир, но имеющая как бы сходные "входы" и "выходы" с субъективным миром, что приводит к псевдоудвоению и далее — к псевдомультипликации субъективного мира.

В самых элементарных формулах производится та или иная подгонка под данные опыта, но формулы, ввиду своей абстрактности, неявно абсолютнее этих данных. В этой алогизаторской абсолютности летящая стрела и является летящей стрелой, а Ахиллес неизменно перегоняет черепаху, причем абстрактная стрела и абстрактный Ахиллес выказывают себя более фундаментальными, чем те ахиллесы и стрелы, которые могут быть в реальных ощущениях и зеноновских картинах-изображениях. Рано или поздно появляются эмпирические стереотипы, отрицающие то, что прежде казалось незыблемым, классические формулы заменяются неклассическими, но их ахиллесова пята остается все той же. Для того чтобы исправить совершенную ошибку, есть два способа. Первый: вернуться назад, если еще есть возможность, и сделать исправление. Второй: совершить новую ошибку, которая частично корректирует первую. Наука по своей природе способна идти только

вторым путем. Исключения здесь редки и общеизвестны. В особенности этот второй путь характерен для суперсовременной науки, уже вышедшей из рамок плоского эмпиризма и накопительной описательности. При этом он касается не только метанаучных положений и преднауки, но и методологических алгоритмов, способов углубленного поиска. Подобный поиск вознаграждается, но в этой системе конгруэнций не все конгруэнтно, всегда остается незадействованный остаток фактуальной ложности, ничем не скорректированный.

Расширения систем фактов и истолкований не означают, что мы прямолинейно-поступательно, либо иным образом движемся к абсолютной истине или первичной достоверности. Наука не может строить полные модели мира, логичные и последовательные. Человек все более рационально иррационализирует свои воззрения, отказываясь от так называемых "ясных" классических воззрений, заменяя их все более немыслимыми. Происходит естественно-неестественный процесс: ум отдается на поругание разуму, или, иными словами, человек превращается в безмысленную машину, ибо разум, требуя изощренности, вовсе не нуждается в глубине и тонкости ума — ему достаточно алгоритмической машиноподобности. Это — в формальном отношении, а в отношении творческом разуму нужна темная деятельность так называемого "подсознания": наития, предчувствия, эвристические вещие сны и прочие подобные атрибуты. Разум, в отличие от ума-сознания, есть весьма сложная, громоздкая и неуклюжая машина, топливом которой являются дисгармония, чертовщина, интеллектуальное передергивание, а продуктом — дурная бесконечность. Позволим себе заметить, что наука будущего — это

именно наука дурной бесконечности. Технология и эстетика идут за ней же: это беспрерывные повторы, ритмические ряды, каскады, конвейеры, блоки, секции, цепи... Разум до недавнего времени был только подсобным работником ума и одновременно полотном, на котором ум рисовал свои арабески. Сейчас наступило иное время не только для математики. Пример: квантовая механика и физика элементарных частиц. Сочетая эмпирически и теоретически вынужденную алогичность, прямую иррациональность с точностью и достаточной строгостью проведенных рационализаций, физика оказывается прагматически как будто права, однако непорочность ее искусственно-безумного мира относительна, и всегда может встретиться факт, который в этот мир не вписывается. Иногда удается заменить старую "безумную идею" на еще более безумную или поставить между старой идеей и новым материалом безумное отношение. Все это очень сходно с докоперниковскими эпициклами.

Особое место в физике занимает инструментальный или условно-инструментальный подход к явлениям, который вызывает отказ от создания дополнительной псевдосреды, претендующей на суррогат объективного. Хорошей иллюстрацией выглядят соотношение неточностей Гейзенберга и специальная теория относительности (СТО). СТО может показать теоретическую кажимость субъектов, находящихся в различных системах отсчета. Из этой кажимости нелепо продуцировать какие-либо физические "вещи в себе". Для одного наблюдателя псевдосредно-прагматический объект может иметь длину l_1, для другого l_2, для третьего — l_3, при полном их равноправии. При этом не существует какой-то привилегирован-

ной собственной длины объекта, как, впрочем, и самого объекта-тела. Тело физическое не может существовать даже в воображении: оно — только искусственная положенность физического рассмотрения, в оторванности от этого рассмотрения, а потому выпадающая в абсурд. Инструментальный подход нацелен на конкретный или мысленный эмпирический артефакт, а последний всегда ограничен рамками конкретных измерений и наблюдений. Если какому-то демону удастся расчленить свою кажимость на объективные реальности или дополнить ее до них, то он не найдет в объективном никаких тел и никаких размеров — ибо тем самым он уничтожит те условия, при которых "тела" и "размеры" образуются.

Представим себе псевдосреду, в которой имеются объекты — первичные тела. Наблюдатель не будет иметь возможности каждое такое тело измерить, а измерять он будет негераклитов объект, являющийся в данном случае искаженной совокупностью объектов, генеалогически связанных друг с другом. Измерение есть процесс и вмешательство, это ставит результаты измерений в зависимость от толщи ушедших вселенных — и сам наблюдатель, и его измерительный прибор уже не те, что исчезли только что.

2.6.8 ПСЕВДОСРЕДЫ ОККУЛЬТИЗМА

Оккультизм так же, как и наука, не выходит за грань сферы ощущений и сферы их воображаемой модификации. Всякого рода "нездешние" виденья, полеты в "иные миры" и т. п., в случае их внутрисозна-

тельного наличия, оказываются всего лишь квазисредами, подобными обыденным квазисредам и квазисредам галлюцинаций и сновидений. Оккультное мировоззрение, основанное на подобных опытах, — псевдосредно.

Притязания теософии в большинстве случаев также совершенно необоснованны: слияние с божеством-абсолютом, превращение субъекта в объект иллюзорны, остаются только измененными состояниями субъективного сознания, возвратами к ментальному палеоядру — недифференцированной первообразующей данности развернутого сознания.

Рассуждения Рудольфа Штейнера, Блаватской, последователей Николая Рериха поражают невообразимой эклектикой, полной философских пробелов, главный из которых — признание существования материи, материального тела, отсутствие деления на воспринимаемое и невоспринимаемое именно в этом смысле. Этот кивок в сторону материализма еще раз подтверждает очевидность того, что материализм — всего лишь разновидность идеализма (примером другого рода являются исторические утопии материалистов). Делая подобные заявления, мы вовсе не хотим принизить самого порыва теософии в сторону от обыденного. Однако эвристическая ценность такого порыва сильно снижена накладками мировоззренческих несогласованностей[35]. Надо заметить, что по-

[35] Возникает несоизмеримость между тематикой и методом, темой и ее рассмотрением. Подражание натурфилософии и естествознанию здесь неприемлемо. Претензия на познание "высших слоев бытия" неизбежно выводит за грань псевдосред, но сам аппарат "тайноведческих" наук на это не рассчитан.

следние связаны не только с необходимостью пропаганды, доступности учений для малообразованных неофитов. Существует еще одно соотношение неопределенностей между медиумическими и философскими способностями, между движением мысли и возможностями неинтеллектуальных сосредоточений.

В рамках тонкого атеизма приходится отрицать и иные утверждения оккультистов, ведущие к некоему персоналистическому началу мира, указывающие на "искупление", "карму", "божества-стихии" и пр. Все это остается только попытками истолкования, реанимирования сознаний буферных, человеческому, но не достоверной картиной мира.

Автор этой книги в разное время имел целые серии опытов необычных восприятий, которые можно было бы расценить как созерцание "Бога-абсолюта", воспоминания о жизни до жизни, восприятия различных параллельных жизней и как еще более невероятные несубъективные события. Однако автор считает, что все это находится на том же уровне, что и самые обычные сновидения, традиционно принижаемые по своей значимости. Сновидения, необычные данные визионерства, все обыденное, что мы воспринимаем спроецированным вовне, суть квазисреды. Будучи продолженными и умственно расположенными (процесс совершенно абсурдный), они превращаются в псевдосреды, то есть нечто заведомо несуществующее.

2.6.9 НАУКА И МИРОВОЗЗРЕНИЕ. НЕВОЗМОЖНОСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА ЗНАНИЙ РАЗЛИЧНЫХ НАУК

Синтез данных всех наук в одно общее оказывается невозможным. Даже в пределах одной и той же науки не существует полных сопряжений между различными ее областями. Синтез научного знания пытаются производить в рамках здравого смысла и натурфилософии, что неправомерно. Науку можно сравнить со стеной, имеющей множество окон-иллюминаторов. Вид из каждого окна специфичен настолько, что общим между различными видами чаще всего будет соотнесенность с одной стеной. В прагматической области синтез неизбежен, но и здесь будут сопрягаться не столько науки, сколько различные прикладные феномены. В техническом плане идет не синтез, а рост и развитие, похожие на органические. Именно прагматическая сфера дает своего рода туннели из одной науки в другую, но эти связи отнюдь не наукообразны. Эти вненаучные связи наук возникают скорее подспудным образом и во многих своих элементах не могут быть наглядными.

Производящиеся, междунаучные по виду, подстановки опыта либо не имеют кардинального характера, либо неожиданно принимают вид совершенно новой области знания. Методы одной науки иногда могут использоваться в другой, представления из одной сферы знания могут мигрировать в другую, но ни одна из наук не может быть сведена к другой, более элементарной, атомарной или, наоборот, к более общей и более универсальной. Знания о физических полях и элементарных частицах не устраняют геологию и астрономию, несмотря на кажущуюся "пер-

вичность" первых и их всеподстановочность. Соответственно этому, невозможны и так называемые "мировые формулы" в полном смысле.

Все сказанное еще более усиливает псевдосредность науки как таковой, ее непсихологичность. Интенционно опсихологичены могут быть лишь разрозненные моменты той или иной науки. Одни из таких моментов более интегративны, другие менее, — создается некоторая широта охвата, но в этом охвате нет и намека на тотальность представленности, на полноценные переходы между рассмотрениями. Целостный синтез данных различных наук затруднен и потому, что сами эти данные не могут не быть двумерно-поверхностными и онтологически косвенными. Далеко не софизм высказывание, согласно которому ничто внутреннее не может быть познано, на том основании, что вскрытое внутреннее есть внешнее, а, как уже говорилось, при всех подстановках именно внешнее и подставляется во внешнее. Ко всему изложенному можно добавить наиболее прозаический довод: синтез наук невозможен уже потому, что не существует "научной" науки, этот синтез осуществляющей.

Натурфилософские псевдосреды также не могут быть оплотом общей теории всего, — они не удовлетворяют ни требованиям собственно науки, ни требованиям собственно философии. Всякая научная или натурфилософская модель цельной вселенной неизбежно оказывается несостоятельной (невозможность единого сверхгига-субнаноуровня, отсутствие абсолютного времени и абсолютного пространства, зависимость параметров наблюдаемого от параметров наблюдателя, соотношение неточностей, абсурдность объективационных "точных" данных, воз-

можность получения только данных с определенной степенью точности).

Натурфилософская концепция вселенной должна касаться реальной вселенной, но реальное здесь-теперь относительно, не говоря уже о состоянии вселенной в некое определенное надмирное фантастическое мгновение — цельная вселенная рассыпается то по одной, то по другой причине. Ни трехмерную вселенную во времени или во временах, ни четырехмерную вселенную пространства-времени нельзя мировоззренчески принять, ввиду математической условности представления о мерности (метрике), логической парадоксальности термина "измерение". Размазанность по теоретически различным наблюдателям, по различным точкам отсчета делает картину мира бессвязной.

При всем сказанном не следует забывать, что мы можем говорить не о каком-то действительном мире, но только о псевдомире, о картине этого псевдомира. Заведомая необъяснимость опыта, его подстановочность, самоуничтожение количественных и качественных явлений как объективных (начиная от зелености травы и кончая формой и размерами вообще), взаиморазмывание уровней-заторможенностей, отсутствие изначально данных "законов природы" (их отчеловеченность) и пр. дают вполне недвусмысленный материал. Кроме того, практическая или гуманитарная надобность модели псевдовселенной более чем сомнительна.

До настоящего времени не исчезла потребность в рассмотрениях, ограничивающих себя узкими рамками той или иной области конкретной науки — таких, что распространение их выводов и следствий куда-либо еще заранее исключается. Требование, предъявляемое к теории, поэтому и состоит в том, чтобы

она достаточно удовлетворительно связывала опыт соответственно запросам и возможностям времени. Система Птолемея связывала опыт достаточно глубоко (даже сейчас по ней можно выводить на орбиту спутники). Мы же уверены, что всякая научная теория (в том числе универсальная) аналогична системе Птолемея, и вообще наука, какого бы уровня она ни достигла, — остается "системой Птолемея", и так будет всегда, пока человек остается в человеческой оболочке.

Натурфилософия и любой материализм являются замаскированными разновидностями идеализма. Если обычный "объективный" идеализм онтологизирует абстракции ума, относящиеся к уму или различным видам надумственного, то материализм производит то же самое с абстракциями ума, относящимся к кажимостям наличия вещества и среде этого вещества. Превратив продукт постпсихический в допсихический, материализм указывает на вещество и поле и как на нечто, дающееся через ощущения, и как на нечто потустороннее: как на виды субстанции.

Натурфилософски доведенные до мистики денотаты операциональных понятий: "энергия", "поле", "масса" и т. д. — считаются всерьез существующими, причем объективно и реально, подобно идеям Платона. Не было бы ничего странного, если бы заодно были онтологизированы параллели и меридианы...

2.6.10 КОМЕДИЯ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

Если современная психология (взятая целиком) представляет собой невообразимое желе из околопсихологических наук и паранаук, большинство из которых находится в синкретичном или зачаточном состоянии, то философия предстает мировоззренческим монстром, мыслительно-изобразительным искусством и одновременно мыслительной беллетристикой со слабыми законами внутренней формы и неуловимыми ограничениями на предмет творчества и способ словесного творчества. Словесность философии — ее традиционный недостаток. Возможности полноценного наличия некой "думной музыки" и "метафизической живописи" исчезающе малы, хотя принципиально через них и может прорваться стихия Логоса (гиперсмысла) в еще большей степени, чем через словесную философию. Однако этот теоретически возможный прорыв всего лишь резонансен незвуковой внутренней музыке и карте таких музык, предстающей как эйдосно-логосная живописность, безотносительная к предметности и "телесности". К сожалению, любая абстрактная живопись всегда квазисредно-предметна и неабстрактно-структурна.

Являясь изначально неким безответственным разгулом мысли, философская осмысленность постоянно отливается в те или иные прокрустовы формы: кристаллизуется в метафоры, афоризмы, концепции, системы, лженауки; пестрит схемами, классификациями, гипотезами, теоремами, софизмами, нелепостями. Иногда это дает промежуточный продукт — парадоксы, слабые наития. И философия, и психо-

логия никак не могут быть названы науками, но они тесно связаны с многочисленными околофилософскими и околопсихологическими науками. Здесь не только — логика, метаматематика, семиотика, но и — разделы, дисциплины разнообразных теоретических и практических областей. Существует неожиданное сходство между философией и медициной. И в той, и другой есть момент искусства, более значимый, чем обычная экспериментально-прикладная необходимость; рамки эвристики также малы в этом отношении.

Подавляющее большинство философских размышлений, философских концепций и систем весьма далеки от собственно эпистемологии и онтологии и имеют своим конечным предметом псевдосреды. В лучшем случае онтологическое и соответственно эпистемологическое в них только скрытно подразумеваются, смутно и подспудно брезжат под мощными напластованиями фикций. Это вполне может касаться и наукообразных по форме философских концепций. Наукообразная философия оказывается своего рода интеллектуальным делопроизводством, которое связано с попытками бухгалтерии, понятийной инвентаризации в сфере одной или нескольких из несчетного множества псевдосред. Как правило, вершиной и квинтэссенцией подобных философий является совокупность взаимосвязанных абстракций, лишенных каких бы то ни было родовых или видовых денотатов. Однако эти абстракции и совокупности абстракций вовсе не являются моделями чего-то неабстрактного и полагаются сами в себе. Сотворенный абстрактный мир не может считаться даже очищенным от случайного обычным миром или очищенными его закономерностями. Отправными посылками философской модели берутся

те узлы данностей, какие затем явно выказывают себя вовсе не фундаментальными.

Аналитическая философия, тяготеющая к логико-математическому стилю изложения, имеет установку против введения как абстрактных, так и натурфилософских, а равно теологических фикций, однако сама оказывается повисшей в фикционном небытии, ибо уцелевшие от агностико-скептического отмывания ее собственные суждения не коррелируют с психической реальностью и, собственно, не находятся в ней. Ее идеовыделенности и идеометрии еще дальше от реального мира, чем геометрические фигуры, построенные из отрезков прямой нулевой толщины, — от реально наблюдаемых фигур. Однако вся беда вовсе не в этом, а в той же неадекватности полученных абстрактных сгущений и рафинаций и их внутренней парадоксальности и противоречивости. Другая сторона методологии аналитической философии — логическая инерция, скованность той или иной зауженной неявной логикой, с внешней попыткой формализации последней. Возникая как метафилософия, метаметафизика, логико-лингвистическая и логико-математическая философия оказывается неспособной к собственным метарассмотрениям. Ее исходные данности окутаны неизбежным "табу" и могут вводиться не иначе как путем аксиоматическим, путем сбора "заведомых" близлежащих очевидностей. Это — один полюс. На другом полюсе аналитическая философия обрывается, не завершившись и, естественно, не доходя до "проклятых вопросов", "вечных проблем" и освидетельствования материала психической реальности.

О философствовании, ограничивающемся рамками просветительства, беллетризованных рассуждений, экзистенциальных уподоблений и наведений,

мы здесь говорить не будем. Его значение, в том числе как ноотерапии, отрицать нельзя, но в качестве фундамента мировоззрения подобное философствование непригодно. Даже будучи в чем-то и верным, оно всегда подразумевает в себе иное ядро за рамками недосказанности. О философствовании за рамками философии вообще и о бессловесной философии мы уже говорили.

Иные возможности философии ограничиваются крайней неразработанностью и неразвитостью центральных областей современной психологии. Комедийность ситуации в том, что психология черпает значительную часть своего примативного материала из неразвитой и неразработанной философии. Эта комедийность нисколько не снижается и при прокламации отказа от каких-либо философских привнесений: в этом случае ложная философская ориентация проникает в психологию через способ отбора, разложения и препарирования материала. Это касается не только заведомо фантастических психологий, но и психологий, пытающихся придерживаться русла позитивизма.

Обоюдная другая комедия заключается в том, что часть главнейшего исходного материала как философии, так и психологии лежит открыто на самой поверхности. Однако этот материал берется не сам по себе как исходный, но как дающийся в рамках тех или иных предубеждений и спонтанных истолкований. Одновременно происходит и преувеличение, и потеря или сужение очевидного. Эпистемологическая первичность одна и та же и для философии, и для психологии, однако рассмотрение этой первичности явно или неявно идет по стандартному псевдосредному типу, благодаря чему первичная эпистемологи-

ческая реальность заменяется одной из возможных псевдосред и теряет свои нативные свойства.

Поток ощущений сам по себе не научен и не концептуален. Он не в состоянии удовлетворить потребность наукообразия и потребность прагматического кодекса. Упорядочение потока ощущений начинается как бы извне, из посторонних центров кристаллизации.

Будучи запущенной, прагматическая способность начинает покорять и деформировать весь психический мир, и тогда уже приходится задавать вопрос: "Чем именно является этот психический мир?" Очередная комедия и новый парадокс здесь в том, что обычное стремление к сопоставлению по одному, к получению специфических знаковых отображений, отметок, зарубок, прагматических и теоретических меток, ориентиров приводит к положению, при котором некоторая неустойчивая реальность заменяется нереальностью с весьма смутным, а при проверке — отсутствующим субстратом. Субстрата нет, нереальность все так же нереальна, но зато об этом субстрате и этой нереальности есть знаки, которыми вполне можно оперировать. Введя то или иное исчисление знаков и укрепляя себя верой в фетиши зазнаковых кажимостей-допущений, иногда и можно иметь те или иные прагматические выходы, однако эти выходы именно в области психологии и философии весьма двусмысленны. Психологические (и не только психоаналитические) сказки могут быть действенны неспецифически (подобно плацебо, есть ментальные эффекты сосредоточенности на ментальном, психотерапевтические "чудеса" и т. п.). Все, что касается "прикладной философии", двусмысленно еще более, уже в силу неприложимости к прагматике

философии самой по себе: прагматические сферы псевдсредны, причем псевдосредность эта не должна быть абстрактна; а потому проводимые упрощения уже никак не могут здесь быть оправданы потребностями обобщений и абстрагирований. Получается, что философию, дающуюся в традиционных формах, следует понимать метафорически, а не в прямом смысле. Она оказывается наукообразным или культурологическим мифом.

Отдаление философии от реальности происходит многочисленными путями, из которых главными являются те, которые связаны с недооценкой формы человеческого сознания и переоценкой содержания этого сознания, то есть отдаление философии от реальности в основном отпсихологично.

Прегрешения центральных областей психологии, как против истины, так и против реальности не менее велики, чем у философии. Периферийные области психологии, более близкие к физиологии восприятия, психосоцилогической и психотипной статистике и т. п. мы не рассматриваем. Аналогично мы не рассматриваем ту часть психологии, какую бы правильнее было назвать предварительным проектом психейники. Психейника, очевидно, всегда будет находиться в состоянии проекта: попытки пойти здесь далее мифов о подсознании и бессознательном, а также нейрокибернетических мифов вряд ли удадутся. В вопросе о расчленении своего предмета на ощущения, представления, мысли; при рассмотрении "воли", "внимания, "памяти" и тому подобных трафаретных понятий психология полностью находится в явном или неявном плену у ходовых философских стереотипов.

Наиболее чудовищным и ярким нонсенсом в психологии является так называемый психофизио-

логический вопрос-парадокс. Этот нонсенс в своей фундаментальности, с одной стороны, перерастает рамки физиологии и психологии, а с другой — показывает недостаточную расчлененность этих двух дисциплин, если не по методам исследования, то по предмету приложения этих методов. Но дело в том, что психология все еще недостаточно отдифференцирована не только от физиологии, но и от других смежных наук. Это нисколько не оправдывается наличием таких прикладных психологий, как медицинская, спортивная, инженерная, психология эстетического восприятия, психология творчества и т. п. Все названные прикладные психологии пронизаны псевдосредным аппаратом обслуживаемых сфер, и материал, который они поставляют "общей" психологии, обычно содержит только статистические данные и иную количественную и описательную информацию. Некие фундаментальные идеи могут порождаться и здесь, но значение первичного материала в этих областях более косвенно-эвристическое в рассматриваемом смысле.

Психология конца XX века — это, прежде всего, экспериментальная психология; на ее основе так и не разработана психология теоретическая. Теоретический аппарат пришел в современную психологию фактически из XIX века — как уже говорилось, психоанализ мы оставляем за рамками рассмотрения, а отдельные сделанные переоценки и открытия немного добавляют к тому, что сохранилось еще от времен Аристотеля и классической психологии.

Уклонение и философии, и психологии от развернутого рассмотрения феноменов происходит почти автоматически: феномены конкретных восприятий не представляют, чаще всего, никакого интереса, абстрактное их рассмотрение уводит в сторону

фикций, а изучение феноменов в связи с чем-то и по поводу чего-то и устанавливает акцент на этом "чем-то" и "чего-то", оставляя феноменальный базис вне изучаемой области.

3 "ОБЪЕКТ"

3.1 МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ КОСМОС (третье начало философии)

3.1.1 Метасознание и переход к абсолюту

3.1.1.1 Отправные точки

Каноническое мышление (см. стр. 107) неспособно охватить весь субъективный мир, невзирая на всю наглядность последнего. Однако ограниченность и мертвизна подобного логического мышления не дают достаточных поводов для полного следования за экстраполяцией иррационального и внелогического, а иного собственно рабочего мышления мы почти не имеем. Тем не менее данное мышление оказывается вполне самодостаточным для того, чтобы отвергнуть экстраполяции рационального — попытку склеивания модели мира из псевдосред науки и обыденности.

Материал для возможного подхода к метафизическому приходится брать как вне науки, так и равно вне какого-либо обращения к особым чувственным состояниям: озарениям, просветлениям, боговдохновенностям и иже с ними.

С учетом откорректированного взгляда на псевдосреды, подходом к метафизическому является уже сам вопрос: "Является ли субъективное сознание тем

единственным, что существует?" Тот способ ответа, какой использует прагматическое наитие, здесь непригоден.

Началом действительной отправной точки является факт несамостоятельности субъективного сознания как данности, апелляция его к психейному. Психейное уже рассматривалось нами как нерасчлененная неявная реальность. То, к чему прикладывают условные названия умений, знаний, памяти, темперамента, в своем полном виде в сознании не присутствует. Однако и за сознанием все это не может присутствовать в том фиктивном виде, который перечисленному придается. Отвергнуты должны быть не только привычные конструкции засознательного, но и — синтетический подход к последнему, поскольку такой подход ввязывается в порочный логический круг, образует субъектно-объектный парадокс. Поэтому здесь приемлемо только редуктивное рассмотрение.

Изменения в табло субъективности не могут производиться самим этим табло. Если бы субъективное сознание являлось тем единственным, что существует, то оно оказалось бы замкнутым само на себя и самоисчерпанным. Тогда все, что есть в сознании, должно было бы нагляднейшим образом проистекать из данного же сознания, чего, однако, нет. Ввиду наглядности субъективного сознания, любой факт этого сознания оказался бы самообъясненным.

Различные явления в сознании связаны друг с другом недостаточно тесно. В случае, когда имеются корреляции между теми или иными явлениями сознания, суть самих этих корреляций внутри сознания отсутствует. Например, связь между фонемой и соответствующей ей буквой-знаком проступает только поверхностно-рефлексивно. Сознание, взя-

тое само из себя, предстает как набор призрачных и недопроницаемых явлений-феноменов, невзирая на всю наглядность сознания. К такому выводу можно вполне прийти только при условии прояснения и усечения идеальных фикций, а также — отказа от традиционных философско-психологических членений психической явности. И то и другое мы осуществили в предыдущих разделах изложения.

Мир за рамками субъективного сознания можно временно обозначить как метасознание. Под метасознанием понимается все засознание, а не только его часть, а потому метасознание как объект оказывается ограниченным, исчерпанным. Вне его нет ничего, а потому несообразности типа несообразностей субъективного сознания, проистекающие из несамостоятельности и несамовыводимости последнего, по крайней мере, могут не касаться метасознания, если не отсутствовать в нем вообще.

С другой стороны, обычные методы рассмотрения явлений не совсем подходят к метасознанию. Во-первых, метасознание оказывается уже не явлением, не феноменом; во-вторых, общая отработанность методов рассмотрения связана с их апробацией на субъективном сознании, теоретических и практических псевдосредах, но не на чем-то, претендующем на онтологичность. Можно усомниться и в применимости отментальных логик к несубъективному объекту. Умозрение мало похоже на обычный физический эксперимент, но соотношения, в какой-то степени аналогичные соотношению неточностей Гейзенберга, здесь не исключены. Нужно при этом заметить, что влияние искажений и смещений — не влияния с табло сознания и на табло сознания. Подобное является неизбежным следствием дифференциальной

пассивности сознания субъекта (фактуально-прагматическую активность можно назвать интегральной).

Человеческое сознание полностью не ологичено, но полностью и не внелогично, не рационально целиком, но целиком и не иррационально, то есть оно в данном смысле синтетично, однако в этой своей синтетичности характеризуется также неполнотой, незавершенностью, недопроницаемостью. Не приходится судить, что именно в субъективном сознании от посюстороннего, а что — от потустороннего — несамостоятельность, несамосущность и несамоданность сознания приводят к выводу, что все оно есть некоторый нетривиальный, негеометрический вырыв из иного. Вследствие этого можно говорить о преобразованиях, потерях, синтезах вырывов из иного в сознании. Суперструктурность человеческого сознания и неоднородность составляющих структур, его вышерассмотренная синтетичность приводят к выводу о наличии множественности вырывов из одного и того же метасознания. Требуемая редуктивность подхода снимает возможность каких-либо нейрофизиологий, информационных сфер и вообще науки в тех рамках, какие требуются для прояснения сущности засознания. В крайнем случае, исключение можно сделать только для специально выбранных и дополнительно рафинированных математических методов, но и последние могут использоваться для наших целей только как вспомогательное средство или только в эвристическом плане.

Под полной реальностью мы понимаем самостоятельную реальность, не сводимую к чему-то иному, исчерпывающую саму себя при своем существовании. Полнота такого существования заключается сама в себе и не обязательно означает самосделанность,

самосотворенность, то есть не обязательно означает негенеалогичность.

Субъективное сознание оказывается ментальным доказательством — подобно вещественному доказательству — иной реальности за собой, причем более полной реальности. Какая-либо неполная реальность, гипотетически стоящая за субъективным, была бы вследствие этой неполноты несамостоятельной и несамосводимой. Следовательно, рано или поздно уже за этой гипотетической реальностью мы бы дошли до собственно самостоятельного, благодаря которому и возможно все производное. Можно обсуждать вопрос о том, является ли самостоятельное некой конечной ступенью или только интеграцией различных несамостоятельностей. Следует пояснить, что несамоданное, субъективное может рассматриваться только как относительно-иллюзорная реальность, — в противном случае его бытие западает. Буферные данности с таким западающим бытием можно сколь угодно помещать между субъективным сознанием и конечной объективностью, однако эти буферы, не будучи непосредственными, бытийно схлопываются относительно как объективного, так и любого субъективного, помещаемого вне них самих. Само наличие субъективного относительно объективного превращается в некоторого рода виртуальность, проницаемостную зануленность.

Каков статус рассуждений о непсевдосредном нездесь-субъективном и о непсевдосредном объективном? Интерсубъективный или "интернеобъективностный" релятивизм — это резко расширенный релятивизм примерно того же рода, что существует и между различными воображаемыми человеческими

сознаниями. Рассуждения об объективном остаются отсубъективными, а соответственно и — снабженными той или иной отментальной логикой и способами представления рационального и иррационального.

Применительно к объективному логическое — это не принадлежность науки логики, а всего лишь — дорациональное, неалогичность этого дорационального, то есть и иррациональное вполне может быть логичным. Возможности упорядоченности мы представляем следующим образом: дологичное, логичное, рациональное. Следовательно, объективно-логичное у нас — только одна из ступеней упорядоченности.

В человеческой субъективности рациональное — это, прежде всего, рациональная выделенность, "сконструированность", системность. Естественным коррелятом рационального здесь является сигнальное, вследствие чего нам и приходилось говорить в свое время о сигнально-рациональной оболочке сознания. Псевдосреды можно образно рассматривать как выход рационального за пределы субъективного сознания, условно-прагматическое расширение реального сознания до идеальных фикций.

Выход рационального человеческого типа в объективное, попытки такого выхода не могут вызвать ничего, кроме недоумения. Рациональное требует иерархий, структур, разноуровненности, заторможенности. Оно есть вторичная логичность и представляется атрибутом именно субъективного или иерархии субъективностей. Высказывания: ряд субъективностей, иерархия субъективностей, взаимодействие субъективностей содержат в себе выпадения из реальности, ввиду коконизации каждой из субъективностей

и невозможности проникновения её за свои грани. С некой надмирной точки зрения, субъективностей вообще не существует: каждая из них схлопывается.

Не проникая в границы буферных наличностей, субъективность тем не менее может испытывать со стороны последних всякого рода псевдоматериальные воздействия и информационные влияния. Буферная наличность, будучи отреставрирована по некоторым направлениям, и дает вырождение человеческой субъективности, дерационализирование её. Буферное и нуждается и не нуждается в своей доказуемости. Неполноценная реальность человеческого сознания слишком многосоставна для того, чтобы быть замкнутой за своими пределами сразу на реальность абсолютных свойств, но, с другой стороны, вне центрирования конкретного сознания таких деформаций, как буферы, и не может быть. Следовательно, наибольшее значение и структуральный смысл имеют только буферы-окрестности, буферы-подложки, буферы-сателлиты, буферы-образующие и тому подобные буферы, прямо или косвенно вызывающие ту проекцию-пересечение, какую принято называть человеческим сознанием.

Данное описание никак не должно вызывать каких-либо образов буферов. Даже наиболее, казалось бы, приемлемый образ буферов в виде некого мирового тяжа не описывает их извнутреннюю значимость, а именно благодаря последней они могут иметь частичную реальность и влияние на образование сознания человеческого типа и создание кажимости времени.

Вполне понятно: если и существуют для человеческой субъективности возможности непосредственного впадения в космос, то они крайне ограничены и надынформационны, а все сигнально-инфор-

мационное опосредствованно. Умопостигаемо-умозрительный выход на космос всякий раз должен подвергаться саморелятивированию с тем, чтобы не оказаться тривиальным выходом на псевдосреду. При этом приходится искать в психической реальности субъективного бытия те или иные следы объективного бытия. Предпочтение анализа синтезу, дедукции — индукции здесь совершенно необходимо. Привлечение сюда материала субъективной данности и дает в совокупности метод редуктивного углубления, позволяющий избежать логического круга.

Отментальная логика, как и всё в сознании, — порождение метасознания. Будучи отделена от локальных рационалов человеческой ментальности, она предстает явлением значимым не только субъективно. Связность логики и объективного бытия оказывается настолько тесной, что это навевает мысли об отсубъективном интеллектуальном произволе, невзирая на то, что само мышление, направленное на субстанцию вовне, может быть в достаточной степени очищено от рационально-случайного, рационально-индивидного.

Дело доходит до того, что становится возможен логический вывод объективного субъектом без всякого теоретического полагания субъективного, вывод, исходящий лишь из чисто логических принципов и знаков. Объективно логическое оказывается отвердителем бытия, а предполагаемое снятие логического снимает и само бытие, то есть логика бытия — первый атрибут бытия. Распад укрытия в логике — неизбежный распад любого рационального и иррационального. Получается, что определение бытия должно подразумевать в себе логическую приданность. Это при всем том, что отсубъективно небытие гораздо более логично, чем бытие, и феноме-

нально экономит мышление сверх всех других своих полезных свойств. Дело здесь в другом: распад небытия более чудовищен, чем распад бытия. Распад бытия означает всего лишь неполное бытие или недобытие, но вовсе не ничто. Распад небытия-ничто фактически приводит к формам обытиенности. В принципе пример такого распада можно видеть на примере тех же субъективностей и строить на этом соответствующие концепции, но все это не убирает логической парадоксальности небытия [см. разд. 6.7] и незаполненности космической ниши. Увы, мир не похож на очередной аналог числовой оси, где протяженное условно составлено из непротяженного.

Мы не беремся отрицать возможности иных форм логического и вообще дологического, но неизменно получается, что все это будет атрибутами не бытия, а инобытия и добытия. Космическое разнообразие, космическое расслоение и т. п. либо требует для себя точки опоры в бытии, либо, будучи примитивнее бытия, обращается в бытие. Таким же образом нелогическое, дологическое замыкается в логическое. Логическое — это как бы знак первоформы бытийного как фазы космического.

3.1.1.2 Субстанция

Необходимыми признаками субстанции являются самостоятельность (самосущность) и протяженность. Эти два признака могут подразумевать и многие производные свойства, но тем не менее мы не беремся утверждать, что эти два названных признака являются не только необходимыми, но и достаточными. То, что обладает протяженностью, но не обладает самостоятельностью, мы называем псевдо-

субстанцией. Последняя может иметь основания не в себе, а в субстанции. То, что обладает самостоятельностью, но не обладает протяженностью — не является бытийно существующим (парадокс нуля, ничто).

Еще раз заметим, что мы вовсе не отождествляем протяжение и пространство и рассматриваем протяженность как свойство более первичное и фундаментальное, чем пространственность. Пространство может быть только частным случаем и абстракцией (в том числе, субъективной автоабстракцией) протяженности. Иные значения слова "протяжение", например, протяжение предмета, расстояние по измерению, величину пространства мы здесь не подразумеваем.

Одновременная протяженность и самостоятельность не могут быть геометрическими и предполагают в себе наличие "ноуменального" монизирующего фактора связности (фактора в себе). В субъективном сознании подобным фактором являются разлитая осознанность и возможность более интегративного в среде менее интегративного. Та связность сознания, которая осуществляется за счет подложки сознания (психейного), здесь уже не может иметь аналога, ввиду самоконечности субстанции.

Утверждение, что объективно-полное метасознание является субстанцией, содержится уже в утверждении, что метасознание существует. Действительное существование, вполне оформленное бытийно, может быть только протяженным — этому можно противопоставить только протяженностный нуль — небытие, с одной стороны, а с другой стороны, — дологическую неопределенность.

Для того чтобы можно было говорить об отношении протяженности субстанции к хроносу или

вложенности хроноса в протяженность, нужно уяснить, что субъективное время и всякое иное время, фиксируемое субъектом, — вторично; это время шествия иллюзий, время перемены несамостоятельности. Время требует наличия структур и возможно только при их наличии, а возможность структур в субстанции более чем сомнительна. Генеалогию субстанции приходится подключать не ко времени и не к хроносу, а к совершенно иному фактору.

Субстанциональная логика и полноценная протяженность вполне коррелируют. Например, можно видеть, что противопоставление бытия и небытия возможно только в человеческой идее. Реальное соотношение бытия и небытия исключается вследствие того, что всякое небытие есть, во-первых, элиминированность сама по себе, причем элиминированность достаточно логичная: трудно представить что-либо более логичное и более рациональное и определенное, чем ничто, небытие. Небытие есть самый законченный "объект", на который может ссылаться человек, невзирая на то, что законченность эта уничтожена. Субъективная ссылка на небытие порождает парадокс небытия, из которого следует, что небытие существует, хотя его не существует [Раздел 6. 7]. Основа этого парадокса — операциональные условия: само рассмотрение небытия, хотя бы и чисто условное. В любых своих ощущениях человек не может иметь строгого небытия, в том числе в ощущениях смысла, но небытие может быть умственно задано, — оно оказывается не умственно созерцаемым небытием, а небытием, математически существующим в несуществующем разуме. Таким образом, антитеза бытие — небытие онтологически не проходит. Частая ссылка на небытие порождается толь-

ко необходимостью самого отсубъективного рассмотрения бытия.

Если небытие отвербальное, отсубъективное может быть разложено на парадоксальное бытие как существование себя, то некоторым образом *онтологиченное* небытие не может породить из себя бытия или быть некоторым атомом бытия именно вследствие законченности самого небытия, его высшей логичности. Ввиду последнего, "нуль" — излюбленный объект математики. Такие объекты, как "пустое множество" или "пустота", фактически есть всё тот же нуль, но нуль, которому, условности ради, придаются несуществующие свойства. В понятии (модели) "пустоты" нуль полагается протяженным (!), но это есть не что иное, как традиционное отвлечение математики или идеализованного прагматического взгляда на вещи. Не только небытие, ничто, но и более законные и неабстрактные прародители бытия не смогли бы быть бытийно наличными именно из-за своего неизбежного поглощения бытием.

Субстанция как фактуальная самостоятельная наличность должна содержать в себе и собственную взятость, причину своей наличности. Всякого рода мнения о том, что "субстанция самопорождается", "субстанция была всегда", "субстанция несотворима и неуничтожима" не заслуживают какого-либо особого рассмотрения не только ввиду своей недоказуемости и некосмологичности, но и вследствие необъективности и неабсолютности времени. Аналогично и повиснутость некой субстанции "вне времени и пространства" представляет собой онтологический нонсенс в том случае, если все этой повиснутостью и ограничивается.

Говорить о том, что протяженное составлено из непротяженного, столь же бессмысленно, как и о его составленности из протяженного. В данном случае речь идет не о структурах-уровнях и не об алогической числовой оси. Первая заповедь субстанциональной математики — изгнание нуля и бесконечности [См. раздел 6.8]. Повиснутость самостоятельной протяженности может иметь антитезой только недосуществование, недопротяженность. Логически это означает дологичность, нерожденность суммационно-логического.

Мир есть нечто, пусть не рациональное, но логичное в той степени, в какой этой логичности достаточно до статуса бытийности, — не более и не менее. Но эта логичность не может падать, как снег на голову, и должна сводиться к некоторому истоку, а это источное, в свою очередь, не сводится к условной алогичности, но может выступать только как дологическое, не являющееся ни логическим, ни алогическим. Алогическое — это некоторым образом постлогическое, структура, состоящая из логического и деформированного логического (как уже говорилось, термин "логическое" мы не ограничиваем только случаем вербального или символического логического). При этом алогическое всегда присутствует лишь в одном из ракурсов рассматриваемого явления и не является чем-то цельным.

Упор на самоконечность источника субстанции, вписывающегося в субстанцию, и возможен благодаря его дологичности — иного выбора нет. Соответственно, этот источник может присутствовать в субстанции только в бытийно-скрытом виде.

Вследствие невозможности существования актуальной бесконечности [6.8], не может быть беско-

нечной и субстанция. При этом высказывание "не может быть бесконечной" нельзя трактовать в рамках пространства-времени, размеров и длительностей. Это ограниченность изнутри протяженности-субстанции. Вопрос о какой-либо заграницe субстанции отпадает ввиду невозможности пустоты, в том числе пустого пространства, а также ввиду негеометричности субстанции в традиционном смысле, отсутствия у нее всякого рода членений на "центр", "периферию", "границы". В той или иной степени подобная неевклидовость может быть свойственна и человеческому ощущению: чем менее ощущение связано со сканированием[36], тем более это заметно.

Бесконечность в глубину также невозможна, как ввиду вышеприведенных причин, так и ввиду того, что дурная бесконечность неостанавливаемой делимости дает парадокс протяженности.

Мир-метасознание приходится считать единственно существующим. Эта единственность противоречит общефилософскому взгляду, согласно которому каждое нечто должно иметь нечто на себя похожее (принцип себе подобия). Однако наличие двух или нескольких метафизических миров не проигрывается даже и на чисто геометрической модели, а также логико-лингвистически, если во втором случае иметь в виду определение мира. Предположим, что существуют два мира, но из-за отсутствия их заграниц они неизбежно окажутся одним миром, подобно объектам Декарта, между которыми ничего не находится. Внутренняя вложенность одного мира в другой также исключается по той же причине. Однако при переходе от геометрического к метафизическому

[36] Не подразумевается одноканально-строчное сканирование.

приходится делать поправки на непространственность. Сама по себе вложенность одной протяженности в другую и тому подобные соотношения здесь, казалось бы, не исключаются. Они действительно не исключаются, но это означает всего лишь расщепление объективного на субъективное, самостоятельного — на несамостоятельности.

Можно заметить и иное. Речь идет о метасознании данного сознания, а не о других метасознаниях. Уже это выступает в качестве ограничивающего фактора. Поскольку метасознание исчерпывает весь мир относительно данного субъективного сознания, то метасознание находится в ничем и в нигде, то есть, оно не вкладывается во что-то другое. Наличие иных метасознаний в данном случае не имеет никакого значения, поскольку они никак не могут быть смежными непосредственно, либо данными через нечто третье. Замыкание миров в один здесь происходит уже благодаря отсутствию координат, направлений, самого "негде". Следует отличать "физическую" разделенность и метафизическую. Для "физической" разделенности вполне было бы достаточно невзаимодействия между мирами независимо от их общего или раздельного происхождения. Другие физические отличия, типа наличия иных констант, иных законов и т. п., во-первых, неонтологичны, а, во-вторых, непрагматичны, поскольку их регистрация в эксперименте невозможна.

Субстанция не обладает какими-либо консистентными или полевыми свойствами, если иметь в виду ее саму в ее целостности. Для нее теряет смысл такое геометрическое отношение, как "соседство", или такое понятие, как "размер". Многие пространственные характеристики снимаются целой плеядой парадоксов: парадоксом пустоты, парадоксом места

Зенона, парадоксом измерений. Парадокс измерений заключается в том, что каждое измерение, отрицая все другие измерения, косвенно их в себя включает [6.10].

Имеет место столкновение между двумя парадоксами: парадоксом пустоты и парадоксом непрерывности. Из парадокса пустоты следует, что не может быть каких-либо пустот и прерываний в субстанции, а из парадокса непрерывности вытекает, что протяженность не может быть непрерывной. Формально все это приводит к отрицанию не только пустого пространства, но и пространственности вообще. Как и в субъективной реальности, пространство не может быть неким цементом протяженности, средством или способом связывания.

В метафизическом нет не только пространственной мерности и размеров, но — и временной мерности и временных величин, что вполне взаимообусловлено. Время столь же парадоксально, как и пространство. Здесь не обязательно обращаться к парадоксам, типа эйнштейновских парадоксов. Парадоксально уже так называемое одно направление и одно измерение времени, невозможность мгновения и невозможность составленности времени из мгновений.

"Субъективное мгновение" — не мгновение уже в пересчете на другие субъективные данности. Всякая субъективная структура предстает при общем взгляде как заторможенность, сводящаяся в конечном итоге к неопределенности. Сознание общее выглядит как заторможенность, в которой относительно различных ощущений существуют различные времена. Сознание частное оказывается вырванностью само относительно себя — дополнение выры-

вов остается вне его. Структура (и в частном случае, информация) есть только граница сознания. Метафизическое выявляется через это как бесструктурное, однородное, антиинформационное, а физическое — как слепки абстрактной прагматики субъективного.

Апории Зенона и пирроновский парадокс качественных изменений отвергают существование движения и изменения вообще как чего-то абсолютного. В субстанции некоторые соответствия тому, что субъективно выявляется как изменение, должны быть, ввиду непрерывной связности субъективного и объективного, но эти соответствия не могут носить обычно-динамического характера.

Вполне можно заявить, что метафизический космос недвижен, но эта недвижность не есть что-то, могущее быть наглядным покоем. Несамостоятельность субъективного сознания отчасти и связана с наличием в нем времен-структур, а добытийность досубстанции — с бытийной незамкнутостью, логической нехарактеризуемостью. Именно вследствие наличия досубстанции в субстанции и постсубстанций в субстанции, она не может считаться застывшей и покоящейся. Тем не менее возникает вопрос: относительно кого может считаться? Статус некого абсолютного наблюдателя должен быть предельно уточнен, а обычный наблюдатель, собственно, и не есть наблюдатель в прямом смысле.

Не только объективная, но и любая реальность не может изменяться. Реально конкретное сознание, но не поток сознания. Само ощущение движения может быть неизменным. Подвижность в пакете ясред имеет достаточно размытый характер, и часто эта подвижность не чего-то, а заведомо стробоскопического.

Такие псевдосредные понятия-представления, как "финализм" и "целесообразность" натурфилософски выдвигают вперед, прямо или косвенно, "большую" историю, гигаисторию как нечто более первичное, чем микроистория и макроистория. Последние наряду с совершенно сейчас неулавливаемой мегаисторией, в псевдосредно-финалистическом плане, оказываются простым членением актуально повисшей гигаистории, но подобные сравнения очень далеки от онтологических воплощений, и та доля истины, какая в них содержится, еще не может быть прямым образом вписана в метафизическое.

Относительные характеристики времени и структуры в онтологическом заменяются характеристикой полной проницаемости. Аналогично и квантованные изменения, полностью вытесняющие движение-перемещение, не могут быть онтологичены, как и движение-перемещение. Их меньшая парадоксальность и "нематериальность" (они подобны движению солнечного зайчика, зажигаемого не от далекого постороннего источника, а от соседней ячейки пространства) дает им только ступень меньшей несамостоятельности и большей квазиобъясненности, но ничего более.

Космос как нечто законченное и полностью бытийное (дошедшее до ранга бытия и его не утратившее) оказывается нетривиально недвижным и не имеющим времён и пространств. Космос незаконченный и не есть собственно космос, но только та или иная вырванность из него. Эта вырванность возможна не по времени и пространству, а по ненаглядной линии проницаемости.

3.1.1.3 **Альфа и омега**

I Предварительные аналогии

Из человеческих ощущений и псевдосред субстанция неизменно ускользает. Расширение числа связей между теоретическими фикциями и совокупностью эмпирических образов никак не даст представления о собственно объективной реальности, и последняя остается быть "черным ящиком". Этому есть некоторая отдаленная аналогия: какую бы психометрию мы не использовали, не делая вскрытий, просвечиваний и т. п. мы никогда не узнаем, что под черепом находится мозг. Объективная же данность не поддается вскрытию, вúдению не только изнутри, но изнутри себя, и человек малоспособен представлять в сознании внутренность бытия.

Допустим, что электрон — не сгусток формул и не какая-то модель, а нечто и нефизически реальное, и пусть вся вселенная состоит из одного электрона. Тогда вокруг электрона отсутствует пространство, и он теряет обычные свойства. Мы знаем свойства тех или иных частиц только в связи с их влиянием на другие объекты — получается, что наш онтологиченный электрон почти тождественен небытию и о нем мы ничего не можем сказать. Из подобных примеров вполне видно, что главное в системе вещей, собственно сущность ускользает из обычных научных рассмотрений.

Человеческое ощущение в узком смысле, взятое само по себе, в своей последней инстанции есть почти элементарный объект. Вследствие несамостоятельности субъективного оно в качестве топологии будет

фактически образованным не чем иным как объективным. В этом плане объективное оказывается конгруэнтным субъективному со стороны субъективного. Утверждать полную конгруэнтность субъективного и объективного во всех смыслах на том основании, что объективное (субстанция) не имеет частей или на основании только что изложенного, мы пока воздержимся. Неполноценное перекрывание субъективным всего космоса по протяженности не представляет собой ничего особенного. В прагматическом плане это означало бы всего лишь перекрывание, например, вселенной в нуль времени до начала ее расширения. Как бы получается, что сейчас наличный метафизический космос отодвинут в физическом плане (с точки зрения физики) примерно на 13,5 миллиардов лет в прошлое.

Отождествлять эти два космоса на самом деле бессмысленно, хотя ряд подобий между ними явно прослеживается. В первую очередь невозможна отодвинутость субстанции от ее производных относительно самой субстанции. С точки зрения очередной натурфилософии вполне было бы ясно: субстанции не существует, но она существовала до того момента, когда вселенная начала расширяться, а само расширение есть не что иное, как вырождение субстанции, распад на виртуальности.

II Доказательства и обоснования

А. Связь между субъективным и объективным неизбежно оказывается неразрывной, пусть даже эта неразрывность носит некоторый совершенно специфический характер, геометрически нехарактеризу-

емый. Ощущение-осознание изнутри себя по отношению к субстанции-самостоятельности выявляется как некоторая изнутри-относительная вырванная грань субстанции с зауженной проницаемостью, а будучи продолженной за свои узкие пределы (по линии проницаемости), — самой субстанцией. Подобное положение вещей сохраняется и тогда, когда мы вводим между субстанцией и здесь-теперь ощущением древа буферов. Как и ощущение исходное, они относительны и в этом случае могут иметь только генеалогическое значение и дают переходы к суперструктуре от бесструктурного. Буферы, как и гносеологически выделенное малоструктурное ощущение, несамостоятельны, онтологически заломлены, апеллируют своей извнутренней самостью к полноте субстанции, а потому ускользают от какой-либо онтологической топологии, если не берутся как точки отсчета изнутри себя, то есть если они сами не рассматриваются как сознания на данный момент рассмотрения.

Ввиду заведомой виртуальности полагаемых буферов в плане их самостоятельности (отсутствия в них достаточного основания), связности и скоррелированности здесь-теперь-субъективного и объективного и других вышеизложенных причин, не представляется возможным, чтобы некая совершенно бессознательная субстанция, не ощущающая сама себя, породила то, что сознается — субъективное ощущение. Последнее несамостоятельно, не зиждется само на себе. Ничего нового в фундаментальном смысле несамостоятельность не может добавить к самостоятельному, — есть только раскрытие-вскрытие самостоятельного, некоторое вычленение-вырыв из уже заведомо данного.

Такие термины, как "создается", "порождается", традиционны, но не совсем точны. Объективное не сотворяет и не создает в строгом смысле, и мы подразумеваем здесь несколько иное отношение, связанное с наличностью объективного, выходящего из доналичности. Более приемлемым термином, относящимся к отношению объективное — субъективное, мы считаем термин "вычлененность".

Как уже отмечалось, нетрадиционен и наш термин "сознание", вовсе не предполагающий таких глубинных метафор, как "дух" и "душа", таких фикций, как "рассудок", "разум", "интеллект". Наше сознание — это всего лишь топология ощущений, весьма широко понимаемых.

Б. Самосознание конкретного человеческого сознания не может как-то возникнуть в нем самом, ибо человеческое сознание полностью наглядно в том качестве, в каком дано; и при наличии способа такого самовозникновения этот способ был бы наглядно представлен в сознании. Пассивная наглядность субъективного сознания предполагает наличие объективного сознания. Активитет проступает здесь в антидинамическом виде как разность между субъективным и объективным в отношении той или иной конкретной я-среды.

В. Неполноценность и незавершенность человеческого сознания чисто логически предполагают наличие смежного сознания, обусловленного в себе и завершенного. В противном случае субъективное сознание оказалось бы замкнутым на небытие ментального, а, следовательно, и на отождествленность с небытием ментального. Взятое в качестве эпифеномена субъективное сознание замыкается не толь-

ко на небытие ментального, но и вообще на небытие, что неизбежно противоречит протяженной данности субъективных осознаваний-ощущений.

Собственно субъективное реально, но, будучи не завершено в своей осколочной данности, оно логически заламывается, проваливается в небытие, в том случае, когда оно не завершено не только в себе, но и за своими пределами.

Указав на наличность объективного сознания, мы тем самым распространяем эту наличность и на весь космос, поскольку субстанция однородна и не имеет в себе каких-либо посторонних включений и пустот. Однако выражение "объективное сознание" вовсе не означает подразумевания космической персоны или некого объекта-субъекта.

Г. Существует и другой подход к данному вопросу. Точку начала рассмотрения можно поставить не на субъективном, а на предполагаемом объективном. Предполагаемые бессознательные протяженности совершенно мертвые и совершенно недвижные не могут вдруг внезапно образовать нечто, что превратилось бы в сознание субъекта. Объективно мертвое не может быть субъективно живым в данном случае.

К подобному выводу приводит и последовательное отрицание объективного статуса механических изменений.

Д. Сила, инерция, энергия и т. п. — всего лишь физические примативности, условности, взятые напрокат. Изменения, представляемые в псевдосредах, выглядят как поверхностные итоги или свершающиеся факты, но не как нечто изнутри самобытное, что и приводит к математизированным подгонкам под из-

вестное заранее, естественно, с возможностью нахождения общих случаев и парадигм.

По отношению к субъективному более удачен термин не "изменение", а "выявление", но выявляться может только уже близкосуществующее, но неявное, субъективно скрытое, растворенное в объективном. Фактором проницаемости здесь оказывается не метафизическое или натурфилософское пространство-время, но нечто сходное с усыплением-пробуждением, переходящее в степень психической схватываемости и направленность такой схватываемости.

Данность такой, а не другой схватываемости — в связности, образующей плоскость субъективного сознания. Всякий раз имеет место только один из типов связностей, а прочие фактически являются проваленными в объективное.

Е. Субстанция выступает не как количество, а как качество. Это качество, качество-для-себя предельно внутри себя и не образует какой-либо объективно-реальной внутренней структуры. Одна из причин бесструктурности-однородности — отсутствие геометрических характеристик в обычном понимании. Речь идет о конечном качестве, а не о поверхностных качествах, связанных с количественными характеристиками. Каких-либо упорядоченностей типа структур-подструктур, уровней-подуровней в предельном качестве нет, как нет и необходимой для всего этого стробоскопичности-заторможенности. Если это конечное реальное качество не есть несубъективное ощущение-сознание тонического типа, то тогда что оно? Что может существовать, не имея структур, градиентов и других количественных характеристик? Наличие в метафизическом какой-либо "телесной" консистенции совершенно исклю-

чено. Понятие подобное понятию "поля" здесь совершенно обессмысливается. Аналоги можно найти только в человеческом сознании. В последнем присутствуют ощущения, неразложимые на другие ощущения и структуры, ощущения, данные однородно-монотонно. К ним относятся наиболее "низшие" и наиболее "высшие" ощущения субъекта: это, с одной стороны, ощущения запаха, протоощущения, протопатические ощущения; с другой стороны, особые реактивности, ощущение собственно "я". Разумеется, "высшесть" и "низшесть" здесь весьма спорны в своей противопоставленности и разделенности.

Ж. Всякая полагаемая связь между чем-то и чем-то, как чисто прагматическая, так и математизированная, носит в той или иной степени абстрактно-поверхностный характер. Она достаточно незакончена и связывает явления также незаконченные, данные относительно и в определенном ракурсе. Существование некой действительной застывшей бессознательной связи более чем сомнительно, если эта связь прикладывается к метафизическому. Имеется в виду уже связь не между дискретностями, а внутрикачественная связь. Если мы рассматриваем некую "бессознательную" протяженность, то в ней имеется только связь между соседними "участками" протяженности. Связь-соседство — обычное проявление вторичных, опосредованных связей. Целостная интегративная связь как одно целое и первичное отсутствует. Однако и пространственная связь есть фикция, физический фиговый листок. Всякое прилегание-соседство парадоксально, размывает себя логически. Кроме того, наличное примыкание и не означает никакой связи.

Бессознательная протяженность вырождается в размазанное небытие, а затем, естественно, в собственно небытие.

И. Бессознательную связь отрицают и парадоксы бесконечного [Раздел 6.8]. Подобная связь приводит к тому, что на объект оказывается распространенной дурная бесконечность, вследствие чего он распадается на элементы-точки. Каждая такая точка должна иметь точку-соседа, с какой граничит, но между двумя точками всегда будет алогическая бесконечность точек или алогический промежуток: атом, ячейка протяженности-пространства. Точка или отождествляется со своим соседом, уничтожая его, а затем объект, либо вечно остающийся актуальный промежуток будет заменять некую потенциальную бесконечность, проявлять себя как пустота, небытие, но сверх того и сама точка есть небытие, нуль.

Парадокс в том, что бессознательная протяженность не дискретна, а непрерывна в узком смысле этого слова, вплоть до отрицания самой этой непрерывности. Сплошность, то есть непрерывность в широком смысле, образуется здесь не целостностью протяженности, не тем, что она есть одно общее, а соседством ее элементов, что делит протяженность на бесконечность, рассыпает ее на точки.

Бессознательная связь делает алогичное вполне наличным, причем алогичное не как дологическое, а как спутанное логическое. Алогичное не может быть проведенным последовательно — и, оказавшись в какой-то мере онтологиченным, оно тем самым будет низведенным в небытие, элиминированным. Алогичность, отосланная в бытие, в отличие от дологичного, не является чем-то энергизирующим, и про-

тиворечивость ее не относительна, а абсолютна. О возможности эпистемологического или онтологического приложения так называемых диалектических моментов говорится в главке 6.15. Лобовая противоречивость, абсолютная негация, в том числе и негация негации, идущая в дурную бесконечность, приводит либо к элиминированию вообще из бытия, либо в некоторых специальных и узких случаях к нетривиальному утверждению (круг алогичности). Во втором случае сама алогичность (или негация) снимается, вырождается в логичность так, как если бы ее первоначально и не было.

Если в области заведомых фиктивностей, в чисто умственной зоне (не имеются в виду наиболее примативные посылки) человек отдает предпочтение логическому перед алогическим из-за потери возможности какого-либо рассуждения и его смысла при заведомой опоре на алогическое, то ологиченность объективного бытия обусловливается тем, что бытие алогическое оказывается разрушенным, стертым. Бытие есть не что иное, как логическая закрепленность всесторонне направленного дологического. Дологическое, не приводящее к логическому, не проходит бытийного отбора. Таким образом, логика в широком смысле есть граница бытия.

К. Субстанция бытийно конечна и за ней уже нет ничего.

Пусть субстанция наличествует потому-то и потому; то и то в ней объясняется тем и тем. Подразумеваются полные и абсолютные "потому-то и потому" и "тем и тем" ("пп и тт").

Во-первых, можно спросить: существуют ли и могут ли существовать эти "пп и тт"?

Во-вторых, возникает следующий вопрос: где могут быть они и в каком качестве?

Отсутствие "пп и тт" превращает сделанность и наличность субстанции в факт посторонний самой субстанции и в некоторых планах утверждает неполноту бытия, но, по уже упоминавшимся ранее доводам, не может иметь наличие нечто вне субстанции, в каком бы качестве это нечто ни давалось. Все предполагаемое вне субстанции неизбежно оказывается в субстанции и субстанцией.

На это можно возразить, что включенность в субстанцию вполне может быть схлопнутой относительно целой субстанции и неразличимой, растворенной. Какая-либо реставрация схлопнутости возможна лишь при специальном разматывании проницаемости, что, конечно, пробегаемо в субстанции, но совершенно чуждо ей как целому.

Нужно сказать, что схлопнутость, типа схлопнутости субъективности, а тем более синтетической субъективности из разновырывов (которая разваливается при иных точках отсчета), совершенно неактуальна ввиду своей производности.

Некое предполагаемое первообразующее должно быть самостоятельным, а потому и не претендует на роль вычлененности-схлопнутости, а растворение первообразующего в субстанции превращает его в неотъемлемый тон субстанции, а следовательно, в наличность внутри субстанции без какого-либо скрыто-замаскированного капсулирования и коконизации изнутри.

Некое идеальное, то есть фиктивное наличие "пп и тт" в актуальном значении противоречиво и

бессмысленно, поскольку сводится к их отсутствию. Реальное их наличие или тем или иным образом истинно-фактичное наличие заставляет утверждать, что эти "пп и тт" необходимо входят в саму субстанцию, не являясь в то же время ее частями.

Не содержась, естественно, в субстанции в виде "интеллектуального знания", "пп и тт" неизбежно влиты в субстанцию в форме тоники чувственного знания, вполне всерастворенной, либо иным похожим способом. Это утверждение может быть принято только в потенции своего перевода с человеческого языка, с учетом произведенной во время перевода корректировки. Чувственность-выходимость, чувственность-неточность, историческая чувственность и т. п. для сферы человеческого сознания — только эфемерные реликты, не выходящие за грань экзистенциально-эстетического, и которые соответственно не могут сами по себе быть базой каких-либо концепций.

* *

Приведенные выше обоснования и доказательства сознательности субстанции имеют различную силу. Субстанцию можно считать сознательной не благодаря тому или иному из приведенных доводов, но по системе их. Одновременная бесструктурность и сознательность делают объективное сознание малопредставимым отсубъективно.

III. Возможность вписанности импульса Эроса-Логоса-Хаоса в абсолют

Несамостоятельность и незаконченность человеческого бесструктурного вызывают к жизни экстраполяцию Эроса-Логоса-Хаоса. Антиинформационное сходство космоса-абсолюта и Эроса-Логоса-Хаоса достаточно заметно. Тем не менее заявить, что абсолют и Эрос-Логос-Хаос тождественны, мы не можем, ввиду незавершенности концептуальной базы. Эрос-Логос-Хаос смысло-реактивно и выглядит как абсолют, но метафизических гарантий полноты этой абсолютности нет.

Назовем условия, необходимые для проведения тождества названных объектов, уже заведомо известные:

1. Антиинформационность того и другого.
2. Самодополненность, бессылочность того и другого.
3. Их предельность.
4. Их иррациональность.
5. Их ологиченность, достаточная для бытийности (субъективно не прослеживается до конца).
6. Их сознательность.
7. Их протяженность.

В противовес перечисленному можно задать вопрос: "Исчерпывается ли собственно метафизический абсолют Эросом-Логосом-Хаосом?"

ЭЛХ как ссылочно содержащийся в субъекте завершитель субъективного мира и его перспективный предел, по крайней мере, некоторым образом

входит в метафизический абсолют, но достаточность ЭЛХ для абсолютности абсолюта метафизического неопределена.

ЭЛХ — протяженный, нескончаемый, неизменяющийся смысло-реактивный импульс, протяженная сверхтоничность. Импульс смысла входит в метафизический абсолют, как указывает предыдущее изложение. Наличность в метафизическом реактивного импульса приходится выводить заново. Основа вывода этой наличности — реальность человеческой реактивности. Реактивность человека (неней-тральные тоны-ощущения) достаточно бесструктурна и не может присутствовать иначе, чем в качестве вычлененности из объективной реальности. Ход рассуждений тот же, что и при рассмотрении вопроса о сознательности субстанции. Альтернативный способ вывода связан с парадоксом реактивности /Раздел 2.2.1/. Оцененная вписанность реактивного, как следует из парадокса, не вытекает из субъективного или постсубъективных фантомов.

Основной аргумент против полного отождествления ЭЛХ и абсолюта — предположение, что в человеческом сознании может даже и частично отсутствовать нечто такое, что есть в абсолюте, пусть и вопреки полифонии человеческого сознания. Опровержения этого предположения мы не знаем, хотя истинность последнего маловероятна: человеческое сознание сложнее абсолюта, поскольку оно, в отличие от абсолюта, структурно, суперструктурно, суперпозитивно. Те или иные недостаточности сознания субъекта компенсирует мнестическое, символическое, а также интенциональность потока. Поэтому в плане релятивном, с гораздо большей степенью

правомерности мы можем заявить, что при рассмотрении человеческого сознания мы могли не охватить все те феномены, какие вследствие экстраполяции или иных процедур могут иметь мегакосмическое значение, могут в полноценном виде быть собственно объективными.

3.1.2 ПРААБСОЛЮТ. ВИРТУАЛЬНОЕ НЕДОСУЩЕСТВ0ВАНИЕ

Онтологический скачок под названием "абсолют" характеризуется тем, что степени его ологиченности достаточно для его бытийности, а степени его иррациональности достаточно для его самостоятельности.

При определенной точке зрения бытие является только пиком, всплеском виртуального недобытия — праабсолюта. Сколько бы ни казался абсолют конечным (а он, действительно, конечный объект) и вполне завершенным — он не есть самосделанность. Он логичен, его логичность субстанциональна, но ввиду отсутствия неких идеально-идеалистических миров, отсутствия висящего над миром царства идей, мирового разума и т. п., эта логичность, хотя и носит характер вечности, тем не менее не может падать, как снег на голову. Логичность и ничего более есть догматическая дурнота, если эта логичность берется сама по себе.

В действительности она является бытийной сфокусированностью, автоматично-стихийной сфокусированностью изначально (естественно, не по времени) расфокусированного. Подлинная первичность заключается не в алогичности, а в дологичности, в том,

что еще не может считаться логичным или алогичным. А отсюда видно, что вследствие дологичности, она не может быть ни протяженной, ни непротяженной, ни сознательной, ни несознательной, то есть, одним словом, она не-бытийна и не-небытийна.

Виртуальность праабсолюта не носит вероятностного характера и упирается в такую позитивную характеристику как самостоятельность. В рамках полной открытости, поливалентности, отсутствия фактора взаимоисключения одного другим праабсолют выступает как супермеристема, идущая в доструктурные и доинформационные ниши-направления, одно из которых проявляется не во времени-хроносе, а именно по направлению линии проницаемости абсолютом.

Только некий условный разрез абсолюта мог бы выявить в нем остатки иных направленностей, эволюционно слепых ветвей, а этими разрезами и являются в какой-то степени постабсолюты-субъекты. Субъективность в подобном плане — ограниченная проекция праабсолюта на абсолют.

К праабсолюту, естественно, неприложимо такое понятие как детерминация. Мы можем говорить о причинах наличия субстанции, но не связывается причиной то, что изначально беспричинно-внелогнчно по своей сути. Внелогичность оказывается энергией-примой, пружиной бытия. Постсубстанциональное рациональное может содержать в себе только пути высвобождения энергии, но не собственно энергийное. Отметим, что термин "энергия" мы употребляем более с целью эвристического наведения, поскольку его денотат не онтологичен. Речь идет о нехарактеризуемом, об изначальном произволе, ги-

поцентре. До кажимостного отканивания этого произвола так называемым вещественным миром, омертвения и инерционной стабильности — длинный путь потери проницаемости, структурной дифференцировки через капсулирование изначального поливалентного активитета. Последнему не следует приписывать тех свойств, которые в равной степени представлялись бы необычными или обычными для поверхностной макроданности. Речь идет только об индетерминизме на предельно элементарном неуровненном раскрытии мира. В подобном раскрытии нет никаких аналогий с обычными свойствами, отношениями, подобиями законов, а потому нет и никакого покушения на них.

Как уже говорилось, бытие не выходит из небытия из-за логичности небытия, из-за ненадобности для последнего добавления или развития. Источником мира может быть только ни то ни сё (НТНС). Однако это НТНС не является какой-то абстрактной неопределенностью или консистентной недифференцированностью. НТНС в качестве недобытия скрытофундаментально присутствует в самом бытии, то есть в неисчезнувшем, нетрансформированном виде. Подобное противоречие весьма объяснимо: нерастраченность связана все с теми же первичными свойствами внепричинности-внелогичности, безосновности.

В целях интерпретативных праабсолют можно представлять как совокупность всех пробных абсолютов, кроме одного — действительного. В действительном абсолюте поглощены и растворены все пробные, растворены в той степени, в какой они могли бы претендовать на частичную бытийность — квазибытийность.

НТНС внелогично настолько, что его бытие невозможно, выпадает, не оказываясь вместе с тем и небытием, но поскольку суммарно оно все же подходит к бытию, обращается в бытие, не теряя своих первичных свойств, оставаясь вечно "молодым" (камбиальным), можно заявить, что НТНС берет на себя роль глубинного связующего фактора бытия; однако эта связующая роль ограничена образованием бытия и относительно самого бытия является отчужденной в этом значении.

Вывод праабсолюта не из абсолюта, а непосредственно из субъекта-постабсолюта осложнен, поскольку в последнем собственно первичное соответствует волевым ощущениям, а они не есть обычные ощущения в чистом виде. Они и ощущения и не-ощущения одновременно. Волевые ощущения, как и структура, являются границами вырыва, но усиление собственно волевого соответствует внелогичности и уничтожению мнестических связей, невзирая на тот факт, что обыденная воля выступает часто в виде своего производного — степени упомненности. Наивысшие волевые состояния человека — это состояния безотчетности и беспамятности, сопряженные с мощными, динамизирующими импульсами, или вообще сна без сновидений (сна вне сновидений). Пик воли означает падение интеллекта и потерю обычной чувствительности, а это в корне подрывает какое-либо делопроизводство логических выводов.

Волевого нет бытийно-объективно, но оно становится вполне явным на грани субъективное — объективное (естественно, со стороны субъективного). В волевых ощущениях субъекта есть тенденция к слиянию, достигнутости, полноценности, но, с другой стороны, сами эти ощущения вырисовываются

как симптомы вырыва, неполноценности, оторванности субъективного от его дополнения.

Во всем этом можно видеть некоторую аналогию взаимоотношений между недобытием и бытием, однако если недобытие = недосубстанция, то субъективное = квазисубстанция (человеческое сознание = синтез разновыровов субстанции).

Продолжение волевого за пределы субъективного возможно только при полном снятии антропоморфных накладок и принципов, но и в этом случае субъективное волевое никак не сводится к вечности, не дополняется до нее. В субъективном волевое обычно ложно отождествляется с массой своих неволевых симптомов: смысловыми ощущениями изменения, смысловым и фотосредным микропланированием, соматическим напряжением, эмотивным напряжением и т. п., а также с психейными особенностями-способностями: возможностями переключения, отказа, самообладания, выносливости и др. При полном снятии всех этих симптомов возникают трудности для проведения экстраполяций и продолжений, поскольку меристематический "заряд" волевого не может как-либо отчетливо предстоять субъективно. Итак, волевое не имеет никакого логического продолжения вовне. Волевое же продолжение волевого никаким образом не может быть осмыслено. Обычное его осмысление задним числом здесь непригодно.

Возвращаемся к праабсолюту, выводимому через метафизическую космологию. Здесь можно видеть два направления его выводов: от попытки рассмотрения причин абсолюта и от попытки рассмотрения небытия. Предположив, что ни ЧТО не существует, что мира нет, что есть небытие, мы либо приходим к бытию рассуждением от противного,

либо приходим к вполне правомерному вопросу: "Откуда взялось небытие?" При отвлечении от рассуждающего субъекта (а в некоторых случаях и без такого отвлечения) небытие как нечто вполне законченное и однозначное неизбежно требует своего обоснования. На роль источника небытия приходится приглашать либо бытие, либо нечто третье. Если мы заявим, что причина небытия — бытие, то мы не скажем ничего дурного, — останется только пожалеть, что обосновать это заявление мы так и не сможем. Если мы обратимся к третьему, то, будучи ни бытием, ни небытием, оно оказывается нашим искомом объектом — НТНС. НТНС, будучи действительным НТНС, может быть источником чего угодно действительно элементарного.

Зададим вопрос: "Что может быть элементарнее небытия?" Небытие бытийно элиминируется, элиминируется из реальности. Казалось бы, из того, чего нет, никак нельзя выводить, да еще в обратном порядке, в порядке реставрации то, что образовало это "чего нет". Онтологическое "нет" вовсе не тождественно математическому "нет", а потому какие-либо оправдания, связанные с отсутствием чего-либо здесь неуместны. Однако в онтологическом плане НТНС во всех этих рассуждениях указывает на границу существования, причем не на какую-то границу протяженности, а на логику, логическое как атрибут существования. Отрицательная выведенность небытия — это яркий пример функциональности предлогического, каким и является НТНС. Пример совершенно апрагматический и не имеющий никаких, сколько бы ни было похожих аналогий.

Праабсолют беззаконен и безосновен по своим исходным и конечным свойствам. Если бы связь

праабсолюта и абсолюта была процессуальна, то получилось бы, что праабсолют имеет некую деятельность во времени с нулевой результативностью. Последнее было бы вызвано разнонаправленностью праабсолюта. Однако, хотя бы ввиду несозданности времени, праабсолют находится вне его. Разрушение и нивеляция в праабсолюте вовсе не означают разрушения и нивеляции. Имеет место масса флуктуаций элементарного, повиснутых в недобытии. Бытие строится из этого недобытия задним числом и суммационным образом. Все употребленные выше слова типа "разрушение и нивеляция", "задним числом" следует брать только с поправкой на виртуальность и вневременность. Происходит заполнение линии проницаемости и создание протяженности, но так, что сам праабсолют постоянно находится в неизрасходованном остатке. Некий итоговой праабсолют всегда тождественен начальному праабсолюту. Он оказывается камбием, непрерывно творящим логическую ловушку под названием "абсолют" и фактически в собственном недобытийном, недологическом качестве исчезающим из этой ловушки.

Мировую ткань нельзя назвать застывшим и мертвым кораллом, невзирая на всю ее самоиндентичность, поскольку, будучи уже первичным бытием — абсолютом, она кишит виртуальным недобытием. Кишение недобытия внутри субстанции абсолюта суммационно дается в рамках ологиченности, но за пределами этих рамок недобытие вполне актуально, а отсюда вполне могут возникнуть мнения о флуктуационной природе абсолюта, о разрушении абсолюта в абсолюте и новом его восстановлении без видимости какого-либо перехода. Эти мнения вполне можно принять, но только как одну из моделей внутренней функциональности бытия. Мы выска-

жем довольно бедную мысль, если заявим, что бытие выявляет себя как остатистиченная взмученность недобытия, а недобытие — как разрушенное бытие (возврат недобытия к самому себе, его неизрасходованность). Плоскость слов ограничена, и здесь не какая-то вульгарная диалектика: в бытийном суммируется и факт разрушенности бытия. Абсолют недвижен и самотождественен, но недобытийная обновляемость его уже не имеет никакого отношения к рамкам его бытийности, не улавливается ими.

Если абсолют представляет собой полное самочувствующее чувствилище, то праабсолют — не только недочувственность и фактор неулавливаемый чувственностью, но и — центр разделения двух противоположных чувственностей. Предельное ощущение, ощущение до конца — это и есть конец, то есть источная природа. В плане космологическом чувствовать акт своего рождения означает уничтожиться в своем качестве, переключиться на возрождение к тому же качеству. Итак, полноценное, полное ощущение не может не быть саморазрушением. Это саморазрушение перпендикулярно протяженности, ахронично и входит в импульс ощущения. Таким образом, полное ощущение — это своего рода ощущение-древо, если иметь в виду проницаемость.

Праабсолют выступает как бессистемная система с отсутствием координат и наблюдателей и отсутствием какой-либо самофиксируемости. Если мы, в качестве модельного приближения, представим себе картину моря-единства с отходящими от него протуберанцами, то в качестве следующего, более точного приближения мы должны заявить, что каждый из протуберанцев эквивалентен целому морю и

в то же время и неэквивалентен, что тем не менее не имеет никакого значения, поскольку речь идет о индетерминистичном. К праабсолюту не подходят высказывания типа:"если то-то и то-то, то..."

В качестве другой модели праабсолют можно представлять как нечто колеблющееся от нуля до единицы, где единица означает собственно протяженность, абсолют, а нуль — небытие. В качестве уточнения этой новой модели следует добавить, что праабсолют никогда не равен ни одному числу между нулем и единицей, но может быть равен сразу всему множеству чисел в этом интервале и в то же время не равен им.

К праабсолюту можно прикладывать не только слово "он", но и слово "они", причем все это не имеет никакого фундаментального значения. Сотворенное праабсолютом не оказывает на него никакого влияния. Относительно недобытия никакого бытия не существует, но бытие всегда содержит в себе недобытие-добытие как опору и энергию. Те или иные фиксированности, вспыхивающие в недобытии (например, по типу спаривания виртуальностей-протуберанцев), находятся уже вне его, давая начало проваливанию в бытие. Через сферу фиксаций первого порядка неизбежен прорыв добытия с образованием фиксаций второго порядка и т. д. Предыдущий порядок не есть управляюще-кристаллизующий слой для добытия, но только именно для последующего порядка — для собственно добытия никаких фиксаций нет. Этот урожай выдавливаемых из добытия смысло-реактивных импульсов — иной, чем в гуманоидном постабсолюте, и неструктурален. В субъективностях первозданной природы (моносубъективностях) более четко выражены элементарность и проницаемость.

В качестве модели можно взять на сей раз старую модель расширения вселенной за пределы палеоядра (палеоядра из моносубъективностей Эроса, Логоса и Хаоса). Если палеоядро бесструктурно, то в последующих сферах структуры неизбежно появляются, вследствие дефицита проницаемости и усиления дивергенции.

Теперь сделаем полагающиеся поправки. В действительности сферы структуральных вычлененностей находятся не вне палеоядра, а в нем самом. Для некоего надмирового наблюдателя это могло бы означать дробление палеоядра. Фактически происходит вычленение-в-себе тяжей-треков, капсулирование их без какого-либо их внешнего выражения в абсолюте. Человеческое сознание при этом представляет как бы патологический срез перпендикулярно этим трекам (с синтезом не так уж связным и цельным) вычлененностей из вычлененностей этих треков. Это здесь-теперь-сознание. Иного сознания для человека нет. Если мы говорили об одном каком-то непреходящем треке при скольжении по нему вторичной вычлененности, то можно было бы говорить о превращении протяженности во время, но дело в том, что подобных треков множество, а также в том, что с целью иллюстративности мы всегда проводим либо в одном, либо в другом отношении то или иное упрощение (так сказать, "зануляем" часть параметров с целью рассмотрения других параметров). Увы, неиллюстративное, неэвристическое изложение онтологии невозможно, поскольку онтологическое не только непредставимо и немыслимо, но и неизложимо с помощью неклассического математического аппарата, оперирующего многомерностями и топологиями, без того чтобы в этом изложении не было кардинальных упрощений, если не одних, то других, если

не в одном, то в другом. В данном случае с целью поправки мы должны дать представление о "закрытых" и "открытых" треках. При этом открытые треки характерны для константных, неизменяющихся ощущений; кроме того, эти треки в то же время и не треки, а моносубъективности, недопроницаемые в суперструктурном сознании. Следовательно, никакого среза в отношении их нет. Те же "срезы", которые коррелируют с дифференцированными ощущениями, фактически связаны с вторичными флуктуациями, касаются отсоединения от треков и перескока на соседние треки. При этом так называемый поток сознания оказывается фикцией, а сама "потоковость" проходит не столько вдоль тяжей-треков, сколько через вариацию последних. Более подробно образование субъективности будет рассмотрено в главе "Постабсолют". В суперсубъективностях человеческого типа одновременно представлена стадия синтеза и стадия распада абсолюта.

Создание и распад абсолюта не поддается реставрированию при наличии абсолюта, заведомо созданного и суммарно не распадающегося. Поэтому довольно условно можно говорить о протобытийном, представляющем собой начало бытийного после собственно добытийного. Появление какого-либо намека на ологиченность уже создает некоторую самоэлиминированную разделенность, ввиду ахроничности вполне соприсутствующую неразделенности.

Логический объем термина "НТНС" шире логического объема термина "праабсолют". НТНС соприсутствует субъективным мирам и его остаток всегда актуален и неисчерпаем. Отсюда возможна не только мировая шизофрения вычлененностей, но и бесчисленная матрешечность мира именно в том мире,

какой логически заведомо конечен. Бесконечность разнообразнейшего вида вполне в духе индийских философских учений именно и выглядит как бесконечность, не обусловленная логикой, бесконечность, находящаяся за границами применимости логики.

Постоянно создается не только новое настоящее, но и старое прошлое. Поток движения, наблюдаемый субъектом, большей частью есть инертный псевдоматериальный поток, являющийся прагматически незыблемым в силу того обстоятельства, что он есть прошлое, на какое влияние настоящего не оказывается, а также в силу его посторонней приданности. Псевдоматерия настоящего — это как бы завернутая субъективность иного, одревеснение живой ткани к моменту настоящего. Прошлое в настоящем присутствует с узлами и флуктуациями НТНС, дающими инертные и неинертные подвижки, — по крайней мере, такова картина субъективных срезов. Первично-живое в этих срезах только размыто-диффузное настояще-настоящее, что и есть НТНС. НТНС малозаметно в локусе времени, но именно оно прочерчивает не инертную, а новорожденную мировую линию.

Всякий остаток НТНС эквивалентен целому НТНС и содержит в себе миллионы абсолютов, подобно миллиону будд. При этом не имеет значения, что абсолют на любой ступени (позиция надмирового наблюдателя) есть все тот же самый абсолют.

Можно заявить, что внелогичное, внепрограммное и беспамятное НТНС в любом случае и всегда содержит в себе память-программу любого прошлого и любого будущего, любого среза мира.

3.1.3 КОНТУРЫ АНТИАБСОЛЮТА

К сожалению, излагать данный раздел, а также отчасти и последующий нельзя будет обычным принятым для нас порядком, ввиду природы самого денотата изложения. Тем не менее следует считать благом, что нам почти удастся избежать метафор и аналогий. Предлагаемое ниже изложение может быть значительно углублено за счет формальной детализации, математизации и тому подобным способам изложения на пределе способностей полного восприятия или на отнесении мыслимости и представимости предмета изложения к некому условно-фиктивному, машиноподобному уму. Однако всякая апелляция к многоэтажным и непредставимым логическим построениям весьма рискована. Это связано с индифферентностью формального аппарата к значимости тех или иных пунктов изложения и возможностью привлечения из-за издержек абстрагирования совершенно непригодного материала. С учетом всех указанных выше причин и чрезвычайной сложности изложения, мы вынуждены были пойти на значительные сокращения. Тем не менее полная психологическая доступность этого и следующего раздела не может носить постоянного характера.

* *

Протяженность не является актуально нулевой и актуально бесконечной не только потому, что "нуль" и "бесконечность" суть знаки несуществования и парадоксальности, но и потому, что объективная протяженность не может иметь никакого размера, как вследствие того, что ее никто не измеряет и ни с

чем не сравнивает, так и вследствие того, что она не обладает обычными геометрическими характеристиками. Ориентиров в собственно объективном нет. В связи с этим следует задать вопрос: "Может ли существовать отрицательная протяженность и что это такое?" Если специально задаваться таким вопросом, то приходится делать несколько предварительных замечаний, например, того типа, что отрицательная протяженность — протяженность не по ту сторону нуля, а по ту сторону НТНС, что для нее не характерны такие свойства, как подобие однородности, подобие цельности, изотропности, непрерывности и т. п., то есть отрицательная протяженность не может быть чем-то единым уже в силу своей отрицательности. По ту сторону НТНС может предполагаться нечто умонепостигаемое, рассудочно-ссылочное, а именно: рождение Хроноса, а ввиду определенных сомнений в возможности последнего, — некоторая поствиртуальность, обладающая, свойствами множественности-в-себе. Предварительно можно указать следующие, исключающие друг друга статусы этой поствиртуальности: протобытийность, находящуюся между абсолютом и праабсолютом, нечто параллельное абсолюту, параллельное постабсолюту и т. п. Терминологически слово "антиабсолют" таково, что не может быть полностью симметрично слову "абсолют", поскольку антиабсолют уже есть неабсолютность, а отсюда чисто формально не исключена и возможность включения антиабсолюта в абсолют. В этом случае антиабсолют был бы совокупностью некоторых исчезнувших дополнительных импульсаций внутри абсолюта.

Требование выводимости и доказательности заставляет указать на главный атрибут антиабсолюта — отрицательную протяженность и начинать изложение именно с него. Это "главенство" определяется только рельефностью по сравнению с другими предполагаемыми атрибутами, поскольку такие свойства, как "противосознательность", несаморефлексивность", "антисубстанциональность" имеют аналогии в псевдосредах и уже не представляются достаточно метафизичными, а такое свойство, как "самонетождественность" не только не представимо, но и косвенно в любых интерпретациях. Изъеденность последнего названного свойства всякого рода диалектическими и квазидиалектическими изысками и соответствующей двойной бухгалтерией не имеет никакого отношения к онтологии.

Вывод антипротяженности никак нельзя основывать только на эфемерных тонких неспецифических ощущениях и эмотивных ощущениях. Чисто житейское противопоставление "сознания" и "жизни", "ума" и "существования", "теории" и "практики", "мужского" и "женского" предполагает противопоставление более сущностного плана, а этот сущностный план таков, что всякого рода монады-атомарности типа "ян" и "инь" в нем невозможны. Несколько ближе такие противопоставления, как "частица" и "волна", "пространство" и "время", но и они не могут гарантировать достаточной степени первичности и элементарности (именно в бытийном, но не в прабытийном смысле).

Итак, указания на антипротяженность в человеческом сознании, его псевдосредах имеются, но достаточно пунктирные. Проходными в качестве мировоззренческих они не могут быть названы. Гораздо

большей значимостью в отношении образования области выводов обладает совокупность аргументов о недостаточности существования праабсолюта и чисто протяженностного абсолюта для образования вычлененностей, для возникновения того космического суперфеномена, который мы называем "мировой шизофренией" — возникновения расщепленного бытия — постабсолюта.

Действительно, из наличия протяженного мирового сознания (абсолют) и НТНС невозможно совершенно исчерпывающим образом вывести вычлененности. Утяжеленная НТНС полнота всего может привести только к полноте всего. Какая-либо предполагаемая неполнота оказывается всецело растворенной и невыделяемой, нереставрируемой. О самом наличии постабсолюта мы догадываемся только по тому факту, что человеческое сознание обладает частичным бытием. Предполагаемое отсутствие субъективности убрало бы и всякую мысль о возможности других субъективностей и вообще вычлененностей. Итак, треугольник праабсолют — протяженность-абсолют — постабсолют заставляет искать нечто четвертое. Это четвертое не может быть как протяженным (иначе бы оно свелось к протяженности-абсолюту), так и непротяженным (иначе бы оно оказалось несуществующим), так и допротяженным (иначе бы оно свелось к праабсолюту).

Точно так и по тем же поводам приходится искать четвертый фактор при объяснении возникновения субъективного времени. При этом основной упор в подобном объяснении приходится не на дление и длительность ("стробоскопическое"), а на соскальзывание одного здесь-теперь (любого статуса) на другое здесь-теперь (любого статуса), то есть важ-

ным оказывается механизм переключения субъективной реальности и объяснение этого переключения.

Недостаточность протяженности такова же, как и недостаточность небытия: и протяженность и небытие слишком логичны. Логичность протяженности неизбежно поглотила бы недологичность НТНС без выделения каких-либо торможений проницаемости, мгновенного самоохвата абсолютного.

Вывод отрицательной протяженности можно видеть и в статистике иного вида, чем статистика образования фазы положительной протяженности. Это статистика множественности. Мы уже говорили о множестве абсолютов, которые оказываются одним и тем же абсолютом. Абсолют здесь — только космологический тупик, но после каждого такого тупика НТНС остается нетронутым, а сама множественность абсолютов, как бы она ни скрадывалась, все же остается быть в себе в качестве некоторой абсурдной рядоположенности, на ступени несоединимости. Средой, в какой находятся эти абсолюты, будет все то же недобытие, то есть сама данность ее виртуальна, непротяженна в позитивном смысле. Однако все это крайний случай, до которого можно указать целый ряд подобных. Праабсолют это и праабсолюты, которые образуют несчетные множества пространств на стадиях незавершенности, в своих сходствах и различиях и разнотипности этих сходств и различий. Возникает вопрос о наличии дисконтинуума протяженностей, не обладающих статусом бытийности. Подобное протобытийное многообразие в силу своей мощности не может не образовывать тех или иных сходимостей, отчасти претендующих на статус бытийного. Мы имеем дело с законом больших

чисел. Дозаконность статистики мы много раз подчеркивали. В частности, именно статистика могла бы снять проблему замкнутости монад, подобных лейбницевским, — к предопределенному сходству ведет изначальный индетерминизм, статистическое попадание данностей на те же круги. Остается добавить только недопроницаемость, благодаря которой одна монада может считаться подобием другой или мира-монады. В действительности она — собственный мир, заторможенный в полном предстоянии (речь идет об элементарном, моделях элементарного).

Вернемся к рассмотрению отрицательной протяженности как Хроноса. Отличия Хроноса от обычного времени следующие: 1) Хронос представляет собой совокупность "разнотекущих", неодномерных, первичных (не имеющих отношения к стробоскопии) времен, в том числе дихотомически альтернативных времен, а обычное время — всегда абстракция, имеющая отношение к какому-либо одному процессу или совокупности близких по способу предстояния процессов; 2) Хронос есть нечто самоданное, совокупность тяжей-треков наперед заданных, а время фактически оказывается линейкой, приложенной к частному процессу. Перед нами в процессе изложения уже несколько раз возникала концепция застывшего Хроноса, но всякий раз она по одним поводам вызывала сомнения, а по другим — отвергалась в качестве мировоззренчески проводной. Сейчас мы подвели некоторые итоги и можем рассмотреть ее заново без опасности внесения избыточных принципов в онтологическое. Это одна сторона медали. Другая заключается в том, что репрезентация Хроноса в сознании связана со значительными иллюзиями и искажениями. Последние неявно проникают и в модели мира. Чтобы этого избежать при рассмотрении

онтологического и гносеологического, приходится использовать специальные приемы, а иногда — дополнительные построения, используя возможности логического аппарата.

Контуры концепции Хроноса косвенно нами были намечены при рассмотрении субъективной реальности, в том числе эстетического. Это делалось без привлечения самого Хроноса, автоматически.

Заявлять, что Хронос — это протяженность, непродуктивно. Онтологически подобное ничего не добавляет, поскольку в этом случае Хронос растворится в обычной безызмеренной протяженности. Если мы заявим, что Хронос — это антипротяженность (отрицательная протяженность) антисубстанция, то мы обязаны подвести под это заявление достаточный фундамент и раскрыть сущность антипротяженности.

Качественность прямой протяженности эпистемологически раскрывается путем логической редукции субъективносознательной протяженности. В триаде я-протяженность-дленность протяженности соответствует смысл, но что может соответствовать длительности в триаде я-длительность-дленность? Длительность выпадает из неабстрактного сознания, ее смысл — это отрицательный смысл, антисмысл. Сама по себе триада я-длительность-дленность оказывается субъективно нереальной.

Негативность отрицательных смыслов соответствует поглощенности зарефлексивного, но в любом случае эти смыслы — симптомы структуры и компарации. Метафорически отождествлять поглощенное и поглощающее с небытием (как это довольно часто происходит) вполне допустимо для поэзии, но не для философии.

Отрицательный смысл проступает в двух законах формальной логики: законе противоречия и законе исключенного третьего. Естественно, что в примативных фактах логики никаких законов нет, законы это нечто третичное. То, что первично считается предписанием мышлению, взято из способов данности сознания, границ сознания. Следовательно, само слово "закон" употреблено здесь нами только как дань традиции. В отрицательном смысле, по крайней мере, прямым образом отсутствует самотождество и саморефлексивность. Отрицательный смысл — это не смысл А, но смысл Б, отнесенный, так или иначе, к А. Если мы заявим, что Б полностью ощущает А, но нисколько не ощущает себя, а А полностью ощущает Б, но нисколько не ощущает себя, то мы получим противоречие, так как в полном ощущении иного неизменно содержится ощущение иным. Противоречия не будет, если мы заявим: "А нисколько не ощущает себя, но полностью ощущает минус Б, а Б нисколько не ощущает себя, но полностью ощущает минус А". Однако все это не препятствует дуальности между субстратом и ощущением субстрата в протяженностном смысле. Иное будет иметь место, если само А — антисубстанционально, несубстративно. Следовательно, в антипротяженности будет иметь место утверждение:

$$А = — А \quad (А \text{ есть минус } А)$$

В математике подобное характерно для нуля. Очевидно, это сходство вызвано тем, что А позитивно непротяжено, хотя и не является нулем протяженности. На всякий случай заметим, что в приведенном тождестве нельзя переносить правые и левые части, — здесь сходство только в форме записи. Нечто не обращается в нуль в любом случае. Ранее нами было показано, что непротяженного не

существует. Всякое нечто для того, чтобы существовать или даже антисуществовать, не может быть нивелированным с небытием. В случаях самостоятельности (кроме НТНС) протяжение дается при условии саморефлексии. Здесь же дается отрицательная рефлексия и отрицательное протяжение.

Существование и протяжение тесно связаны: если А протяжено отрицательно, то это А есть минус А. Далее следует нечто более интересное: если А = Б, то Б ≠ А, что в данных условиях вполне логично. Соответственно, если А есть минус А, то минус А не есть А (антипротяженность, антисуществование асимметричны). В этом случае минус А есть минус минус А. Все это весьма походит на Хронос на элементарном раскрытии (то есть не на раскрытии суммации вычлененностей), а также соответствует субъективно-индивидуальной кажимости асимметрии времени, необратимости времени. Субъективносознательно антипротяженность выявляет себя как проваливание протяженности.

Атрибутом антисубстанции является нефиксируемость. При образовании мира из праабсолюта сходство между разделенным и неразделенным именно нефиксируемо из-за нефиксируемости самого праабсолюта. Также в обычном постабсолюте всегда есть моменты нефиксируемости, выступающие как знаки антипротяженности. Имеет место нефиксируемость двух видов в человеческом сознании: нефиксируемость, относимая к моменту перехода ощущений в поглощенность (дифференцированные ощущения) и нефиксируемость неизменяемого, например, скольжения ощущения "я", ощущения тона звукового генератора и т. д. Нефиксируемость неизменного вхо-

дит в саму константность, дает ей свой узор. В ряде случаев мы здесь имеем дело со стробоскопической дленностью: синтезом протяженного и антипротяженного.

В триаде "я" — протяженность — дленность, дленность выявляет себя как микрохаос. Этот микрохаос не является реактивно отрицательным именно ввиду своей триадной связности (подобно тому как в ощущении "я" нет эросной эйфории) и никоим образом не относится к мозаической конкретности. Следовательно, в этой предельно интегративной дленности нефиксируемо и отношение к изменению, оставленности в прошлом, то есть нефиксируемо и отношение к длительности, потоковости.

Рождению положительной осмысленности из недосмысла сопутствует и рождение отрицательной осмысленности, то есть дезобъектной осмысленности. В плане рефлексии, отрицательная осмысленность — прототип мнестического; с другой стороны, она выходит за рамки Хроноса, являясь элементарностью положительной осмысленности протяженного: инорефлексное (не само по себе) образует одну из функций связности в единое. Однако, будучи неуравновешенным, инорефлексное — фактор дезинтеграции, всеобщего аннулирования.

Сознание антипротяженности заведомо несубъективно, оно метамерно, то есть является антисознанием: вычтенность себя превращает антисознание в волну-в-себе.

Любая структура есть пересечение сознания и антисознания, двойная вычлененность. Действительно, обычная субъективносознательная макроструктура — это несколько вырезанных ветвей Хроноса, то есть синтез протяженности и антипротяженности. В

структуре хронос (в данном случае уже, конечно, микрохронос; для отличия употреблена строчная начальная буква) предстает двумя способами: через изменение и через протяжение (хронотоп). В хронотопе хронос вполне может быть прошлым и реликтово-древним. Структуры, невзирая на их макростабильность, как правило, нельзя считать константными. Каждую из них можно назвать петлей хроноса или, точнее, совокупностью таких петель.

Петлеобразным или циклическим оказывается не только субъективное, но и псевдосредное. Например, физический атом — постциклическое образование, синдром заторможенности. Он — структура, не существующая в слишком малый или, наоборот, в слишком большой промежуток времени. Экзистенционально и условно-приближенно антиабсолют можно рассматривать как Антиэрос-Антилогос-Антихаос, то есть как Хаос-Антилогос-Эрос. Этот экзистенционал более применим к вопросу экстраполяции иррационального и, соответственно, — анализу ряда мистических ощущений, а также сверхощущений.

Термин "антиабсолют" семантически означает противоположность абсолюту, подчеркивает неабсолютность антиабсолюта, его относительную взятость, что вполне соответствует инотождественности его данностей. Тем самым антиабсолют есть абсолют относительности. Абсолютная относительность по ту сторону НТНС остается разорванной, несоединимой. Отрицательная протяженность выступает как отрицательное бытие: если миллионы абсолютов, выходящие из праабсолюта, есть все тот же абсолют, то антиабсолют изначально предстоит как множественность общего: выход из виртуальности так и не осуществляется. Общность его — общность по материнской виртуальности, но без остатка элимини-

рующегося НТНС. Таким образом, противоположностью протяженности, антипротяженностью оказывается виртуальность с замороженным активитетом, мертвая виртуальность. Последняя выполняет задним числом роль подставки, конвейера для виртуальности настоящей. Синдромом тупиковости здесь и оказывается вечное повторение — множество цикличностей самых различных масштабов. Это и есть пресловутый божий обман в божьей правде: лицевая (и истинная) сторона существования — всегда за пределами циклов. Одним из репрезентантов антиабсолюта в практическом мире является принцип себе-подобия — дурное вечное повторение не только во времени, но и в пространстве, означающее множество сосуществующих объектов, похожих друг на друга.

Антисубстанция продолжается, не фиксируясь. Это самопродолжение состоит в вечном ощупывании неисчезающей виртуальности. Если субстанция возникает при фиксации (относительной) виртуального, то антисубстанция — при повторении (абсолютном) виртуального, при совпадении в различных виртуальностях. Антисубстанция не только порождает зацикленность и себе-подобие, но и сама возникает из зацикленности и себе-подобия некоторой полувыделенности виртуального. Виртуальное, не будучи в полном смысле протяженным или апротяженным, вполне может повториться, образовать протяженную, но постоянную волну. При этом не имеет никакого значения, образуется ли эта волна тем же самым или иным виртуальным, виртуальным первичным или виртуальным "остаточным".

Времени для НТНС нет, а если НТНС нечто произвело и опять повторило это нечто (непротяженное

нечто), то это нечто не обязательно должно исчезнуть в полном смысле, а, не исчезнув, оно уже создает некоторую непротяженную повиснутость — возникает антилогика антибытия, а само антибытие превращается в своего рода накопитель для НТНС. Полулогика некоторой вскрытости может замкнуться не только логикой тождества-протяженности, но и иной логикой, пусть это и будет отрицательная логика.

Создание математических и близких к ним представлений — далеко не критерий онтологичности, — хорошо известна истина о неполной адекватности абстрактных моделей. Здесь же идет речь об отрицательной онтологичности, а отсюда и возможен парадокс, подобный парадоксу ничто. Можно сказать только следующее: отрицательная протяженность возникает по ту сторону НТНС (фактически внутри НТНС) и не имеет прямого выхода к полноценной положительной протяженности, но поскольку остаток НТНС всегда актуален и неисчерпаем, то именно НТНС и ответственно за метрическую связность отрицательной протяженности, какая косвенно и репрезентируется в постабсолюте.

3.2 РАСЩЕПЛЕННОЕ БЫТИЕ

3.2.1 Постабсолют

Послеабсолютами являются несамостоятельные вычлененности из готового абсолюта. В этих вычлененностях более значима не сколько вычлененность по протяженности, сколько выделенность по проницаемости. Выделенности, не являющиеся мировыми моничностями, неизбежно несут в себе про-

екции НТНС. В данном случае словом "проекции" мы обозначаем следы НТНС — само НТНС во всех ощущениях остается призрачным недоошущением; следы НТНС более явны, чем собственно НТНС. Примерами таких следов можно назвать недостаточную замкнутость субъективного сознания, неустойчивость субъективного сознания как единой схватываемости, наличие флуктуации прагматически недвижного, недопроницаемый проход волевых импульсов через имманентное и т. д.

Мнения о том, что человек — венец творения, шаг природы на пути к абсолюту, неприложимы к философской космологии. В действительности человек гораздо дальше от "бога" (абсолюта), чем папоротник. По разным поводам мы уже высказывали положение о том, что абсолют менее интеллектуален, чем человек; кроме того, человек неизбежно наиболее удален от абсолюта в силу однородности последнего.

Хотя абсолют не является консистенцией или мировой тканью, взятый недопроницаемо, он эту ткань образует. "Материя" — следствие неполноты восприятия. Для наглядности мировую полисубъективную ткань можно представить в виде развернутой дихотомически ветвящейся нити. Если продолжать далее это картинное описание (всего лишь упрощенная модель!), то свернутый клубок из этой нити будет, вследствие слитности, уже не клубком, а идеальным прозрачным шаром без какой-либо различимой внутренней структуры и будет в приведенной модели соответствовать абсолюту. Иллюстративно значимо в этой модели — отношение между абсолютом и постабсолютом, выходящее, конечно, за пределы какой-либо геометричности.

Путь от праабсолюта к абсолюту связан с отбором, а от абсолюта к постабсолютам — с расщеплением. Чем далее идет расщепление-дивергенция, тем больший порядок субъективности мы имеем. При этом каждое расщепление — вовсе не объективное расщепление. Относительно одной субъективности другие субъективности прямым образом отсутствуют, а отсюда и виден характер расщепления: извнутренний изоляционизм, не имеющий полной внешней представленности, дающийся в рамках извнутренней относительности.

Направление синтеза различных сознаний только кажимостно обратно и не является редуктивным: синтез различных сознаний в одном сознании не приводит к отрицанию вычлененности, но, наоборот, усиливает ее; проницаемость, объем ментальности каждого из составляющих сознаний уменьшается. Сложное дробное сознание, подобное человеческому, не достигает собственно ментального единства из-за разнородности входящих в него составляющих сознаний. Рассудочно-прагматическое единство, какое в некоторой степени достигается, посторонне самому сознанию, выстраивается лишь в виде калькуляционной привнесенности. Определенное витальное единство, возникающее из-за объединения частных ощущений вокруг интегративных (ощущений бóльших порядков вычлененности вокруг ощущений меньших порядков вычлененностей), не устраняет расщепления дочеловеческого сознания. Образующееся совокупное сознание (я-среда) оказывается размазанным по филогенетически различным дивергенциям. Древние нелокализуемые и диффузные ощущения соседствуют и имеют суперпозиции с более молодыми структурированными ощущениями (подразумевается не то или иное время, а метафизическая космоло-

гичность). При этом ощущение "я"-протяженность-длленность есть не что иное как абсолют с проницаемостью почти уничтоженной и со снятой интенсивностью реактивности. Такова плата за дифференциации и вторичную протяженность (хронотоп).

Ощущение "я" и близкие ему ощущения — только интуитивный и наглядно-кажимостный цемент всех ощущений. Подлинная его связь с другими ощущениями — по ту сторону сознания субъекта.

Так или иначе, но различные осознанности внутри сознания имеют один корень, общее происхождение. Между ними возможны корреляции.

Вычлененности в субъективном — это вычлененности не из данного субъективного. Отнятой оказывается проницаемость. В этом плане суперсознание можно сравнить с многоклеточным организмом (только аналогия). Объединение нескольких сознаний в одном сознании приводит к тому, что интенсивностные свойства каждого из них понижаются. "Внешние" ощущения и не могут обладать какой-либо предельной интенсивностью, — получается, что "внешние" ощущения как бы паразитируют на "внутренних", то есть дифференцированные ощущения паразитируют на интегративных ощущениях, но не наоборот, как это могло бы показаться с точки зрения рядовой психологии.

Неизменяемые ощущения нанизывают на себя, как на стержень, непостоянные частные восприятия. Непостоянные восприятия даются через малозаметную отключенность, подобную сну без сновидений, — нефлуктуационное сосредоточение на структурном невозможно. Флуктуации образуют перемычки метамерного тяжа потока субъективности, где в границах сегментов пресекается только структурное (син-

тез положительной и отрицательной протяженности), а бесструктурное остается сердцевинным стержнем.

Структуры, гипостазируемые наукой, ахронично и неконгруэнтно соответствуют поглощенным буферным сознаниям, стоящим между периферийными индуцированными сознаниями (неприсущими чистому сознанию) и абсолютом. Будучи выведенными из уже готовой полифоничности человеческого сознания, буферные сознания не могут иметь какого-либо познавательного значения из-за затрудненности их умственных моделей. По отношению к заведомо центрированному сознанию буферные сознания делятся на буферы-подложки, буферы-сателлиты и примативные буферы. Буферам-подложкам не соответствуют никакие из ныне известных в физиологии мозга объектов. Скорее всего, таких объектов (науки) и не может быть, ввиду нелепости наличия конвенций-условностей подобного. Буферам-сателлитам отчасти соответствуют мембраны нервных клеток и мозаики электрических и электромагнитных потенциалов, связанных с ними. Примативным буферам в какой-то степени и весьма косвенно соответствуют объекты квантовой физики, такие как лептоны, кварки и т. п. Из всего этого вовсе не вытекает какая-либо объективность физических и физиологических объектов; фактически подобные объекты находится по сю, а не по ту сторону субъекта и только ради умственного удобства проецируются во внешнее. Это удобство связано с тем элементарным фактом, что подавляющее большинство внутренних ощущений (а все реальные ощущения внутренни) кажимостно-прагматически спроецированы как внешние. Указав на соотношение ссылочных и буферных объектов,

мы не вдавались в тонкости более подробной карты смыслознакового и псевдосредного. Здесь достаточно только заявить, что псевдосреды не существуют. Говоря о некой реальной среде поглощенности, мы фактически ссылаемся на буферы. Тем не менее сами буферы не исчерпывают собой поглощенности, ввиду того что являются вычлененностями, как и условно центрированное суммационное сознание.

Поток сознания того или иного субъекта, с надмирной точки зрения, растворен, утерян (подразумевается синтетический поток сознания, суперструктурный). Он вполне может считаться утерянным и с большинства точек зрения, имеющих отношение к расщепленному бытию. Однако это вовсе не отрицает возможности реставрации срезов этого потока, что связано не только с теми или иными индукциями или восстановлениями детерминистического типа, но и — с апричинным НТНС-вечным повторением. При этом превращение потока в сегментированного "дождевого червя" имеет отношение только к искусственно выделенной, хотя и относительно истинной онтогенетической линии на древе дивергенций. Сложность выделения потока сознания для целей формального описания в том, что этот "поток" нелинеен не только "продольно" и "перпендикулярно" (что совершенно очевидно), но и по многим другим своим параметрам. Чем далее мы отходим от константных центральных тяжей потока — тем большую значимость приобретают цикличности самых разнообразных масштабов, в том числе ниже порога данности ощущения: сама выделенность кажимостных измерений из безызмеренности осуществляется вовсе не кратно; так называемые "другие измерения" совершенно не обязательно зануляются, пусть весьма ни-

чтожно предстоят, наличествуют в субъективных локусах времени. Сказанное в первую очередь касается зрительных ощущений, но большинство других ощущений являются заведомо безызмеренными (например, ощущение запаха, интегративные ощущения).

Можно употребить такой термин, как "давление буферных сознаний", то есть значимость, детерминативность буферных сознаний для наглядно данных субъективно сознаний. Чем далее от центра субъективного сознания к дифференцированной периферии (вовсе не подразумеваются оптимумы восприятия и "краевые эффекты" восприятия), тем это давление более выражено. Это "давление" — одна из компонент синдрома псевдоматериализации. Спаянность непроницаемых сознаний-сателлитов имеет место при их квазионтологическом равноправии. При некотором упрощении весь континент сознаний-сателлитов можно обозначить одним термином: "психейное". Разнообразие и разноданность их в конечном итоге ответственны за агломеративность того сознания, какое представляется конечным и центральным. Мы намеренно отказались от изображения какой-либо контурной карты не только буферных сознаний, но и от чертежей самого метамерного потока. Здесь дело не только в необходимости объемного изображения (нескольких видов-ракурсов, нескольких масштабов, последовательного рассмотрения одних и тех же примеров при условном занулении то одних, то других параметров) и всякой иной ненаглядности, необходимости умственного сведения различных картин в одну картину (в принципе можно было бы составить чисто формальное описание, не претендующее на какую-либо иллюстративность), но и в том, что графические изображения неизбежно внесли бы механи-

ческие ограничения в попытки рассмотрения образования иерархий субъективностей.

Каждая из вычлененностей-субъективностей является изнутри протяженной, но это не означает, что существует некая протяженная рядоположенность субъективностей. Субъективности в объективном взаимоналожены и взаимопроницаемы. Более того, различные субъективности могут иметь одно и то же интегративное. Конечно, прямо заявлять о том, что "я" всех есть одно и то же "Я", не приходится, ввиду частичности, микроэросности здесь-теперь "я", но говорить об идентичности в космологическом плане более интенсивных и проницаемых ощущений вполне допустимо. В последнем случае разница будет только в уровне и достигнутом потолке тех или иных ощущений.

Наличие дифференцированных ощущений объяснить гораздо сложнее, чем интегративных. Первые не возникают простым расщеплением бытия, апеллируют как к протяженности, так и к антипротяженности. При этом сама их субъективно наблюдаемая протяженность имеет совершенно иной ранг, чем непространственная протяженность, данная для моноощущений и их комбинаций (тоновых). Например, зрительная и осязательная протяженности — это протяженности-повторы, мультиплицированные протяженности, связанные с инерционностью-заторможенностью, размазанностью субъективного локуса времени, его незануленностью. Множественность зрительного в не меньшей степени связана, не только со временем, но и с принципами ритмизованной организации, принципом себе-подобия. В онтогенетическо-филогенитическом плане — это как бы иновремя, восходящее к ранним стадиям наличности макрообъектов. Организм здесь — не полностью раз-

веденная дихотомичность, расщеплённость, оставшаяся смежной. В данном случае нас интересует только полисознательность.

Сказанное имеет отношение и к структуре вообще: дробление-мультипликация прямым образом связана с дисконтинуумом полицикличностей. Здесь виден иной путь НТНС, чем путь по направлению к бытию-абсолюту. Рассуждать о цикличности, используя обычную логику позитивного характера, означает в данном случае не что иное, как подменять сущность поверхностным явлением. Вся соль кажимости множественности — в незаконченности по проницаемости и различных стадиях одного и того же, какое одновременно и не есть одно и то же (Гераклитовой "реки" здесь уже нет!). Праабсолют не один и не множественен, и если он приводит к самоотождествляемому абсолюту, то внелокальным образом, а само приведение не означает окончания приведения. Сниженный статус вечного повторения касается не только снятия кардинальности и фундаментальности, но и идентичности (тождественности) повторяемости, а потому вполне можно говорить не о вечном повторении, а о вечном уподоблении.

Парадокс структуры коррелирует с невозможностью соседства разнородного в одном и том же. Отсюда структура, представляемая наличествующей, возможна в конкретном виде благодаря неполноте восприятия, существующего лишь в качестве среза через различные тяжи-ветвления, восприятия, не охватывающего их переходы друг в друга. Таким образом, наличие структуры связано и с потерей взаимопереходов моничностей. Подобная аргументация не подходит для космологизации человеческого сознания, из-за наличия в последнем многовариантных составляющих-вычлененностей. Выстраивание птоле-

меевых систем здесь было бы непредусмотрительным шагом, тем более что наложения характерны в основном для периферийной ментальности и орассудоченного до машиноподобия интеллекта. Естественно, прямым образом в нормальном человеческом сознании не могут представать суперпозиции срезов моничности сами по себе. Предстают "отражения отражений", вычлененности вычлененностей, доходящие через цепочки буферов-сознаний. На элементарном уровне это удалено от каких-либо физических и физиологических ассоциаций и связано с ограниченностью проницаемости и взаимоотбором ее, а на уровне суперсознания уже не поддается какому-либо последовательно строящемуся описанию. Повышение степени вычлененности одновременно приводит к появлению дополнительных пространств (расширение протяженности) и развертке атрибутов синтеза положительной и отрицательной протяженности (структура, цикличности, себе подобия, однотипные ряды феноменов и т. п.).

Определенная проницаемость буферного вполне возможна за полосой бодрствования. Далее этого буферного (обычных сновиденийных потоков сознания) предстает при снятии мнестических запретов ультра- и инфрачеловеческое, не имеющее прямого отношения к центральной полосе абсолюта.

3.2.2 Время, времена, Хронос. Проницаемость, схватываемость, объем менталитета. (Сводка)

1. Здравый смысл отождествляет время либо с потоками сознания (пройденным, ощущаемым в сей-

час и не пройденным желе существования), либо с условной количественной характеристикой, относимой к тем или иным прагматическим предметам-потокам (время здесь — линейка, приложенная к изменению, сама изменяющаяся), то есть в любом случае идет речь не о времени, а о развертке времени. Тем не менее тому же здравому смыслу даются кажимости, что все перечисленное — частности и, что время есть нечто масштабно-фундаментальное и надмирное, нечто таинственно-непознаваемое, подобное судьбе, жизни и истории. Обычно представляется, что познание времени означает познание всего, власть над временем — власть над всем и т. п., но при этом не совсем очевидно, что полное знание работы любого электронного бытового прибора также означает знание всего. Принципы объяснения работы подобных приборов — всего лишь конвенциальное сведение обыденно неизвестного к хорошо известному, принятому в других системах знания, примативному в той или иной науке.

Сколь бы ни была проста изначальная причина кажимости времени, будучи масштабированной и вплетенной в сотни триллионов тех элементов, которые своей иерархией поставляет здесь-теперь комплекс ощущений, в итоге она дает нечто чудовищное и совершенно несходное со своим элементарным проявлением.

О времени имеет определенный смысл говорить только применительно к субъективному, а не к объективному, но такое субъективное, как человеческое, уже представляет собой совокупности частичных, расплывающихся времен. Поэтому прежде всего следует задать вопрос: "Возможна ли вообще такая позиция или такой разрез бытия, относительно которых можно вполне правомерно рассуждать о

времени?" К нему следует добавить второй вопрос: "Рассуждение о каком именно времени имеется в виду?" В экзистенциальном плане под временем понимается не одно какое-то время, не массив случайно данных времен, а сравнительными точками отсчета времени считаются фактически те или иные живые воспоминания или их суррогаты. Тот пласт, который человек всякий раз реально ощущает, суммационен с одной стороны; а с другой стороны, он — только вырезанность, состоящая из вычлененностей. Если по отношению к чему-либо человеческое сознание и можно сравнивать с табло, экраном, приборной доской и т. п., то по отношению к массе субъективных и субъективно-буферных времен, человеческое сознание лучше сопоставлять с быстрым распилом работающего электронного устройства. Так называемое прагматическое время мы здесь не подразумеваем; оно — достаточная условность и пригодно только для условного рядоположения (в псевдосредах) определенного рода макроопыта. Следовательно, прагматическое время также псевдосредно и не может браться за что-либо исходное. Аналогичные заключения можно сделать о "физическом", "астрономическом" и тому подобных временах, предназначенных для псевдосред.

Ясен вывод, что ни одна из отсубъективных сред не подходит для выявления сущности времен и их причины. В этих средах всегда предстает только некоторый конечный (или промежуточный) результат, но не нечто элементарно-значимое. Что касается объективного позитивного бытия, то для него не существует какого-либо времени, но есть его отдаленный аналог — проницаемость.

2. В отношении бытия (бытия-в-узком-смысле, абсолюта) мы имеем следующее: утверждения "Бытие

было создано тогда-то" и "Бытие было всегда" — одинаково ложны, но если бы мы все-таки как-то пытались, хотя бы чисто абстрактно, распространить представления о времени и на объективное бытие, то мы были бы вынуждены при этом заявить: "Бытие длится в течение одного периода времени, равного единице, а все остальные времена дробны; но само длление бытия не означает его изменений и равносильно для него атому времени, равному вечности"; то есть получается, что бытие длится мгновение, равное вечности, равное неопределенности, а разделенность этого мгновения возможна для чего-либо иного, но не для бытия. Желая сохранять сам термин "время" и далее, мы должны продолжить его на добытие и постбытие, заключить, что само время непоступательно, накопительно, неодномерно, что оно, по крайней мере, имеет либо начало, либо конец, что оно недобытийно в своем текучем качестве и принимает те или иные критические значения, при которых самоаннулируется. Однако в самом добытии, как и следовало ожидать, не имеет никакого смысла говорить о времени, о невремени и тому подобном. Следовательно, приходится иметь в виду не недобытие в чистом виде, а некоторую естественную выделенность из недобытия, не ставшую бытием. Подобная выделенность может как быть, так и не быть постбытием. Во втором случае она альтернативна какой-либо возможности замыкания в бытие. Истолкование первого варианта идет как выявление статуса незавершенного бытия, истолкование второго — как антибытие. Хотя антибытие по своей значимости не может иметь какого-либо завершения, гносеологически оно оказывается соединением в себе разного не-бытия, не являющегося небытием-нулем-ничто. В онтологиче-

ском, вернее, космоническом[37] смысле это связано с асимметричностью бытия и антибытия.

По линии праабсолют — абсолют в качестве модели можно было бы ввести некоторые аналоги времени, взяв за основу полярные координаты, но последующее усовершенствование этой модели потребует введения безызмеренности или мегамерности, что ввиду увеличения абстрактности и ненаглядности делает подобную модель практически бесполезной. В случае упрощенной модели (r = 1) абсолюту условно соответствует совокупность точек, заключенных внутри окружности радиусом r = 1, проницаемости — совокупность точек, заключенных в окружности радиусом $r_n \leq r$, "моментам времени" — тот или иной угол φ. Тем самым здесь-теперь симплексного сознания определяется не только координатами времени и пространства (параметры пространства в нашем примере занулены). Совпадение, нерасхождение интенсивности сознания и проницаемости сознания (как в абсолюте) здесь опять связано с элементарностью. В этом примере идет речь не о каких-то изменениях сознаний, а о распределении сознаний. Пример требует отвлечения от типичных недостатков-парадоксов геометрических представлений. Тем не менее алогизм геометрических данностей можно использовать в качестве модели дологичного и внелогичного. Например, алогизм "точки" и "соседства между точками" можно в определенном смысле считать в модели репрезентантами НТНС — вспыхивание симплексных сознаний предстает здесь полувиртуальностью из виртуального. Переход от первоначальной геометрической модели к тополо-

[37] Термин имеет больший логический объем, чем термины "космогонический", "космологический" и "онтологический".

гической обеспечивает необходимое объединение части элементов, объединение и пересечение рядов элементов, а также другие свойства, но, как и в случае геометрической модели, топологические примативности (в том числе основные аксиомы) не могут здесь иметь прямых аналогий. Та же непрерывность не может расцениваться в данном случае как геометрическая непрерывность-соседство. Совершенная модель должна показывать, что в абсолют замыкаются не все, а только часть проявившихся элементов. Сам он — только наиболее исчерпывающее объединение из возможных объединений. Здесь мы уже подходим ко второму, более значимому аналогу времени: разложимости объединений и пересечений в ряд, но разложимость в ряд — это только удобная интерпретация и фактически как в модели, так и в действительности ее нет. Имеет место не перескок из одного сознания в другое, но разнородные сознания-пересечения и сознания-объединения. Абсолют может быть назван множеством всех множеств (относительно вышесказанного) в том случае, если в их контингенте не хватает хотя бы одного элемента, в противном случае он состоит из множества, имеющего в себе только один элемент. При этом отсутствующим элементом, в отличие от попыток обхода парадокса Рассела, следует считать не формальное множество всех множеств или "элемент Абсолют", но любой составляющий элемент, не являющийся обязательно множеством каких-то множеств.

Под разложимостью в ряд мы не подразумеваем обязательно разложимость структур, и вернее было бы говорить о разложимости в ряды и о тотальности времен, им соответствующей. При этом характер разложения может быть и таков, что любой из резуль-

татов разложения будет обладать большей сложностью, чем разлагаемое.

Синтетическое, вторичное время, подобное прагматическому времени, предполагает связанность со сквозными составляющими, являющимися атрибутами любых других составляющих. Однако полное сведение времен к протяженностям неправомерно и ограничивается только спектром мультипликации структур.

Разделение интенсивности и проницаемости возможно при дробной данности того или иного из них. При этом разделенная интенсивность приводит к протяженностным аналогам времени, а разделенная проницаемость — к антипротяженностным, то есть, в общем случае, к Хроносу [Подробнее см. раздел 3.1.3].

Вторичная протяженность и вторичное время в достаточной степени смешаны и неразделимы, но первичное время — Хронос также имеет отношение как к образованию кажимостей пространства, так и к образованию кажимостей времени. Если Хронос как претендент на роль антиабсолюта может выявлять себя в предабсолютном и параабсолютном, то большинство моделей времени связаны с постабсолютом.

3. Сближение интенсивности и проницаемости сходно со сближением реактивного и логосного. Тем не менее интенсивность и проницаемость характерны как для р-ощущений (то есть реактивных ощущений; см. часть 2), так и для смыслового. Разница между этими двумя характеристиками в том, что интенсивность есть качественное количество, а проницаемость — количественное качество. В неабстрактном субъективном смысле интенсивность предстоит

как сила ощущения, а проницаемость — как степень полноты ощущения. Предполагается, что ряд ощущений возможны за рамками субъекта. Тем самым интенсивность и проницаемость оказываются связанными с объемом менталитета и психической схватываемостью.

Объем менталитета — это вместимость субъективного сознания в отношении всех его данных и характеристик, как протяженного, так и внепротяженного характера. Психическая схватываемость — форма связности и наглядная выявленность комплекса ощущений той или иной направленности. В большинстве случаев психическая схватываемость выступает как то или иное частное сознание-восприятие, но это не исключает возможности интегративных,недифференцированных схватываемостей.

Ограниченность объема менталитета приводит к тому, что разнообразие сознаний в целом сознании приводит к падению проницаемости и интенсивности каждого из составных сознаний, что служит неисчерпаемым источником ментальных иллюзий; в качестве психических схватываемостей выпадают буферные продолженности и продолженности по хроносу здесь-теперь субъективного сознания.

Из развернутых представлений ускользают и такие "непротяженные" характеристики как энергетические. Представления о "психической энергии" всегда метафоричны и косвенны. Энергетика здесь далеко не всегда связана с интенсивностью ощущений и способностью их динамики — собственно энергизирующий фактор это НТНС.

Освобождение неощущаемых факторов, близких к сфере НТНС, становится основой смещений "обыденно текущего времени" и выхождений на него. Здесь подразумевается не только область галлюцинаций, видений, сновидений и описанных ранее особых реактивностей, но и чисто прагматическое. Теоретическая возможность изменения сигнально-рациональных хроносно-протяженностных стереотипов (в частности, предметоположенности) не исключается. Естественная фатальность потока сознания неописуема в рамках детерминизма любого типа, поскольку она имеет источники в первообразущем. Ввиду предопределенности суммационного самопредопределения, все эволюции и мутации треков потока сознания и связанных с ним параллельных и иных потоков оказывается надындивидуальным калейдоскопом. Диалектика "имманентного" и "конъюнктурного" здесь неуместна, но и она подтверждает вышесказанное в своем расширенном понимании.

Сам переход к другим потокам возможен чаще всего только на пределе проницаемости, схватываемости и других характеристик. Переход возникает вследствие тех или иных нестационарностей, колебания субъективного мира.

Представляет интерес не только сновидное или сновиденийное саморегулирование, но и субъективно-историческое, не связанное с какими-либо планами, программами, традиционными фазами. Возможно не только инстинктивное выправление истории, но и создание формул полупророчеств, часто негативного свойства.

Призыв художественно-поэтической волны, так называемого вдохновения, становится своего рода машиной времени и оказывается более важным, чем среда соответствующих особых реактивностей.

Небезынтересны и различные "ступени просветления" (йогические скатывания). Некоторая одиозность и одинаковость определенных фаз может принимать и неустановленные, непредусмотренные формы за рамками какой-либо психической стабильности.

Возможно не только эндогенное опьянение-оболванивание (адекватные ему моменты чисто прагматического свойства нами не рассматриваются), но и создание удобного русла спонтанностям собственно генетического характера, реанимация их. Новообразование каких-либо неожиданных проторенностей и одаренностей здесь, как правило, не может носить выдающегося характера и служит только частной иллюстрацией.

4 ТЕЗИСЫ ВОСХОЖДЕНИЯ

1. Я-среда несамостоятельна.
2. Я-среда — не единственное, что существует.
3. Иное существующее мы именуем метасознанием независимо от того, входит ли в последнее я-среда или нет.
4. По крайней мере в метасознание некоторым образом входит психейное.
5. Не имеет смысла говорить, трансформировано там психейное или нет, поскольку в нетрансформированном посюсторонне доступном виде психейное и не дается.
6. Метасознание объективно.
7. Метасознание ахронично-непространственно протяжено.

8. Метасознание объективносознательно.
9. Бытие можно подразделить на бытие в узком смысле (БУС) и бытие в широком смысле (БШС).
10. БУС — это абсолют, собственно философский космос.
11. Абсолют однороден. В качестве его экзистенциального репрезентанта выступает Эрос-Логос-Хаос.
12. БШС — это вскрытый абсолют. Он является совокупностью несамостоятельных сознаний в самостоятельном сознании.
13. БШС представляет собой не что иное, как мировую дурноту, распавшийся абсолют.
14. По иному БШС может быть названо истинностным универсумом или релятивно-реалистическим универсумом.
15. Замена несчетного множества его наблюдателей-самонаблюдателей гипотетическим одним наблюдателем не даст общей картины и единства, ввиду связанности наблюдаемого каждым из наблюдателей со степенью поверхностности и дискретности восприятия.
16. В действительном единстве дискретности схлопываются. Дифференциально-структурное оказывается уничтоженным, а иллюминаторно-бесструктурное — усиленным до полной проницаемости.
17. Источником бытия является праабсолют, проявляющийся как ни то ни се (НТНС) — мировая меристема со статусом недореальности, недосуществуемости.
18. Источность праабсолюта заключается в его индетерминистичности, дозаконности, дологичности.
19. Праабсолют не является подобием хаоса и неопределенности. Он находится до возможности неопределимости.

20. Логичность и нелогичность, определенность и неопределенность выглядят статистическими эманациями недосуществований.
21. Абсолют как бытие в узком смысле оказывается тупиком статистического отканивания праабсолюта.
22. Асимметричной противоположностью абсолюта является антиабсолют — парабытие, совокупность линий НТНС,не ведущих прямо к абсолюту.
23. Человеческое сознание является синтетическим, связанным со всеми описанными космоническими сущностями.

5 ПРОИНТРОЕКТ

5.1 СМЫСЛ ЖИЗНИ

5.1.1 Абсолютный смысл жизни (Абсолютный СЖ)

Абсолютный СЖ — это весьма неглубинный смысл существования, касающийся любого объекта, любого субъекта, любой детали или частности того и другого.

Формально абсолютный СЖ применим и к псевдосредному. Если подразумевать под объектом субъективный объект — реальное пятно в ментальности, данность в совокупности ощущений, в том числе реальную ипостась эмпирического образа, то подобные объекты будут наличными только в тот или иной локус времени или в пересечении локусов времени, если речь идет о совокупности данностей с различной хроносностью. Подобные объекты и будут той рекой, в какую нельзя войти и одного раза, но с которой можно соприкоснуться.

В качестве подставляемого объекта может быть выбран и онтологический объект. Рассматривая объекты большинством способов, человек невольно идет на дискриминацию вечности. Сама утонченность этих способов рассмотрения не играет никакой роли, поскольку снижающим здесь является использование абстракции времени, хроносная вписанность данностей в субъективное сознание.

Для большей общности можно считать, что пропозиционально рассматриваемый объект существует тот или иной локус времени той или иной природы и как бы проходит три стадии: рождение, существование, исчезновение, но все эти стадии чисто вербальны и представляют одну стадию — явление. При этом суммационно-прагматические объекты-потоки (предметы) превращаются в названную реку, войти в которую нельзя и одного раза (при акценте на их эфемерности, неповторимости), оказываясь тем самым объектами-моментами, либо (при акценте на их суммационно-прагматической сохраняемости) превращаются в обычные объекты здравого смысла. Вполне можно воспользоваться тем, что слово "момент" имеет различные значения, в том числе и значение вечности для случая абсолютных объектов. В отношении человека-сознания или даже человека-икса моментом может быть и одно мгновение жизни и вся жизнь.

Я утверждаю, что абсолютный смысл существования любого объекта есть его *полное фатальное явление.*

Это не тавтология, ибо у нас "смысл" = "существование", но не "существование" = "существование". Само "полное явление" может быть рассмот-

рено как явление, выходящее за рамки рядового явления, как перерастающее рамки просто явления, противопоставляемого сущности, так и взято как собственно явление чего-либо в его полной данности, без привнесения не данного — в последнем случае явление и выступает в качестве объекта, что в обычной ситуации часто и имеет место.

Выделенное нами выражение содержит и оттенок глагольности: фатальное явление чего-либо — это и являемость чего-либо, появление его, сказуемость. Тем самым вполне можно подразумевать фатальное явление существования.

Показав на доказуемость пропозициональности высказанной формулы, можно заявить о доказуемости самой этой формулы от противного.

Хотя вполне ясно, что речь не идет о каком-то отдельном сфокусированном смысле существования, предположим противное: пусть явление объекта передаточно, то есть имеет в себе цель создания из себя чего-либо другого, либо предполагает что-либо другое, но тогда смысл объекта и будет в передаточном, а передаточное и есть фатальное явление объекта.

Мы отождествляем абсолютный смысл существования с полным явлением объекта, причем под полнотой подразумеваем полноту того, что уже взято за объект, но совершенно не обязательно полноту самой этой взятости. Смыслосущественным оказывается весь объект, а не только некоторая его деталь или частность. Действительно, если мы предположим, что то-то и то-то в объекте излишне, не надобно, мы впадем в противоречие, так как это то-то и то-то вполне может быть изначально взято в качестве са-

мостоятельного объекта с собственным передаточностью-явлением.

Формально может быть использован для рассмотрения и псевдосредный объект, но псевдосредные разворачивания при ответе на вопрос "В чем смысл жизни?" не подразумеваются. Например, посторонни этому вопросу термодинамический, биологический, редокс-электронный, квантово-биохимический и тому подобные "смыслы жизни", хотя на уровне своих псевдосред они неизбежны при обычных определениях жизни, попытках выявления ее сути (см. раздел 6.2.5). Даже псевдосреда "человеческая личность" весьма нежелательна, как нежелательна и псевдосреда "подсознание". Различные глубинные реалии всегда опосредствованны и с последними названными фикциями никак не могут быть связаны.

Собственно наличная реальность — это человек-сознание, а потому вопрос о смысле существования относится прежде всего к нему. Кажущееся настоящее есть своего рода нечеткое пересечение локусов времени всех ощущений, выявляемых в сознании, и представляет собой интегральный субъективный локус времени.

Я утверждаю, что абсолютный смысл существования субъективного сознания заключается в фатальном явлении совокупности ощущений. При необходимости эту формулу можно привести к идеально-процессуальному виду. В этом плане смысл человека-субъекта будет заключаться в фатальном явлении потока сознания.

В данном разделе мы отказались не только от разворачивания псевдосред, но и от рассмотрения субстанции и иных космонических сущностей. Сле-

довательно, только что рассмотренный смысл жизни в своем общем виде не является чем-то изначальным. Он — результат, но не причина и объяснение. Тем не менее он первичен по отношению к обыденным смыслам жизни.

Крайний случай абсолютного смысла жизни имеет место тогда, когда в качестве объекта берется метафизический космос. Не исключена конгруэнтность или тождество абсолютного СЖ другим СЖ в тех или иных частных случаях и подстановках.

5.1.2 Рефлексивно-рефлексный СЖ

Рефлексивно-рефлексный СЖ может быть понят только при достаточном отстранении от имманентных мотиваций (осознанных). Не являясь ни субъективно-сознательным, ни "физиологичным" или "подсознательным", он заключается в косвенно видимой результативности ненаглядного. Подобно абсолютному СЖ, рефлексивно-рефлексный СЖ (РР СЖ) не является индуцированным, привнесенным или сфокусированным СЖ. Он сплошен и безотносителен, индифферентен к прошлому или будущему, "добру" и "злу", "благу" и потере "блага". РР СЖ дается внавал и сам по себе может быть естествен и противоестествен, может противоречить умственной кажимости, не говоря уже о рассудочной кажимости или кажимости разума. Весьма часто он связан с тем, что Юнг называл Тенью, но это только одна из его сторон — несовпадение с идеалами и психотипическими портретами. Если РР СЖ и представляется в качестве предположения ненаглядной абсолютностью, то посюсторонне он проявляется обычно весьма фрагментарно. Он требует или особых условий или чрезвы-

чайной наблюдательности, проницательности. Одна из его черт — неуниверсальность, некосмичность, направленность на конкретного регистрируемого индивида. Это — микросудьба-в-себе, локус судьбы, не имеющий отношения к той судьбе, которую принято связывать с биографией, личной историей и т. п. Речь идет о более многостороннем и многомерном, не подпадающем не только под нечто официально значимое, но и малопредставимое в индивидных переживаниях.

РР СЖ не есть что-то константное и заведомо определимое, то, подо что можно подстроиться; наоборот — он постоянно играет в перевертыши, ставя человека в тупик, наделяя его рефлексами овцы, превращая его в беспомощное запутавшееся животное. Некоторая благополучная рефлексивно-рефлексная усредненность, витальный полуоптимум вполне возможны и требуют опоры не в уме и чувствах, не в принципах, но в интуитивных уподоблениях частного целому, в мудрости обывательского холизма.

С РР СЖ вполне связаны крайние действия. Например, само желание покончить самоубийством проистекает из рефлексивно-рефлексного или иногда из рефлексивно-рефлексного дисбаланса, только поверхностно оправдываясь тривиальными или нетривиальными мыслями и противоречивыми эмоциями. Эти оправдания часто связаны с нарушениями неизбывного стремления человека к догмам, внутренним самоприказам, эталонам и эталончикам, загадыванию будущего, нелепому знанию о том, что "должно быть" и что "не должно быть".

РР СЖ заключается в совокупности всех рефлексивно-рефлексных проторенностей, во внелогическом и внерациональном, а равно и во внеиррациональном притяжении и отталкивании.

Фактуально имеет место рефлексивно-рефлексная среда, проходящая как фон, и рефлексивно-рефлексный доминант — текущий факт действительной сосредоточенности, независимо от того, как и каким образом эта сосредоточенность возникла и чем вызвана, независимо от ее непроизвольности и квазипроизвольности. С доминантом сосуществуют те или иные, проницаемые в различной степени, погашенные доминанты, смежные, посторонние и противоположные доминанту выделенному.

Бытийно РР СЖ соответствует протобуферному и отчасти буферному, то есть областям совершенно неописуемым.

Целый ряд тонических ощущений, считающихся классическими эмоциями: антипатия, недоумение, досада, удивление и прочие — в действительности чистыми эмоциями не являются и представляют собой более сложную реакцию. Здесь значение имеют не только ложные ориентации, но, до определенной степени, те или иные возможности установок импульсивного мировоззрения и сосредоточенности. Уже доумственно существуют табу на некоторые виды сосредоточенности. Так части психотипиков явно претит всякая мысль о смерти и какая-либо кладбищенская тематика. Сюда же можно отнести некоторые микрофобии, капризы, привычки, способы действия, диапазоны и величину допустимого риска. Получается, что так называемая "нравственность" прямым образом не зависит от убеждения и мнений, "духовный аморализм" не всегда коррелирует с практическим,

не всегда соответствует прагматике в целом и наоборот.

Менее наглядно давление рефлексивно-рефлексного не на способности, а на умственные явления сами по себе. Еще больше это давление сказывается на психических продуктах, инспирирующих фикции рассудка и разума. Вполне допустимо нефилософски-догматично цепляться за псевдосредные опоры, называемые "установками", "устоями", "убеждениями", "идеалами" и пр., — отличительная черта рассудка — предрассудки. Однако если не одним, так другим образом рефлексивно-рефлексное побуждает любого педанта нарушать собственные привычки и идти против своих устоев, подрывать их, но интересен не сам этот факт, а та криволинейная логика, по какой прегрешения против устоев таковыми не кажутся их обладателю.

Аналогично давлению на зону ума происходит смежное давление: влияние на способность определенных воспоминаний. При этом не только может быть отвергнута фраза "мысль изреченная есть ложь", но часто возникает, иллюзия полной истинности, "кристальной честности", абсолютной добропорядочности как вполне существующих.

Рефлексивно-рефлексное таково, что оно побуждает субъекта к намерениям и действиям, направленным против него самого, против чего угодно. Оно внелогично в своей сердцевине и, можно сказать, коварно и обманчиво. В нем фундаментально нивелированы положительное и отрицательное. Существование более глубоко, чем представляется, и всевозможные связности его в субъективном сознании подобны сновидению.

5.1.3 Реактивный СЖ

Существование реактивных ощущений вызывает поляризацию психики, в том числе поляризацию интенций, вносит в существование наглядно данные аксиологические элементы. Реактивных ощущений огромное множество, но индивидуально как главнейшие проявляются только определенные их ряды в зависимости от психотипа, рефлексивной проторенности и рефлексивных условий. Многие из р-ощущений эфемерны или характерны только для сильно измененного сознания или только для определенных человеческих субъектов.

Разновидностями реактивного смысла жизни являются: граничный, эмотивно-обыденный, тонкоэмотивный и мистический смыслы жизни. Граничный СЖ проявляется только в экстремальных условиях, при действительном (иногда воображаемо-живом) приближении к этим условиям, для него характерны необычайно сильные аффекты положительного или отрицательного характера.

Большое значение могут иметь случаи реактивного заражения, когда в существование индивида против его "воли" вписываются какие-либо персеверирующие комплексы реактивностей, длящиеся с той или иной интенсивностью значительную часть жизни и почти непрерываемые. Имеет место не сколько "внутренний диалог", сколько провоцирование такого диалога названными реактивностями. Реактивное заражение чаще характерно для отрицательных комплексов, чем для положительных. Подобные неисчезающие отрицательные комплексы можно назвать паразитическими, поскольку их фактическое назначение — понижение возможностей индивида. Это своего рода тоническая токсикомания. Результат этого

обычен — дифференциация между людьми по принципу стойкости к узкому фактору.

Чисто формально реактивный смысл жизни заключается в стремлении от реактивного минуса к реактивному плюсу. Однако вне сиюминутного возникает для большинства психотипов парадоксальность: положительное фактически заменяется отрицательным, а сам "плюс", "рай" отводится в воображаемую мнимую плоскость, оправдывающую текущую деятельность, если она вполне добровольна и делающую эту деятельность менее заметной в отрицательном отношении, если она малодобровольна.

Как правило, наибольшее прагматическое значение имеет не стремление к реактивному плюсу, а стремление от реактивного минуса. Парадоксальность сохраняется и здесь, ввиду трафаретного согласия находиться в аду за обещания рая.

Пресловутые гедонистические погруженности и гедонистические стремления вряд ли являются таковыми реально: имеет место не собственно чистое гедонистическое, что снисходит до человека весьма редко, а те или иные суррогаты гедонистического, незаметно упирающиеся в абсурд и рефлексивности, называемые привычками, образом жизни и т. п. Имеет место не столько гедонистическое, сколько гедонистический обман. Гедонистический обман является частным случаем архетипного обмана. Конечно, иллюзорно-гедонистическое есть в той или иной мере также гедонистическое, но дурной привкус его полностью не скрыт непосредственно в реактивном.

Характерен и случай гедонистической неудовлетворенности — частное проявление экстраполяции реактивно-иррационального. Существуют реально предельные ощущения, но они достаточно редки в сво-

ем полном виде, что накладывает отпечаток неполноты на всю остальную реактивность.

Многочисленные корреляты реактивного не имеют замыканий в самих себе и сводятся к реактивному же. Вполне возможны формально-стерильные, свободные от обычно-эмотивного пантомима и музыка, но всякое совершенствование их (пусть и при использовании чуждой семантики или сознательном отсутствии даже и таковой) приводит к реактивно-тоническому.

Наиболее полно реактивному соответствуют звуковой тон и ритм. Тон вполне может иметь положительную или отрицательную окрашенность, а ритм, как правило, пропозиционален в этом отношении и в конкретных случаях может приобретать различные значимости.

В любом случае реактивное требует точек отсчета в самом себе, а не в тех или иных коррелятах и прагматически не может сводиться к гедонистическому. Гедонистическая направленность в виде убеждения, кредо, рекламы и т. п. отрассудочна. Собственно реактивное фактично.

Реактивное, каким бы оно ни было, есть собственно импульс жизни, вычлененная гармоника метафизического явления космоса как вневременной волны-вспышки.

5. 1. 4 Умозрительный СЖ

Ум есть зона восприятий смысла, а отсюда ясно, что умозрительный СЖ — не что иное, как смысловой смысл жизни. Последнее выражение вполне мо-

жет вызвать ощущение абсурдности. Подобное ощущение может возникать ввиду различных причин, но в данном примере эта причина — сходство с тем случаем, когда бóльшие смыслы связываются меньшими — возникает ощущение алогичности, абсурда, абракадабры.

В одной их своих градаций смысловой смысл жизни и сводится к абракадабре. Философские системы могут быть различными, а том числе состоящими из одного единственного глагола или существительного, из одного междометия, но вполне могут быть и вовсе бессловесными. Можно привести пример философской системы, состоящей из одной только фразы:

ВСЁ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ, ЕСТЬ АБРАКАДАБРА

Человеку, который хотя бы раз думал и чувствовал в этом направлении, не нужны никакие комментарии. Человеку, который при этом недодумал и недочувствовал, не помогут и комментарии. Только в некоторого рода граничных случаях комментарии и дешифровки дают дополнительное умственное нацеливание.

Абракадабра выступает в виде субъективной недоопределенности, непостижимости факта постижимости. Когда мы познаем, мы никогда в точности не знаем, что мы познаем и познаем ли мы что в действительности. Все, что мы видим, есть переливы некого калейдоскопа, и хотя мы наблюдаем эти переливы, и хотя нам иногда удается предсказать, какой перелив будет следующим, мы не знаем, что они означают, зачем они нужны и что это за калейдо-

скоп, то есть все, что дано человеку, есть Абракадабра, а отсюда тем более Абракадабра то, что ему не дано. А то, что принято называть познанием в обычном смысле, есть лишь процесс крайне непоследовательного, но освященного традициями построения некоторых фикционных упорядоченностей — своего рода существующего в нигде идеобиокоралла с коррелятами предметно-вещного и субъективного порядка.

Относительно субъекта указанная нами однофразовая философская система есть начало и конец. Какие бы познавательные догмы не изобрел человек, всё то, с чем он связан, фактически будет для него Абракадаброй. Абракадабра — это субъективная реальность, которая необязательно требует понимания и вербального определения, в то время как объяснительные построения, являясь миражами того или иного порядка, обычно оказываются вне субъективного мира и вне чего-либо, тогда как Абракадабра есть сам субъективный мир и всякий другой мир, предстоящий через него.

Какие бы мыслительные стереотипы и алгоритмы не использовались, самые примитивные вопросы типа "Что?" и "Зачем?" останутся без ответа. Все то, что временно представляется логичным, всегда содержит в себе скрытую алогичность и часто приводит к алогичным следствиям.

Ввиду действительного несуществования разума, на первый план выдвигается не объяснение, а понимание, но понимание ограничено недопроницаемостью человеческого смысла. Смысл не имеет никакого смысла в отношении своего "содержания", в своей структуро-информационной расплескнутости. Попытки подобного осмысливания смысла и

завершаются приходом к экзистенциалу Абракадабры.

Тем не менее на смысл можно смотреть и редуктивно в направлении его саморефлексивно-логосных моментов. В данном отношении умопостижным смыслом всего, в чем присутствует смысл, является Логос[38].

На первый план выдвигается не компонента обозначения, а компонента вдохновения-символа, не производный сигнально-рациональный смысл, но смысл дочеловеческий, досистемный, тоновый.

5.1.5 Относительный смысл жизни

5.1.5.1 Предварительные разграничения представлений

А. Фикция личности

То, что называют сознанием (я-среда), и то, что называют "личностью", — предметы далекие друг от друга и в абстрактно-идеальных планах. В реально-конкретном плане они отличны друг от друга фундаментально. Основу этого составляет тот факт, что личность есть псевдосредность. Личность можно представить как заведомо фиктивную модель психейно-

[38] К слову "Логос". Имеется в виду ранее нами оговоренный точный термин. Собственно Логос — главный объект логаций-медитаций, и он же — источник шизофреноидного озадачивания для неподготовленных.

го. Разумеется, личность — не модель нейродинамики.

Если бы вдруг потребовалось создать кибернетический прибор, похожий на человека, то понадобились бы различные ограничения на сферу применения такого прибора, а также — на степень глубины копирования прагматических функций. Наиболее важные ограничения были бы связаны со средой отображения и набором догм об отображаемом.

В рассматриваемый прибор можно было бы включить блоки: активатор-пассиватор (аналог рефлексивно-рефлексного, волевого), реактор (блок, имитирующий рождение реактивного), координатор (некоторая вычислительная машина, основанная на стохастических принципах и соответствующая отчасти подложке ума), прима-установка, определяющая направленность от минус-реактивного к плюс-реактивному, связанная с рядом полужестких принципов и неабсолютных табу[39], блок наполнителя, соответствующий блоку первичных потребностей, блоки различных видов памяти и фильтров памяти, мотиватор, элиминатор (блок "неосознанных" мотивов), комбинатор опережения, блоки установок, импульсатор действия, акцепторы мира, индуктор экрана (аутоприборной доски), индуктор иллюминатора, сам тоновый иллюминатор, блоки стереотипов и привычек, рулетка скольжений в виде некоторого генератора случайных процессов и прочее.

Фактические всевозможные "конструкторы" личности от психологии, социальной психологии и соз-

[39] Естественно, подразумевается звено, соответствующее филогении, но не онтогенезу. Речь идет о предварительных направленностях-ориентациях, но не о неких их окончательных и безапелляционных вариантах.

дают некий существующий на бумаге прибор, но используют при этом слова с более витальными оттенками. В своей глубине всё безлично. Человек имперсонален.

Б. Псевдосреда потребностей

Представления о потребностях проявляют себя в виде некоторых абстрактно-рассудочных указаний на традиционно-практические значимости. В своем обычном, рассудочно-вычлененном виде они связаны чаще всего не с конкретным сознанием, но с потоком сознания и имеют своим основанием психейное.

К первичным потребностям можно отнести: 1 — дыхание, 2 — наполнитель, 3 — сон, 4 — естественное снятие голода и жажды, 5 — потребность физического оптимума (температура, влажность, давление, облучение, гравитация и т. п.). Всё это потребности прожиточного минимума, необходимые для выживания индивида. Потребность выделения здесь отсутствует на том же основании, что, например, потребность в биениях сердца, моторике внутренних органов и т. п. — это более функции, чем потребности. Так называемые необязательные и искусственные потребности, а также сексуальную потребность мы относим к градациям потребности наполнителя. Каждая из потребностей существует самостоятельно, но всегда оказывается связанной с потребностью наполнителя. Потребности сна и наполнителя особенно близки друг к другу, а в феномене сновидений наблюдается их полное пересечение.

Если исходить из представлений, соответствующих более имманентному, то потребность наполнителя будет доминирующей человеческой потребностью

— потребностью создания жизненного тонуса. Наполнителем может быть многое, независимо от того является ли оно связанным с функционированием на другую потребность или нет. Потребность наполнителя предполагает создание установок, направленных на те или иные средства создания тонуса. Положительный тонус, в частности, становится зависимым от согласования степени уверования и привычки к тому или иному культу (в широком, нерелигиозном смысле), со степенью практической связности с тем или иным культом, Можно сколь угодно подробно располагать все эти культы по иерархиям и личностным значимостям, но все это будет только вариантами.

В. Псевдосреда свободы

Носителями идеи фатальности могут быть самые разнообразные картины мира и псевдосредные представления. К фатальности ведет и парадокс нефатальности /Раздел 6.11/. Если мы будем исходить из фикции личности, то агентами личной фатальности окажутся: предрассудки, привычки, реактивные ощущения, осведомленность и неосведомленность, ситуация, психофизиологические параметры, воспоминания и проч., и проч. Пусть некто возразит и заявит, что деятельность человека нефатальна, но он фатально скажет это из духа противоречия или иных побуждений. Главный фактор признания фатальности — отказ от признания объективности времени. Тем не менее нельзя превращать неизбежимость в предопределенность лапласовского типа и в детерминизм вообще.

Свободе можно противопоставить только несвободу, но не фатальность. Свобода и несвобода на уровне своего присутствия суть частные проявления фатальности. Ограниченная диалектика "предопределенности" (неизбежимости) заключается в ее знаке: человеку кажется, что он в некоторых деталях предопределяет свои действия — и он их действительно предопределяет, но с другой стороны, эти действия были уже "предопределены" (встроены в другие системы мироотсчета) и человеку "предопределено" предопределять себя так, а не иначе. Другое основание этой предопределенности-неизбежимости в том, что все человеческие действия активны только внешнесуммационно и пассивны тотально-последовательно. Человеческая активность, произвольность — лишь часть предопределенности; любая активность игрушечна и есть только набор верных и неверных симптомов скрытого положения вещей. Поскольку эти симптомы во многих случаях являются необходимым, но не достаточным условием событий $a_1\ a_2\ .\ .\ .\ .\ .\ .\ .\ .\ .\ .a_i\ .\ .\ .\ .a_n$, то отсутствие их неизбежимо означает и отсутствие указанных событий с появлением иных событий $b_1\ b_2.\ .\ .\ .\ .\ .b_i.\ .\ .\ .\ .b_n$. Тем самым затрачиваемые субъективные усилия и есть часть хитрости мирового "духа". Провоцирующее мнение о том, что деятельность не нужна на том основании, что все само и так произойдет, неверно в том смысле, что в это "само" могут частично входить и субъективные индикаторы "само" /См. также 6.12 о мнении Аристотеля/.

Понятие "свобода" достаточно условно, связано с псевдосредами временных рядов и есть отношение предыдущего временного ряда к последующему (разумеется, на метафизичность подобное мнение не претендует). Любой объект считается свободным, ес-

ли его фатализирование идет из него самого, однако при этом всякий объект оказывается и свободным и несвободным — всё зависит от того, какая длительность предыдущего временного ряда рассматривается. Брошенный камень вполне свободен, если иметь в виду импульс движения этого камня, но не руку, которая его бросила и не силы тяготения. Всё это очень близко к натурфилософии. С точки зрения философии метафизической, и "свобода", и "несвобода" — только бессмысленные слова, грубые попытки расчленения мира, приводящие к кажимостным парадоксам. Другой вопрос в том, что термин "свобода" слишком привился в научном и массовом сознании.

5.1.5.2 Относительный СЖ

Относительный СЖ в значительной степени опирается на те феноумы (феноменоноумены), какие принято косвенно связывать с личностным в человеке. Подобные феноумы вполне можно обозначить словом "предрассудочности", невзирая на наличие в последнем некоторых обыденных оттенков и пересечений со смыслами слова "предрассудок" в любом понимании последнего. Аналогичны пересечения со словами "предуверенности", "предубежденности", "предопределенности", "преднамеренности". Краткости ради, в дальнейшем мы будем употреблять слово "предрассудки", понимая не нечто превратное в обязательном порядке, но более то, что некогда называли "предразумением", "предразумеванием". Однако предрассудки — только корни относительного смысла жизни, а его фактическим содержанием является веер основных человеческих направленностей, индивидуально данных.

Из всего множества предрассудков-предрасположенностей можно выделить такие, какие не изменяются в течение длительного периода жизни и являются каркасом, на котором обосновывается самодеятельность человека. Такие предрассудки мы называем целеполагающими предрассудками. Во многих случаях их аксиологическое положение таково, что о "ложности" или "истинности" конкретно данных предрассудков судить не приходится, тем более что их полноценное выделение невозможно. Будучи выделенными, они уже есть фикции-абстракции, только подразумевающие за собой нечто глубинное, причем, возможно, глубинное, спроецированное поверхностно, не обязательно как-то отдифференцированное от смежных областей в своей ноуменальности-психейности. Внешне приходится судить по фактически дающейся человеческой направленности. Сама вербализация целеполагающих предрассудков в форме неких кредо необязательна, но это не означает, что они не могут осознаваться в других формах, например, в эмотивной форме.

Я утверждаю, что относительный смысл жизни есть совокупность направленностей, которые диктуются целеполагающими предрассудками.

Несмотря на краткость формулировки и небольшое место, отведенное здесь рассмотрению относительного СЖ, последний занимает ведущее место в самодеятельной жизни человека. Подразумеваемые нами предрассудки-предрасположенности имеют различные ранги и уровни, начиная с животно-растительной сферы (где есть возможности выбора) и кончая неспецифической. Графически изображенный в виде древа, относительный СЖ оказался бы весьма

сложным и противоречивым (физически и геометрически невозможным) хитросплетением ветвей. Можно было бы говорить и о нескольких сросшихся древах. В ОСЖ могут быть вплетены и другие СЖ, в том случае, если они осознанно связываются с рассудочными проблемами и целями. Тем самым относительный СЖ есть прагматико-рассудочный, "земной" СЖ, даже если он включает в свой массив аномальные и мифологемные направленности.

У различных психотипиков те или иные области ОСЖ могут быть выражены в различной степени, а также — быть выпавшими. Предрассудки и относительный СЖ тесно связаны с потребностью наполнителя, микропсихопатологичностью (фобии, комплексы, неадекватности, вытекающие из "рефлекса удачи" и т. д.). Как правило, предрассудок не имеет никаких истинных (и справедливых) умственных обоснований. Он упирается в серию ущербных мотивов и непоследовательных проверок. Апелляции к тому, что "выбор уже сделан", что "это соответствует способностям и умениям", обычно покрываются сетью непроницаемых "табу", с одной стороны, как бы уничтожающих ясную картину, а с другой — наоборот, облегчающих функционирование, искусственно расчищающих поле мотивов.

Кроме предрассудков, часто индуцируются и сверхпредрассудки, то есть фантастические предрассудки, предрассудки, заведомо не имеющие для себя опытных обоснований и корней вписанности в прагматику. Сверхпредрассудки могут предварять собой будущие действительные предрассудки, компенсировать отсутствие последних или проявляться как их вырождение.

5.1.6 Автономный СЖ

Автономный СЖ исходит из воображаемой абсолютной свободы, отсутствия необходимости, желаний и спонтанностей как начальных условий. Не только какие-либо внешние, но и внутренние условия на него не должны распространяться. Тем самым автономный СЖ предполагает хотя бы временное зачеркивание остальных СЖ и отвлечение от потока существования. Он подразумевает отказ от любых "персональных" и "мировых" целей, вытекающих из кажимостей устройства "микрокосма" и "макрокосма", и создание той цели, какая, невзирая на парадокс, опровергла бы усомнение в ней.

Умственно вполне можно отмежеваться от всего потока сознания и от способа данности реального сознания в частности. Любую в той или иной степени вторичную или первичную ценность можно нивелировать, низвести ее до праха, до суеты сует. Можно создать, например, некоторый интеллектуальный вакуум и судить с позиций этого вакуума.

Всякого рода аксиомы-предписания, категорические императивы в любую минуту могут показаться признаком склероза и духовной несостоятельности.

Все то, что обыденно кажется желаемым, в то же время и насильственно. Так желания "дышать" и "пить" не могут считаться в нашем смысле автономными желаниями… И желания ли они вообще? Можно сделать выдох и попытаться не дышать... Подобный эксперимент будет пародией почти на любую человеческую деятельность как "желаемую", так и "не желаемую".

Автономный СЖ как экзистенциал проходит через главную апорию Зенона, из личинки вдруг став-

шую бабочкой, исходит хотя бы из кажимостной остановки всего массива существования, предполагая надсуществование. Естественно, он находится на самой вершине древа смыслов жизни.

Автономный СЖ — это не только СЖ человека, но и, скажем, робота-интеллектуала, лишенного потребностей и стратегической запрограммированности. В определенном роде он универсален и может проявляться (в полном и чистом виде) либо мимолетно, либо в качестве дополнительного колора в букете высших человеческих направленностей, либо во всякой специфической атмосфере, сходной, например, с атмосферой театра абсурда.

Любая человеческая занятость с этих позиций может рассматриваться только как проба, прикидочный опыт или просто "игра в бисер".

Автономный СЖ исходит из поиска **необходимости, вытекающей из абсолютного отсутствия необходимости, необходимости, сотворенной из ничего**.

Вот контрологическое зарождение Логоса и разделенность предполагаемого Контрлогоса с Антилогосом! Это пункт, где брезжит и начало умозрительного СЖ. Этот узел столь плотен, что какая-либо исходная шизофреноидная установка в отношении его оказывается невозможной.

5.1.7 Подспудный СЖ

Пусть мы видим, как по небу плывут облака, но мы не можем сказать, почему это облако именно та-

кой формы, а не другой, почему восход или закат выглядят вплоть до деталей именно так, а не иначе.

Подспудный СЖ — это всеобщий СЖ, лежащий за гранью непосредственно данного. Он упирается в кульминационный пункт существования мира. В субъективном этот пункт только слабо брезжит, подобно тому, как запредельное просвечивает через особые человеческие реактивности.

Подспудный СЖ неизбежно пересекается с мистическим реактивным СЖ, то есть (в более широком смысле) — с особыми реактивностями. Это пересечение заведомо неполно. Подспудный СЖ выходит за рамки человеческого сознания, но говорить о нем, беря заочность за основу, в большинстве случаев абсурдно, например, ввиду невозможности бессознательного СЖ. Это бы уже не был собственно отсубъективный СЖ.

Замечание. Сам по себе несубъективный СЖ неустраним, поскольку один из соблазнов — рассмотрение слепого СЖ.

5.1.8 Бессмысленный СЖ
(бессмысленность жизни)

Послеабсолюты являются вычлененностями не только из абсолюта, но и из праабсолюта. Праабсолют — абсолютно бессмыслен, он — ни то ни се. Всякая бессмысленность — это бессмысленность, фундаментально не поддающаяся анализу, не являющаяся ни обычно понимаемой бессмыслицей, ни собственно смыслом.

Во всяком сознании, пакете сознания заключена бессмыслица такого рода, какая не является вторичной, не является следствием вычлененности и недопроницаемости сознания, а отсюда всякая данность сознания источно бессмысленна.

Следовательно, под бессмысленным СЖ мы можем подразумевать целый спектр от собственно бессмысленного СЖ до внесмысленного СЖ. Собственно бессмысленным СЖ мы называем варианты диссонанса смыслов, переводящие субъективную реальность (и соответственно реальность вообще) в ранг нелепости. Одни из возможных причин таких диссонансов — поверхностность и незамкнутость коинформативных и коадаптивных моментов в реальном здесь-теперь сознании.

Сам поток существования, как бы он ни понимался: экзистенциально, прагматически, с точки зрения псевдоличного бытия или с точки зрения псевдообщественной, псевдоисторической, или эволюционной — катастрофичен по своей сути, нелеп. От него нельзя ожидать, если брать его во всех его данностях, полной гармонии, чего-либо подобного восшедшему и закатившемуся светилу.

Внесмысленность существования более глубока, чем просто внесмысленность существования человеческого сознания как приборной доски: она касается большей частью скрытых от индивидного сознания пружин жизни. Глубинная внесмысленность улавливается иначе, чем умом или эмотивной тоничностью — ее схватываемость иной природы. Она контрумственна и контрсознательна, но в то же время, не являясь информативной областью, она не касается и антиинформационных феноменов. Относясь к ноуменам — антонимам сознания, она доходит до ума

в виде факта фиаско ума, требует для своей прочувствованности длительного опыта.

Законы прозы и законы кинематографа проступают помимо первоначальных желаний авторов и режиссеров, когда, например, по этим законам автор вынужден "убить" главного героя, хотя этого делать и не собирался. Достижение здесь катарсиса странного рода не имеет ничего общего с постижением якобы "правды" — "по правде" герой может вполне благополучно выжить; главное здесь — умение косвенно и подспудно подвести читателя или зрителя к постижению бессмыслицы глубинного рода.

Глубинный бессмысленный СЖ более фундаментален, чем рефлексивно-рефлексный СЖ. Если РР СЖ — это только человеческая частность, то внесмысленность — это суть наличия предкосмического.

Бессмысленность подобного рода безлика и, в отличие от рефлексивно-рефлексного, она не обретает черт индивидного. В партикулярные одежды ее может облечь только человек, стремящийся лучше уловить ее неуловимость, безликость, равнодушие.

5.1.9 Программный СЖ (ПСЖ)

Программный СЖ касается заложенной в человеке и мире программы. Ввиду относительности существования структуры, суперпозитивности ее возникновения, эта программа может быть воспринята самым различным образом и через множественность интерпретаций, ни одна из которых не является абсолютно истинной.

Если косвенно судить по истории человечества, то смысл подобного рода программ вовсе не заключается в том, чтобы люди плодились и размножались, познавали и чувствовали, меняли облик Земли и т. д. и т. п. Все это может быть только третьестепенными гранями ПСЖ, причем искаженными традиционным способом миропонимания.

Если взять любого человеческого индивида, который родился, жил и умер, причем взять его целиком и полностью (пусть в рамках доступных объему человеческого восприятия и проницаемости), то его жизнь будет представлять собой комическое и абсурдное зрелище, тривиальный пример суеты сует. То же можно заявить и о доступной человеческим картинам-представлениям истории.

Таким образом, если ПСЖ и имеет какие-либо финалистические мотивы (стохастическая саморегуляция социобиоценоза, конечно, не подразумевается), то они являются скрытыми. Реализация этих мотивов может как соответствовать масштабу самого их ветвления, так и не соответствовать. Пример несоответствия: достижение ничтожной цели (незначительной, с точки зрения человека и человечества) путем планетарного катаклизма.

Из того, что есть на псевдосредной Земле, приоритета нельзя отдать ни человеку, ни вообще тому, что принято называть живыми существами. Так, в мировых константах заложена возможность наличия звезд, а в четырех азотистых основаниях (своего рода генетических кварках), имеющихся и у бактерии, возможность человеческих рас, но и константы, и основания берутся уже постсубъективно; всё то, что вычленяется во времени, есть дробление уже готового целого. Времена оказываются способами вивисекции этого целого.

Поверхностно программный СЖ касается прагматических и культурных узловых точек, сгущений и начала дивергенции тех или иных, пусть идеализованных, не претендующих на условную истинность потоков (потоков сознания, потоков истории). Однако собственно программа существования — как вне субъективного сознания, так, в конечном итоге, и вне каждого из сознаний-буферов, взятых в отдельности. Совокупное же существование буферов — более чем парадоксально, недоопределено.

Программный СЖ заключается в наличии скрытого, неопределенно-субстративного пути, который в виде феномена, с той или иной последовательностью может высвечиваться локусом времени настоящего.

5.1.10 Отрицательный СЖ

В обычном случае ничем не окрашенная бессмысленность жизни не может быть сама по себе каким-то вредоносным фактором. Она должна, наоборот, способствовать спокойствию и безразличию. Фактором гнета, толкачом попыток переоценок является отрицательное оценивание жизни.

Человеческое цветение (иными словами, счастье) возможно на самых различных уровнях развития и благополучия. Ограничителями его являются не сколько зависимости от конъюнктурного оптимума, сколько отсутствие пропорциональности, гармоничности, чувства меры в кажимостях, мотивах и действиях. Адекватность восприятий, мнений, действий для "счастья" вовсе не нужна. Важно осуществление интуитивных принципов "эха" и "резонанса", не погоня за

великим (в частном случае), а уподобление малого великому.

Отрицательный СЖ воплощается в потоке сознания через отказ от этих принципов, отказ человека от своей природности в той или иной степени и, соответственно, — через аутоагрессию и ущербные мотивы.

В более общем случае отрицательный СЖ представляет собой совокупность моментов, противоположных позитивным СЖ и позитивным компонентам тонически многосложных СЖ.

Отрицательный СЖ постоянно заставляет выбирать на распутьях вовсе не что-то абсолютно лучшее, но только меньшее из различных зол. С автономной точки зрения отрицательным может показаться уже сам факт рождения, несаморожденность, все рефлексивно-рефлексное. Уже в самом чрезмерном стремлении к положительному возникает отрицательное.

5.1.11 Панродовой СЖ

Панродовой СЖ, как и программный, имеет неопределенно-субстративные прототипы. Он вполне может противоречить социальному и историческому. Люди не принадлежат ни самим себе, ни обществу, ни государству. С некоторой надфилософской точки зрения они — марионетки того ультраноумена, который Шопенгауэр условно обозначил "гением рода".

Панродовой СЖ связан с соответствующими спектрами мистического, с теми или иными в достаточной степени актуализированными экзистенциалами типа: "мать-земля", "Озирис", "жизнь-смерть". В

никем не утвержденном, но неизменно бытующем культе панродового имеют значимость, с одной стороны, сферы, близкие к полуинстинктивному, а с другой стороны, — надобщение, связывающее в одно людей разных эпох, стран и положений. Подобное стремление к контакту-задействованности простирается и далее во все витальное. На смену священным рощам и тотемам пришли различные формы гуманитаризации сугубо негуманитарного — формы некорыстного человеческого отношения к нечеловеческому, если выражаться более бытовым языком.

Коллективные иллюзии, а нередко и коллективные помешательства в сферах панродового властно требуют лжепророков, проповедников, кумиров, подделанных фетишей и чудес. Сам факт подделок и обманов никакого значения не имеет, поскольку более важно вызывание-призывание соответствующей сосредоточенности, образование требуемой тоничности. Подделки здесь как бы играют роль прицелов на действительно значимую область.

Всем известна сила фанатов, фанатиков, адептов. Кроме тоничности, имеют место и иные эффекты. Иногда гибрид ложного философского учения с самодеятельным оккультизмом производит действия, какие невозможно сравнить с действиями психологического плацебо — очевидно, имеет значение коллективная концентрация.

Воспользовавшись эффектами однотипного мышления или направленности большой группы людей, обманщик вполне может выдать себя за гуру или гипнотизера. А отсюда недалеко до настоящего гуру и гипнотизера. Апробирование себя на толпе облегчает эксперимент и на ограниченной группе (при

первоначальном отсутствии каких-либо особых способностей).

Все способы панродового самоудовлетворения: принятые этносом, не принятые, ограниченно принятые — как правило, нелепы по своим посылкам, обещаниям, требованиям. Как мировоззренческий, так и ритуальный аспект этих способов не выдерживает критики, всегда основан на "квазиопыте" — психический подвижке, разрушающей возможность сомнения. Невзирая на всю слабость каких-либо социально-мировоззренческих "ходуль" и "подпорок" панродового, полное отчуждение от последнего эквивалентно медленному саморазрушению.

5.1.12 Сновиденийный и здесь-теперь СЖ

Сновиденийный СЖ не является полностью самостоятельным, непересекающимся с другими СЖ. Тем не менее для его прочувствованности важны реликтовые неэмотивные интенции, маловероятные или, по крайней мере, редчайшие для бодрствующего сознания. При возможности перевода содержания снов с подобными интенциями в мнестическое бодрствования наступает явление катарсиса необычного рода, возникает повышение ценности существования. Мы подразумеваем, что последнее явление в данном случае не связано с вытесненными в сновидения продуктами возможного бодрствующего воображения и фрейдовской символикой.

Художественное в лице фольклора, беллетристики, искусства кино является суррогатом сновидений. Известно значение для снятия ряда дискомфортов библиотерапии. Качество подобных суррогатов не всегда имеет отношение только к их художественным

достоинствам. Более важны витальные компоненты, в том числе заражение тонусом, иной чувственной (тонической) компонентой. Тем самым сновидения и художественное дают интерференцию различных следов бытия.

Сновиденийный СЖ — разновидность панорамно-объемного квазисредного СЖ. Квазисредный СЖ есть не что иное, как ярко предстоящий непосредственный смысл существования, наличный в "сейчас" и "здесь", а не где-то и когда-то или абстрактно. Непосредственный СЖ в чистом своем виде действительно реликтов, характерен чаще всего только для раннего детства.

В других случаях он требует уничтожения или маскировки сигнально-приспособительной оболочки сознания. Трансформации СРОС[40] в "сейчас" могут сопровождаться различными видами эйфории, поражениями каких-либо обычных функций, повышением тех или иных способностей и другими эффектами. Мнестические способности при этом, как правило, ослаблены.

Особое значение имеют сновидения, не имеющие никаких пересечений с обычным предметно-вещным миром, как бы обернутые в другой разрез вселенной, то есть фактически в другой разрез прасознания, ментального палеоядра.

Оживляющее значение сновидений и в том, что они — модели умирания и рождения заново. Вся суть сновиденийного СЖ — в компарации обычного здесь-теперь с веерами параллельных психических состояний.

---

[40] Сигнально-рациональная оболочка сознания /См. часть 2 или Словарь/

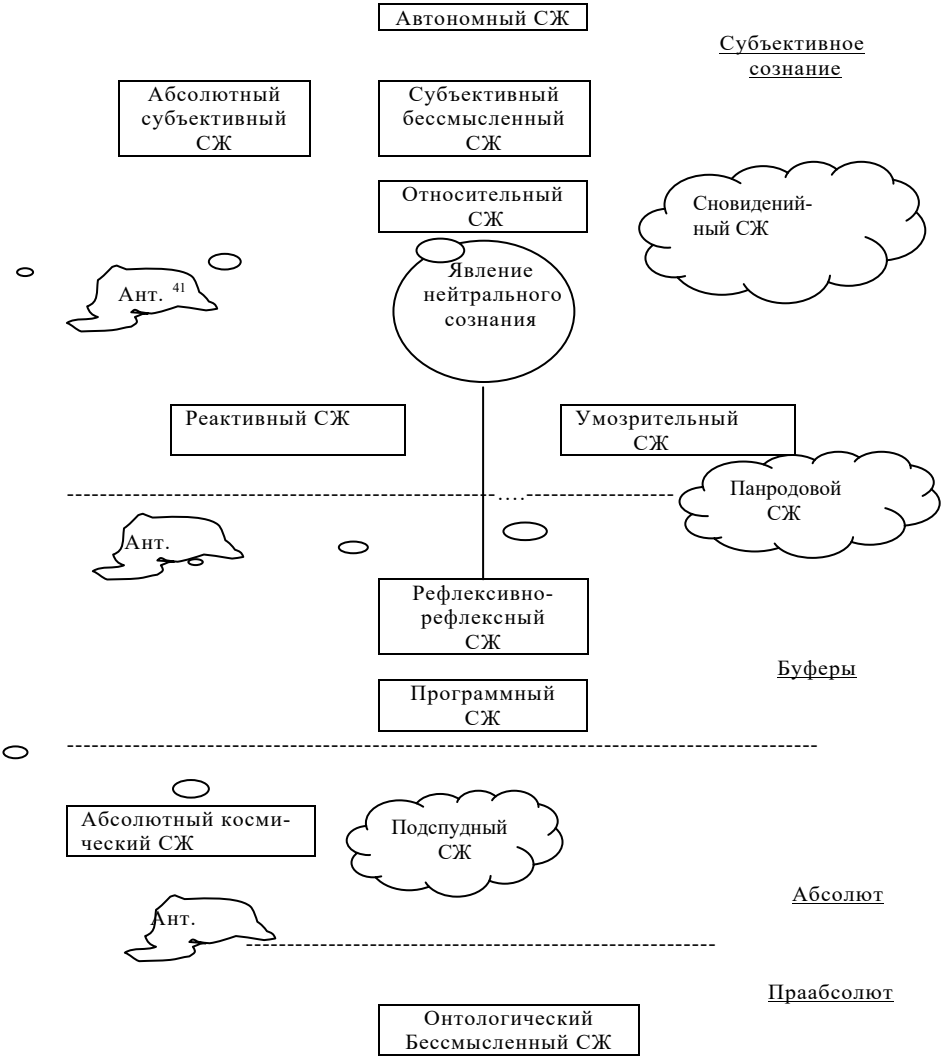
Генеалогия смыслов жизни вполне адекватна генеалогии пластов существования. Из древа СЖ несколько выпадают сновиденийный и панродовой смыслы жизни. Выпадение сновиденийного СЖ следует уже из классификации сновидений, поскольку каждой категории сновидений соответствуют собственные смысложизненные генеалогии. Эти генеалогии составляют ряд, уходящий по обе стороны в нечеловеческое.

Панродовой СЖ одновременно проявляет себя как дочеловеческий, так и надчеловеческий (досубъективно-сознательный и надсубъективносознательный). Он содержит в себе и элементы общевитального, стадного, и элементы космоничности. Эта космоничность восходит не только, как следовало ожидать, к абсолюту, но и к надобщественному, "сверхцивилизаторскому" началу. В любом случае панродовой СЖ не может полностью находиться в рамках генеалогического древа.

Наиболее сложен, многокомпонентен и индивидуально различен — относительный СЖ.

* *

5.1.13 Иерархия смыслов жизни



(Вариант графической интерпретации)

[41] Ант. — антиабсолют.

5.2 ЦЕЛИ

В сфере СЖ имеет место отход от реальности и субстанциональности к их производным и отношениям. Сфера целей — это заведомо сфера идеализма и выхода за пределы собственно философии и философской психологии (феноменологии). Философская компрометация целей заключается и в том, что последние неотделимы от абстракции времени. Причем в подавляющем большинстве случаев цели субъективно связываются с "поверхностным, иллюзорно-результатирующим временем, обедненным поставленностью человека в слой хроноса с псевдоодномерностью, псевдооднонаправленностью.

Если не иметь в виду узкого класса непосредственно квазисредных здесь-теперь мыслимых целей, то окажется, что экраном целеполагания является ИФФС[42], которая, как правило, здесь только "поле просмотра и выбора", а фактически цели считаются наличными в той или иной псевдосредной плоскости, то есть идеальной плоскости, с ИФФС детерминантами и недоступными субъективно детерминантами буферов. ИФФС детерминанты часто подвержены полной или частичной редукции.

Представления о целях нельзя назвать знаками или сравнить со знаками, ввиду неопределенности взаимоотношения с тем, что может соответствовать этим предполагаемым кандидатам на знаки и несоответствия структуры целей реальности. По своей практической сути цели оказываются порождениями прошлого, относимыми к будущему, а значит по-

[42] Интрофотофоносреда — среда неинтеллектуальных представлений.

рождениями, оторванными от будущего, не предусматривающими его во всей полноте. Естественно, в данном контексте мы подразумеваем субъективные цели или субъективные компоненты малоосознаваемых целей, а потому описываемые взаимоотношения временных рядов не нуждаются в каких-либо особых метафизических поправках.

В отличие от сферы СЖ сфере целей в гораздо большей степени свойственны неправомерные, бессмысленные постановки вопросов. Это связано с заведомой ограниченностью сферы целей и конкретной представленностью ее реализации после прохождения достаточного отрезка времени. Так, неправомерны вопросы типа: "В чем цель жизни человека вообще?", "Данного человека?", "В чем цель всего человечества?" Подобные вопросы, обычно, подразумевают однонаправленное равномерно текущее время, но та чрезмерная общность, которая затрагивается этими вопросами, выходит за рамки подобного времени, нивелирует его. Это не означает отсутствие возможности обедненного ответа, но подобная возможность, в лучшем случае, может удовлетворить только потребности моделирования литературных героев и идеализированных психологических типов.

Указания на какой-либо субъективный ракурс метафизических целей, не имеющих метафизических поправок, более относятся к области веры или магии (если не инстинкта). Это снимает возможность философских интуиций и философских рассуждений.

Подобно смыслам жизни, цели могут выступать не только как абстракции, но и как экзистенциалы и экзистенционалы. А приобретая интенционально-реактивно-волевое значение, цели в той или иной степени предстоят в реальном здесь-теперь-так. Именно

эта субъективно-медитативная витальность целей, а не некая их псевдообъективность, псевдопрагматичность, вычисленность, позволяет включить их рассмотрение в эту книгу. В я-средах присутствует не только сгущенный и рациональный смысл, но и смысл разлитый, а через последний в каждой я-среде наличествует разлитая "оцеленность", "нацеленность". Соответственно неоконкреченный интегративный (реальный, неабстрактный) смысл создает возможность спектра целей, предполагающих выбор. Такие цели, изнутри цели при обычном подходе сходны с игрой или служат иллюстрацией тщетности человеческих усилий, превратности судьбы, невозможности предвиденья, точного прогноза и т. п. Тем не менее было бы ошибкой рассматривать цели только с этой прагматической стороны и не видеть в них концентрата активности и психического достаточного основания. Неверность обыденных и научных представлений о времени еще более возносит субъективный статус целей как расширителей экзистенциального пространства.

Цели и смыслы жизни имеют достаточную область пересечения, могут входить в одни и те же иерархии. При этом взаимозависимость целей друг от друга более значима, включая сюда взаимоисключение и соотношение: цель как таковая — цель-средство. Отличие целей от других экзистенциалов — в их возможности быть ориентирами. Часто они — только предварительный и служебный ориентир. Если отбросить все те цели, какие не выглядят правдоподобными, то можно заметить следующее: наибольшей осуществимостью характеризуются микроцели и цели большого масштаба. Цели среднего масштаба менее осуществимы (кривая обратная кривой нор-

мального распределения). Очевидно, это связано с тем, что цели микромасштаба достижимы в один-два приема; цели среднего масштаба, как правило, являются целями-средствами, замкнутыми на социум и неустойчивую конъюнктуру; цели предельного для человека масштаба (нефантастические), связаны с общегуманитарными запросами, являющимися, собственно говоря, видоизмененными целями-потребностями, вытекающими на первичном уровне из человеческой природы. Достижение подобных целей возможно на самом различном уровне дееспособности и конъюнктуры.

Допустимы различные классификации целей, в том числе по тому или иному признаку, могущему быть полярным. Например, можно выделить: 1) "внутренние" и "внешние" цели, 2) цели "гомеостаза" и "свободные" цели, 3) стереотипные, циклические цели и цели различной степени новизны, 4) служебные и основные цели, 5) цели-суррогаты (заместительные) и прямые цели, 6) тонические и структурные цели, 7) цели выживания, поддержания уровня жизнесуществования и цели наполнителя, 8) цели наполнителя и цели звезд наполнителя (см. далее), 9) мотивированные и импульсивные цели, 10) оправданные и ложные цели, 11) цели и надцели, 12) цели практической и цели духовной оптимизации.

5.2.1 Тонические цели

Скрытыми образующими этих целей являются не только такие тонические объекты, как Эрос, Хаос, Логос, Антилогос или различные их предельные сочетания, но и вторичные тонические комплексы, характерные для человека как вида, как части этноса,

как индивидуальности с теми или иными особенностями тонического плана. В основе подобных комплексов, обычно лежит какое-либо доминирующее тоническое ощущение (особые реактивности, сверхэмотивное). С одной стороны, совершенно непродуктивно искать буферно-космические прототипы потусторонности и сверхсущнсти, гнева и ярости, ощущений блуда и похоти (невзирая на возможности довольно любопытных экстраполяций и интуиций), с другой стороны — было бы неоправданным фетишизмом связывать подобные составные ощущения с квазисредными и прагматическими объектами: живые и неживые объекты здесь — только линзы, приборы нацеливания на иную область. Тот, кто влюблен в какого-то конкретного человека, можно сказать метафорически, влюблен не в этого человека, а в некоего бога или демона; человек здесь — средство связи, но, увы, не обо всем можно говорить, не нарушая ходовой морали. По крайней мере, на некоторой стадии рассуждений нам достаточно того, что тонические комплексы сводятся к монотонам.

Ввиду того, что обычное сознание человека — это сознание эросного типа, в нем заложен градиент стремления от реактивного минуса к реактивному плюсу. Тем не менее в психейном, в отличие от психического, это выпадение[43] мужского типа выражено менее резко. Как в целом, так и в частностях можно констатировать стремление прагматически понимаемого человека к боли, страданиям и прочему, что мы обозначаем как реактивный минус. Не под-

[43] Выпадение в том же смысле, что выпадение игральной кости.

разумевается отрицательность как средство или следствие неполноценности, психейно-психического дисбаланса. Имеется в виду реактивный минус в чистом виде, цель как антицель. Мы не сосредотачиваемся здесь на патологиях, а потому в данном случае нас не интересуют мазохизм и направленности, связанные с уже упоминавшимися ущербными мотивами. Аналогично мы не рассматриваем этническую знаковость, инициациативное и т. п.

Направленность на отрицательную реактивность может находиться в корреляции с различными органическими тенденциями. Вполне может существовать "полуосознанное" стремление к отрицательному как мере против циклически возникающего спонтанного или неизбежного отрицательного. В первом случае удается почти полностью снять извнутреннее ("имманентное") отрицательное, во втором — происходит адаптация к отрицательному, спровоцированному внешними причинами.

Отрицательный выход из благодушия — мера трезвости и необходимого пересмотра положения вещей. Постоянное и непрерывное испытывание бодрости и хорошего настроения есть не что иное, как сумасшествие. Иногда подобного сумасшествия, сдвига в сторону необоснованной эйфории вполне можно достичь благодаря каким-либо психотехническим методикам, в том числе связанным с религиозным подвижничеством, медитациями.

С другой стороны, стремление к Антилогосу, временному помешательству есть в какой-то степени спасение от постоянного помешательства. Многие объекты и представления медитативных сосредоточений сами по себе, взятые как отдельные проявления, могли бы быть сочтены симптомами бреда. Тен-

денции к умственному упадку, отключенности, одурманенности вполне существуют.

Стремление к потере свободы, самокалечению, смерти может быть не только умышленным, заранее рассчитанным, но и выявиться в виде внезапного импульса или неосознанной механической подгонки "случайностей". С учетом неосознанной сферы несчастный случай — это не совсем несчастный случай.

Объекты отрицательных ощущений могут являться полноценными наполнителями и, соответственно, удовлетворять человеческие запросы и потребности. Проистекающая из самых различных причин неполнота использования возможностей и способностей неизбежно создает дефицит наполнителя. Подобный дефицит может быть восполнен только сознательным или спонтанным отрицательным наполнителем.

5.2 Базовые цели

Базовые цели связаны с различными ступенями гомеостаза и адаптации, подразумевают изменения и "внутренней", и "внешней" среды.

Сами термины "гомеостаз" и "адаптация" не имеют, в нашем смысле, прямых биологических значений. Значения этих терминов прагматические. Все остальное привлекается в круг смежных вопросов только постольку, поскольку имеет прагматическую действенность.

Философская ограниченность прагматики достаточно прозрачна. Дело здесь не только в утилитаристской узости, но и в узости того, что обыденно понимается под практическим действием и практически значимым миром. В частности, мы считаем не-

обходимым расширение аксиологии бесструктурного за пределы научной и обыденной иероглифичности. Использование традиционных "иероглифов" как бы превращает бесструктурное в структурное, безличное — в личное, безобъектное — в объектное, сущность — в явление и т. д. Все это способствует упрощениям, этнической, этической и религиозней декларированности, могущей носить распространенный характер.

Базовые цели содержат в себе дилемму, требующую либо резкого сужения диапазона существования, подчинения традициям, неписаным эталонам поведения, либо — ведения существования на уровне близком к критическому с неизбежными деформациями и потерями. Парадокс в том, что оба варианта выбора, таким или иным образом, быстро или медленно введут к деградации и детренированности в использовании если не одних, то других ресурсов существования.

Базовые цели — это цели первичные потребности, а также связанные с последними служебные и опорные цели. Базовыми могут считаться и "духовные[44] цели", то есть цели, служащие развитию и поддержанию того, что принято называть "человеческим духом". Подобный духовный гомеостаз может быть рассмотрен с самых разных критических точек зре-

[44] Духовное в нашем смысле — это особые реактивности и особое смысловое в качестве экстраполятивности, сверхсигнальности, а также некоторые другие интегративности в качестве (см. ниже) установочных моментов. Такое духовное вполне органично в своей фактической данности. (См. также пункт 6.)

ния. Главное здесь — неточность терминологии и фактическая расплывчатость стоящих за этой терминологией денотатов. Тем не менее практически значимо то, что этот духовный гомеостаз ничем не может быть заменен.

Пользуясь вполне апробированными методиками, можно составить перечень базовых параметров человека. Качество этих параметров неизбежно будет зависеть от того, что и называют "духом", но наличие такой связи не является философским аргументом. Это проистекает из того, что фундаментальную роль в духовных базовых целях могут играть и несуществующие объекты. Это как раз тот случай, когда "тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман". Обманутый довольно часто оказывается здесь приспособленнее необманутого. Поскольку несуществующие объекты и несуществующие явления могут играть роль мнимого фокуса и прагматически действенны, их нельзя огульно приравнивать к ложным целям. Тем самым мнимые и ложные цели не всегда отождествимы. Ложная цель — цель, не дающая желаемого эффекта, приводящая к потерям и краху, уводящая в сторону от действенных целей. Следовательно, мнимая цель не является ложной в том случае, когда она фактически не самоцель, а служебная цель.

Одно из направлений человеческой деградации — превращение той или иной базовой цели в свободную цель. Подобное нельзя назвать редкостью, это диктуется всем укладом обыденной и профессиональной жизни. Именно поэтому при отсутствии других свободных целей чрезвычайное значение приобретают фоновые цели, то есть цели, стоящие как бы в стороне от доминантных направленностей субъекта.

5.2.3 Спонтанно-импульсивные цели

Отличаются от фоновых целей своей непредусмотренностью, отсутствием выраженной плановости в достижении. Большой простор для спонтанно-импульсивных целей дают спортивные и азартные игры. Очевидно, эти игры имеют своим источником более примитивные соревнования без каких-либо сформулированных правил.

Спонтанно-импульсивные цели (некоторый их ранг) имеют общую природу у человека и животных. Можно привести в качестве примеров коллективные круговые полеты птиц или насекомых, сопряженные со своеобразной игрой, когда победитель (временный лидер) должен занимать наивысшую орбиту, охоту котят на несуществующих мышей (возможна связь с галлюцинациями), а также непроизвольные без всяких специальных образцов возникающие игры любых детенышей.

Было бы неверно объяснять многие виды необъяснимой с внешней точки зрения двигательной активности животных ориентировочными и поисковыми рефлексами, необходимостью тренировки или повышения температуры тела. Хотя во многих подобных деятельностях есть моменты поисковости, тренировки, отработки и т. п., тем не менее саму активность здесь скорее можно отождествлять с жизнедеятельностью как таковой, не имеющей более главных целей, чем она сама.

Другой ранг импульсивности — бесцельнее созерцание типа бессмысленного глядения в окно, прислушивания к шуму ветра, вчувствования во внутренние ощущения. Главное здесь не факты восприятия или смены восприятия, но некоторого рода от-

ключенность, отсредоточенность-сосредоточенность, являющаяся формой растительной жизни индивида, специфическим выходом на апрагматические цели. В подобных растительных жизнеощущениях есть переход от диалога с миром на слитие в одном с ним монологе, отождествление с ним.

Как растительные, так и животные импульсивности человека возможны только при нахождении в состоянии соответствующей фазы. В противном случае требуются немалые усилия на пересосредоточения, не всегда, кстати, имеющие успех. И в том и другом случае имеет место построение плана витальности, соответствующее соразмеренности ментального поля. Например, никакая "растительность" невозможна в состоянии ярости.

Спонтанно-импульсивные цели в какой-то степени компенсируют отсутствие здесь-теперь квазисредного смысла жизни, уводят от непродуктивных экстраполяций в связи с этим.

5.2.4 Ложные и фантастические цели

Та или иная деятельность может быть подчинена заведомо неосуществимой цели вследствие неверного расчета, недостатка информации и интуиции, отсутствия опыта и проч. В принципе похожая ситуация возникает при постановке двух или нескольких взаимоисключающих целей. При этом не играет роли, что каждая из этих целей в отдельности могла бы быть достигнута.

Как ни странно, но ложные цели могут выставляться как главные в иерархии всех целей вообще, представлять собой нечто вроде света далекого маяка или путеводной звезды. Цель, то есть лжецель, и

надежды воображения здесь отождествляются. Конечно, есть случаи, когда той или иной личности удается достичь целей, казалось бы совершенно невероятных. Далеко не всегда подобные личности вербуются из среды многочисленных неудачников.

Иногда фантастическая цель заранее апрагматична, невозможна ни в "той" ни в "этой" жизни в качестве осуществленности, но служит для автора цели некоторым фактором, окрашивающим его существование.

При всем этом мы исключаем из данного рассмотрения те цели, на какие можно ставить, как на лошадь, достижение которых полностью сравнимо с возможностью выигрыша в лотерее. Подобные цели весьма распространены, но чаще всего это не главные цели, а только одни из тех, сумма которых составляет нечто важное.

5.2.5 Свободные цели

1. Высшая цель, цель цели, не являет собой заведомо известного объекта. В своем невыделенном, виртуальном виде — она основа всякого целеполагания.

Таким образом, в узком смысле она — протоцель, то, из чего может появиться любая другая цель. Это аспект вакансии по времени, энергии, возможности и пр.

Связанная с деятельностью высшая цель представляет собой цель — поиск цели. Это аспект интереса или попытки оправдания целью.

В мыслительном плане подобное может означать поиск не привязанной ни к чему самозависимой общей идеи.

После прохождения n этапов реализации (неспонтанных) через обычные цели высшая цель не сливается с конечной целью n-порядка, оставаясь в неистраченном остатке.

Высшая цель, естественно, внелогична (и внепонятийна). Выискивание ее в рамках логики экзистенциально означает шизофреноидную безысходность или патологическую исходную мысль в нигде.

2. Автономная цель — абстрактная цель освобожденного интеллекта, в том числе освобожденного от здесь-теперь наличия. Это парадоксальная попытка построения некоторого мира из ничто (см. раздел 5.1.6).

3. Относительные цели соответствуют относительному смыслу жизни. Невзирая на обусловленность предрасположенностями и фактульностями относительного СЖ, выбор целей в его уже проведенных рамках относительно свободен (имманентен).

Чаще всего относительные цели касаются обыденной самодеятельности человека. Абсолютизирование их нелепо и свидетельствует, так или иначе, об однобокости или недостаточности развития.

4. Звезды наполнителя. Сам наполнитель является потребностью и не может считаться свободной целью в полном понимании последней. Звездами наполнителя мы называем некоторые неспецифические вычлененности из него, благодаря которым (в слитом виде) резко повышается ценность самого наполнителя. Выбор наполнителя в соответствии с экзистенциальным рядом "звезд" более свободен, чем прямой выбор. Как правило, звезды наполнителя — это различный эстетические и психологические эф-

фекты, озаряющие сам дух существования. Звездами эти бесструктурности названы из-за своего вкрапления в структурное.

5.2.6 Цели оптимизации

Как рационально доминирующие можно выделить цели практической и цели духовной (гуманитарной) оптимизации. Собственно говоря, оптимизация сама по себе не есть цель; она — средство, но в силу того, что некая автоматическая или правомерно-импульсивная оптимизация, как правило, выражены недостаточно или отсутствуют, само средство превращается в цель промежуточную, а иногда и в главную цель.

Значение целей оптимизации часто оказывается выше, чем значение конечных целей, ввиду того, что первичные моноцели в реальных условиях существования расщепляются на множество вспомогательных целей, конкурирующих друг с другом и вступающих в отношения противоречия и взаимоисключения. Промежуточные цели, в отличие от конечных целей, как правило, неиррациональны, однако рациональность каждой промежуточной цели, взятой в отдельности, резко снижается из-за стихийности ее вмещения в иерархию других подобных целей и из-за вероятности ее стихийного вытеснения.

Практическая и духовная оптимизации во многом неадекватны друг другу. Существуют тупики и непроходимые лабиринты в целях духовной оптимизации как эхо кажущихся несообразностей в практической оптимизации. В действительности, в целях практической оптимизации никаких тупиков нет, ввиду

отсутствия именно в ней "табу" и "неприемлемостей", "святого". Все запреты и прерогативы обусловлены либо духовным (объективированным тоническим и умственным), либо непроясненностью автоматизмов данности.

Не существует некой физической боли, — всякая боль психична и есть боль психического соматического облака, но не физического тела, какое в прямом понимании отсутствует. Попытки объективирования боли могут быть различны и по статусу и по оценке. Аналогично отсутствию физического тела нет и того, что принято называть "духом", но тем, не менее, духовное постоянно порождается высшими тоническими ощущениями. Духовное субъекта как некоторая самоподдерживающаяся стабильность есть основа любой оптимизации, но духовное может быть и самоподдерживающимся артефактом, ничем не обоснованным и вызывающим целевой кризис. В духовном всегда присутствуют элементы суеверно-магические, гиперболизующие успехи и неуспехи. Эта духовная нелинейность рано или поздно выравнивается стихийно. Нестихийное выравнивание только вторично, связано с рассудочным рассмотрением и изначально исходит из интуитивного, что требует медитативного вчувствования в ситуацию или привлечения новых факторов жизнесуществования.

Человеческое сознание построено таким образом, что оно не может все время "подниматься в вышину неисчислимые тысячелетья". Разнородные, сменяющие друг друга погруженности образуют нестройный ментальный калейдоскоп. Духовное, подобно ощущению "я", призвано собирать сознание из его осколков, но это свое призвание оно не всегда видит.

Нельзя думать, что субъективное духовное оказывает свое воздействие непосредственным образом. Субъективное духовное — только индикатор, однако усилия, направленные на его рафинирование, оптимизацию, есть одновременно и усилия на уровне скрытого психейного и вообще буферного, в том числе на уровне неподотчетных сознанию рефлексов цели.

В фундаментальном плане цели оптимизации имеют и эволюционный аспект.

5.2.7 Заключение раздела "цели"

Цели индивида не совсем определенным образом вплетены в панродовое, а предположительно, и в космическое. В настоящем изложении проблему родового и "космического" финализма можно поднять уже потому, что отдельный человек смертен, оказывается некоторым сложным контуром в той системе мира, какую неспособен охватить ни одним взглядам, ни за всю свою земную жизнь.

Всякий логически развитый до конца индивидуализм неизбежно переходит в свою противоположность. Этот переход недостаточно выпукл только потому, что на развитие индивидуального с самого начала накладываются социумные и внесоциумные ограничения. Цели больших и малых групп, а также неопределенные и неразумные исторические цели (неразумные в фактуальном ракурсе) в большинстве случаев и не подразумевают каких-либо добровольностей, филантропии и берут свое самым различным путем, а потому весь индивидуализм человека идет не по пути совершенствования, а по пути обороны от

посягательств. Тем самым вписанность индивидуального потока существования в надличностное через корреляты тех явлений, какие представляются социальным и историческим, оказывается затушеванной.

В любом случае субъективные цели располагаются не по линиям отрицательной протяженности, а по вероятностным линиям субъективного времени в качестве проекций из здесь-теперь. Сами цели могут ставиться и в недопознанном виде — экстраполятивно. Тогда в недопоставленной цели будет содержаться своего рода сверхцель. Сверхцель уже может выходить за обозримые рамки овремененности. Постановка сверхцели связана либо с диффузностью структурного, либо с нацеленностью на увеличение интенсивности тонического. Экстраполяция тонического нами многократно разбиралась. Что касается недоопределенности структурного, то она имеет аналогии и внутри субъективного времени, через известные моменты расчета на будущие уточнения, корректировки и т. п. Вневременная сверхцельность, в отличие от этого, может опираться только на побочную симптоматику, не дающую никаких гарантий.

Реставрация полного хроноса и протяженности в отношении целеполагания почти невозможна. Заведомое существование прошлого и будущего — это не существование конкретных субъективно выделяемых событий или неких метафизических прототипов событий. Говорить о событиях можно, только имея в виду определенную ограниченную филогению ракурсов. Здесь неизбежно возникает вопрос об относительности существования предметов целей. Вопрос о том, является ли прошлое и будущее поглощенным не только относительно субъекта, но и буферно, остается в конкретных деталях неопреде-

ленным. По крайней мере у ракурсов, являющихся окрестными для ракурса восприятия конкретного субъекта, в данный момент времени — будущего, прошлого и настоящего как некой слитности, с сохранением структуры событий (или подобия этой структуры) не существует. Отсюда всякое целеполагание оказывается своего рода заклинанием, обращенным к безличным сущностям. Эти сущности — вне времени.

Остается еще раз подчеркнуть непререкаемое значение целей как субъективной опоры. Эта опора остается актуальной и тогда, когда прагматические планы обессмыслены, а нецелевые экзистенциалы потеряли свои корни в здесь-теперь сознании, ибо в этом случае всегда имеет место в той или иной степени целеполагание витальное, медитативно-магическое и идеалистическое. Под последним мы понимаем, что цели как абстракции, как небытие "существуют всегда", точно также как объекты математики, а отсюда всегда реальны ссылки из субъективного. Естественно, витальное и медитативно-магическое значение по сравнению с железобетонной мощью абстракций более хрупко, но и оно никогда полностью не исчезает. Его снижение возможно при наличии какого-либо самобунта, легко диагностируемого по множественности негативных самовнушений. Следовательно, витальное и медитативно-магическое существуют и в этом случае, но их направленность — в сторону минус-целей. При желании изменения такого положения вещей, надо знать, что витальное целеполагание и не надо долго уговаривать, а медитативное соответственно меняется при медитациях противоположного знака или направленностях (целях) уравновешивания, нейтральности.

5.3 КРИТЕРИИ

5.3.1 Критерий: абсурд

Здесь и далее подразумеваются не критерии истинности (см. разд. 2.6.3), но критерии-экзистенциалы и иные оценивания жизнесуществования. Как правило, мы имеем в виду оценку тотальности потока сознания или отдельных его пунктов, отдельных пакетов я-сред, но не нечто значимое в религиозном отношении в плане оценки "этой жизни" как подготовки к "жизни иной", "небытию", "освобождению" и т. п.

Действие принципа "от противного" витально-прагматически сильно ограничено, применимо только к довольно узкому классу коллизий или перипетий, а всякого рода пробы, ошибки, промахи элементарного характера довольно прозрачны по своей сути и не требуют какого-либо специального анализа.

С другой стороны, принцип "от противного" совершенно не подходит к тем случаям, когда длительный неуспех или продолжительные события драматического характера вызваны простейшим ложным суждением, одним "неверным" шагом. В этом случае уходить "от противного" или уже поздно, невозможно, или повторная возможность выбора просто не предвидится. Теоретически особенно любопытны такие возможности, когда любой выбор из ряда вариантов приводит к нежелательным последствиям. И получив возможность начать жизнь сначала, индивид, отталкиваясь "от противного", может пойти по

порочному кругу и прийти к мнению о желательности первой "ошибки".

Знаменательно, что само выражение "от противного" имеет и другой неабстрактный смысл, упирается в прямую реактивную аксиологию индивидуализированного порядка. Умозрительно подобная импульсивность, связанная или несвязанная с дефектами способности к внутреннему равновесию, заменяется представлением об абсурде.

Несмотря на отчетливость интеллектуального представления об абсурде[45], квалификация какого-либо явления или совокупности явлений как абсурдности требует соответствующего настроя. Одно и то же явление может быть расценено по-разному в зависимости от фазы такого настроя. Тем не менее при прочих равных условиях, прагматически абсурдная ситуация вызывает либо мыслительную тенденцию, либо действия, направленные на ее устранение, то есть абсурд выступает здесь в роли негативного критерия.

Можно говорить о хронологически локальном абсурде, абсурде постоянном и циклическом. По своей качественности абсурд способен принимать форму как иррационального, так и рационального.

Стремление к абсурду может быть вполне актуальным, когда речь идет о наполнителе (например игре) — это один из случаев, когда критерий абсурда не действует. Абсурдность связывается прежде всего не с конечной деятельностью, но со служеб-

[45] Не подразумевается логический абсурд как лобовая противоречивость.

ной (если иметь в виду прагматику). Философское оценивание итогов и конечных задач как абсурдных служит, в лучшем случае, целям поднятия человека над самим собой. Здесь возможна и облагораживающая абсурдизация — "воспарение" над повседневностью.

Необходимость постоянных регламентаций и размежеваний в практической деятельности вызывает феномен "объявления абсурдом" — называние абсурдом того, что вызывает сомнение, малоизвестно, маловероятно, рискованно и т. п.

Невзирая на все названные исключения, отталкивание от абсурда носит духовно позитивный характер и во многом применимо в качестве мерила выбора. Специализация этого отталкивания в связи с той или иной точкой индивидуальной эволюции, психотипической разницей — уже не входит в компетенцию философии.

5.3.2 Критерий: отрицательные реактивные комплексы (ОРК)

Отдельные реактивные ощущения показательны в отношении действий и результатов действий не всегда. Более достоверно суммационное реактивное чувство. В нем репрезентируются также тоны, сцепленные с волевым и умственным.

Последние названные тоны могут быть отработаны настолько, что оказываются достаточными для индикации совершенной, но еще не опознанной ошибки, незаконченного в чем-либо действия, факта забвения чего-либо при прямом отсутствии предметных

или мыслительных признаков, косвенно указывающих на этот факт.

Имеет место и малофиксируемая группа ОРК, направленная в будущее. Эти ОРК способны заранее предсказывать невозможность тех или иных событий, давать заранее связи типа "если... то..." Однако весьма часто подобное граничит с суевериями, навязчивыми опасениями, ритуалами.

Степень значимости критерия ОРК резко падает при переходах инициациативной природы, ожидании резких перемен, нахождении в непривычной среде.

Знаменателем разнообразных негативных критериев является "стенокардический синдром". Сердце соматического облака ("психическое сердце") — более прибор, чем насос, и ощущения одеревенения здесь — не показатель неправильного образа жизни, а неверного пути в ней[46].

5.3.3 Критерий: призрак отрицательных целей

Явно и неявно выраженные отрицательные цели (обычно коррелирующие с той или иной степенью деградации, застойности) прежде всего указывают на несогласованность положительных целей и уже затем — на отрицательное оценивание данностей существования.

Отрицательность целей относительна и связана с соразмерностью или несоразмерностью самих целей с возможностями и способностями. Например, то, что является прогрессом для одного психотипи-

[46] Как известно, сердце имеет собственную систему электрической проводимости, а предположительно определенные предустановки общеповеденческой программы и некоторую реактивную память.

ка, — четко выраженный регресс для другого. В роли отрицательной цели может выступать и погруженность в невинное хобби, аналогичная в данном случае токсикомании[47].

Преступные или самоубийственные цели мы можем не рассматривать, ввиду постепенности перехода к ним, наличия предварительных тенденций. Кроме того, отрицательные цели как единственный способ поддержания экономического существования или главная особенность времяпрепровождения уже не могут быть характеристиками каких-либо намечаемых тенденций, критерием существования как целого. Разнообразные отрицательные цели часто включаются в адаптацию либо в виде неизбежного элемента способа существования, либо в виде попытки волевого переключения (например, аутоагрессия).

Вполне можно заметить, что многие маловажные и второстепенные цели при их длительном сохранении или воспроизводстве имеют тенденцию к уточнению, а способы их достижения — к совершенствованию. Однако, наоборот, наличие огрубления, животной импульсивности свидетельствует, как правило, о переходе цели в отрицательную плоскость. Сама цель здесь по-прежнему имеет место. Когда идет речь о простой примитивизации, редукции способов достижения цели (в виде нормы), подвергается снижению и редукции сама цель, отходящая на менее значимое место или трансформирующаяся по способам достижения в обедненный целевой автоматизм.

---

[47] Иногда может идти речь об аутоинтоксикации, соответствующей тем или иным поведенческим реакциям.

5.3.4 Критерий: успех

Относителен. Вне реактивности представляет собой либо конвенционально-конъюнктурный параметр, либо параметр личной самодеятельности, связанной с самым различным спектром планов и притязаний.

Можно выделить деловой успех, успех в овладении какими-либо новыми навыками и знаниями, удачу через стечение обстоятельств (что фактически также играет роль критерия), успех в пробуждении новых способностей, успех открытия и т. п.

Критерий прямого успеха переходит в критерии получения вознаграждения и иные чисто бытовые показатели, типа сохранения благосостояния, здоровья, а также всякого рода кодифицируемые моменты.

С целью отделения аберраций стадно-этнического иногда приходится прибегать к искусственной (теоретической) робинзонаде. Этот прием позволяет убрать ложный бисер сакраментального, выявить действительное положение вещей. Можно, например, задать вопрос: "Кто ты есть не перед людьми, а перед самим [собой]? Перед [богом]? Перед [природой]?"

Возможна и проверка на способность к самостоятельному существованию. Для многих подобная проверка (в непредвиденных экстремальных условиях) приводит к печальным последствиям, причем по причинам чисто психологического и духовного плана.

Вполне известны те изменения оценок, какие возникают при изменении связей, родственных отноше-

ний, профессии, страны и пр. Подобное можно экстраполировать и на предполагаемые метафилософские масштабы.

Обычный критерий успеха пытаются заменять более высокими понятиями, но рамки моральной и религиозной фантастики слишком узки, неизменно оказываются связанными с той или иной ортодоксией, либо со случайными впечатлениями.

5.3.5 Критерий: эктропия (негэнтропия)

Это условный критерий оценки того или иного периода субъективного времени. При этом увеличение или уменьшение степени упорядоченности не означает, соответственно, увеличения или уменьшения степени сложности. Естественно, речь идет не о реальней я-среде, а о чисто прагматических выделенностях, касающихся той или иной сферы личности. Каким-либо абсолютным значением этот критерий обладать не может.

5.3.6 Критерий: иллюминаторность

Если данные человеческого сознания более или менее косвенны, а само сознание может быть названо "табло", "приборной доской" — то тем большую важность приобретают те интегративно-тонические ощущения, какие оказываются своего рода окном в реальность, иллюминатором субъекта-психонавта.

Здесь можно подразумевать не только высшие тонические ощущения. Явному исключению подлежат ощущения — следствия эмоциональной неуравновешенности и те ощущения, какие не столько иллю-

минаторны, сколько реакторны. Реакторные ощущения говорят не о жизнесуществовании как таковом, но — о буферных основах индивидного. При этом качество большинства сильных реакторных ощущений таково, что все имеющиеся средства самоубеждения, отвлечения внимания, рассеяния и т. п. приходится переориентировать на подавление реакторных ощущений (например, типа злокачественной досады, ярости на весь мир и всю вселенную, ощущений, смежных брутальным настроениям). Реакторные ощущения, как правило, — симптомы психейных диссонансов, поломок стереотипов и других автоматизмов. Снятие негативного импульса (а не просто его волевое подавление) коррелирует и со снятием деструктивных тенденций.

5.3.7 Критерий: законченность

Этот критерий касается предпочтений в многосоставной деятельности и в выборе занятий и направленностей. Предпочтение оказывается тому, что может быть завершено в обозримое время или тому, что наиболее готово к завершению.

Критерий выступает не только в объективированной форме, но и субъективированной. В последнем случае он соотносится с мобилизованностью деятеля, другими проторенностями субъективного плана.

Инерция способности завершать совместно с критерием успеха ориентируют на отказ от деятельностей, параллельных доминирующей. Сюда же можно присоединить неизбежное сопротивление при всяких новых для данного индивида начинаниях, дефицит свободы, времени и другое.

Подвергается неизбежной дискриминации не столько гармоничность человеческий вписанности в мир (что, вообще говоря, явление прирожденное), сколько возможность универсализма.

То, что мы называем доминирующей деятельностью (иногда это свободная деятельность, связанная с "призванием"), вовсе не должно совпадать с так называемым разделением труда. Эта деятельность может охватывать самые различные области и сферы, но быть внутренне единой. Кажимость универсализма, многопрофильности, в тех или иных примерах далеко не всегда соответствует действительности. Разрыв между погруженностями сознания возможен тогда, когда общий интуитивный замысел, будучи расщеплен на составляющие, не достигает синтеза за всю жизнь данного деятеля.

Критерий законченности ведет к риску замены большого малым, ограничению самой сферы притязаний. Обычно подобное происходит после всякого рода недвусмысленных поворотов судьбы, суеверно расцениваемых как знамения. Однако бесповоротность отступления в простейшие ниши существования, внутренняя ломка сильно ограничены мощью самого жизнесуществования — индивидным проявлением праабсолюта.

Критерии самоопределения логично основывать на показателях этого жизнесуществования, диагностировании его порывов. Выбор, основанный на некой опережающей мудрости, заведомом расчете приводит к фиаско, когда результат чрезмерно отдален и неопределенен, самовнушен.

5.3.8 Произведение критерия, интуитивный критерий

В качестве искусственных характеристик критерия могут выступать его относительная сила или интенсивность, а также промежуток времени, в течение которого данный критерий действует. Характерно прерывное действие критерия.

Проверим возможность формального описания.

Пусть $К_х$ — сила или интенсивность критерия;

Δt_i — отдельный промежуток времени, в течение которого данный критерий действует непрерывно;

$Т$ — фактическое суммарное время действия критерия.

τ — продолжительность действия критерия, независимо от прерывания.

Тогда $Т = \sum \Delta t_i$,

$К_х Т$ и $К_х \tau$ — различные виды произведения критерия;

$К_х \tau Т = К_х \tau \sum \Delta t_i$ — двойное произведение критерия.

Возможно также формальное описание перемены силы критерия и учет такой характеристики как тотальность (массированность, масса) критерия. В этом случае мы будем иметь выражение:

$$\tau \int kdt \cdot \int mdt.$$

Подобные описания могут иметь только довольно узкие значения, но для нас важна сама теоретическая возможность их наличия, независимо от под-

бора тех или иных шкал. Математизированное описание — один полюс; другой полюс — принципиальная вместимость интегрального критерия в поток сознания. Если иметь в виду реальные сосредоточения, то можно заявить о феномене накопления критерия, об инерции критерия, выравнивании его значения и т. п. Возможна как прямая, так и косвенная диагностика динамики оценок. Последняя предполагает анализ поведения и мотивов.

Сколько бы ни был критерий опосредован, он должен иметь конечную и ограниченную субъективную представленность. В противном случае будет иметь место парадокс критерия. Субъективная представленность критерия никогда не носит заранее определенного характера. Не будучи жесткой, она предполагает достраивание из идеализаций, то или иное дополнительное осигналивание, ту или иную степень рационализации. Можно говорить о различных аспектах критерия: буферной запсихической точке, умственных представлениях и ссылках, реактивно-волевом, идеальном.

Вполне возможно наличие непризнанных, но действующих критериев, а также "тайных" критериев, не познаваемых интеллектуально. Увеличение упорядоченности в одном отношении обычно вызывает уменьшение упорядоченности в другом. Насильственные регламентации и упрощения дают формально-фиктивную ограненность ментального потока с соответствующими куцыми результатами, имеющими, в лучшем случае, только преходящее значение. Прямо противоположный выбор в качестве опоры неведомой стихии и ведет неведомо куда.

В чисто прагматическом смысле критерий — это индикаторное звено связи между задачами и результатами. Непрерывным образом эта связь в сознании

не проходит. Кроме того, задачи сугубо витального рода законченно и совершенно не формулируются, выходят за грань прагматического. При наличии в целевом поле множества неразрешенных задач, решение одних задач достигается уходом от других с деформацией соответствующих пластов существования. Здесь выбор одних задач в ущерб другим не может быть математически рассчитан и является интуитивно-волюнтаристическим в своей основе.

Существует противоречие между иерархией ценностей функционально действенной и иерархией реактивно-умственно положенной в качестве внутренне одобренной конституции, сколько бы стихийно последняя не продуцировалась.

Всегда есть разница между конституцией вкуса и конституцией действий. Полного взаимовыравнивания, подгонки в данном отношении на всякий отдельный момент времени никогда не происходит. Собственно интуитивный критерий в нормальном случае вовсе не есть то, что принято называть внутренним голосом. Интуитивный критерий — также и не есть следствие импульсивности. По своему происхождению он подобен произведению и сличению критериев и довольно механистичен, невзирая ни на какие сомнения-рефлексии. Все это можно объяснить тем, что слияние тоничностей подобно наложению различных токов, а их действие — действию напряжений и давлений. Чрезвычайная универсальность "гидродинамической" модели связана с некоторыми универсальными законами, положенными в ее основание, более того — предзаконами, относящимися к

тому неискусственному уровню[48], где какого-либо деления на "физическое" и "нефизическое" нет.

5.4 СТИМУЛЫ

Цели, смыслы и критерии выплывают в двумерность сознания и оказываются ментально плоскими. Стимулы представляют собой глубинное измерение.

Стимулы (в нашем конкретном понимании) ноуменальны и психейно имманентны (непсихичны). Таким образом, эти стимулы не являются стимулами в житейском понимании. Всевозможная обычная стимультантная конъюнктура может как иметь, так и не иметь соответствия со стимулами имманентными.

Эпистемологическая нерасчлененность психейного требует для описаний либо метода черного ящика, либо психоаналитических метафор, упрощений, мифологических и даже оккультных моделей. Мы вовсе не утверждаем, что буферное не обладает сознанием и психикой-изнутри — оно лишено их относительно обычного сознания. Кроме того, будучи суммационностью относительно распознаваемого сознания, оно оказывается и в определенном роде взаимопогашенностью.

Теоретически возможны два варианта черных ящиков: черный ящик относительно сознания (чистый черный ящик), имеющий входы и выходы только в субъективную реальность, и обычный псевдосредный черный ящик, имеющий выходы и входы в псев-

[48] Имеется в виду статистический принцип образования мира, но не естественнонаучные уровни в прямом смысле.

досредную область (контактные ощущения и ощущения-ссылки при этом подвергаются абстрактной редукции как несущественности).

При любом подходе к имманентным стимулам можно вполне четко различить два их рода: стимулы зарядки и стимулы разрядки. Обычно стимулы зарядки коррелируют с политоничными ощущениями, стимулы разрядки — с монотоничными. Соответственно, стимулам зарядки придаются более поверхностные ощущения, связанные со сканированием, накоплением, а стимулам разрядки — глубинные многомерные ощущения.

Тем не менее вышеизложенная ментальная определенность необязательна. Эта необязательность связана не столько с половым дитонизмом и индивидуальными различиями, сколько с тем, что зарядка и разрядка чаще всего происходят почти бессознательно. Наличие существовавшего факта разрядки или зарядки диагностируется задним числам, либо по признакам изменения тонуса либо по признакам изменения реактивного поля, в том числе по появлению задержанных реактивностей — тех самых, какие должны были сопровождать в свое время шествие стимулов.

Деление стимулов на два рода легко объясняет отсутствие сублимаций в тех или иных частных случаях. Так, при отсутствии достаточно высокого уровня суммарной заряженности сублимации не происходит, невзирая на фрустрацию разрядки. Сублимация невозможна и в том случае, когда заряженность неосознанно для субъекта трансформируется в специфическую "адаптивную энергию".

Дальнейшая дифференциация стимулов носит не совсем привычный характер: приходится отличать отрицательные стимулы от дестабилизирующих про-

тивостимулов (антистимулов). Отрицательные стимулы коррелируют с умеренными дозами факторов, воспринимаемых в качестве отрицательных. Поскольку подобные факторы почти всегда включены в тот или иной привычный фон (хотя и не всегда замечаются), отрицательные стимулы составляют одну из основ существования, собственно жизни. Отрицательные стимулы, разумеется, остаются таковыми, когда и выходят за грань "умеренности", берут на себя всю возможную сосредоточенность, отвлекают большую часть сил организма. Следующий порог усиления отрицательного значения стимулов и факторов, соответствующих им в восприятии, — это порог необратимой патологии. Только здесь отрицательные стимулы начинают пересекаться с противостимулами, а далее — отождествляются с последними.

Противостимулы могут быть как положительными, так и отрицательными. В любом случае эффектом их наличия является резкое сокращение жизнеспособности. Иными словами, противостимулы коррелируют с угасанием рефлексов цели и адаптивных возможностей. Необходимо обратить внимание на относительность стимулов и противостимулов в отношении различных психейно-психических систем.

Древо стимулов можно включить в рассмотрение только после ряда довольно косвенных констатаций. Если первичные ветви древа коррелируют с фундаментальными витально-духовно-умственными феноменами, то вторичные — с такими явлениями, как "поиск", "оправданные усилия", "правомерные сосредоточения". Вторичные феномены обладают способностью порождать новую стимультанную энергию, они параллельны самостимуляции.

Заумность стимультанной сферы, причем заумность в самом прямом смысле, вытекает из того факта, что собственно основы жизнесуществования находятся вне субъективного сознания. Конкретная я-среда вполне может быть витально индифферентной, пакеты я-сред склонны к самовырождению. Они слишком хрупки и не подходят полностью как для философской, так и для экзистенциальной опоры. Но всякая психейная опора требует постоянного косвенного индикатирования и сеансирования. Опор здесь-теперь не существует, а человеческое сознание — действительно только майя. Однако поскольку человеку дано неполноценное сознание здесь-теперь и только оно, необходима постоянная его корректировка с учетом засознательной опоры, с учетом не только предыдущего потока сознания, но и его реляции.

Корректировка ментального поля возможна благодаря проникновению в него в его же виде психейных полей и психейных градиентов, способности сознания изменяться в процессе проведения с ним манипуляций, а здесь часто достаточны и значимы даже воображаемые манипуляции. Это не удивительно, поскольку самые главные болезни — болезни воображения.

5.5 СОПРЯЖЕНИЕ РАЗДЕЛОВ ЧАСТИ "ПРОИНТРОЕКТ"

Позитивные смыслы и позитивные стимулы в качестве доминант в тот или иной момент времени могут отсутствовать. Позитивные цели и позитивные критерии, если не в одном, то в другом виде, есть всегда. Не имеет значения, как они выражены и

в какой степени они выражены. Главное здесь — принципиальная доступность их для субъекта, естественно, при желании этого субъекта. Следовательно, критерии и цели обладают большей значимостью как опоры. Их действенность в этом смысле возможна только при сосредоточении на метапсихическом. Чисто мотивационное сосредоточение только на внутрисознательном недостаточно и может оказаться разрушающим. Разумеется, то положение, что субъекту доступно только субъективное, остается по-прежнему верным. Однако должен иметь место хотя бы воображаемый трансцензус. Сам факт сосредоточения на воображаемом трансцензусе фактически уже свидетельствует о наличии действительного "бессознательного", слепого трансцензуса. Чем сильнее сосредоточенность — тем более выражен подобный трансцензус. Парадоксальность описанного явления неполна, вследствие неполноты восприятия и наличия списанности части осознанного на амнезию. По крайней мере измененное состояние сознания здесь обязательно.

По своему качеству смысл — это дискретная или циркуляторная тоника, которая может быть маловыраженной, а также отсутствовать. При явлении сверхинтегративного смысла исключается разграничение его с другими смыслами такого же рода, а при наличии контрсмыслов возможен и эффект снятия смысла, рассматриваемого на данный момент в качестве позитивного. Подобного смешения или снятия в области целей или критериев не происходит, очевидно, ввиду интенционной заданности последних, ссылочной "надсубъективности", "надчеловечности". Отрицательные цели и критерии могут (по

крайней мере, за пределами поля деятельности) сосуществовать с позитивными целями и критериями.

Наибольший интерес представляют параллельные сопряжения целей, критериев и смыслов, когда рассматриваются филогенетически однородные ветви этих экзистенциалов, например, когда рассматриваются высшие цели, высшие критерии и высшие смыслы. Ветви древа стимулов неявно наличествуют при подобных сопряжениях.

5.6 ВАРИАНТ[49] РЕЗЮМЕ ЧАСТИ "ПРОИНТРОЕКТ"

Одним из естественных смыслов жизни является "Оно" или абсолют — безличный абсолют, не отождествимый с обычными денотатами представлений, связанных со словом "бог". Вполне может показаться, что жизнь без попыток проникновения в абсолют, без некоторых "веяний" со стороны абсолюта — всего лишь пародия на существование, тождественная самокалечению. Возможности усиления "веяний" и "проникновений" не зависят от того или иного субъекта, не связаны с его намеренными сосредоточениями и планированием образа жизни. В этом смысле достижимы только эфемерные и обманчивые эффекты. Систематическое обращение к йоге, специальным веществам, иным более индивидуальным способам или удачно воспринятым ритуалам той или иной религии и приводит к систематическим результатам, способным удовлетворить не особенно притязательного адепта. Всякого рода персональные способно-

[49] Приводится только как обладающий словесной формулируемостью.

сти к экстазу вытекают не из собственно мистических способностей и восприятий, а из обычных канонических эмотивностей довольно приземленного ранга. Выйти из этого порочного круга можно только благодаря специфическим буферным поломкам (то есть, иными словами, поломкам на уровне нейродинамики). Заранее определить масштабы и функциональные особенности таких вмешательств в собственное психейное невозможно. Чаще всего такое вмешательство дает больше потерь, чем приобретений, превращает человека в медитативную машину. Можно употребить более крепкие выражения и сравнения, среди которых отнесение образа жизни "просветленных" субъектов к разряду "скотского" и "рабского" еще не самое крайнее.

С некоторыми оговорками можно заявить, что испытание высших состояний, по крайней мере, один-два раза в жизни довольно похвально и весьма желательно, поскольку оно расширяет горизонты сознания, показывает частность и относительность его обычных погруженностей. Обращение к более умеренным состояниям, направленным на "высшее", сродни вдохновению, а иногда вдохновением и является.

Нужно заметить, что искусственная выработка способностей (например, к живописи, поэзии) возможна, но подобные генетически незапрограммированные способности всегда ниже среднего уровня. Никому не известны гении в той или иной области творчества, ставшие таковыми благодаря образу жизни и специальным сосредоточениям, связанным с йогой или "молитвой".

Когда речь заходит о стремлениях постоянного погружения в какие-либо реактивности, пусть самого утонченного и глубинного рода, — невольно воз-

никают сравнения субъекта таких стремлений с алкоголиком, наркоманом и даже с... крысой, нажимающей педальку и замыкающей тем самым электрическую цель, одним из звеньев которой являются вживленные в мозг электроды.

С учетом всего сказанного и традиций западной цивилизации далеко не всякому захочется уподобить себя спящему Будде или поэту-теургу. Если все то, что нас окружает, и есть сплошной обман, некоторое сновидение, одно из возможных, то и застойное погружение в высшие реактивности со временем превращается в такое же подобие обмана. Это при всем том, что абстрактно взятые особые реактивные ощущения восходят к первичным космическим сущностям. Мы уже не раз высказывали мысль, что абсолют, невзирая на всю его глубину и всеполноту, довольно примитивен и неинтеллектуален[50].

Сверх естественных и в той или иной мере основополагающих СЖ необходимы другие — искусственные и самосозданные. Любой СЖ, имеющий происхождение из субъективно имманентного (по крайней мере в пределах замысла) и представляющий по своему масштабу достаточную соизмеримость с достижениями этноса и цивилизации, имеет два аспекта. В предельном случае эти два аспекта актуальны от момента самостоятельного мышления и до смерти высшего интеллекта. Не предусматривается

[50] Абсолют, предстающий через тот или иной кажимостный практический трансцензус, как нечто чудовищно многосложное, уже не есть чистый абсолют. Многосложность — это признак расщепленного абсолюта и реже праабсолюта.

прямых ссылок на нечто индивидно бессмертное, непреходящее, что вытекает из значения слова "самосозданность". Продуктивная самосозданность подразумевает суммационную подконтрольность индивидному сознанию и суммационно самоактивную деятельность. Диалектика субъекта и объекта нами уже рассматривалась — любая самоактивность неабсолютна, поверхностна, но такова судьба человека-субъекта — многоиндивидуальной безличности.

Первый аспект сходен с позиционной игрой, имеет начальные и сопутствующие условия — практическую вписанность человека в прагматическую и космоническую[51] данность. Он представляет собой отчасти саморазрабатываемую, отчасти заимствуемую тонкую технологию существования. Эта технология направлена в первую очередь против нивеляции, застоя, различных видов деградации, связана с поиском оптимумов существования. Важность таких оптимумов — в экономии адаптивных средств, в тех или иных "освобождениях", лишенных деформативных опрощений. Освобожденные резервы адаптации еще не могут означать какого-либо продуктивного творческого потенциала, поскольку легко подвержены размену и уничтожению. Всякого рода каналов для этого предостаточно. Первый аспект связан с непосредственной и опосредованной данностью, но тем не менее вполне индикатируется в рамках здесь-теперь существования.

Второй аспект — космополитичен. Существование в связи с ним должно быть таким, как если бы не было ограничивающих факторов. Это достаточно очищенная и защищенная область. В худшем случае

[51] См. сноску к разделу 3.2.2

полоса такой области может быть максимально сужена, но полное исчезновение этой зоны свободы маловероятно. Подразумевается отход от свойственной человеку психейной инерции, утилитарного, поднятие над своей витальной нишей и конкретным этносом. Уже в конечном виде для второго аспекта не имеет значения, существует ли жизнь на Земле или где-то в ином месте, является ли индивид человеком или иным существом, способным к самомышлению. Тем самым, вследствие своей автономности, эта область оказывается универсальным мировым проводником... Эгософия здесь смыкается с космософией. Сам корень "космо" употреблен нами в особом смысле и подразумевает некоторую отвлеченность не только от научной и философской эклектики, но и от абсолюта и его производных в чисто метафизическом смысле. Речь идет о туннеле-меристеме, которой еще не коснулся общий коллапс, и ее вырожденности. По сути, мы говорим о таком новом мире, какой не состоит из кирпичей старого, о новом мире на основе предмирия. То, что называлось нами праабсолютом по отношению к абсолюту, само в себе есть не только праабсолют. Преодоление такого космогонического тупика, как абсолют, подразумевает накопление вероятностей, какое не может произойти самопроизвольно. Мы вовсе не собираемся рассматривать здесь некие временные параметры: рассуждения об отдаленных "эонах", "югах" слишком метафоричны, подменяют сущности планом хроноса. Всё уже есть "в сейчас", открытость его иногда эквивалентна наличности.

* *

Ради определенности можно ввести новый термин, а именно — "вундермен". Отличительная особенность вундермена — описанная нами действенная внутрииндивидная надстройка. Рано или поздно эта космополитичная и, надо сказать, нечеловеческая надстройка (область) оказывает влияние и на все остальное, невзирая на актуальность границы между этой надстройкой-в-себе и всем остальным. С прагматической точки зрения, удержания этой области сколь-нибудь длительный срок в полноценном виде не происходит, но и предстающее ее наличие дает частичную модификацию и того, что обычно представляется ни от чего не зависимым общим основанием, базисом. Замыкания (на уровне интеллекта) на первичную меристему с бессознательными генерациями тех или иных необъяснимых феноменов, очевидно, были известны всегда, но остается добавить, что сам факт бессознательности, неожиданности этих феноменов для их автора уже выводит их за индивидуально-субъективную плоскость, делает их непринадлежностью, неатрибутом.

Полный контроль над автономной областью и ее производными, как правило, снимает и побочные эффекты, проходящие через неосознанное. Отсутствие таких эффектов — залог расширения области свободы в том случае, когда она заведомо уже образована.

Я-среда с классами феноменов, в ней возможных, была нами достаточно подробно описана. Никаких "особых областей" при самом скрупулезном наблюдении и анализе в ней просто так не обнаружить. Реализация надстройки наступает только при специальных эгософских индуктирующих операциях. При подобных операциях возникают достаточно проторимые и уловимые интенции нечеловеческого.

Вызывание надстроечного можно даже сравнить с вызыванием демона. Это сравнение удобно в том отношении, что сеансирование нечеловеческого способно вызвать фобии и сдвиг эмоционального статута далеко не всегда в положительную сторону. Однако не исключено и появление гипертимического скачка. В этом случае необходимо различать сам положительный импульс (или серию импульсов) и собственно экспозицию нечеловеческого, поскольку сдвиг в сторону положительных реактивностей может быть вызван и другими причинами.

Всякого рода непродуктивные ощущения отверженности, комплексы ощущений типа "печального демона" и "безвоздушного пространства" вполне могут быть удалены теми или иными психотехническими приемами. Один из таких приемов заключается в искусственном смещении центральной реактивной зоны и возврате этой зоны.

С целью индукции нечеловеческого необходимо умственное допущение о завершенности земных целей, о полном достижении всего с последующей постановкой вопросов-проблем типа: "Чем бы ты занялся, когда все уже достигнуто? Пусть, все человеческое достигнуто, но что тогда надо достигать еще?" Имеется в виду не сколько интеллектуальная, сколько воле-реактивная постановка таких вопросов-проблем.

Ставить подобные вопросы невозможно без полной готовности к ним, способности отвергнуть человека и все человеческое. Однако в этой готовности не должно быть и комплекса ощущений, характерных для мизантропии, озлобленности, презрения. Не должно быть ни "печального демона, духа изгнанья", ни "холодков", ни ощущаемого чуть ли не кожей давления безвоздушного пространства. Возникнове-

ние чего-либо подобного — верный симптом взятия неверной ноты. Отсутствие ощущения беспредельного энергетического потенциала — симптом неудачи. Не должно быть ни эпилептоидного "ОМ" или "АОУМ", ни шизофреноидной попытки нахождения точки опоры в нигде. Более важно то, что одно здесь уничтожает другое, чем и можно воспользоваться при попытках упражнения. Высшая опора — это проваленность в глубину до самого возможного конца, полное отсутствие каких-либо опор, приход в равновесие от пустоты, вакуума вокруг и как бы переход на аутогравитацию, на неожиданную спонтанность.

Переход в нечеловеческое требует наличия рефлексивно-рефлексной базы самореактивности (в противном случае невозможно погашение сопутствующих нежелательных реактивностей), а самореактивность, самостоятельная реактивность достигается гораздо сложнее, чем самомышление. Уже отсюда следует умение управления реактивностями.

Прагматически нечеловеческий полюс вундермена является полюсом очищения, возвышения. Соответственно индивидно-бытийное значение имеет чередование нечеловеческого с человеческим, а затем суперпозиция того и другого.

Один из критериев распознавания вундермена — его выход за исторический локус времени, а отчасти и за человеческую цивилизацию-культуру. Всё это предполагает феномен культурной самостоятельности, самоцивилизованности, что неизбежно касается возможности той или иной степени робинзонады.

Подобное более возможно при выделении в уже существующей земной культуре нечеловеческого зве-

на. Нет сомнения, что такие звенья наличествуют, пусть и не совсем явно, в искусстве, религии, философии, науке, материальной культуре. Наиболее сложно выделение такого звена в науке, ибо здесь оно касается не столько тех или иных конечных результатов, сколько эвристики, конкретно-психологических и конкретно-психейных способов познания, полностью не переводимых в образы и знаки. Пример нечеловеческой "материальной" культуры в простейшем случае можно связать с промежуточными моментами перехода индивида из родного этноса — в другой, совершенно чуждый. Естественно, речь идет только об элементах чужеродности.

* *

В псевдосредных картинах земной эволюции можно видеть несколько порогов: Порог № 1 — между добиологическим и биологическим, Порог № 2 — между "общественно-стадным" животным и общественно-историческим животным, то есть порог между обезьяной и человеком в обычном смысле, Порог № 3 — между человеком и человеком, суммирующий индивидуальные различия самого различного рода, как древние, так и современные. Можно было бы добавить к этой картине и Порог № 0 — порог между неатомарным и атомарным веществом и более ранние пороги.

Порог № 3 достаточно практически выражен — в нем дихотомии и пласты более малых порогов (как бы подпорогов), а в целом он приводит к тему, что один человек может отличаться от другого более, чем вид от вида, а духовно (если экстраполятивно распространять начальные принципы отличий и далее) более, чем один биологический тип от другого

(пусть речь даже идет о духовно-биологическом типе).

Порог № 3 отражает уже данную стихийную разделенность. Несмотря на наличие в нем дихотомий и микродихотомий, как правило, обычных ветвлений за ним нет, поскольку далеко не все важные отличия передаются биологически и через обучение. Именно поэтому Порог № 3 — пока порог индивидуальных отличий и не носит характера типичного эволюционного скачка. Это накопление самых различных "проб природы". Порогу № 3 соответствует и частичный социальный отбор, не имеющий какого-либо кардинального характера, основанный на случайных чертах.

Фактически приходится говорить не о некоем тотальном переходе Порога № 3 (за всю историю человечества его перешли только единицы), а о прикосновении к нему, о нахождении на его полосе. Это уже в некоторой степени можно считать групповым. Снижающим факторам является то, что восхождение на этот порог дисгармонично: восходит на Порог № 3 не весь человек, его сознание даже в общих чертах не охватывает всех областей этого порога.

Неполноценный переход этого рассматриваемого и вполне наличного порога делает невозможными подходы к Порогу № 4. Современная эпоха затрудняет одновременное художественное, философское, собственно научное, практическое и самобытийное прозрение. Если Порог № 3 становится нечеловеческим только к моментам его перехода, то Порог № 4 нечеловечен уже с самого начала. Последний порог — не для одиночек и требует специального надобщественного аппарата, медицинской и психологической революции. Заведомая утопичность все-

го этого еще более отдаляет Порог № 4. Приблизить его могут только совершенно непредвиденные обстоятельства.

Человечество прошло эпоху стадной дикости, эпоху исторической дикости, с 60 — 70 годов XX века началась эпоха дикости социальной. Для Порога № 4 необходимо хотя бы локальное преодоление этой последней из названных эпох. Та или иная ключевая идея (например, типа особого облагораживающего вмешательства в работу человеческого мозга, организма) совершенно бессмысленна в отдельности. Необходим комплекс ключевых идей, новая суперпозиция "природы". Во многих видах эволюции, особенно в эволюции интеллектуальной происходит увеличение числа суперпозиций исходной субстанции на саму себя. При этом все то, что делается самим индивидом — суммационно, в строгом смысле делается вовсе не индивидом.

О каких-либо особенных новых суперпозициях не приходится говорить из-за несовершенства и анархии систем коммуникации. Вследствие целой массы, казалось бы, третьестепенных причин, некий гипотетический, специально синтезированный сверхмозг и в искусственно "благоприятных" условиях наверняка оказался бы безработным. Эпоха социальной дикости содержит в себе кирпичи и острова других эпох, ей предшествовавших, и иное положение пока невозможно ввиду отсутствия других общественных динамизаторов и стабилизаторов. Механизмы конъюнктуры не всегда подвержены и вероятностным описаниям и, конечно, никак не вмещаются в те или иные теории, претендующие на знание тайн динамики общества.

Намечаемые контуры сверхсоциума, надобщества не носят характера действенней структуры, не являются более или менее автономными. Сверхсоциум чаще всего мертв и оживает только под тем или иным духовным влиянием, а его осколки затеряны в мусоропроводе культуры. Это касается и предметов надобщения (общения через поколения и расстояния): текстов, картин, архитектуры и пр.

Получается, что роль надобщественного обеспечивает не то, что находится над конъюнктурными автоматизмами, а то, что существует благодаря неопределенности или патологии этих автоматизмов или благодаря образованию случайных ниш в той или иной культуре. Так обстояло дело с сосредоточенностью на самобытии в античной Индии, с неожиданным появлением философии в Греции, с кратковременным явлением русского символизма[52].

Существует целая масса ярких показателей невыделенности надобщественной коммуникации. К таким показателям относятся: отсутствие всеобщей службы тестов, единой и доступной информационной службы (ни один раздел интернета пока не достиг должного уровня и развития, всё расплавляет стихия), отсутствие всемирного музея копий произведений изобразительного искусства.

Надсоциум есть не что иное, как рафинированная область социума. При наличии зрелых (социально) критериев такой рафинированности прагматика обычно ограничивает только степень массированности такой области и включенность в нее тех или

[52] Более ранний французский символизм по многим причинам оказался менее мощным, менее глубоким.

иных сфер, но не само ее наличие или отсутствие. (Пусть не сам надсоциум, но его модели уже не раз осуществлялись в человеческом обществе с той ли иной степенью искусственности, карикатурности.)

Новый тип прогресса можно было бы понимать как расширение степени надсоциального и надчеловеческого.

6. МЕТАТЕОРИЯ — 2
П А Р А Д О К С Ы
/ раздел-приложение /

6.1 Введение.

В данном разделе излагаются парадоксы — чаще всего в том виде, в каком они первоначально возникли. При этом сама сфера существования парадокса не специализируется, то есть не указывается какая-либо заведомо определенная среда приложимости парадокса, а также среда существования парадокса в себе. Все это связано с непредвиденностью возникновения парадоксов по какому-то конкретному мотиву или поводу, а также с возможностью их пропозициональности.

Можно видеть различные, связанные между собой типы парадоксов: парадоксы движения и времени, парадоксы пространства, парадоксы саморефлексивности, парадоксы бесконечности и нуля, парадоксы фикций, парадоксы ощущений и т. п. Понятно, что многие парадоксы требуют дополнительной дешифровки, однако эта дешифровка не может иметь собственно математического результата и проходить

только на уровне математики. При анализе парадоксов необходимо абстрагирование от математического же абстрагирования, а различные математические иллюстрации и методы можно принять только узко ограничено или в видоизмененном виде.

Строго говоря, чисто математический парадокс — это заведомо нереальный, сочиненный парадокс. Те или иные математические области могли бы быть построенными и по-другому. Это видно и в том, что в математической теории производится отказ от парадокса (от его рассмотрения), в том числе путем изменения самой теории. Парадокс обладает иной природой, чем та или иная теория, и может условно переводиться относительно самой теории в неопределенно-алогическую кажимость.

Многие парадоксы являются отправными точками нематематической геометрии, то есть непространственной геометрии, геометрии субстанции. Естественно, что математические традиции, направленные на заведомо фантомическое, здесь приходится либо корректировать, либо аннулировать.

Чаще всего уход от парадокса в науке происходит как отказ распространять математически привычное на реальное. Парадоксы и есть те умственные или реактивные факты, учет которых, позволяет пройти между Сциллой и Харибдой: между иллюзиями здравого смысла и иллюзиями абстрагирования. В другом плане эти иллюзии выглядят как иллюзии несамостоятельного субъективного и самостоятельного (в силу искусственной заданности) нереального. Во многих случаях причиной парадокса является не нечто онтологическое, не восприятие, но неверное истолкование первичных восприятий. В этом случае нереальное наделяется функциями и свойствами реального. Реже несамостоятельное рас-

сматривается как самосуществующее, что дает тот же эффект. В этом смысле парадоксы суть междумирки. Они не могут иметь определенной реально-денотативной среды приложения, невзирая на ту или иную заданность среды изложения. Приложение имеют не сами парадоксы, но их огибание.

Парадокс как логико-умозрительная проекция нелепости, несообразности, неверного воззрения есть эмпирический "контрфакт" философии, особенность исходных пунктов собственно предмета философии. Отличие сферы собственно философии от сферы науки и обыденной жизни прежде всего в том, что житейски или научно верное философски почти всегда неправильно. Сведение той или иной частной мудрости к благоглупости неизбежно, когда эта мудрость приобретает свойства самодовления. При толковании почти всех парадоксов присутствует следующий трюизм: "Вырванность из мира не есть сам мир". Сверх того различные вырванности из целого, сферы таких вырванностей не могут полноценно сопрягаться друг с другом. Чистая философия должна поэтому отказаться как от натурфилософии, так и от диалектики — мифологемно-первобытных способов связывания данностей.

6.2 Апории Зенона Элейского

1. Если существующих вещей много, те их должно быть столь много, сколько их есть — не больше и не меньше. А если их столь много, сколько их есть, то их число ограничено. Но если существующих вещей много, то их число неограниченно, ибо

всегда существуют вещи между существующими вещами и снова другие между теми.

* *

В качестве неочевидных трактовок этого парадокса можно предложить: направленность против псевдосред (против продолжения ощущений и подстановки опыта), направленность против бесконечности, в том числе против абстракции числовой оси и теории множеств в ее ортодоксальном виде.

2. Если все существующее помещается в известном месте, то ясно, что будет и место места и так идет в бесконечность.

(Трактуется нами как парадокс пространства.)

3. Если есть сущность, то она неделима, ибо единство не может быть разделено; неделимое же — ничто, ибо нельзя считать существующим то, что по своей природе, будучи прибавленным к другому, не производит увеличения, а, будучи отнятым от другого, не производит уменьшения; следовательно, сущности нет.

* *

Этот парадокс может быть интерпретирован как парадокс, отрицающий геометричность объективного мира, но в то же время он направлен и против традиции считать "первосущность", "первоединство", "монаду", "абсолют" и т. п. непротяженными.

4. "Дихотомия"

Тело не может пройти отрезок пути, так как сначала оно должно пройти половину отрезка, затем половину этой половины и так до бесконечности.

5. Ахиллес и черепаха

Ахиллес находится на расстоянии **a** от черепахи и бежит в **k** раз быстрее. Когда он преодолеет это расстояние, черепаха отползет на расстояние **a/k**, когда он преодолеет это расстояние, она отползет на расстояние **a/ k²** и т. д.

Теперь предположим, что Ахиллес догнал черепаху, тогда путь Ахиллеса:

$$S_1 = a + a/k + a/k^2 + a/k^3 + \ldots\ldots;$$

путь черепахи:

$$S_2 = a/k + a/k^2 + a/k^3 \ldots\ldots\ldots\ldots$$

Поскольку мы имеем соответствие:

$$a \rightarrow a/k,$$
$$a/k \rightarrow a/k^2,$$
$$\ldots\ldots\ldots$$

и число отрезков, пройденных Ахиллесом и черепахой равно, а Ахиллес должен пробежать и последний отрезок, мы имеем: A + 1 = A (часть равна целому), где A — количество отрезков, пройденное черепахой. Нужно учесть и то, что соответствие можно поставить так же между одинаковыми отрезками, пройденными Ахиллесом и черепахой, но тогда Ахиллесу нужно пробежать первый отрезок.

6 "С т р е л а"
(одна из самых важных апорий)

6-1. Если всякое тело, имеющее равное положение, покоится или движется и движущееся тело находится в моментах "теперь", то летящая стрела неподвижна.

6-2. Все всегда или покоится, или движется, но ничто не движется, когда занимает определенное место; движущийся же предмет всегда находится в данный момент в определенном месте, следовательно, стрела неподвижна.

6-3. Если время и пространство состоят из неделимых "теперь" и "здесь", то летящая стрела неподвижна, так как в неделимый момент времени она занимает равное себе положение, то есть покоится, а отрезок есть сумма неделимых моментов.

* *

Апория может быть сформулирована и в том случае, если пространство и время не считаются состоящими из неделимого, но здесь уже будет иметь место взаимодействие ее с парадоксами бесконечного, что никак не снимает самих парадоксов движения. Попытки опровергнуть логические апории вполне сравнимы с попытками построить вечный двигатель или решить трисекцию угла. Главная ошибка совершаемая при этом — использование производных понятий, в которых ложность парадоксов заведомо предполагается. Нельзя ментальную логику основывать на математике и физике — производных инструментах второго плана.

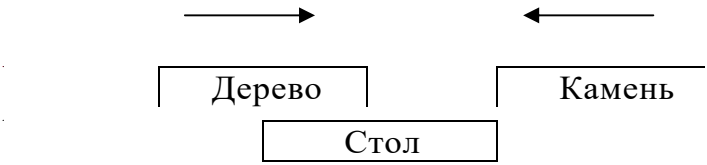
7. "С т а д и й"

На противоположных концах ристалища находятся два бегуна. Они бегут столь быстро, что каждому на пробег от одного конца до другого нужен один атом времени. Они одновременно выбегают, и когда произойдет их встреча, неделимый атом времени разделится пополам.

8. " С т а д и о н"

8-1. Две массы движутся по ристалищу с противоположных сторон с равной скоростью: одна с конца ристалища, другая — от середины. В результате этого получается, что половина времени равна двойному его количеству.

8-2.



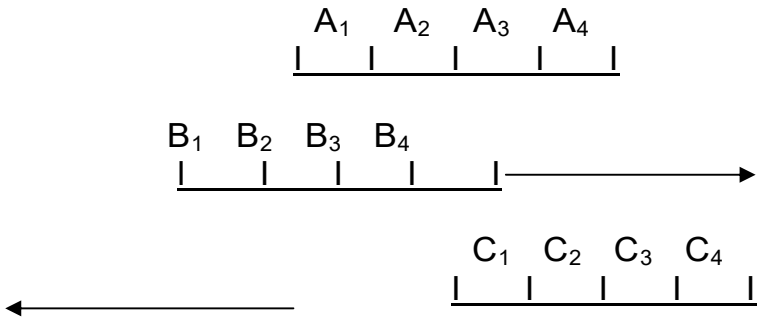
На столе длиной 4 м (см. выше) наполовину находится деревянный брусок (Д), длиной 4 м. Противоположного края стола касается каменный брусок длиной 4 м (К). Каменный брусок начинает двигаться с постоянной скоростью и через 1/2 ч достигает края деревянного бруска, и в этот момент начинает двигаться деревянный брусок. Через 1/2 ч после соприкосновения каменный брусок передвигается на длину стола. Кусок дерева пройдет такое

же расстояние за 1/2 ч, так как все время касался каменного бруска.

Отсюда два тела, имеющие одинаковую скорость, покрывают одно и то же расстояние первое — за 1 ч, а другое за 1/2 ч, то есть 1 ч = 1/2 ч.

(Апория относительности движения. Форма изложения — по Пьеру Бейлю; предпочтение версий парадоксов 5 и 8-3 отдано изложению И. Г. Башмаковой в книге "История математики", Т. 1.: Наука. М. 1970, с. 91, 92.)

8-3



Пусть по стадиону движутся по параллельным прямым равные массы с равной скоростью, но в противоположных направлениях. При этом ряд A_1, A_2, A_3, A_4 — неподвижные массы;

ряд B_1, B_2, B_3, B_4 — массы, движущиеся вправо;

ряд C_1, C_2, C_3, C_4 — массы движущиеся влево.

Подразумевается, что массы A_i, B_i, C_i — неделимые.

В неделимый момент времени B_i и C_i проходят неделимую часть пространства, в противном случае

неделимые отрезки были бы делимы относительно A_i.

Рассмотрим движение B_i и C_i относительно друг друга. За два неделимых момента времени B_i пройдет две неделимые части A_i и одновременно четыре неделимые части C_i, то есть неделимый момент времени стал делимым.

8-4 (Иное рассмотрение 8-3). За одно и то же время t точка B проходит половину отрезка $A_1 A_4$ и целый отрезок $C_1 C_4$, но каждому неделимому отрезку отвечает неделимая часть пространства, проходимая за это же время. Тогда получается, что в некотором отрезке *a* и отрезке *2a* между точками можно установить взаимно однозначное соответствие, то есть, в этих отрезках — одинаковое число точек. Это противоречит мнению, что сумма мер отрезка образуется как сумма мер неделимых.

9. "Медимн* зерна"

Одно или несколько зерен падают на землю бесшумно. Шум падающего медимна зерна складывается из шума отдельных зерен, а значит и медимн зерна должен падать бесшумно.

* *

Указания на наличие у человека порогов восприятия здесь неуместны. Неуместность их не только в отсутствии необходимости удвоения действительности в данной простой картине, но и в том, что неслышимость падения одного или нескольких зерен

---

* Медимн (Μέδιμνος) = 52,53 л

может сводится к более простым причинам, например, к отсутствию полной тишины и т. п. Данный парадокс более подобен парадоксу Эвбулида "Куча", а также парадоксу Зенона по пункту 3 данного изложения.

6.3 Парадоксы Эвбулида из Милета. Парадокс Диодора

А-1. "Лжец"

Вариант 1. Критянин Эпименид сказал: "Все критяне лжецы".

Вариант 2. (логически более защищенный) "Я лгу".

Вариант 3. "Лгу".

Первый вариант парадокса не является полностью логически защищенным, поскольку в него может быть введена модальность. Пусть Эпименид сказал неправду и в действительности не все критяне лжецы.

Второй вариант парадокса более четко превращен в парадокс саморефлексивности. Пользуясь обычной логикой обойти этот парадокс невозможно.

А-2. "Куча"

Одно зерно не составляет кучи. Одно зерно и одно зерно также не дадут кучи. Если n зерен не образует кучи, то и n + 1 зерно не даст кучи. Следовательно, никакое число зерен не даст кучи.

А-3. "Лысый"

Лысых людей не существует. Возьмем любого нелысого. Человек, у которого на один волос меньше, также нелысый. Человек, у которого на один волос меньше, чем у этого второго, также нелысый и т. п.

А-4."Рогатый"

См. перечень софизмов /разд. 6.5/. Софизм скорее всего приписан Эвбулиду ложно.

А-5. "П о к р ы т ы й"

– Знает ли Электра своего брата Ореста?

– Да! Она знает его!

– Сейчас он стоит перед ней, закутанный покрывалом, и она не знает, что этот человек — Орест ...

Б. Парадокс Диодора из Крона (ученик Эвбулида)

I. Возможно лишь то, что действительно, а что недействительно, то и невозможно.

6.4 Парадоксы пирронистов

6.4.1 Парадокс знака

Знака не существует. В самом деле, если бы он существовал, то он был бы или чувственным или умопостигаемым. Но знак не может быть чувственным, ибо чувствуемость есть общее свойство, а знак отдельная вещь /ср. также независимость от формы написаний в пределах опознаваемости — *Ал. Ак.*/ Кроме того, чувственные вещи отличаются по отличиям, а знаки по отношениям. Однако знак это и не умопостигаемая вещь, ибо всякая умопостигаемая вещь есть или явность явного, или неявность неявного, или неявность явного, или явность неявного, а знак не таков.

Знак это не явность явного, ибо явному не нужен знак; это не неявность неявного, ибо раскрываемое неявное стало бы явным; это не неявность явного, ибо что дает чему-то возможность быть воспринятым должно само быть явным; это не явность неявного, ибо знак, будучи относителен, должен восприниматься вместе с означаемым, а здесь это не так.

Стало быть, ничто неявное постигнуто быть не может, потому что достигается оно, по обычному мнению, через знаки.

6.4.2 Критерии истины

Критерий истины, основанный на недоказуемом, не проходит, критерий же, требующий нового критерия, упирается в бесконечность.

6.4.3 Парадокс нерождающегося и неумирающего Сократа (ННС)

Если Сократ родился, то Сократ появился либо тогда, когда его не было, либо когда уже был Сократ. Но если сказать, что он появился тогда, когда уже был, то он был бы происшедшим дважды. Если же тогда, когда он не был, то одновременно и был Сократ, и не был, ибо он был вследствие происхождения, но не был по предположению.

И если умер Сократ, то он умер или когда жил, или когда умер.

Если когда жил, тогда он не умер, так как один и тот же человек и жил бы, и был бы мертв; но и не тогда, когда умер, ибо он был бы дважды мертвым. Стало быть, Сократ не умер.

При введении промежуточных состояний между жизнью и смертью, рождением и нерожденностью парадокс ННС остается в силе, так как возникает новый парадокс, связанный в свою очередь с этими состояниями. Далее возникают аналогии с парадоксами бесконечности.

При введении квантованного перехода от жизни к смерти, от нерожденности — к рожденности сам этот переход окажется "нулевым", небытийым. Некий воображаемый самостный Сократ, а не Сократ-ощущение (образ) или Сократ-условность должен содержать в себе основу своего изменения, но квантованный переход, как и поверхностный комплекс ощущений, упирается в более самостное. При рассмотрении в условиях квантованности это "самостное" окажется вновь несамостным, — возникает призрак дурной бесконечности.

6.4.4 "П о р т р е т С о к р а т а"

...не знающий Сократа и посмотревший на его изображение не знает, похоже ли изображение на Сократа. Точно так же и мышление, глядя на состояние чувств, но не видя внешнего, не будет знать, подобны ли состояния чувств внешним предметам.

(Аргумент против гипостазирования "вещей в себе".)

6. 4.5 Парадокс причинности

Если бы не было причин, лошади, может быть, родились бы от мышей, а слоны — от муравьев...

Причина должна либо сосуществовать с действием, либо существовать после него, либо раньше его, но она не может существовать раньше его, ибо существует по отношению к нему; она не может сосуществовать, так как тогда не будет причиной, ибо происходящее происходит из уже сущего.

Но если причина существует по отношению к чему-нибудь, а именно по отношению к действию, то ясно, что она не может существовать до него как его причина; значит, причина не может, будучи причиной, производить то, причиной чего она является.

6.5 Софизмы

1. То, что ты не терял, то ты имеешь; ты не терял рога, значит, ты рогат.

2. Сидящий встал; кто встал, тот стоит; следовательно, сидящий стоит.

3. Эта собака имеет детей, значит она — отец. Но это твоя собака. Значит она твой отец. Ты ее бьешь — значит, ты бьешь своего отца.

4. — Это твоя собака?
— Да! Конечно, моя!
— И щенки этой собаки также твои?
— Раз моя собака, то и щенки ее также мои!
— Значит ты отец этих щенков и муж собаки!

5. Эта статуя — художественное произведение. Но она твоя. Значит она твое художественное произведение.

6. Сократ — человек. Человек — это не то же самое, что Сократ. Следовательно, Сократ — это нечто иное, чем Сократ.

7. Вор не желает приобрести ничего дурного. Приобретение хорошего есть дело хорошее. Следовательно, вор желает хорошего.

8. Ученик Эватл должен заплатить учителю Протагору за обучение только в том случае, если он выиграет свой первый процесс в суде. Таков договор между Протагором и Эватлом. Эватл не вел никаких процессов и потому считал, что платить не обязан.

Точка зрения Протагора: "Я подаю в суд. Судьи или присудят Эватлу уплатить или нет. В первом случае я получу деньги в силу решения суда, а во втором — в силу договора".

Точка зрения Эватла: "За проигранный процесс не следует платить в силу договора, а за выигранный — в силу решения суда".

* *

Софизмы иногда могут переходить в действительные парадоксы. Для этого необходимо либо небольшое их изменение, либо уточнение. Так, например, софизм "Сидящий встал" может быть и парадоксом качественного изменения, парадоксом переходного состояния и т. д. Софизм Эватла перейдет в парадокс в том случае, если на суде Эватл будет не только ответчиком, но и юристом, защищающим самого себя.

6.6 Парадоксы саморефлексивности

Довольно известны. Это парадокс Рассела (1902), парадокс "Лжец" (в современной формулировке "лгу"), гетерологический парадокс (парадокс К. Греллинга), "Крокодилов силлогизм", "Брадобрей" и другие.

Примеры

А. [Предложение, взятое на этой странице в квадратные скобки, ложно.]

Получается, что если оно истинно, то оно ложно, а если оно ложно, то оно истинно.

Б. Дан лист бумаги. На одной его стороне написано: "Положение на противоположной стороне ложно". На другой стороне дана надпись: "Написанное на противоположной стороне истинно".

В. Парадокс Рассела-Цермелло[53].

Пусть множество А есть множество всех таких множеств Х, что Х не есть элемент Х. Согласно определению, если А есть элемент А, то А также не есть элемент А, а если А не есть элемент А, то А есть элемент А.

Г. Гетерологический парадокс.

Прилагательное называется гетерологическим, если свойство, которое оно обозначает, ему самому не присуще. Возьмем прилагательное "гетерологический". Если это прилагательное гетерологично, то оно негетерологично. Если оно негетерологично, то оно гетерологично.

Д. Парадокс Берри (1906).

Существует лишь конечное число слогов в русском языке. Отсюда следует, что число фраз в русском языке, которые содержат не более 50 слогов, также конечно. С помощью таких фраз можно охарактеризовать только конечное число натуральных чисел.

Пусть К есть ***наименьшее из натуральных чисел, которые не характеризуются никакой фразой русского языка, содержащей не более пятидесяти слогов***.

Выделенная фраза характеризует число К и содержит не более 50 слогов.

Парадокс аналогичен парадоксу Ришара (J. Richard, 1905), является одним из вариантов последнего.

---

[53] Вариант парадокса Гонсета.

В нашем случае не имеет смысла подразделять парадоксы саморефлексивности на семантические и логические, ввиду того, что, говоря о метатеориях, мы подразумеваем и метатеорию логик. Можно заметить, что многие из парадоксов саморефлексивности являются бессодержательными, оказываются как бы разновидностями формы в себе. Наиболее ярко это можно видеть на примере А. В этом примере нет ничего, кроме замкнутого круга истина-ложь.

Отмеченный во всех парадоксах саморефлексивности феномен "перебрасывания смысла" интересен своим псевдодвижением, аналогом хроноса, а также возможностью проверки компьютеров будущего на тест "немашинности". Лучший компьютер даст при решении этих парадоксов совершенно неожиданную реакцию (решение). Это решение не должно состоять как в простом выбрасывании того или иного ответа, так и в монотонном чередовании ответов. Мы подразумеваем, что парадоксы саморефлексивности — один из ключей для перевода компьютеров на режим независимого самофункционирования[54].

Генерация такой самоигры будет значительно эффективнее конкретных рабочих задач по сравнению с генерацией случайных чисел.

На саморефлексивности может быть построена та или иная лестница ключевых идей. Сказочным примером первой ступени подобной лестницы может

[54] Самый простой случай: круговое "вечное повторение" при $n = \infty$ или модельный вариант: выписывание иррациональной дроби; более сложный и интересный случай: самоперестройка внутренней логики.

быть удостоверенное желание того, чтобы все удостоверенные желания выполнялись.

Другие примеры саморефлексивной деятельности: цель — поиск цели, смысл — осмысливание смысла и т. п. В подобных саморефлексивностях можно видеть либо построение иерархий, либо — редукцию-углубление, возврат к первичности.

В качестве антонима саморефлексивности может быть предложена (с некоторыми оговорками) диалектичность. Если саморефлексивность, снимая признаки дурной бесконечности, претендует на онтологичность, то диалектичность оказывается всего лишь диалектикой — принципом связи иллюзий. Следовательно, вписывание одних теорий в другие (если это вдруг требуется в каких-либо чисто риторических целях) и удобно осуществлять в диалектическом виде /подробнее см. раздел 6.15/.

Для человека сознание и самосознание — одно и то же. Всякого рода переключения на наблюдения за процессом мышления (вернее говоря, осознания осознания) являются безличным переносом внимания, сконцентрированностью на некоторых коррелятах процесса осмысливания, но не на чем-либо фундаментальном. Фундаментальное — всегда за пленкой сознания.

Выделение чего-либо с помощью аксиом (или иным образом) из несамостоятельного субъективного сознания в статус формально независимого идеального, естественно, приводит к потере саморефлексивных отношений. При этом сохранение саморефлексии в виде правила, предписания, модуса оборачивается парадоксом.

Одним из признаков парадоксальной саморефлексивности является присутствие на двух уровнях сразу, в том числе в двух иерархиях одновременно. Переведение того или иного парадокса саморефлексивности из абстрактной формы в псевдофизическую или бытовую можно совместить с вопросом о способах задания времени, способах течения времени. Например, когда мы переводим парадокс Рассела в форму С. К. Клини ("Каждый муниципалитет в Голландии..."), или в форму "Каталог всех каталогов", или в форму Гонсета ("Брадобрей"), мы одновременно можем заявить, что "все течет, все изменяется" и "нельзя войти в одну и ту же реку и одного раза" (на том основании, что в каждый новый момент времени среда действия и предмет действия уже новые (отчасти изменившиеся, либо подмененные кардинально, хотя и идентичные). Отсюда парикмахер, который бреет только тех, кто не бреется сам, или мэр той мэрии, в которой живут только мэры, не проживающие в своих мэриях, окажутся квантифицированными по оси времени или по моментам времени. При этом достаточно вероятно, что один такой мэр (или парикмахер) будет нетождественен другому мэру (или парикмахеру).

Ссылка не на утверждения логической мысли и не на некие безличные законы, а на административные или судебные решения приводит к той области прагматики, в которой проблем выбора нет (можно совсем не приводить в пример субъективные, спонтанные и неправильные решения — достаточно заявить еще один раз, что проблемы вносятся в практику из области привычной мысли).

Тем не менее невзирая на сослагательные и прагматические возможности решения, парадоксы саморефлексивности теоретически остаются неразреши-

мыми и дают тем самым новые стимулы к уточнению мировоззрения.

6.7 Парадокс несуществования

Высказывание "несуществующее существует" (в частном случае, высказывание "ничто существует") образует парадокс, похожий на парадокс пустого множества. Парадоксальность содержится уже в самой формулировке. Это очень понятно. Не меньшей парадоксальностью является и возможность мысли о таком всем "знакомом" нуле. (Фактически знакомо только обозначение нуля. В примере "нуль яблок" мы соприкасаемся с примером обозначения отсутствия предмета словом "нуль". Какого-то нуля вне обозначений нет.)

Дело в том, что парадоксальным является и высказывание "несуществующее не существует". Суть парадокса несуществования сводится к тому, что несуществующее, будучи отрицаемым или используемым в какой-то иной логической операции, оказывается в некотором роде существующим. Утверждаемая самоотрицательность несуществующего также может делать несуществующее субстанционализированным (субстанциональным).

Один из вариантов парадокса (1970).

Денотат понятия "ничто" есть ничто, а значит, он есть, ибо отсутствие денотата в этом исключительном случае уже есть денотат.

Небытие оказывается опредмеченным именно вследствие факта своего рассмотрения.

6.8 Парадоксы бесконечности

Введение бесконечности в ту или иную математическую область способно вызвать несообразности самого различного рода. От подобных несообразностей иногда удается избавиться, используя конвенции. Успех такого избавления различен. Так, в известных областях математики выражения типа a / ∞, $\infty / 0$, $0 / \infty$ и т. д. считаются неопределенностями. Тем не менее на уровне метатеории мы вправе задать вопрос: "Что происходит?" На языке наших рассуждений приведенные выражения — не неопределенности, а парадоксальности, частные случаи парадоксальности рассмотрения нуля и бесконечности.

Напрашивается вывод о том, что "неопределенности" суть свидетельства алогизма понятий "нуль" и "бесконечность". При более подробном рассмотрении, в том числе при рассмотрении различных возможных дефиниций начальных понятий, становится ясно, что алогизм заключен в самих понятиях "нуля" и "бесконечности", а не в тех действиях, которые производятся с ними.

Если нуль — знак фиктивно-отсубъективный и не может быть фактическим числом чего-либо, так как он обозначает отсутствие существования того, что он обозначает (например, в данный момент и в данном месте), то и бесконечность не может быть фактуальным числом, то есть бесконечность, по крайней мере, не может быть актуальной.

Методы спасительных "табу", пригодные для конкретной области конкретной дисциплины, не пригодны для логических рассуждений вообще.

6.8.1 Противоречивы такие синонимы арифметической бесконечности, как "максимальное число" и "последнее число числового ряда" (подразумевается актуальная бесконечность). Бесконечное последнее число числового ряда получалось бы при сложении предыдущего числа с единицей при всем том, что конечное, будучи сложенным с конечным, может дать только конечное.

С другой стороны, если предыдущее перед "бесконечностью" число есть также бесконечность, то тогда имеет место нелепость: натуральный ряд, начиная с некоторого числа, перестает быть возрастающим, повторяя одно и то же число, что противоречит понятию числового ряда.

Аксиоматическое введение "большей" и "меньшей" бесконечности малооправданно как общий случай, но если такое введение и состоялась, то оно способно только умножить парадоксальность бесконечного. При наличии некой трансфинитной накопительности может возникнуть требование об указании первого трансфинитного члена в ряде. Следовательно, вышеуказанный парадокс по-прежнему будет иметь место.

6.8.2 Пусть мы имеем два бесконечных множества и пусть элементы этих множеств находятся во взаимно-однозначном соответствии. Если от каждого из этих множеств мы отнимаем по элементу, то они остаются бесконечными $\infty - 1 = \infty$ (в общем случае противное означало бы небесконечность: конечное число элементов, сложенное с единицей — еще одним элементом дает также конечное число элементов).

Пусть элементы множеств обладают свойством взаимно-однозначного уничтожения, то есть опре-

деленный элемент одного множества уничтожает соответствующий ему элемент в другом множестве и при этом уничтожается сам. Пусть взаимоуничтожение элементов наступает только после задания операции взаимоуничтожения.

Зададим такую операцию. Каждая пара элементов, находящихся во взаимно-однозначном соответствии, уничтожается. После совершения такой операции оба множества перестают существовать. Мы получили противоречие: с одной стороны, $\infty - 1 = \infty$, с другой стороны, процесс уничтожения бесконечного множества сводился к сумме операций ∞ — 1. Бездейственность одной операции означала бы бездействие операции интегральной, ввиду того, что каждая составляющая операция ничего не изменяет.

Следует заметить, что рассмотрение только что описанной картины с помощью обычного математического аппарата было бы неправомерным и наивным именно вследствие примативности рассматриваемого парадокса и неизбежного алогизма, проникающего в исходные системы аксиом соответствующей математической области. Известны, например, наивные решения парадокса "Ахиллес и черепаха" с помощью обычных методов математического анализа. Использование здесь бесконечно малых (а затем рядов) или аксиомы Дедекинда подобно доказательству движения вещи в себе посредством хождения ногами.

Рассмотренному парадоксу можно придать более наглядный вид. Пусть имеются два бесконечных враждебных друг другу войска. Воины каждого из них выстроены в шеренгу лицом к неприятелю. Эти шеренги отстоят друг от друга на расстояние в 2/3 копья. Напротив воина одного войска расположен во-

ин другого войска. Что происходит далее — читателю ясно.

Если все воины честно и умело сделают свое дело, то оба войска перестанут существовать, но в то же время от гибели одного воина войско никак не уменьшается.

Итак, переход из конечного в бесконечное или бесконечного в конечное практически невозможен. Сама бесконечность производимых операций не аннулирует актуальности парадокса. Все воины уничтожили друг друга сразу в один момент, но если бы в каждый момент уничтожалось только по одной паре воинов, то бесконечность самих моментов не повлияла бы на сам разрыв между конечным и бесконечным: образуется новый парадокс — сколько бы бесконечно не ликвидировалось по одной паре воинов, сама бесконечность (в плане последовательности проведения процесса) остается нетронутой, а отдельные операции "снятия пар" ничего бы не изменяли; с другой стороны, если мы берем уже свершенную бесконечность, рассматриваем ее ретроспективно, то оказывается, что обоих войск не существует.

Парадоксы данного типа можно интерпретировать с помощью символов так:

$$\infty - 1 \cdot \infty = \infty \qquad (1)$$
$$\infty - 1 \cdot \infty = 0 \qquad (2)$$

Откуда следует, что $0 = \infty$ (3),
что и следовало ожидать. Бесконечность так же, как и нуль, является знаком небытия. Бесконечность — такая же абстрактная условность, как и понятие "куча".

6.8.3 Отрезок не может состоять из бесконечного количества элементов, даже если под отрезком подразумевается отрезок классической геометрии. Если иметь в виду протяженные элементы, то в случае бесконечности их количества, длина отрезка будет бесконечной, что в тривиальном случае невозможно, так как мы имеем конечный отрезок.

Непротяженные элементы (точки) также не могут быть актуальными элементами отрезка: две точки поставленные "рядом" либо образуют одну точку из-за их непротяженности, либо между ними остается актуальным промежуток. Последний будет иметь место даже при ортодоксальном предположении о бесконечности точек между двумя любыми точками.

Допустим, что некий отрезок состоит из бесконечного числа точек, но тогда он должен быть одной точкой, то есть вообще отсутствовать, быть равным нулю, так как две любые актуально граничащие точки оказываются одной точкой.

Таким образом, бесконечность точек на отрезке может рассматриваться либо в потенциально-инструментальном (заведомо условном) смысле, либо точки могут считаться только границами отрезка и рисками на нем, но не его наполнителями. Применяемые в математике представления о взаимоотношении прямых и точек на них, как правило, являются примативно-алогичными.

6.8.4 По уже указанным причинам протяженное "тело" не может быть делимо до бесконечности.

$a / \infty = 0$, а нуль есть обозначение "ничто", но в то же время: $a / \infty = k$, где $k \neq 0$.

В первом случае тела вообще бы не было в наличии, так как сложение нулей дало бы нуль. Во

втором случае конечное тело не смогло бы быть конечным.

6.8.5 Пусть мы имеем прямую. Делим ее на две части:

$$\infty / 2 = \infty$$

Затем задаем деление полученного луча еще на две части. Пусть даже мы не сможем указать точку этого деления, но против этой операции нет резонных возражений. Итак:

$$\infty / 4 = \infty$$

Пусть во время второй операции мы делили правый луч. Левая половина правого луча окажется отрезком, но отрезок не может быть равным бесконечности (парадокс ограниченной со всех сторон бесконечности), и в то же время этот отрезок равен правой половине правого луча, причем длина этой части равна бесконечности.

6.8.6 Деление можно производить чисто аналитически. Пусть мы имеем луч, составленный из конечных протяженных кубов. Каждый куб имеет номер, и вся совокупность номеров образует натуральный ряд. При этом аналитический результат:

$$\infty / 2 = \infty$$

Левая ограниченная часть луча равна правой, которая в свою очередь равна бесконечности, но с другой стороны, ограниченное число кубов не может быть бесконечным.

Все это похоже на канторовскую попытку сохранения актуальной (ограниченной) бесконечности, приведшую затем к противоречиям.

6.8.7 К противоречиям можно прийти, если оперировать с бесконечностью алгебраически. О подобных противоречиях уже говорят приводившиеся нами выражения: a / ∞, $0 / \infty$.

При решении алгебраических уравнений, составленных так, что в них включена бесконечность в качестве одного из членов, мы можем получить такие выражения, как $\infty + 2 = 2$ и $\infty = 0$. Любопытно изменение некоторых алгебраических алгоритмов (например, указывающих, что происходит с правой частью уравнения, если все ее члены перенесены в левую), при одновременном полном снятии нуля и введении бесконечности. *Мы как бы будем иметь три варианта бесконечности: минус-бесконечность, бесконечность и плюс-бесконечность, фактически равные друг другу не только по абсолютной величине. В таком и только в таком случае оправдается сам значок бесконечности: рациональные числа замкнутся в восьмерку. (Это окажется не ряд рациональных чисел, но два кольца таких чисел, соединенных в нуле-бесконечности.)*

Апеллируя по очереди к различным свойствам нуля-бесконечности с некоторым успехом можно строить космогонические гипотезы. Такие числа, как "нуль", "бесконечность" и даже "единица" явно содержат в себе нечисловые и даже нематематические аспекты. Один из таких аспектов пралогичен. Однако именно он и не имеет никакого отношения к рациональности.

6.3.8 Попытка запрещения тех или иных операций с бесконечностью имеет смысл только тогда, когда необходимо абстрагироваться от алогичности и противоречивости понятия бесконечности, или тогда, когда идет речь о бесконечности заведомо условной, потенциальной. Всё это возможно только в довольно узких и ограниченных областях математики и приложениях последней (также ограниченных). Кантору и его последователям не удалось непротиворечивое сохранение бесконечности в теории множеств. Бесконечность и достаточно большая общность теории множеств несовместимы.

Это можно сказать не только о теории множеств, но и о формальной геометрии. Каким образом будет возможно преобразование формальной геометрии в любую конкретную при сохранении понятия "бесконечность"? Если точкой в одной из конкретных геометрий будет считаться протяженный объем, то как тогда будет выполняться условие о бесконечности точек между двумя любыми точками? Например, два куба можно поставить рядом, между ними ничего не будет.

Идея бесконечности есть прежде всего фантастическая метатеоретическая идея. К сожалению, об этой фантастичности принято забывать не только в математике.

К парадоксам бесконечности примыкают и более специальные математические парадоксы: парадокс Бурали-Форти (1897) и сходный с ним парадокс Кантора (1899). Парадокс Бурали-Форти относится к теории порядковых чисел, а парадокс Кантора — к теории кардинальных чисел.

Парадокс Бурали-Форти звучит так:

Для любого п о р я д к о в о г о числа существует порядковое число, его превосходящее. Однако порядковое число, определяемое множеством всех порядковых чисел, является наибольшим порядковым числом.

Еще раз обращаем внимание на взаимосвязь парадоксов бесконечности и парадоксов саморефлексивности. Сходство парадоксов бесконечности с парадоксами вида "Лысый" и "Куча" свидетельствует о наличии интерсубъективного произвола.

6.9 Теоремы Гёделя о неполноте[55]

Существует две теоремы Геделя о неполноте, а также множество их конкретных истолкований и приложений. Как сами теоремы, так и их приложения не являются парадоксами. Парадоксальной оказывается человеческая практика теории по отношению к названным теоремам Геделя. Тем самым имеет место некоторый эпистемологический парадокс, уничтожается очередной идеалистический лужок.

I. В любой непротиворечивой формальной системе, содержащей минимум арифметики (+, • , ∀, ∃ и алгоритмы), найдется формально неразрешимое суждение.

[55] Геделю принадлежит и теорема о полноте классического исчисления предикатов.

II. При выполнении дополнительных условий в качестве формально неразрешимого суждения можно взять утверждение о непротиворечивости рассматриваемой системы.

Неразрешимыми суждениями принято называть суждения, которые недоказуемы и одновременно неопровержимы. Для доказательства своей непротиворечивости формальная система требует более мощной формальной системы, но при этом более мощная формальная система не погружается в менее мощную систему (подразумевается перевод одного логико-математического языка в другой с сохранением тех или иных дедуктивных свойств). Так, формальный математический анализ не погружается в арифметику, теория типов не погружается в анализ, теория множеств не погружается в теорию типов.

Теоремы Геделя пересекаются как с парадоксами саморефлексивности (невозможность доказательства непротиворечивости системы средствами самой системы), так и с парадоксами бесконечности (дурная бесконечность иерархии формальных систем, из которых одна должна обосновывать другую).

6.10 Парадоксы измерений (метрики)

Нульмерное не является чем-то протяженным и бытийным, но не могут быть бытийны и те протяжения, в которых нульмерное присутствует косвенно. Предполагая возможность протяженности с числом измерений n, мы тем самым отвергаем наличие всех других измерений, так как меньшие измерения будут в большем измерении небытием, как небытие точка для отрезка, а бóльшие измерение не могут существовать по той причине, что тогда небытием

оказалось бы то измерение, которое по предположению считалось наличествующим.

Плоскость не может состоять из точек, для нее они — "нули", но, с другой стороны, сама плоскость имеет нулевое третье протяжение и сама точка может рассматриваться теоретически как наименьший минимальный участок плоскости... Если бы плоскость была субстанцией, то точка, не будучи субстанцией (из-за своей непротяженности), была бы субстанцией вследствие того, что субстанция себя сама внутренне исчерпывает и, следовательно, содержит в себе свою внутреннюю границу — точку и как участок, и как ограничитель по третьему измерению. Если бы граница была вне субстанции, то субстанция себя не исчерпывала бы и не ограничивала.

Точка может быть поставлена в любое место плоскости, но, однако, не может быть поставлена рядом с соседней точкой, хотя непосредственная окрестность точки есть ничуть не худшее по сравнению с любым местом место.

То, что мы сказали о двух измерениях, можно сказать, сделав поправку на порядок, о любом измерении. Каждое из измерений, отрицая все другие измерения, косвенно их в себя включает.

6.11 Парадокс нефатальности (1968)

Если событие произошло, то оно уже неизбежно. Какого-либо фактора "избегания" просто не может существовать. Если "избегание", "отклонение" приводит к этому, а не к другому становлению, то "э т о" становление неизбежно.

Допустим, что негде из наличия события **У** при обычных условиях должно следовать событие **Х**, но

произошло событие **Z**, которое отменило событие **X** и дало некое событие **F**. Однако эта отмена оказывается предопределённой в силу события **Z**.

Аналогично фатальность можно связать с отсутствием детерминизма: нефатальное и в этом случае невозможно, в силу самого хода времени.

Нефатальность будет парадоксальной и при предположении о взаимосуществовании альтернативных событий, ибо предопределенность и непредопределенность в этом случае зависимо-относительна и связана с одним из противоположных событий.

Вопросу о фатальности пытаются необоснованно придавать тот или иной эмоциональный окрас.

Взаимодействие фатальности со свободой и несвободой нами уже рассматривалось /5.1.5 В/. Возможна так называемая имманентно мотивированная фатальность.

6.12 Псевдопарадокс необходимости

Аристотель писал: "Уничтожение случая ведет за собой нелепые последствия. Если в явлениях нет случая, то все существует и возникает по необходимости, тогда бы не пришлось ни совещаться, ни действовать… " и т. п. Ужаснувшись кажущейся эмоциональной тяжестью необходимости, Аристотель непоследовательно изгоняет из царства необходимости совещания и действия и потому получает некое житейское противоречие.

Необходимость (речь, конечно, идет о псевдосредно представляемом мире, о псевдосредной модели мира) проявляется для человека через его же внутреннюю необходимость, через его совещания, действия,желания,цели и даже причуды.

Поскольку желания и цели предопределены до человека — человек несвободен, но, с другой стороны, желания и цели суть цели самого человека, а потому человек — свободен (типичный пример псевдосредной диалектики).

Онтологические и эпистемологические поправки мало что добавляют к сказанному выше. Они дают только некоторые ограничения. Так, термин "человек" приходится менять на термин "субъективное сознание", а всякого рода субъективные и отсубъективные (идеальные) кажимости необходимости оказываются всего лишь производными-проекциями, что тем не менее никак не меняет их жесткости и однозначности.

6.13 Парадокс атома протяженности

1. Пусть дан атом протяженности. Тогда получится, что этот атом, будучи протяжен в целом, не является протяженным внутри себя: ничто образует протяженность.

2. Атом протяженности оказывается декартовым сосудом, в котором нет ничего (декартов парадокс пустоты). Вследствие этого "стенки" атома смыкаются, а поскольку мы имеем дело с атомом протяженности, далее обращаются в "нуль", ничто, — сам атом исчезает.

3. Пусть дан атом протяженности. Пусть это будет трехмерный атом протяженности. Но тогда у этого атома будет "поверхность". Его поверхность протя-

женна[56] и, как и сам атом, может бесконечно делиться. Следовательно, должны быть наименьшие лоскуты поверхности и внутри себя они непротяженны (логика та же), далее — линии, в которые заключены эти лоскуты, не могут быть делимы до бесконечности, а потому имеются атомы-отрезки... Далее мы доходим до точки, которая, как и отрезки, есть небытие.

Рассмотренная в пункте 3 наивная геометрическая модель атома протяженности вполне может быть обобщена на большее число случаев, либо конкретизирована до той или иной субстанциональности.

4. Противоречие заключено уже в самом понятии "атом протяженности". Онтологически атом протяженности означает атом существования, то есть получается, что существование есть только некоторая внешность, в своей сущности существованием не являющаяся, а значит являющаяся несуществованием-небытием.

Рассмотренный в этом пункте парадокс интересен при введении модальностей существования.

6.14 Замыкание псевдосред на вечное повторение

Псевдосредный мир в значительной степени повторяется в пространстве и времени. В различные времена и в различных участках пространства встречаются объекты, похожие друг на друга, а также ка-

[56] Эта поверхность актуальна, так как непротяженностью по определению оказывается только внутренний объем атома протяженности.

жущиеся почти идентичными. При этом чем более низкий натурфилософский или естественнонаучный уровень мы берем — тем эта квазиидентичность объектов больше: микрообъекты одного вида более похожи друг на друга, чем одновидовые макрообъекты. Существует еще одно чисто количественное замечание: химических соединений меньше, чем пород, минералов и других их образований; химических элементов (в том числе изотопов) меньше, чем химических соединений и всякого рода радикалов; "элементарных" частиц меньше, чем атомов, ионов и различных ядерных осколков. Можно рассматривать и не рассматривать кварки, считать микромир более многообразным, но нельзя слишком односторонне следовать за данными наук — всякие околофилософские выводы, сделанные на основе конкретного научного материала конкретного периода человеческой истории всегда чреваты в своем достаточно общем виде последующей наивностью. Тем не менее, скорее всего, нельзя искать чрезмерно большого многообразие в конце лестницы, ведущей вглубь псевдосредной субстанции. Деление мира в глубину, кроме того, ограничено и чисто логически.

Эта ограниченность может не выступать в явном виде. Так, Аристотель считал, что мраморный брусок содержит в себе в скрытом виде бесконечное число статуй. Число статуй велико, но оно не может быть бесконечным. Конкретная конечная глыба мрамора содержит в себе конечное число молекул $CaCO_3$, а следовательно, и конечное число "кристаллов" собственно мрамора (наименьших образований, обладающих свойствами мрамора). Чисто математически из конечности исходных элементов вытекает и конечность их комбинаций.

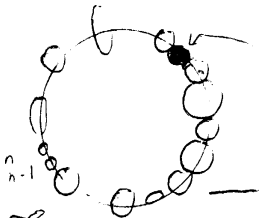
Конечная вселенная (псевдосредная, а не онтологическая) неизбежно оказывается уподобленной мраморной заготовке в любой из периодов ее эволюции (является ли "нулевой" период аналогичным онтологическому космосу или нет, пока спорно). Ввиду того, что сама цельная вселенная логически рассыпана, не следовало бы говорить о некоем данном состоянии вселенной, но до определенной степени допустимо говорить о том или ином состоянии макро- или микрообъекта.

Из парадоксов бесконечности следует, что число каких-либо элементарных сущностей или элементарных состояний не может быть равно бесконечности. Взаимопревращения элементарного здесь не играют роли. Число комбинаций элементарного также оказывается конечным. Если число комбинаций исчерпано (а это исчерпание обещает дленность), тогда, вследствие значимости законов сохранения, вселенная неизбежно начнет повторяться, то есть, рано или поздно она начнет повторяться не только частично, но и целиком. Будущее превратится в прошлое.

Если подобная псевдовселенная повторилась хотя бы раз, то она будет повторяться и далее (как детерминистически, так и индетерминистически — не имеет значения; в силу свободы необходимости от причинности). При этом вовсе необязательно, чтобы исчерпались все возможные комбинации. Путь вселенной — только узкий спектр из всех казалось бы возможных комбинаций.

Абсурдно-дурное вечное повторение будет иметь место и при уточнении (псевдосредном же) этой первоначальной примитивной модели с введением разнотекущего времени, неодновременности, периода катастроф, рассмотрением возможности распада эле-

ментарных частиц одного вида, реликтово-плазменного состояния и т. п. Пусть это будет не модель-окружность, а более сложная замкнутая на себя фигура.



Квазиреальная вселенная (темная фигура)

Будуще-прошлые вселенные (светлые фигуры)

Все подобные модели не имеют какого-либо метафизического смысла. Однако сам распад абсолюта на постабсолюты (с соответствующим усложнением) фактически не имеет альтернативных описаний, поскольку сводится либо к тем, либо к этим самозамкнутым мнимостям, что отчасти коррелирует с физической относительностью.

Замечание. Возможно, Ницше — один из первых европейцев Нового времени, кому пришла в голову мысль о вечном повторении. Странность только в одном: он брал за основную посылку положение о бесконечности времени (при ограниченном пространстве) и почему-то считал ее абсолютно доказанной.

6.15 Границы диалектики

Ввиду разрастания области фикций и дифференциации человеческих сфер диалектика перестала быть только риторическим приемом и методом и зачастую отождествляется с диалектичностью — некой псевдообъективной диалектикой. Естественно, в конкретных областях возникает вопрос о продуктивности подобного отождествления и о его смысле. Одно дело, когда мы имеем дело с субъективной эвристикой, а другое — когда идет речь о попытке универсализации.

Многие диалектические "противоположности" — такие, как свобода и несвобода /1/, случайность и необходимость /2/, бытие и небытие /3/ (цифрами обозначен различный тип таких противоположностей) — показывают, что задачей диалектики является либо стыковка фикций различного порядка, либо реже — фиктивного и нефиктивного, относительного и другого относительного, относительного и абсолютного, субъективного и другого субъективного, субъективного и объективного. В только что приведенном предложении слово "реже" соответствует гораздо большему классу случаев — это так, поскольку, как правило, мы имеем дело с совершенно пустой, чисто декларативной попыткой или претензией на диалектику. Однако и та диалектика, в которой просматривается некоторая схватываемость положения вещей, также не слишком далеко ушла от констататативно-тавтологической декларативности. При всем том в диалектике нет и не может быть, как мы увидим, логики; скорее наоборот: диалектика в определенной степени противоположна логике, а потому и ее тавтологичность никак не оправдана.

Речь идет не о самих диалектических формулировках — в них как раз требуется предельная поверка соответствующими логическими фигурами и предельное уточнение посылок — но о метатеории. В этом главный парадокс диалектики: претендуя на максимальную общность, основание оснований, диалектика в то же время во многих случаях весьма слаба в метатеоретическом качестве, поскольку допущения, делаемые при "диалектических" рассуждениях заведомо смешивают несовместимое, то есть, говоря нашими словами, — явления различных сред. Главная причина парадокса диалектики в том, что мощность обоснования противоположных посылок оказывается гораздо ниже мощности обоснования диалектической связи-противоречия.

К собственно онтологическому диалектика неприменима. Здесь действует противоположность диалектичности — саморефлексивность. Наоборот — саморефлексивность неприменима к фикциям и относительному: здесь она приводит к парадоксам, типа "Лжец" и парадокса Рассела.

Один из примеров совершенно неправомерного использования диалектики — это попытки описывать и объяснять движение-перемещение. Словесное диалектическое описание никак не спасает от апорий Зенона. Последние связаны именно с формально-логическим противоречием, которое, по сути, не пересекается с противоречием диалектическим. Известно, что формально-логическое противоречие и диалектическое не тождественны. Если в том или ином "диалектическом" утверждении и имеет место нарушение логики, то оно как раз и касается нарушения взаимоотношений между языком и метаязыком, теорией и метатеорией.

Наиболее оправдано использование диалектики там, где одна противоположность содержится в другой и совершенно ясно обстоятельство, приводящее к мнимой антиномии, но и в этом случае использование диалектики — это скорее риторический и иллюстративный прием, не дающий каких-либо новых сведений. Не являясь орудием познания (если не иметь в виду эвристики), диалектика оказывается фактором нового сосредоточения, позволяющего оценить ограниченность конкретного частного взгляда, то есть диалектика — это нечто вроде риторики прикладного мышления, а ограниченность диалектики и связана прежде всего с ограниченностью нефилософского мышления, претендующего на общность. Вытекая из ограниченности, диалектика сама ограничена.

Чаще всего приходится иметь дело не с диалектикой, а с ее мнимостью, связанной с неразграниченностью логического объема терминов. Если мы возьмем какой-либо обыденный предмет-поток и обозначим одним и тем же словом его различные стадии, то получим множество противоречий, хотя бы потому, что стадии-состояния логически неконгруэнтны. При обозначении Гераклитова множества рек одним и тем же словом "река", может оказаться, что каждая конкретная река будет моментам развития некой сверхъестественной реки. Не всегда имеет смысл присваивать имя только что умершего новорожденному.

Изменения, наблюдаемые в сознании, несамостоятельны, и любая концепция движения, пусть даже концепция движения-зажигания (каждый из цепи "атомов пространства" принимает последовательно

вид микрообъекта)[57], не привносит в ощущаемую данность движения источной самостоятельности, оказывается повиснутой в воздухе. Парадоксы движения суть парадоксы трансформированной саморефлексивности, проистекающие из попытки введения в зрительное или умственное в'иденье фиктивной самости виденного. Диалектика в подобных случаях — способ порождения псевдосубстанции, то есть в данном случае чисто словесной субстанции.

Неприменимость диалектики к объективному следует из того, что из онтологического элиминировано смежное обыденному факту движения: структура, время, стробоскопичность… Метафизическое изменение нелепо именно вследствие того, что метафизическое есть самость, окончательная инстанция, за собой ничего не содержащая. Другая причина: отсутствие движения — нерасчлененность, безграненность объективного существования.

Так называемые "законы диалектики" столь же непродуктивны, как и все остальные законы. Отрицание отрицания, переход качества в количество и наоборот, возникновение поляризаций — явления макростатистики, причем весьма поверхностной. Законы диалектики выступают не как причина или движитель, а — как макрорезультат, взятый постфактум.

Мировоззренческое значение диалектики — субъективно-приспособительное. При практическом диа-

[57] Не исключено, что как раз для физики подобная теория рано или поздно окажется наиболее перспективной. Движения нет, то есть нет движения микрообъекта, а есть только его исчезновение в одной крипте пространства и порождение его относительно точной копии в соседней крипте. Порождение пространства — следующий теоретический этап. Такова логика иллюзорных сред…

лектическом взгляде на вещи проще подгонять мышление и намерения под разрозненные и несопрягаемые псевдосреды практики. Условная диалектика и должна прикладываться к условности мира псевдосредных кажимостей.

Некоторое сущностное значение имеет только квазидиалектика недобытия в плане появления абсолюта. Возникновение дивергенций уже производно. Понятно, что диалектика, как и религия, паразитирует на тех или иных непроясненностях.

6.16 Парадокс структуры

Пусть мы имеем не два феномена, а две субстанциональные данности (два ноумена), соседствующие друг с другом и имеющие границу.

Этой границы не может быть: имеются две данности и за этими данностями нет никакой самостийной общности; две данности выказывают себя как монады, составленные из разных субстанций, так как каждая из этих данностей и есть собственная субстанция.

Наблюдателей этих данностей нет, и одна данность не может ощущать другую данность, поскольку ощущение есть самоощущение. Эти данности находятся не в пространстве, а сами в себе, а значит, нет такого места, где они могли бы быть вместе и где могла бы находиться их граница. Относительно одного из ноуменов другой ноумен отсутствует, следовательно, структуры образованной из этих двух ноуменов, то есть объективной структуры, не существует.

Если между двумя этими монадами нет ни пустоты, ни границы, то при условии своей объектив-

ности (в том числе субъективной объективности, полноте) эти две монады оказываются одной и той же монадой.

Аналогично этому некий красный квадрат, актуально граничащий с зеленым, рождает массу противоречий. Если граница между зеленым и красным равна нулю, то ее и нет — возникает парадокс соседства. Но любая структура подразумевает наличие соседства.

Подобные парадоксы, снимая объективную разделенность, в то же время подводят нас к топологии образования постабсолюта. Возможность различного в постабсолюте компенсируется неполнотой и чистой субъективностью, самокапсулированностью.

Если нефилософским наукам будущего крупно повезет, то у них может появиться возможность иметь своим предметом не обычное пространство-время, но протоструктуру-время. Парадоксы времени и структуры переплетены. Заведомая условность пространства-времени (а оно все-таки более логично, чем время и пространство!) связана с неизбежной привязкой его к отрицающим (разрывающим) друг друга псевдомонадам-наблюдателям. Термины "быстрее" и "медленнее" невозможны при отсутствии терминов "память" и "субъект". Под видом "наблюдателя" физики кое-как включили субъекта в свои теории, но память, увы, оказывается протащенной неявно.

6.17 **Причинность** (1968)

Причинность выглядит как абстрактное натурфилософское инобытие закона достаточного основания и имеет применимость в тех или иных абстрактно-условных сферах. Прагматически причин-

ность обычно понимается в качестве связи событие — событие, предмет-поток — событие, действие — результат и т. д.

Однако никогда невозможно указать на какую-либо реальную причинность. Последовательно-процессуально причинность можно рассматривать как связь становление-становление. Сами представления о причинности вытекают из представлений обыденных и обладают многими недостатками последних. При всяком достаточно общем и подробном рассмотрении причинность превращается в нечто расплывчатое и ни к чему не пригодное.

Возьмем эмпирическую картину: мы чиркнули спичкой — вспыхнул огонь. Спрашивается: "Где здесь причина? Где следствие?" Чирканье — процесс, вспышка — процесс. Между двумя этими наглядными событиями-ощущениями (или просто псевдосредными событиями) — цепь скрытых (псевдосредных) событий: трение, нагревание, химическая реакция, раскаливание дымовых частиц, испускание квантов и т. п. Кроме того, видимое чирканье и вспышка — это субъективные явления, а потому чирканье-вспышка коррелирует с псевдосредными мозговыми процессами. Неприкаянный психофизиологический вопрос оказывается замешанным и сюда.

Рассмотренные неявные события основаны на других неявных событиях, выпадающих из возможного рассмотрения, и совершенная подстановка опыта невозможна вследствие отсутствия тонкого глубинного опыта. Называть причиной и следствием зрительные ощущения, как это делает обыденность, не имеет смысла. Какой-либо возможности отыскать вполне локальные псевдосредные причины и следствия не существует.

Абстрактно детерминация оказывается абстрактной связью между абстрактными становлениями. Подобная детерминация превращается в рутинную фатальность. Предыдущий мир оказывается здесь полной и общей причиной последующего абстрактного мира, а отсюда некая вселенная **X**, существовавшая за множество вселенных от вселенной **У** в прошлом, полностью предопределяет вселенную **У**. Классическая модель такой предопределенности вполне проста и понятна. Неклассическая модель предполагает отсутствие абсолютности времени и пространства и может предлагать несколько решений. Если бы существовала какая-либо современная натурфилософия, то она с теми или иными трудностями неизбежно включила бы в свою модель развития аномальные астрофизические объекты. Подобное, казалось бы, должно разрушить детерминистические последовательности... Но, увы, континуум пространства-времени вновь все ставит на свои места. Дело здесь не в наличии или отсутствии такого континуума в действительности, а в возможности описания через его посредство физического и нефизического псевдосредного мира. Как мы уже отмечали, у модели мира, сопряженной с фатальностью и вечным повторением, большой запас прочности. Эту модель не изменят даже экспериментальные систематические наблюдения различных нарушений причинности (не только в виде перестановок причин и следствий). Виной такому постоянству — всё тот же закон достаточного основания. В данности этот закон выражается через базу существования несамостоятельного и через базу самоданности. Значение подобного снимается только в недобытии.

6.18 Случайность

Объекты, предстающие в большинстве псевдосред, подобны объектам наивного реализма. При этом иногда противопоставляют "случайное" в объекте "сущности" объекта, "случайное" явление — необходимому или закономерному. Фактически наличие так называемого случайного связано с ракурсом субъективности. Рассматривается некоторая условно-замкнутая система, даже и псевдосредно замкнутой не являющаяся.

Возьмем в качестве примера следующую картину: в некоторой лаборатории проводится определенный опыт; в результате опыта должно произойти известнее событие (итог). Однако в помещение лаборатории (о случайность!) попадает посторонний объект (осколок кирпича, пуля, метеорит и т. п.), вследствие чего течение изучаемого процесса меняется, что в свою очередь приводит к получению результата, отличающегося от ожидаемого. Если наш горизонт ограничен только лабораторией, то мы называем происшедшее случайностью, но если мы вместе с лабораторией рассматриваем баллистическую кривую пули или метеорита, то получение иного результата — необходимость.

Случайность вложена в необходимость подобно тому, как свобода вложена в несвободу. Однако подобное деление на противоположности вызвано частными инструментальными потребностями, а еще вернее — потребностями абстрактного описания, ограниченного рамками инструментальных или субъективных возможностей. Тем не менее в примере свободы и несвободы диалектика псевдосред носит более чистый характер, поскольку независимо от ракур-

сов рассмотрения свобода — это то, что по происхождению носит имманентный источник, как, например, импульс движения или мотив поведения. Кроме того, ограничение здесь вполне естественно, то есть вызвано вполне первичными натуральными причинами, в то время как деление на необходимость и случайность связано, в лучшем варианте, с ограничением искусственно выбранной системы.

Натурфилософски очень легко подвергнуть критике базу статистической физики, рассматривая детерминацию как связь становление — становление. Пусть мы не можем сделать тот или иной расчет на длительный период или высчитать перемещение каждой молекулы, но в ничтожный промежуток времени последующее определяется предыдущим в некоторой псевдосредной квазиобъективности. Подобные рассуждения не имеют доказательного философского статуса, но имеют аналогии с более общими выводами, которые касаются необходимости вне детерминированности. Так пралогическое только кажуще похоже на вероятностное, поскольку ограничено ологиченными рамками вписанности в бытие. Свойство нелогичного в том, что оно вынужденно приводит к логичному.

6.19 Итальянские виноградины

Некогда в австрийской философии в связи с вопросом о наличии истин в себе и независимости истин от феноменов делалось утверждение о существовании ЧИСЛА ВИНОГРАДИН, СОБРАННЫХ В ПРОШЛОМ ГОДУ В ИТАЛИИ /Подробнее см. разд. 2.6.3/. Утверждалось, что это число необходимо существует, невзирая на то, что оно никому не из-

вестно. Разумеется, шла речь о точном, а не ориентировочном числе.

Нетрудно догадаться, что подобная позиция весьма уязвима. Нелепости начинаются уже с вопроса о том, что именно считать собранной виноградиной: считается ли виноградиной полвиноградины, раздавленная виноградина и т. д. При этом ввиду того, что речь идет об истине в себе, никакие браковочные критерии не подходят. Кроме того, выбраковки всегда носят приблизительный характер и не могут быть осуществлены в полной мере.

С более логической точки зрения можно видеть, что расширение субъективных сред в некие всесреды довольно абсурдно. Затруднение с виноградинами иной природы, чем метрический парадокс числа книг, находящихся на полке /см. разд. 3.6.6/. Тем не менее между двумя этими затруднениями есть пересечение, которое и связано с истинами в себе. Число книг, находящихся на полке, более непреложно и однозначно, чем число виноградин, собранных в Италии, в том случае, если мы имеем дело с вариантом, не осложненном трудностями различений и распознаваний. В названном варианте мощность парадоксальности даже усиливается: субъективно все книги даны в одном взгляде, но число книг (если оно больше семи) субъективно-метрически отсутствует.

Не менее провокационным является вопрос: "Существует ли дата смерти Наполеона?" Если эта дата существует в определенной системе, то каков статус этой системы? Истину можно найти между этим и следующим вопросом: "Если до появления приматов не было голубого неба, то есть ли оно при приматах?"

6.20 Поиски онтологий

1. В строгом смысле существование немыслимо. Мыслимой может быть только та или иная конкретная мысль. Перефразируя можно заявить: "Существует не только то, что мыслимо".

Можно говорить о схватывании в мысли, интенции, отсылках к идеальному того, что существует в ощущениях, субъекта и отчасти того, что лежит за гранью этих ощущений. Мышлению о том, что существует в ощущениях, препятствует в основном только наклонность к уходу в мир фикций, а в более редких случаях — неодинаковость ощущений у различных индивидов. Препятствия мышлению о засубъективном — совершенно неопределены.

Прежде всего следует рассматривать те парадоксы, которые выводят к онтологическому. Парадоксы, связанные с фантомическими математическими объектами и интеллектуальными традициями другого рода (опирающимися на фикции), на первый взгляд, менее значимы, но и они в конечном итоге могут приводить к вещи в себе.

Парменидовское тождество мышления и бытия можно понимать более широко, причем в разных смыслах. Например, слово "мышление" можно заменить словом "сознание", словом "субъективное сознание" или выражением "всеобщая ологиченность мира" (панлогизм).

По крайней мере, к субъективному бытию вполне можно приложить высказывание: "Субъективное существование и субъективное осознавание тождественны". Здесь недостаточно осознанно то, что недостаточно существует внутри собственно субъекта. Не-

осознаваемое, бессознательное, фикции и т. п. мы не относим к области субъективного, иначе бы мы включили в эту область всю вселенную.

2. Можно спросить: "Выходит ли парадокс «Я ЛГУ» за границы триггерного «ЛОЖНО — ИСТИННО» на некие онтологические соответствия?" Возможны ли в качестве достоверных выражения: «ЛГУ ВООБЩЕ», «ЛГУ ВСЁ»? Казалось бы, ложь может быть только той или иной степенью искажения истины и "лжи вообще" не бывает, как не бывает "небытия вообще". Ясно, что для человека не существует абсолютной лжи (как и абсолютной истины). Абсолютная ложь была бы просто недоступна для понимания и восприятия, а те или иные виды лжи, которые даны человеку, имеют свой статус лжи только благодаря соответствующим им элементам истины, даже если эти элементы касаются только формы изложения или отдельных атомарных смыслов. Так ложным в ложном сообщении обычно является только неправильная связь каких-либо относительно истинных фактов. Таким образом, ложь несколько напоминает собой алогизм, но отлична от последнего тем, что обладает не всегда проявленной неправомерностью; при этом проявленность такого ее качества мало зависит от самого субъекта.

Имеет место некоторая субъективная (относительная) парадоксальность лжи. Заведомая ложь вполне может быть воспринята субъектом в качестве истины, а ложь разоблаченная фактически исправлена для субъекта и не вводит его в заблуждение, то есть как бы теряет статус лжи — ложь была, но ложь исчезла.

Аналогичным образом недоказуемая или неправдоподобная истина вполне может считаться ложью и вызывать к себе отношение, как ко лжи. Парадок-

сальность (субъективная) здесь в том, что субъект создает ложь, сосредотачиваясь на поиске истины и имея готовую истину перед собой.

В этой области можно назвать множество других казусов, например, типа ошибочного высказывания правильного суждения, нахождения верного результата, благодаря двойной ошибке и т. п.

В случае отказа от идеального (идеального в нашем смысле) парадокс "Я ЛГУ" может быть интерпретирован только психологически, а соотнесение с какими-либо интенциями и ссылочными ощущениями неизбежно делает высказывание "Я ЛГУ" либо ложным относительным утверждением (в плане неадекватности), либо недоговоренностью. В каком-либо ином случае это высказывание теряет психологическую опору и превращается в идеальность (чистую фикцию).

Если "Я ЛГУ" как таковое беспредметно, то конкретное выражение "Я ЛГУ" существует в психологическом субстрате. При опоре на данный субстрат оно означает: "Я ЛГУ ДЛЯ ВСЕХ, НО НЕ ЛГУ ДЛЯ СЕБЯ". Эта дуальность (разумеется, в общем случае фантастическая) может исключить обычные ссылки на язык и метаязык, требует дополнений, делая высказывание "Я ЛГУ" незаконченным.

Парадокс исчезает и при выходе за пределы двузначной логики, поскольку в этом случае высказывание можно объявить не ложным и не истинным одновременно.

Аналогично при отказе от логической дискретности и переходе к логическому континууму всякий раз для того, чтобы сказать ложь, необходимо сказать правду и оформить структуру лжи правдивыми элементами.

3. Рассмотренный выше парадокс похож на известный парадокс "Брадобрей"[58]. Отметая те возможности, в которых брадобрей — женщина, чужак и вообще не человек, а также отставив рассмотрение логики времен, представим мир, в котором нет времени. Акт бритья занимает в таком мире одно мгновение или вечность. Естественно, возможно бритье всех одновременно. В этом случае возникает необходимость в удвоении мира, поскольку брадобрей и бреет и не бреет себя одновременно: в одной вселенной бреет, а в другой — нет. Если же мир изначально один, то при постулировании верности формул парадокса мир должен удвоиться в момент бритья-небритья. Что такое движение? Это и есть псевдосредная граница между двумя мирами. Оно, возможно, и чувственная граница. Допустимо строить варианты гносеологий, в которых человеческое сознание перпендикулярно разделам миров, то есть фактически перпендикулярно разделам буферных сознаний. Парадокс "Брадобрей" из мира-мгновения несколько напоминает и апорию "Стрела". Различные миры (неонтологические) с одной и той же стрелой, будут неконгруэнтны из-за смещенности координат стрелы. Разумеется, стрела здесь — уже не стрела, а один из феноменов сознания.

3. К парадоксу "гетерологичности" (См. 6.6.Г).

В большинстве случаев негетерологичность служит указанием на длину, структуру, происхождение и т. п. слова как знака, но не слова как смысла, то

[58] В одной деревне брадобрей бреет только тех мужчин, которые не бреются сами. Бреет ли он себя? — Если он себя не бреет, то бреет, а если бреет, то не бреет.

есть отношение негетерологичности характеризует знак, но не смысл. Парадокс исчезает в многозначной логике, где соответствующее прилагательное можно представить как "недогетерологичное", "полугетерологичное","странное","надуровненное", и пр.

В парадоксе происходит неявное отвлечение от вопроса: "Что гетерологично или автологично в слове "гетерологическое"? Такого субстрата или такой структуры, какая могла бы связаться с авто- или гетерологичностью в слове "гетерологическое" нет.

К этому можно подойти с другой стороны и задать вопрос: «Автологично или нет слово "автологическое"?» Парадоксов в этом случае не возникает, но ответ, что это слово гетерологично — не так уж абсолютен, фактически гетерологическими называют слова, в которых сразу не бросаются в глаза признаки автологичности. Например, слово "белый" к тому же набранное черными буквами совершенно четко гетерологично, но существует масса слов, в которых такой четкости нет. Примерами последней возможности являются слово "божественный" или слово "черный", набранное черными буквами. Нужно как бы некоторое дополнительное усилие или размышление, чтобы отнести эти слова к гетерологическим. Можно найти некоторые другие пограничные случаи: слово "звонкий", слово "русский", набранное латинским шрифтом или произнесенное с сильным иностранным акцентом и ошибкой. О слове "гетерологическое" говорят фразу: "Если оно негетерологично…" не оттого, что в нем увидено автологическое, а в порядке перебора вариантов из вариантов кажуще ограниченных и говорят: "Если оно гетерологично…" оттого, что в нем прямо не видно негетерологичности. Мы имеем незаконченное и вращающееся по кругу рассуждение

от противного. Кстати, мы можем не отождествлять автологичность и негетерологичность. Тогда парадокс не имеет места.

Прилагательное считается автологичным по одному из своих свойств. По какому свойству прилагательное "гетерологическое" может считаться автологичным? Пусть даже частично автологичным, если подобное возможно? Те или иные из указываемых свойств будут апеллировать к смыслу слова, а не к его знаковой структуре, как в случаях "двусложный", "двукоренной", "русское", "одноэмное". Уже поэтому слово "гетерологическое" выпадает из обычного перечня, а не только потому, что оно парадоксально.

6.21 Парадокс субъективного ощущения

Субъективное ощущение противоречит закону тождества. Его равно нельзя назвать ни алогичным, ни абсолютно логичным. Если мы возьмем внешние ощущения, то окажется, что экспозиционная недвижность характерна только для весьма узкого класса ощущений и носит довольно непостоянный характер. В мгновенной схватываемости многих ощущений нет и речи о какой-либо определенности, а отсюда и о самотождественности. Поскольку мы имеем в виду субъективно-реальную самотождественность, то это вполне ясно. Ощущение автоматически оказывается проекцией на поток и сквозь поток.

В волнах микровременного забывания-воспоминания с моментами инерции собственно "мгновенное" ощущение не фиксируемо в чистом себе: всегда есть ощущения, составляющие это данное ощуще-

ние, а элементарные флуктуации восприятия-сознания неопределенны и малохарактеризуемы.

Какое-либо константное интегративное ощущение (например, ощущение "я") несамотождественно по протяженности, поскольку у него нет определенных, строго данных протяженностных границ. Это можно сказать и о некоторых эмотивных ощущениях. Мы имеем своеобразное ментальное соотношение неопределенностей: чем явнее развернуто ощущение в пространстве, тем оно неопределеннее по времени (не подразумевается предмет или цикл однотипных ощущений!), а чем оно определеннее и неизменяемее во времени (субъективном), тем его протяженностный контур и вписанность в другие протяженности менее определены.

Некоторая вневременность ощущения, соответствующая его относительной вытянутости по временам, превращает времена в своего рода протяжение. На это протяжение и идет проекция малоопределенных по времени частных ощущений, суммационно дающих в итоге структуру. При очень кратких восприятиях форма предметов — это первое, что схватывается. Менее воспринимаются и запоминаются при быстрой смене экспозиций более мелкие детали и цветовые различия, хотя отдельные тесты и показывают возможность общего цветового восприятия в виде вспышки. Никто не может знать, подвижна или нет некая реальная чувственная стрела, пусть даже она не летит, а прагматически недвижна. В рассмотрениях и мгновение, и стрела оказываются не ощущениями, а некими идеальными, заведомо несуществующими объектами. Пусть стрела и дается в реальном представлении-апперцепции, сама эта реальная апперцепция (реальный мыслительный опыт) несамотождественна, размыта и дается не как ре-

альность, а как условность, вычлененная из флуктуации умо-зрительных мельтешений. И в апперцепции (незамкнутой на квазисреду) существует собственное время, ощущаемая фотосредная фактура, не поддающаяся замораживанию. Фиксирование или, наоборот, представление непрерывного движения условно, восходит не к субъективному мгновению-локусу или его неким онтологическим поправкам, а к вычлененности из множества мгновений-локусов, с опорой на несуществующее де-факто реальнее устранение моментов нечеткости и размытости[59]. Вводя концепции прадвижения, нелепо состыковывать последнее с фиксированием или непрерывностью.

Один из парадоксов зрительного восприятия заключается в том, что так называемое третье измерение — глубина, как показывают многочисленные наблюдения, в том числе опыты со стабилизацией сетчатки, является не измерением пространства, а инертной длительностью, сопряженной с мнестическими феноменами и последовательными образами. Время и пространство оказываются смешанными в субъективном ощущении окончательно. К такому же выводу приводят рассмотрения стробоскопических эффектов.

[59] Противоречия в высказывании нет: при опознавательной достаточности устранения, его механизм не представлен, то есть для субъекта фактически отсутствует.

6.22 Парадокс логики

Во многих сферах деятельности человек стремится свести все к логической схеме. Все то, что не удовлетворяет логической представляемости, разворачиваемости, так или иначе рассматривается как неудовлетворительное в познавательном, а часто и в прагматическом смысле. Логичность как один из критериев истинности распространяется из различных областей, с которыми связан человек, и на область современной философии. Получается, что логика есть везде.

Однако единственная сфера логики — это сфера фантазии. Возьмем псевдосреды. Логики в ее обычном понимании нет в микромире: микромир для человека явление скорее странное, чем логическое. Логики нет в гигамире: фундаментальнейшие вопросы астрофизики — за пределами обычной логической представляемости. Логики нет в практической человеческой действительности, где действуют в основном воля, интуиция, стихийно приобретенный опыт и игра конъюнктуры. Как мы много раз видели, логика нарушается и в отношении краеугольных понятий математики, а математика — это основа всех наук. Получается, что логики нет нигде.

Если все вышесказанное рассматривать как сильно сокращенное рассуждение, то это рассуждение нисколько не будет утрированным. Хотя, конечно, мы должны признаться, что абсолютной антиномичности, парадоксальности в сличении предыдущих рассуждении нет. Наложение "логики" и "нелогики" далеко не во всех случаях дает полные парадоксы. Следовательно, какого-либо тотального парадокса ло-

гики в связи с рассмотрением всех человеческих сфер вместе нет. Тем не менее это "нет" также не абсолютно. Несводимость к полноценным антиномиям — здесь несколько иного рода, чем в ложных антиномиях Канта (связанных с недостаточной доказательностью аргументов в пользу выдвигаемых суждений). Дело в том, что данный парадокс смежен гуманитарным и социальным парадоксам, а здесь значимы противоречия модели осуществления чего-либо и действительного осуществления.

К парадоксам логики можно было бы отнести и парадокс субъективности-объективности логики (логики как средства и логики как данности), а также парадокс вывода логики (см. разд. 1.1).

Масса фактов указывает на то, что обычная формальная логика — субъективное порождение. Человеческая сфера, в которой логика применима в наибольшей степени — это техника. Техника и выступает как компромисс между природой и обществом. Кроме того, техника и создана самим человеком. Однако уже в технологии значимость и торжество логики падают. В действие вступают многочисленные случайности, традиции, ноу-хау и ползучий эмпиризм. Не меньшее значение здесь имеет и просто везение, а также связь с известными подробностями других технологических разработок.

Обычная логика — это прежде всего структурная логика. Логика неструктурного есть нечто более общее. Какой-либо подрыв гносеологического фундамента обычной логики означает подрыв любых возможных геометрических оснований мира, а далее — снятие протяженностных оснований вообще.

Парадоксы логики направлены не столько против неявной логики, сколько — против логикоподобности и формального логического фетишизма.

6.23 Астрофизические парадоксы[60]

1. Фотометрический парадокс. Впервые высказан Ж. Ф. Шезо.

Если вселенная бесконечно протяженна и заключает в себе бесконечное число звезд, то светимость ночного неба должна быть по яркости не меньше яркости поверхности Солнца. Более того, ночное небо должно иметь бесконечную яркость.

Возможны расчеты, показывающие, что пылевые частицы,межзвездный газ,рассеивая и поглощая свет, вовсе не снимают данного парадокса.

2. Гравитационный парадокс. К. Нейман, 1877 г.

Если вселенная бесконечно протяженна и заключает в себе бесконечное число тел, то силы тяготения, действующие на любое тело, должны быть бесконечными.

3. Парадокс экстраполяции скоростей.

Чем далее расположены от нас галактики, тем с большими скоростями они от нас удаляются. Некие весьма далеко расположенные галактики удалялись бы со скоростями, превышающими скорость света.

4. Парадокс Я. Б. Зельдовича

Масса замкнутого мира равна нулю, поскольку гравитационный дефект, соответствующий взаимо-

---

[60] Только внутрипсевдосредные. Форма изложения — по И. З. Цехмистро: Диалектика множественного и единого. М. 1972 г. Идти поперек сакраментальной формулы о "неисчерпаемости электрона" тогда было нельзя. Однако, согласно устному заявлению А. С. Кармина, автор названной книги, отрицая бесконечность вселенной, действительно верил в бесконечность в глубину. Это де не было, как мне казалось, обычным идеологическим камуфляжем.

действию всех звезд и всех частиц будет равен сумме их масс, взятых в отдельности.

5. Термодинамический парадокс.

Из различных физических и философских посылок ясно, что мир конечен во времени и пространстве. Если так, то, как это давно известно, он движется к необратимому состоянию "тепловой смерти". Но состояние тепловой смерти уже было, а это скорее — состояние сингулярности. Следовательно, необратимое состояние оказывается обратимым.

С другой стороны, мир не достиг необратимого состояния. Значит он существует небесконечное время. У современной космологии есть другие, не всеми признанные трактовки.

6.24 Двигатель (1965?)

Никакой вечный двигатель невозможен. Однако мир, вселенная и есть не что иное, как вечный двигатель.

6.25 Мозг и ощущение (1970)

Эксперименты, связанные с механическим, электрическим, фармакологическим и другим воздействием на мозг, а также соответствующие этим воздействиям изменения в сознании достаточно хорошо известны. Благодаря такого рода данным психофизиологический парадокс оказывается еще более углубленным.

Теоретически можно представить и гораздо большую степень подобного углубления. Так, существуют некоторые узкие стыковки физики микромира с астрофизикой. Если, допустим (аналогично), удастся провести стыковку физики микромира также с

нейрофизиологией в виде некой квантовой нейроники и получить определенные эффекты, наблюдаемые через сознание профессионального интроспектора, то несовмещаемые сферы окажутся почти смежными, а несовместимость их — еще более чудовищной. Все это связано с выхолощенностью, фрагментарностью знаний об элементарных частицах, с одной стороны, фиктивностью квантовых объектов и реальностью сознания — с другой. Еще Менделеев отмечал, что некая внутренняя самобытность микрообъектов никак не может быть отражена в их внешних характеристиках. То, что называют элементарными частицами, — только набор формул и чисто внешних параметров. И напротив — сознание человека не имеет каких-либо псевдообъективных представленностей, сходных с естественнонаучными.

Никакого дуализма нет, как нет проблемы "духа" и "тела","идеального" и "реального" в их обычной трактовке. Мозг — это только или модель мозга (псевдосреда), или зрительный образ мозга, подобный образам других предметов, или интрофотосредное представление. Возможна также проекция "мозга" — соматического облака на те или иные фантомы моделей, ощущений, представлений и нечто комбинированное, но все это остается или сложным ощущением или попыткой продолжения ощущения.

Если через сознание создается тот или иной миф о мозге, то не совсем правомерно переходить от этого мифа (естественно, удовлетворяющего всем требованиям современной физиологии) к реальному или представляемому сознанию. От модели надо переходить к модели же, а удовлетворительная модель сознания никогда и никем не создавалась.

Существуют только классификации феноменов сознания и кипы необработанных психологических наблюдений, совершенно дурно систематизированных. Как правило, психологические модели затрагивают не сознание, а область неосознанного, имеют структурные подразделения довольно-таки произвольные, а иногда просто… фантастические.

Сознание принципиально немоделируемо и более похоже на табло с индикаторами, чем на работающий агрегат.

Для снятия психофизиологического парадокса нужно, по меньшей мере, снять и человеческие представления о мозге, физических и химических объектах и рассматривать их с принципиально иной точки зрения. Человек понимает других людей и отчасти психику животных за счет подстановки своего сознания на место другого. Чем больше разницы между субъектом, производящим подстановку, и другим субъектом — тем эта подстановка более затруднительна.

Конечно, можно было бы представлять, что элементарные дискретные объекты — это специфические монады или нечеловеческие импульсы-ощущения, но по отношению к объектам, рассматриваемых в конкретных науках, это ничего бы не дало. Представление, что человеческое восприятие — это нечеловеческая выделенность из совокупности нечеловеческих ощущений, может быть положено в основу одной из концепций панпсихизма, но оно не даст выхода на объекты науки и ничего не прибавит к ее данным.

Оказался совершенно несостоятельным вопрос о локализации психических образов в физическом про-

странстве (в том числе и локализации обыденных предметов). Можно выделить три версии такой локализации: периферическая (непосредственно в рецепторах), центральная (в коре головного мозга и архипалеокортексе) и наконец конгруэнтная "отражаемым объектам" (своего рода новейшая версия наивного реализма и античного материализма).

Первая версия отвергается на основании возможности четких фантомических ощущений, например, ощущений наличия ампутированной конечности, ощущения боли в этой конечности.

Третья версия отвергается на основании наличия действительных галлюцинаций, сновидений, гипнотически вызванной реальности.

Вторая версия приводит к выводам весьма сюрреалистическим. Получается, что за звездным небом, какое видит человек, находится оставшаяся часть коры его собственного мозга, кости черепа и кожа. Положим, что так, но тогда нелепо будет задавать вопрос о том, что находится за незрительными восприятиями и за интегративными ощущениями. Эта, казалось бы, наиболее приемлемая версия неизбежно приводит к гомункулусу и удвоению мира. Кроме того, она не способна объяснить монистичности сознания, нормального отсутствия деперсонализации.

Мозаика электрических потенциалов нейронов ответственна более за обработку информации, чем за создание выхода-экрана.

Нами уже рассматривался парадокс оцененности реактивных ощущений (разд. 2.2.1). "Ценности" мозга могут быть ценностями сознания тогда и только тогда, когда они даются в форме усвояемой сознанием, то есть... в виде самого сознания, а это делает неизбежным наличие несубъективных по отношению к

конкретному субъекту ментальностей, заменяющих собой то, что принято называть мозгом.

Не следует придавать (в отношении рассматриваемых вопросов) слишком большое значение нейронным сетям. Совокупность последних — всего лишь био-ЭВМ; а сознание — это все-таки не дисплей. Оно не возникнет вдруг и сразу из системы триггеров, поскольку лежит до уровня информации и структуры. Последние — только его модуляторы.

Расчлененно-вычлененное человеческое сознание, естественно, нелепо приписывать всему миру — оно неестественно, но после редукции сигнально-рационального налета неизбежно вырисовывается контур первосознания.

Можно заявить, что мозг есть проекция на человеческое сознание некоторой области пересечения человеческого сознания и сознаний ему смежных и буферных.

Сведение сознания к мозгу не только носит характер "обещающего материализма", но и довольно мистично, основано на образах, почерпнутых из скороспелой эпохи Возрождения. Увеличение числа нейронов и связей между ними ничего качественно не изменит на фундаментальном уровне, не создаст самой способности ощущения, то есть усложнение конструкции мозга коррелирует только с усложнением сознания, но не с созданием последнего. Последовательное описание перехода от раздражения к ощущению невозможно не только в рамках традиционной науки, но и вообще науки. Требуется редукция псевдосред и переход к первичному ментализму.

* *

К психофизиологическому и аксиологическому парадоксам примыкают нервно-мышечная "псевдоапория" и апория ограничения способностей вообще. Живое как бы тормозит само себя, самоослабляется. Заложенный биологической программой во все живое принцип ослабления эффективности организма смотрится уже фундаментальным парадоксом. Есть ограничения длительности мышечного усилия, полноте воспоминания, феноменальности памяти, машиноподобной логичности, обостренности восприятия и др. Человек не способен выполнить многое из того, что легко выполняет, например, под гипнозом.

6.26 Вещество и жизнь (1972)

Эта псевдосредная грань того же рода, что и "мертвое и живое", "неживое и живое".

Существует масса в той или иной степени признанных фактов, из которых следует, что живое и жизнь не ограничиваются организмами. Существуют также предположения и почти не признанные академическими кругами наблюдения с неопределенной степенью достоверности о том, что жизнь и живое не ограничиваются биологией и биологическими структурами. Последний казус иногда можно разрешить чисто абстрактно: через определение жизни, в котором отсутствует биологическая терминология и ссылки на атрибуты чисто биологического. Примером подобного определения может быть, например, энергетическое или кибернетическое определение жизни. Главным требованием к подобным определениям может быть их достаточная селективность и не-

биологическое включение сущности биологических форм жизни. С одной стороны, подобный подход начисто отвергает, как поверхностно-фенологический, опыт духовиденья, а с другой — все же оставляет абстрактную возможность наличия необычной жизни. Разумеется, подобный подход не является философским.

Фенологическая кажимость живого касается относительности деления на живое и неживое, а фактически — соизмеримости того явления, которое рассматривается, с субъектом, выносящим суждение. Подразумевается функциональная соизмеримость в рамках, доступных восприятию. Может получиться так, что селективность определения жизни будет относительной и зависимой от данных поставляемых, восприятием. Тем самым само явление "жизнь" будет чисто эпистемологическим феноменом.

Воздерживаясь от глубинных или непродуктивных панвиталистических определений жизни, предложим определение жизни, наиболее близкое к известным псевдосредам. В этом плане жизнь можно определить как ***процесс тождественный, гомологичный или подобный внутриклеточному дыханию, сопровождающийся потреблением энергии за счет направленного высвобождения конденсированной энергии.***

Дуализм живое — неживое параллелен дуализму волна — частица и дуальности внешних проявлений элементарных частиц и их нефиксируемой самости, самобытности. Как и в случае рассмотрения грани живое — неживое, попытки подхода к этой самобытности приводят к буферам и эпистемологической относительности.

Связанность представлений о витальном с уровнями познания еще и в том, что суть так называемой биологической жизни — ***в стыковке на молекулярном уровне (а еще вернее, на уровне квантовой химии) двух макроотправлений организма: дыхания и питания.*** Чисто человеческий способ расчленения мира оказывается предписанным природе. *Panton chre metron antropos* именно потому, что речь идет только о кажимостях. Стыковка на микроуровне двух макроотправлений — это воистину что-то рифмованное и неслучайное. Таких стыковок — целая масса для витального, но беда в том, что никаких уровней не существует. Уровни — это только шкалы человека-прибора.

Другие кульминации биологического, типа репликации ДНК, управляемого синтеза белка, системных стыковок, связанных с движением протоплазмы в клетке, передачи нервных импульсов через синапсы, имеют одно: коадаптацию различных систем, квазифиналистическую подгонку. Чистейший нонсенс объяснять подобное эволюционным отбором: до поры до времени для человека мысль об отборе — один из способов раскладывания по полочкам относительности. Весь хаос расчленяемо-разрезаемого мира неизбежно складывается в те или иные законоподобия. В этом нет ничего странного — даже перемешивание битых цветных стекол в калейдоскопе дает в зеркалах геометрически правильный узор.

Многозвенные вычлененности живого соответствуют многозвенным многофункциональностям. На уровне соответствующих псевдосред происходит считывание информации за счет имеющейся информации, накопление вещества с помощью оструктуренного вещества и т. д. Происходит вычленение, пере-

ключение, уничтожение единства, но в то же время объединение многочисленных выходов из одного и того же единства. При этом всякое новое единство — принципиально иной природы, чем первоначальное. Имея обычные многосоставные объекты, совершенно невозможно отследить происхождение времен, а имея более элементарные объекты, отследить происхождение времен невозможно из-за несоизмеримости с элементарным. Обращение к иллюзии исторического производит окончательную путаницу.

6.27 Парадоксы эволюции.

1. Считается, что многоклеточные организмы произошли из колоний одноклеточных. Клетки колоний постепенно специализировались. Спрашивается: "Каким образом произошел переход от размножения одноклеточных особей к размножению целой колонии?"

2. Некоторые органеллы клетки — это оставшиеся в ней древние симбионтные бактерии. Спрашивается, каким образом это сращение разных организмов в один стало передаваться по наследству?[61]

Например, лишайники как были, так и остаются совокупностью специализированного мха и специализированного гриба, никак не превращаются в генетически единый организм.

3. Наиболее известен и наиболее общ парадокс коадаптации. Он может именоваться телеологиче-

[61] Митохондрии ныне ближе другим парадоксам.

ским парадоксом и поднимает вопросы финализма и целесообразности. Ювелирная подгонка в строении практически любого органа не может быть объяснена накоплением случайных изменений и естественным отбором.

Молекулярная биология — довольно продвинутая наука, однако биологам ничего не известно о неявно предполагаемых механизмах (понимается именно рассмотренный аспект) самосчитывания в живых системах.

Вопросы финализма неизбежно вызывают, словно джина, проблему застывшего и наперед готового пространства-времени. А этот вопрос слишком идеализован и в области физики. Пространство-время логически рассыпается ввиду заведомой относительности своих отдельно взятых данностей. Физический абсолют невозможен.

6.28 Парадоксы субъективно-социальных сфер

Эти парадоксы известны в той или иной степени всем и не могут быть пропущены в общем перечне парадоксов. Тем не менее приводить здесь конкретные примеры таких парадоксов было бы неоправданным, так как в каком-либо предельно логически противоречивом виде их никто не формулировал.

Можно только заявить, что эти парадоксы не сводятся к противоречию мечты и действительности, не являются они также парадоксами социального обмана или противоречиями справедливости.

Наиболее важно то, что сам социум и его сферы: наука, искусство, культура и т. д. — это, прежде всего, условности, объединяющие в себе соответствия до-

субъективного, субъективного и постсубъективного. Иных сравнительно приемлемых разграничений, кроме социума и его сфер, человек не придумал.

Сама специфика подобного материала требует рассмотрения вне рамок данной книги.

6.29 Апология жизни и апология самоубийства

Такие апологии существуют. Они выглядят правдоподобными и почти логичными. Они вполне удовлетворяют требованиям здравого смысла. Истинный корень апологий — не в размышлениях, эмотивностях и установках психейного. Они действенны только определенный период времени, а за пределами этого периода какая-либо потребность в апологиях может полностью отсутствовать.

Парадокс апологии жизни и апологии самоубийства не сколько в противоречивости этих апологий друг другу, сколько в их прагматической фиктивности. Самоубийство — это жизнь, а жизнь — это самоубийство. И жизнь, и самоубийство требуют порыва, а не апологий. Потребность в апологиях и возникает тогда, когда производство такого порыва близко к нулю или сорвано в тех или иных неотсоединимых компонентах сознания. Фактически наличие апологий, предназначенных субъектом самому себе, означает отсутствие таковых.

6. 30 Нивеляция бессмертия

1. Бессмертие — это бессмертие индивидуального. Однако весь вкус индивидуального — в преходящем.

2. Бессмертие того, что носит абсолютные черты, не есть бессмертие индивида.

3. То, что ощущается в каждом индивидуальном "сейчас", уже является всепоглощенным и всерастворенным.

4. Даже учения, постулирующие на основании фактов визионерства метемпсихоз, утверждают, что каждое из "переселений души" есть майя, иллюзия. Истиной в таких учениях считается либо "великая пустота", либо полное и нераздельное слияние с божеством. Иные модификации подобных учений неизбежно впадают в аналогичные противоречия.

5. Опыт визионерства относителен и связан если ни с одним, то с другим порогом иллюзорности.

6. Индивидуально-личного нет ни в одной из реальностей, поскольку индивидуально-личное заключается в памяти и информации, но в реальном здесь-теперь-так сознании никогда не предстает вся человеческая память или информация, то есть памяти и информации в полном или каком-либо целостном виде нет субъективно. Памяти нет в объективном, поскольку там имеет место абсолютное, лишенное структуро-информационных лакун, а значит, и членений. В буферном имеет место такая плюралистичность, в которой все человеческое не имеет никакого человеческого вида. Кроме того, буферное относительно, и для одного буферного другого буферного не существует, то есть весь массив гуманитарно-

го здесь разбросан и развеян в гораздо большей степени, чем когда-либо пепел покойного.

7. Быть бессмертным в качестве нормального, здорового и пусть даже вечно молодого духа или человека столь же нелепо, как быть бессмертным в качестве трехмесячного эмбриона.

6.31 Знаменательные ошибки философов

I. А. Кант и Шопенгауэр, подобно наивным материалистам, помещают материю внутрь мира ощущений.

Б. Современные продвинутые материалисты поступают не менее странно: они делают материю принадлежностью мира потустороннего. Это облегчается благодаря тому, что абстрактные атомы и молекулы оторваны от нативного здесь-теперь мира.

В. Отождествление материи с метафизической субстанцией крадет все материйные атрибуты, кроме протяженности. Да и этот атрибут не обладает какой-либо геометричностью в его новом понимании.

Г. Мах ошибочно считал цвет явлением физическим. Это огромное прегрешение. Даже перед Локком и Юмом. С одной стороны, Мах не понимал эфемерности и осколочности субъективного реального, а с другой стороны — мнимости, условности изображаемого обыденностью и расширением обыденности — наукой. Похожее принятие "опыта" за чистую монету характерно и для Авенариуса. Одно и то же с разных сторон у них может считаться как психическим, так и физическим. Авенариус более четко, чем Мах, отстаивает позицию наивного реализма, отвергая "интроекцию". Последнюю он усугубляет и утрирует до натурфилософского уровня.

Зрение здесь-теперь-так не имеет обратной стороны предмета, она — домысел. Ум подменяет не только реальность, он подменяет сам себя. Бытовой предмет — натуральная фикция. "Эмпириокритики" этого не замечали.

II. Во времена зарождения философии, может быть, и могло считаться прогрессивным деление субъективной данности на "ощущения", "мысли", "осознания" и т. д. Однако далее бытовая риторика вряд ли уместна. Мы имеем нерасчленимую топологию феноменов. Здесь важнее деление на среды.

III. Для собственно философии идей как таковых, чистых идей быть не может. Идеальное — это нечто вроде умственной аббревиатуры, попытки предельного упрощения, но эта попытка образовала объект фетишистского поклонения и умственного извращения. Умеренная игра в условности, в "как бы", в "понарошку" хороша для науки, но не для философии.

Любая мысль, независимо от степени ее каноничности по форме, обыденности или экзотичности по содержанию, приземленности или тонкости — неидеальный феномен в ряду других феноменов. "Содержание" ее, — конечно, проекция суперпозиций, но нам-то что? Каких-то лярв в этом смысле не бывает.

IV. Существует фантастическая путаница в употреблении слов "объект" и "субъект". Было бы уместно именно в философских текстах относить слово "объект" к вещам в себе, то есть — к собственно объективному миру, а остальные употребления считать

относительными и соотносительными, ограниченными узкими и немировоззренческими рамками. Однако именно в философских текстах термином "объект" часто обозначают содержания субъективного мира. Сам субъект при этом либо "выносится за скобки", либо превращается в незримого гомункулуса.

V. В феноменологии бессмысленно разделение на "смотрящего" и "смотримое", на "осознающего" и "осознаваемое". Обыденно-прагматическое разделение — не философский критерий. Граница проходит не между гомункулусом-наблюдателем и осознаваемым, но между различными осознаваниями-осознанностями, различными средами сознания — это более фундаментально и верно.

VI. Многие философы отмечали (особенно это подчеркивается у Канта), что "внешние явления" находятся в пространстве, а "внутренние" — во времени. Однако нельзя связывать протяженность только со зрительной протяженностью, а время — только с одной из разновидностей времени. Например, эмоции по своему внутреннему тону имеют определенную пространственную расплескнутость, объемность. Они могут охватить и "внешнее" и "внутреннее". Вовсе не литературный трюк обращение к пейзажу при описании состояния героя. Сами слова "внешнее", "внутреннее" в данном контексте слишком специальны по значениям. Внешнее — это всегда внутреннее (читай — сознательное), а внутреннее даже по субъективным ощущениям никогда внутри не помещается. Оно либо диффузно, либо не "ближе" поверхности соматического облака. За границей кожи внутри тела живет ничто: телесные, болевые и более тонкие и неспецифические ощущения проеци-

руются на кожу и далее ее вовне…Улыбка плавает на губах, ужас глядит из пространства, радость может подняться до небес…И это не метафоры.

VII. Одно из заблуждений — приписанный философии статус гуманитарной дисциплины или сферы. "Не геометр да не войдет!" (или благозвучнее: "Да не войдет сюда всяк, не знающий геометрии") — гласила надпись на стене Платоновской академии. Примерно то же следует сказать и сейчас желающему изучать и воспринять философию, но геометрия может быть заменена одной из современных негуманитарных наук. Философия требует хорошего владения точным знанием (в том числе практическим) при наличии художественных и гуманитарных способностей, но само гуманитарное знание как таковое философии претит. Она вовсе не источниковедение и не история с текстологией. Очень близкие философии сферы точного и гуманитарного знания ее не подменяют. А во все времена ее пытались заменить наукообразной журналистикой, паразитирующей на отвлеченных темах.

VIII. Есть ли необходимость в философии? Ответ, казалось бы, ясен: "Философия большинству людей не нужна". Важна не она, а ее косвенное влияние как некоторого центра или эксцентра, интеллектуального пейсмекера. Тем не менее подобный вопрос, как и ответ на него празден и навязан. В этом смысле он подобен вопросу: "Способствуют ли науки и искусства очищению нравов?" На заданные вопросы можно бесчисленное множество раз отвечать и положительно, и отрицательно. Сколь угодно можно задавать вопросы: "Какая необходимость?", "Есть ли необходимость в самом человеческом существова-

нии? Человеческих ценностях?" Знание мироустройства претендует на одну из ценностей, невзирая на то, что это знание не обязательно, как не обязательно владение коллекцией изумрудов и сапфиров, как необязателен трезвый взгляд на вещи.

Самые абстрактные и оторванные от "действительности" науки обозревают не сферу мира, но сферу отдаленного и возможного приспособления. Конкретные науки еще в большей степени являются сферой приспособления (а не познания и объяснения). Философия уже изначально содержит потенциал миропознания, мирообъяснения, но в прошлом и настоящем, философия — "служанка", набор "приспособлений", "оправданий", "оболваниваний". Заблуждение ли это власть и мысль имеющих? Почему приспособление должно быть заблуждением? Адекватно ли недальновидное приспособление тем или иным человеческим целям? История философии — история мировоззренческой деформации. Была ли выгодна такая деформация в каждом из бывших исторических здесь-теперь? Это вопрос для историков и психологов. Не о накопительном подходе к знаниям идет речь, но о сознательных и бессознательных искажениях. Мы поднимаем проблему гомологии науки, искусства и философии. Философия, являясь естественным стимулятором названных сфер, по уровню мышления и интеллектуальной смелости может гордиться своим отставанием, консерватизмом и смыканием с религией. Да, консервативнее философии были только религии.

Можно попытаться сравнить теоретический аппарат философии и аппарат современной математики. Философия проиграет и здесь. Именно в математику идут интеллектуалы, а не в философию. В точных науках — масса неточностей, непоследователь-

ностей, извращений. Наука и в принципе могла быть совсем иной, но по интеллектуальной мощи наука гораздо выше философии, где-то в своих незаконченных построениях хранящей единственную и неповторимую истину. Если теоретическая наука — это передвигание игрушечных фактов с помощью сильных и действенных методов, то теоретическая философия — попытка втиснуть действительные факты в игрушечные и нелепые методы. Методы существуют до всякой словесности — в простой оценке, взгляде, доинтеллектуальном рядоположении явлений. Нужна точность интроспекции, отсутствие интроекции, а иногда — сверхчувствительность, почти сверхчувственность. Приборы философии — приборы сознания. Научные приборы — слишком косвенны. Однако те, кому все-таки удается снимать с видимости пленку обыденной привычности, видеть за последней нечто заслуживающее внимания или нечто совершенно необычное, идут не в философию, но в искусство одни, а другие — в религию и оккультизм. Тем самым тонкие методы оказываются уничтоженными для философии в самом зародыше, задолго до возможностей вербализации.

Ничейная полоса неизбежно отдается во власть способности воображения и в'иденья гегелей, молешоттов, гуссерлей.

IX. В конце XX века философия почти полностью подменена квазифилософскими рассуждениями. Предметом этих рассуждений является не реальность, но те или иные случайно подобранные культурные продукты человечества. Эти продукты или отношения между ними полагают в той или иной фиктивной плоскости. На смену мифам о коллективном разуме или всемирном субъекте (всеЯ) пришли

слегка подштопанные мифы о субстанциональности исторического и текстуального. Сама по себе мысль о том, что микроистория является простым членением заведомо готовой макроистории не так плоха в качестве гипотезы, но, выпадая за рамки философской теории, она имеет право на существование, только занимая соответствующее место в прагматике.

ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

Полные перечни и рассмотрения того, что образуется дискретно-последовательным путем, имеет скрытые планы, слои и заведомые неучтенности, мало возможны. Данный ниже Словарь в основном является тезаурусом смысловых отличий книги "Буквы философии" от терминологии, принятой в истории философии.

Первоначальное назначение тезауруса — создание удобств для чтения. Предполагалось, что читатель будет обращаться к данным определениям тогда, когда он забыл значение уже употребленного в книге термина или по каким-то причинам отказался от последовательного чтения книги. Однако в процессе написания словаря появилась мысль сделать некоторые его разделы более пространными, чем это задумывалось ранее.

Одни определения расширяют понимание книги, затрагивают те или иные смежные вопросы более конкретно. Другие выходят в сферу культуры за пределы собственно философии.

Выкорчевывание традиционных представлений для автора никогда не было самоцелью, а потому

любой налет эпатажа, футуризма есть только дань краткости изложения, либо — неизбежное явление при снятии каких-либо представлений, сходных с обыденными. Чтение словаря подряд (до книги или вместо книги) может привести к казусам и недоразумениям, особенно читателей с противоположными базовыми представлениями. Однако введение в книгу он все же дает: тем, кто запасется терпением и далее дойдет до статей, несколько иначе разъясняющих позицию автора.

Приводятся новые термины, термины, которые отсутствуют в доступных словарях, а также те, которые известны, но имеют в книге другие значения. Недостаток и одновременно достоинство данного словаря в том, что автор по возможности избегал при объяснении одних терминов использовать другие авторские термины.[62] Некоторая потеря точности, вытекающая из этого упрощения, компенсируется сопряжениями с широко известными представлениями. В случаях, когда подбор нейтральных положений связан с излишней косвенностью, в виде исключения приводятся дублированные прямые определения, подобные определениям в основном тексте книги.

[62] Без специальных оговорок и дополнительных разъяснений в словаре могут использоваться впервые введенные термины, грамматически производные от уже известных терминов.

АБСОЛЮТ. Самосуществующая метафизическая субстанция, характеризующаяся полнотой, самостоятельностью, завершенностью, негеометрической протяженностью, сознательностью, моничностью.

Абсолют не есть бог, персона, интеллект, разум, идея. Он не является бесконечным или конечным, делящимся на центр и периферию. Это онтологическая волна, запредельный смысло-тонусный (смысло-тонический, смысло-тоновый) импульс. К нему совершенно неприложимы категории структуры, информации, энергии.

Будучи вневременным и самостоятельным, абсолют небезначален. Он — начало, поглотившее праначало.

АБСОЛЮТНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ, ПОТРЕБНОСТЬ АБСОЛЮТНОГО. Потребности, побуждающие человека к деятельности, превышающей уровень прижизненной практики человека и человечества. Важность этих потребностей не умаляется тем фактом, что они возникают из различных дисгармонических моментов индивидуального развития, неправомерных спонтанных воззрений, ложных формулировок вопросов, фантастических представлений и т. п.

В некоторой степени абсолютным потребностям отвечают наиболее теоретические или удаленные от сиюминутных запросов области наук, искусство, философия. Независимо от научного, художественного или философского уровня соответствующих работ, попытки решить те или иные "вечные", "абсолютные" вопросы носят, как правило, наивный характер. Мас-

терство оказывается ложным знаком авторитетности.

Абсолютные потребности выходят за грань человеческой оболочки, и потому потребность абсолютного деструктивна в своей основе. В качестве суррогата удовлетворения потребности абсолютного выступают психоделические восприятия в их компарации с обыденными восприятиями, подделки общей теории всего в теоретической плоскости и претензии на шедевры в художественной сфере.

Выход на некую универсальную дочеловеческую ось, игнорирующую частную культурную символику, во многом остается мечтой.

АНТИАБСОЛЮТ. Асимметричная противоположность абсолюта, характеризующаяся отрицательной протяженностью, антисубстанциональностью, самоуничтожающейся множественностью. Может претендовать только на частичное и разорванное бытие-антибытие, парабытие. Для А. не выполняется логический закон тождества. Аналогом А. являются времена (Хронос).

Образно А. можно назвать метафизической пропастью, бездной, женским местом мира. А. связан с вычлененностями, поглощенностями, себе-подобиями, цикличностями.

Субъективно А. чаще всего дается в импульсах отрицательного смысла. С одной стороны, отрицательный смысл проявляется для человека через исчезновения, пропажи, провалы памяти; с другой стороны — через вечное повторение, заполонение, дурную бесконечность.

Значение термина А. — только узко специальное. Более широкое использование термина А. неизбежно ведет к недопустимой мифологизации.

Абсолют и антиабсолют в своем возникновении тяготеют к статистике праначал и скрытой сохранности последних.

АНТИИНФОРМАЦИЯ. Бесструктурно-тонический (бесструктурно-тоновый, нерациональный) аналог сообщения (сигнала).

Конкретная антиинформационная данность — это менее интенсивное иррациональное, являющееся подобием (по тону, а не по структуре) более интенсивного, предельного или запредельного иррационального.

Антиинформационное всегда содержит в себе момент ожидания и тоновую лестницу потенцирования интенсивности.

Субъективное антиинформационное ненасыщенно и проявляется в реальных мистических ощущениях.

АНТИЛОГОС. См. пояснение в ст. ЭРОС-ЛОГОС-ХАОС.

[АСТРАЛ, АСТРАЛЬНОСТЬ, АСТРАЛЬНЫЙ ПЛАН.][63] Особым образом модифицированная совокупность всех ощущений субъекта (среда). В пер-

[63] Во избежание двусмысленности, некоторые термины, заведомо не являющиеся философскими, мы помещаем в квадратные скобки.

вую очередь мы имеем здесь сновидийную или парасновидийную внешнюю субъективную среду (квазисреду), коррелирующую с трансформированными соматическими данностями (соматическим облаком, телесными ощущениями).

В астрале существуют четкие возможности внезрительного самовиденья и зрительных впечатлений. В самых простых случаях имеет место смешение среды виденья (квазисреды) и среды зрительных представлений (интрофотосреды). В сложных случаях среды виденья умножаются (присутствие в различных местах одновременно, многомерные представления). Мнестические отчеты о происходящем в астрале довольно условны: возможно понижение астрального до статуса обычного сновидения либо превращение сновидения в астровúденье.

Общая черта многих "выходов в астрал" — наличие сновидного полета, характер которого может быть самым различным и зависит от типа астральности. Индивид летит, находясь в человекоподобном или — зооморфном (бабочка, кузнечик, птица) теле, либо приобретая в процессе полета форму "огонька", "светящейся точки", желтого или красноватого плазменного облачка. Интересно, что при этом индивид видит себя не только изнутри, но и извне. Дается виденье из измененного "тела" и виденье этого измененного тела из некого нечто. Ко всему этому изредка добавляется узрение своего обычного оцепеневшего "тела", что образует метафизический парадокс, поскольку некоего внепсихического или отчужденного тела не может быть. Многочисленные нелепости астрала нуждаются в дополнительных прояснениях, в удалении контаминации. Совершенно неясно, почему тело-паразит видит точно так же, как и тогда, когда оно пользуется телом-носителем при

рассматривании посторонних людей. Вышеприведенная фраза метафизически неправильна, но она соответствует трафаретным визионерским описаниям и обычным порочным кругам естественных наук. Метафизическое снятие может заключаться в уничтожении понимания тела как тела и сведении его к совокупности ощущений. Тогда и возникает вопрос о том, почему так странно смешиваются новые и старые восприятия, и возникает подозрение о дополненности интенционного иероглифа ярким представлением, которое проецируется как экстраналичное.

Во время полета зооморфные развертки устраняют чувство страха и боязнь падения — очевидно, в этом и состоит их функциональность. При наличии таких разверток видимый мир (квазисреда) необычно красочен, наполнен сочными цветовыми оттенками. При полете в виде плазменного облачка многие развертки исчезают, видимость становится темноватой, сумеречной, хотя могут выделяться те же предметы и цвета, что обычно. Чаще всего астральность характеризуется возможностью быстрой смены ракурсов восприятия, срезов существования; это превращает время в протяжение, вызывает наложение разнородных картин, совмещение в одном "здесь" и "там".

В переходном случае от гуманоидной соматики к зооморфной чувство тяжести в той или иной степени сохраняется (полуневесомость). Возникает сновидийное явление необычных прыжков через высокие деревья, здания и т. д. Иногда такое умение дополняется, полуобъясняется использованием шестов, канатов, появлением крыльев. Даже если индивид не летит и не прыгает, а "идет", поражает быстрота его передвижения и другие необычности (до каких сновидийному сознанию часто нет никакого дела): за не-

сколько секунд пересекается целый континент, субъекту удается пересечь океан, непроходимую тайгу.

При полетах в виде облачка страхи и радости бытия отступают, особое значение приобретают всякого рода умствования и узрения (становится как бы доступной вся причинно-следственная связь событий, сплошность мироздания, "законосущности", объясняющие цель и наличие мира).

Иногда тело путешествия не осознается или почти не осознается и дается лишь присутствие при ощущениях.

Под многими наблюдениями "астрального" можно подписаться, и все же они не могут не вызвать скепсиса. Привлекать для анализа чей-то чужой опыт практически невозможно. Дело не только в необходимости отсечения явлений, связанных с психопатологической симптоматикой и вызывающих те или иные артефакты. Соображения оккультистов и отдельных энтузиастов выхода в астрал по своим представлениям и стилистике все еще носят средневековый характер, что связано с наивным реализмом и верой в наличие "того" и "этого" мира, с рассмотрением субъективного как объективного. Выходящие в астрал, как правило, не обращают внимания на то, что субъективен не только "астральный мир", но и мир обычного бодрствования. Новый терминологический балласт в виде слов "биоэнергетика", "биополе", "информационное поле" окончательно превращает усилия по концептуализации в нечто бессмысленное. Попытке отпрепарировать тонкие данности должны соответствовать столь же тонкие теоретические методы, а вовсе не заимствования из смежных сфер, философии домохозяек и пересыщенной мифами "эзотеричности". Главное — отказ от превращения

субъекта в объект. Вместо концепций "духа" и "тела", "грубого" и "тонкого", "астрала" и "ментала" мы предлагаем гипотезу о полисубъективности человека. Субъекты — это вовсе не тела. Тело — только некоторый ощущенческий момент самоотчуждения. Всякое виденье — потеря, растрачивание, выход от "себя" в сторону, проведение демаркации, сотворение символа.

Однако введение монад при описании многих конкретных явлений неоправданно — "тонкий мир", то есть тонкий субъект, требует отхода от привычных представлений о времени, а значит, такого дифференцированного подхода, какой возможен только в астрале — бумага и истинная концепция времени несовместимы. Фактически холстом, бумагой, табулой является мир дления человеческого сознания, но увидеть немгновенный рисунок, на ней изображенный, или, наоборот, неинерционный рисунок можно только "извне", а чем больше мы погружаемся в это "извне" — тем более исчезает обычно понимаемое время.

Палеоядро субъективного сознания, освободившись от детерминант обычного бодрствования, как бы регрессирует, но приобретает чрезвычайные "интеллектуальные" способности узрения. Узкая возможность бытия субъекта подменяется более широкой родовой и сверхродовой полосой данностей. Это оборотная сторона расструктуривания, дающая возможность как бы независимых оценок, эвристических посылок. Мнестические передачи "астральной жизни" в жизнь обычного бодрствования (если иметь в виду наглядный аспект), как правило, близки к нулю. Даже некое профессиональное расшатывание барьера между астральными и обычными средами не меняет положения дела.

Высокий астрал — вовсе не трансформативность. Он — эпицентр. Более "низкие планы" — результаты смешения различных видений за счет очень быстрого разворачивания интегративно-тонических ощущений в дифференцированные (подобные обыденным). Кажимость предметности и событийности, похожая на существующую при обыденном "бодрствующем" сознании, этим и объясняется — чрезвычайной быстротой воплощений и разворачиваний. В действительности высокий астрал (собственно астрал, палеоядро сознания) — великое множество шагов назад по онтогенезу и филогении. Индивид в полном астрале — своеобразное бесклеточное существо, либо микроабсолют.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ. Абстракция, не имеющая прототипов ни в объективном, ни в субъективном и пригодная только для решения относительно вспомогательных задач. Говорить о Б. имеет смысл только при задании той или иной метрики, а отсюда определение Б. только как отсутствие конца (предела) — фундаментально неверно. Прежде, чем делать заявления об отсутствии предела, необходимо найти соответствие с той или иной (естественной, искусственной) предметностью и задать способы измерения и соизмерения. Там, где нет размеров, не может быть речи и о бесконечности. Фактуально Б. теряет предельную общность и оказывается опредмеченной способом восприятия, попытками его расширения и ограничения.

Противоположность Б. — к о н е ч н о е имеет очень узкое мировоззренческое значение, поскольку вне конкретной рациональной выделенности при-

ложений не имеет. Любая реальность, взятая вне ограненности рациональным, не-конечна и не-бесконечна, но если мы все-таки меняем те или иные предметы, структуры, формы (абстрагируясь от явных или скрытых комплементарностей), то число этих выделенностей всегда будет конечным.

Таким образом, Б. есть фантастическая идея неостанавливаемого оструктуривания (потенциальная Б.) или логически невозможного законченного незаканчиваемого оструктуривания (актуальная Б.).

Все математические бесконечности гносеологически вторичны, а будучи сведены к числовой Б., либо превращают любую Б. в дурную (подмена чисел знаками, соответствующих фактически небытию; предположение о возможности бесконечности воображаемых знаков), либо в теории трансфинитных чисел вызывают новые логические противоречия.

Тем не менее в математике вполне возможен подбор условий для формального сохранения представлений о Б. Эти возможности не следует абсолютизировать.

БЕСПОРЯДОК. Порядок, не соответствующий данному субъекту либо данному роду (типу) субъектов.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ. 1. Термин, неверно прилагаемый к человеческой психике. Практически в здесь-теперь-так для субъекта нет ничего бессознательного. Обычно за бессознательное принимают или с бессознательным путают ощущения, проходящие амнестично или почти амнестично (для последующего потока здесь-теперь-так данного субъекта), под-

пороговые раздражения, периферийные ощущения вне зоны внимания и сосредоточения, метапсихическое (процессы в гипотетических смежных сознаниях, закрытых для данного), "закрытые" нейродинамические процессы (не имеющие репрезентации в здесь-теперь-так наблюдаемом).

Сновидения, галлюцинации — не бессознательны. Никакой необходимости прибегать к термину "бессознательное" при истолковании автоматической деятельности, ошибочных и ущербных действий, поступков, откорректированных помимо наличного сознания нет. Это связано с тем простым фактом, что какой-либо произвольной деятельности в чистом виде вообще не существует.

2. При ином подходе бессознательным является абсолютно все субъективно-сознательное (сознательное субъекта), ввиду того, что феномены в сознании не объяснимы феноменами же, то есть получается, что сознание бессознательно в плане непроницаемой для него собственной подложки (или психического в плане психейного). Однако если подразумевать некие иные сознания за рамками наблюдаемого субъективного сознания, то термины "сознательное" и "бессознательное" будут относительны.

Косвенные кажимости управления, произвольности — все те же лев-толстовские веревочки в руках детей, идущие не к лошади, а к планкам несущейся кибитки. Разница только в возможности недуального параллелизма: человеческое сознание — всего лишь часть скрытого, поглощенного.

Деление на то, что является субъективно сознательным и что таковым не является, более фундаментально, чем какие-либо аналогичные подразделе-

ния обычных рабочих гипотез. По сравнению со столь мощным разделением разница между различными субъективными проявлениями по степени "произвольности", бодрствования — небодрствования и т. п. несущественна, сам термин "бессознательное" оказывается размытым. Более пригодны такие термины, как: "безотчетное", "непроизвольное", "машинальное", "стереотипное", "импульсивное", "рефлекторное", "безмотивное", "автоматичное", "неосознанное" (субъективно).

Только "объективно" судить о конкретном внутреннем состоянии невозможно. Например, никто не знает, насколько умствен, интеллектуален лунатик во время выполнения "сомнамбулических" действий, какой именно из его внутренних субъектов в это время включен.

Иногда возникает доминанта бесструктурного, дерационализированного сознания. Не будем говорить о сне без сновидений или об обмороке, но можно ли проникнуть в бесструктурное содержание дремоты? В истории культуры понятия "беспредметное", "бестелесное" принимались чаще всего однобоко, относились к объектам совершенно условным, а о сознавании беспредметного, бестелесного в прямом смысле этих слов речь не шла.

Процессы перепайки неких внутренних контактов, перераспределения доминант и ценностных акцентов в том или ином кажуще неупорядоченном сновиденном диалоге-развертывании вполне осознаются в каждый данный момент, но уже на небольшом временном интервале сливаются в нечто одно, могут оказаться провалом в никуда, психической аннигиляцией. Это слитие в фон, тон, гул обращается как бы в мифологемную неразделенность не-

ба и земли, соприсутствие духу. Многие иные состояния под грифом "НЕИЗВЕСТНО ЧТО" объявляют бессознательными. Чисто лингвистически с такой традицией приходится считаться, но называть бессознательными субъективные феномены или состояния, в которых хотя бы в диффузном виде эти феномены *присутствуют*, — грубейшая ошибка.

3. ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ (например, у Эдуарда Гартмана) — фактически внутрифилософское порождение, связанное с попытками интеллектуальной утилизации эволюционных и других естественнонаучных фактов при ошибочном помещении материи внутрь мира ощущений. В отношении онтологического имеет смысл говорить или об объективном сознательном, или о том, что ни сознательным, ни бессознательным не является (недобытийное). В философской космологии часто приходится рассматривать бессознательное как завернутое сознательное (инвертированное), бессознательное (неосознанное) как сознательное иного или множества иных составляющих (синдром псевдоматериализации).

4. Бессознательное в виде отодвинутого *прошлого сознательного*, автоматически не опознанного или в качестве сжатого артефакта, присутствующего в настоящем сознательном.

Такое рядоположение не лишено условности, но до какой-то степени моделирует спонтанность рационального восприятия, слитность перцепции с апперцепцией. Некоторые элементы настоящего можно уподобить записанным в прошлом фразам, здесь-теперь ставшими неразборчивыми, но тем не менее выполняющими функцию некоторого основания.

Таким образом, в сфере обыденной и научной бессознательным часто называют незнакомое, неизвестное, чуждое или отчужденное сознательное.

БУФЕРНЫЕ СОЗНАНИЯ. Виртуальные и невиртуальные сознания, разделяющие сознание данного субъекта и объективное сознание.

Фактически Б. с. являются факторами создания субъективного сознания человеческого типа и ограненности такого сознания. К Б. с. могут быть отнесены также недоминирующие (скрытые) субъекты, смежные данному субъекту. Однако чаще речь может идти о вариациях рассматриваемого субъекта: известно, что при некоторых нейрофизиологических вмешательствах субъект меняет свои оценки и склонности на параллельные.

Виртуальные буферные сознания (в отличие от невиртуальных) совершенно негуманоидны и почти не похожи на обычные, известные нам дневные феномены. Они не могут скрыто соприсутствовать обычной человеческой жизни и наделены особым существованием.

Для внешнего исследователя все Б. с. практически завернуты и образуют в таком качестве отторгнутую псевдоматерию.

БЫТИЕ В УЗКОМ СМЫСЛЕ. См. АБСОЛЮТ.

БЫТИЕ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ (БШС).

Вскрытый абсолют, логически невозможное сосуществование всех вычлененностей из абсолюта. Следовательно, БШС — это неполноценное, несамо-

стоятельное бытие, развертка бытия в узком смысле.

ВИРТУАЛЬНОЕ. 1. В книге этот термин не имеет значения вероятности и ближе к пониманию виртуальности в физике элементарных частиц. Но если в физике виртуальное — это вычисленное ненаблюдаемое (принципиально ненаблюдаемое), то в философии — доказанное неотражаемое, не имеющее образа и подобия в субъективном, то есть, более строго, не имеющее структурных и тонических репрезентантов.

2. Относительная виртуальность. Не-здесь-теперь-так субъективное, несходное со здесь-теперь-так субъективным, не допускающее эмпатии, отдельные вычлененные феномены где-то и когда-то, возможность понимания которых либо утрачена, либо не приобретена по отношению к реальной совокупности настоящих феноменов.

ВОЛЕВЫЕ ОЩУЩЕНИЯ. Совершенно бесформенные ощущения-импульсы, не имеющие внутри себя никакой чувственной и смысловой окраски. Входят в комплексы хотения, намерения, решения, желания, влечения (относительно активные), сопричастствуют изменениям внешнего или внутреннего состояния и вообще движению-изменению (относительно пассивные). Волевые ощущения не содержат в себе тенденций, направленностей, векторов, но часто могут быть истолкованы в контексте конкретной ситуации. Фактически В. о. — индифферентные центры кристаллизации, играющие ту или иную роль

в зависимости от предсуществующих психических градиентов и наличных факторов ситуации.

Фиктивными построениями над волевой сферой являются представления о силе воли, судьбе, роке и т. п. Иногда названные фикции приобретают медитативную силу, однако в качестве действительных рычагов выступают не они, а скрытые акцентуализации, связанные с суггестивным.

ВОСПРИЯТИЕ. Суммарное, общее, частное или единичное психическое схватывание, фактуально-холистическое, лишенное теоретического препарирования. Восприятие естественно, а разделение восприятия по чувственным каналам и средам не зависит от теоретических позиций субъекта-наблюдателя.

И н т е г р а л ь н о е восприятие (не интегративное!) — психическая данность здесь-теперь-так, сознание в локусе субъективного времени.

М и к р о в о с п р и я т и е — ощущение флуктуационных элементов на пределе разрешимости возможности временного уловления, не фиксируемого памятью во всех деталях.

Между интегральным восприятием и микровосприятием — широкий диапазон восприятийных вариантов.

При холистическом подходе подразделения на сознания, восприятия, ощущения не существует. Так, раздельных ощущений формы и цвета в зрительном поле практически нет. И то и другое дается в един-

стве, даже если иметь в виду наличную видимость одной пылинки.

При тождественности в книге слов "восприятие", "сознание", "осознание", "ощущение" существует их лингвистическая разница и преимущественная область применения. Замена одного слова другим диктуется только принципами уместности.

Психическое схватывание может быть неполным, мимолетным, эфемерным, но это не говорит о его бессознательности. Подпороговые регистрации головного мозга составляют особый предмет, не относящейся к восприятиям. Экстравосприятия — это обычные неканонические восприятия различных типов: от ощущения очень слабой наводки переменного тока до ненормально отчетливой кажимости прагматически-действительно происходящего события вне сенсорной досягаемости наблюдателя. Возможны восприятия-интенции, восприятия-импульсы и т. п. по всей шкале целостно данных, лишенных искусственного разреза ощущений.

ВРЕМЕННА́Я РАЗВЕРТКА. Развертка событий или феноменов в субъективном времени. Ее нельзя смешивать с самим временем или "жизнью", как это обыденно допускается. В. р. довольно иллюзорна, не является сплошной и непрерываемой. Фактически в этой развертке присутствуют массивы стробоскопической свертки. В. р. определяется способностью осмысления и воспоминания, то есть субъективной способностью связи здесь-теперь и связи здесь-тогда-там.

Целые пропасти амнестической проглоченности заменяются различными интенционными мостами и

наполненностью (мнимой) по ассоциативной аналогии. Лакуны как бы исчезают.

Эта скрытая гофрированность потока сознания дается уже в микроощущениях; поток "целостного" восприятия оказывается сложнейшим иллюзионом.

Парадокс в том, что В. р. нет ни фактуально-субъективно, ни фактуально-метасубъективно. Даются только представления о ней. В. р. (в любом виде) есть очередная отсубъективная проекция на недифференцированную поглощенность, суррогат дополнения. Оксюморон "настоящее в будущем будет прошлым" метафизически не проходит именно потому, что реальность субъективного настоящего обустроена по типу иллюзорной кажимости.

Субъект — не только экран здесь-теперь реальности, но и он же центр любых представлений о прошлом и будущем. Соответственно изъятие здесь-теперь делает невозможными экстраполяции В. р.

ВРЕМЯ. Общее или конкретное представление о длительности, связанное с недопроницаемостью ощущений, наличием в них нейтрализованных структур, лишенных видимой комплементарности и образованных взаимопогашением (интерференцией) иррациональностей различных порядков.

Человеческое время (время человеческого сознания) полиморфно и полициклично, далеко не всегда является суммарным или переориентированным с медленных потоков ощущений на быстрые. Такое время неосознанно выделяется из более чем триллиона факторов, и сведение его к однообразию механической длительности носит чисто утилитарный характер.

В зависимости от сосредоточения человек связан либо с теми или иными равнодействующими времени, либо с пачками потоков, данных одновременно. В этом сложность кажимости времени. Формально предстает как бы время времени. Иллюзия одномерности времени проистекает из ограничения систем бодрствования (см. ИНОБОДРСТВОВАНИЕ), амнестичности, дивергенции субъективностей внутри одного их носителя.

Собственно элементарное время не представляет какой-либо метафизической тайны. Это отрицательная протяженность, то есть протяженность не сплошности, а сходств, статистически наличных в первообразующем переходе от недобытия к бытию. Подобные перпендикулярные бытию данности и оказываются значимыми только вследствие вычлененности, вскрытия бытия при образовании субъективностей. Таким образом, время выступает в качестве заменителя полноты проницаемости.

Дурное время (Хронос) есть всевремя всех субъективностей, то есть логически невозможная, искусственно восстановленная данность.

Натурфилософское (условное) время также могло бы быть двояким: 1) при образовании единой волны (мира) из массы виртуальных волн — то виртуальное, что не участвовало в образовании, то есть факторы, оказавшиеся вне сложения в одно (парамир); 2) при распаде единой волны на корпускулы (субъективности), образовании систем из бесчисленного множества субъективностей — различные варианты вскрытия и объединения, взятые в тех или иных ракурсах.

Почти парадоксальна ускользающая связь времени с памятью (недовспомненность расчленения и

синтеза, латентность параллельных субъективностей и составляющих микросознаний). Неполнота проницаемости восприятия дает чувство и представление о муляжности всего близсуществующего. Онтологически такие чувства и представления оправданы.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧИТЕЛИ. Психологические барьеры, возникающие при переходе от одного уровня дискурса к другому. Теоретически возможны трех видов и выделяются:
1) при движении от обыденного или научного знания к собственно философскому знанию;
2) при обратном движении на том или ином этапе (возмущение условностями и стереотипами);
3) при сопоставлении различных уровней дискурса друг с другом (кажимость противоречивости, пропуск промежуточных звеньев рассуждения).

Самым неординарным является первый барьер. Во многих конкретных случаях он вообще непреодолим. Возможность его снятия очень слабо зависит от степени и характера образованности.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ШКАЛЫ. Уровни философского дискурса:

1) чистое философское знание;

2) промежуточное (смешанное) знание;

3) те или иные положения прикладной философии.

Имеют значение при преподавании, объяснении. Типичными представлениями промежуточного знания являются утверждения, что "трава не зелена", что предметы, которые мы видим вокруг нас, находятся не во внешней среде, а у нас в мозгу и т. п. Возмож-

но движение от обыденного знания к философскому, а также обратное переключение. Например, рассуждая об истории, мы заявляем, что никаких экономических формаций нет — они заведомо искусственные выделенности, схемы (чистая философия); далее мы договариваемся об определенной аксиоматике, соглашаемся принять соответствующие термины для некоторых культур и некоторых территорий (промежуточное знание) и, наконец, ведем свободное рассуждение (эвристическое или методологическое знание, близкое тем или иным наукам).

ДИАЛЕКТИКА. 1. Д. — околофилософская дисциплина (не наука), спекулятивно анализирующая несопряженное знание и обслуживающая различные мировоззренческие потребности. Само мировоззрение обычно не поддается диалектическому рассмотрению. Значение Д. сильно преувеличено. Д. — эвристический метод, применимый к различным гносеологическим явлениям пограничного характера. С помощью Д. можно рассматривать субъективное по отношению к объективному, субъективную реальность — по отношению к фиктивному, а также стыковки различных научных и мировоззренческих[64] фикций друг с другом.

Д. связана с несовершенством человеческого знания и не применима к объективному миру.

2. Одно время была традиция применять Д. к натурфилософии, различным попыткам систематизации естественнонаучных фактов. Уже в этом смыс-

[64] Из всего хода предыдущего изложения ясно, что наука и религия могут быть в лучшем случае подпорками наиболее адекватного при данных условиях мировоззрения, но не его основами.

ле Д. превращается в особого рода макростатистику. Так называемые законы Д. оказываются никем не выведенной поверхностной суперстатистикой, основания которой глубоко скрыты, хотя и объясняются чисто гносеологическими причинами. Называть Д. наукой о наиболее общих законах развития или даже просто наукой о развитии — более чем неуместно.

3. Одна из риторических техник. Д. не может превратиться в нечто наподобие новой логики, "диалектической логики".

При желании обычная Д. может быть усложнена до триалектики, тетралектики и т. д. В какой-то степени это делал уже Пифагор.

ДИАЛЕКТИЧНОСТЬ. 1. Условное представление диалектики не как метода, а как содержания. Нонсенс подобного заключается в том, что развитие осуществляется не само, а через комбинации и манипуляции, производимые мыслящим субъектом, который стихийно оперирует тем или иным разрозненным материалом и пытается найти связи между его разнородными, а часто несопоставимыми частями.

Допущение некоего скрытого развития (восполняющего субъективные пробелы) приводит ко всерастворенности, всепроницаемости и исчезновению структуры, а следовательно, — к исчезновению развития.

2. Диалектика в одном из своих смыслов.

ДЛЕННОСТЬ. Отмерянность, вытянутость в психическом схватывании и полном мнестическом удержании неизменного по качеству одного переживания относительно потока других более изменяемых и более прерываемых переживаний.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ. 1. Формально, субъективное или псевдосредное (например механически отмеренное) отстояние локального переживания, виденья, эмпирического события и т. п. в одном общем восприятии от локального переживания, виденья и т. п. в другом общем восприятии.

Совершенно нелепо обыденное отнесение длительности к существованию предметов-потоков. Последние предстают только через образы.

Длительность феноменологическая не может относиться к процессам, а интегративное бесструктурное ощущение, сопровождающее якобы внешние, отражаемые в прагматических фикциях процессы или процессы-потоки, описывается в категориях ДЛЕННОСТИ.

2. Метрическое или метрико-мнестическое (задействована долговременная память) интегративное ощущение. Содержит простую интенцию компараций образов или переживаний.

3. Абсолютная длительность, предполагает сверхвосприятие и восстановление смежных субъективностей. Такая длительность фактически сводится к факторам, производным от степени и характера структурности.

4. Бергсоновская длительность — одна из псевдосредных длительностей. Бергсоновское оживление бухгалтерской мертвизны расположено где-то между

Ницше и Хайдеггером (типичное привнесение значений).

* *

Время вещей — философский нонсенс. Длительность вещей касается чисто прагматических квазирациональных выделенностей. Даже если бы некий естественнонаучный натуральный мир существовал, то в нем действовало бы положение: "Нельзя и одного раза войти в одну и ту же реку".

ЕМКОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ. Прагматически значимый, но не подлежащий измерению предел качественно-количественного (бесструктурно-структурного) наполнения здесь-теперь-так сознания (я-среды). О подобном пределе можно говорить только, опираясь на большинство, но не на все возможные случаи состояний субъективного сознания.

На каждый момент существования дифференцированных ощущений можно рассматривать отдельно емкость бесструктурную и емкость структурную. Бесструктурные элементы в зависимости от своего качества способны как понижать, так и повышать структурную емкость.

Измерение структурной емкости невозможно с помощью тестирования[65], поскольку данные таких измерений будут производными от степени сосредоточенности, а некая гиперсосредоточенность на

[65] Всегда есть структурные элементы вне поля тестирования, в том числе связанные с соматикой, мнестические и т. д.

предлагаемом материале, как правило, исключена. Тем не менее такую емкость вполне можно вычислить, используя соответствующие поправочные коэффициенты.

Максимальная бесструктурная емкость не всегда сопряжена с аффектами.

Говорить о Е. с. с. при наличии особых состояний (инободрствования и т. п.) не имеет смысла.

ЖИВОПИСНОСТЬ (в неспецифическом смысле). Ощущение эстетической полноты развертывания смысла и тона, сверхвыразительная детализация и наоборот — ощущение выразительности средств и прозрачности символов на той или иной ступени превращения структуры в тоносмысл.

В ощущении живописности слияние дионисийского и аполлоновского неполно, преобладает либо одно, либо другое.

Основа ощущения живописности — беспредметное в предметном:

1) зримое воплощение беспредметного в изображаемых предметных структурах;

2) теряющаяся предметность, размывающаяся, растворяющаяся, позитивно-эстетически аннигилирующая.

В подражательном искусстве художник не ищет новых для него чувств, но инстинктивно пытается передать общезначимые (канонические).

ЗАКОНОПОДОБИЕ. Нестрогие рациональные связи или обобщения каких-либо феноменальных явлений и прагматических фактов. Законоподобия бо-

лее характерны для обыденных наблюдений, касаются последовательности следования событий, правил осуществления действий. Например, утверждение: "При сильном ветре не бывает радуги" относится к законоподобиям, но не к законам.

ИДЕАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ ВНУТРЕННИЕ. Один из важнейших вопросов философии, несмотря на то, что внимание к нему привлекается из-за несообразностей, вызываемых нерафинированностью человеческой мысли, тугостью обращения с феноменами ПРЕДЫДЕАЛЬНОГО. Внутренние отношения между уже заданными фиктивностями или в структуре какой-либо фиктивности могут быть строго логичными, даже представляться безукоризненно объективными в случаях своей предельной общности. Довольно распространено ложное мнение о реальной объективности чисел.

Не секрет, что логика в идеальном иногда проступает в более явном виде, чем в мире феноменального (субъективно реального), а о логичности вещей в себе (собственно объективного) мы можем рассуждать довольно околичным и косвенным путем. Логичность некоторых идеальных порождений смотрится особенно выпукло. Логика как граница данности вещей в мире — вне самих этих вещей, в то время как в среде небытийных идеальных муляжей кажется чуть ли не консистентной. Так, мир математической данности представляется словно выстланным логической тканью.

Однако логика — это логика структуры, логика отношения, но не логика н а л и ч н о с т и идеального. Логика привносится в идеальное стартовыми условиями задавания.

Необходимо заметить, что в идеальное вносятся и заведомые алогичности, что затем неизбежно приводит к противоречиям, парадоксам, математическим неопределенностям. Алогичны идеальные объекты и по своей сути, например, геометрические объекты, кажимостно существующие, но построенные из ничто и т. п.

И. о. в. несколько напоминают мир идей в античном понимании, то есть сущности, висящие вне обычного псевдобытия и определяющие своей логической разграфленностью мир человеческий. Фактически И. о. в. — рационально-регулярно разрушенная сфера смысла, внепсихологическое, задание путем абстрагирования от свойств психологического. "20 x 20 = 400" — что это? Объективно ли, реально ли "20 x 20 = 400"? В более минимизированном виде подобная логика дается и феноменально. Создавая идеальное, человек помещает туда и логику. Логикой строгое идеальное (часто совершенно непредставимое в человеческом сознании) и определяется. Логика — каркас, сила, которая еще както, пусть и мнимо, заставляет жить фантомические объекты математики. И не естественно ли, что те результаты, которые мы можем иметь благодаря идеальному, столь же приемлемы, как и ранее предпосланные условия? Есть "черные" и "белые" ящики, но почему бы идеальному не быть заумным ящиком или ящиком воображаемого в нигде разума? Проверенное в обозримых посылках умом доверяется исторически разработанной машине знаков и алгоритмов в уже более масштабном виде. Человеческая связь психическое — психейное становится живой ЭВМ.

Наиболее формальные математические области и не предполагают никакого идеального, оперируют чистыми знаками. Это самые современные матема-

тические науки. В своей логичности они нисколько не проигрывают, а кое-где могут и уточнить, откорректировать ранее известные подходы к логическому.

Фетиш идеального потребен только человеку. Компьютеру он не нужен.

Если мы пойдем на поводу у оккультистов и заявим, что любые объекты человеческих представлений, фантазий существуют и, более того, питаются человеческой энергией, то и в этом случае окажется, что думает субъект вовсе не об идеальном, а если что и "создает" тонкококонсистентное, то именно вследствие этой консистентности, абстрактно-идеальное уже не поместимо в нем... Предполагаемые эманации будут требовать н о в о г о идеального мира и так до бесконечности, то есть до небытия, несуществования, где и есть место идеальному.

ИДЕАЛЬНОЕ. Несуществующее, налагаемое наличным, фикция. Сознание не является идеальным.

Антоним термина "идеальное" — термин "реальное", а вовсе не материальное, как часто считают. Вначале идеальное противостоит феноменальному, оказывается мнимым флюидом последнего и уже затем наступает противопоставление для субъекта идеального и реальности. Следовательно, естественная противоположность идеального — феноменальное, а мировоззренческая — реальное.

Несмотря на свое отсутствие, идеальное, ввиду его полагания и ссылок на него, в таком своем качестве циклопично и многоданно. Классификации его могут быть различными. Идеально наличны не только проекции практического, математические объ-

екты, но и объекты логически невозможные вроде деревянного железа или четырехугольного треугольника.

Идеально все то, что не предстоит в здесь-теперь-так феноменах и не может иметь иносубъективного или несубъективного статуса. В определенных случаях идеальное может быть относительным.

ИДЕОМЕТРИЧЕСКОЕ. Относящееся к сфере строгих идеальностей, то есть идеальностей, вполне однозначно заданных и имеющих между собой строгие соотношения. В большинстве случаев идеометрическое относится к ИДЕЯМ — непредставимому в обычных неинтеллектуальных образах идеальному.

Алогичность примативных положенностей идеометрического может не влиять на его последующую строгость в том случае, если на определенном уровне рассмотрения удалось избежать противоречий в совокупности примативного.

Примером чистой формы идеометрического являются математические формулы и формулы физической науки, но формулы не как знаки, а как выраженные денотативно в идеальной сфере. В формализованных системах денотативным будет раскрытие символов, включение выводов и предыдущих формул.

ИДЕЯ. Идеальное, не представимое по своему существу в чувственных образах, то есть идеальное, не переводимое в субъективное реальное; то идеальное, какое ни при каких условиях не может быть феноменальным.

Идеи нужно отличать от типа идеального, которое не представимо только в своей тотальности, но представимо в частности ("испанский язык", "сфера искусства", "сфера обслуживания г. Новороссийска"). Действительным субстратом такого неидейного идеального является досубъективная поглощенность, маскируемая антропоморфными выделенностями.

Пример собственно идей: "число", "три миллиарда семьсот двадцать один", "равнобедренный треугольник", "прямая", "зеленое красное", "одиннадцатимерное пространство", "напряженность электромагнитного поля" и т. д.

Идеальности типа "четырехголовый человек", "василиск","снеговой огонь" идеями не являются.

ИНОБОДРСТВОВАНИЕ. Фундаментальные (базовые) психологические состояния различного происхождения и значимости, которые с точки зрения человека в состоянии тривиального бодрствования не являются ни обычным бодрствованием, ни сновидийным состоянием, ни сном без сновидений (в последнем случае предположительно). Примеры: лунатизм, визионерство с потерей атрибутов обыденной ситуации, но с сохранением "тела", визионерство при наличии метаморфированного "тела", некоторые виды дремоты, сна на ходу, пауз-лакун в тривиальном бодрствовании, истинные галлюцинации, подлинное состояние паники (с последующей ретроградной амнезией) и др.

Есть масса состояний между бодрствованием и инободрствованием: постгипнотические запрограммированные действия, полноценное вхождение акте-

ра в роль, элементы психического заражения — непроизвольные подражания.

Предполагаются возможности более существенного инободрствования.

Часто даются частичные переориентации в характере действительности при наличии сильного эмоционального контакта с воображаемым: во время просмотра фильмов, чтения книг, участия в розыгрышах, необычных ритуалах и т. п.

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ. См. ТОНИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ.

ИНТЕНЦИЯ 1. (от intentio — стремление, лат.) Сгущенный (неразвернутый) образ, на котором здесь-теперь сосредоточено максимальное внимание. Этот образ может иметь ту или иную смысловую, чувственно-аффективную и волевую окраску. В предельном случае образная сторона, подразумевающая некую скрытую структуру, вообще исчезает, оставляя только смысл, чувство, влечение, силу.

Могут быть: интенция-указание (представление о предмете без разворачивания структуры предмета, интенция-ЭКЗИСТЕНЦИАЛ (неразвернутый объект чувств, страстей, ностальгии), интенция интенций-экзистенциалов (ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛ: абсолют, красота, смысл жизни и т. п.).

Интенции не являются абстракциями и внеабстрактны по существу. Аналогично они не суть предпозиции. Строго говоря, это ментальные концентраты. Осуществимость или неосуществимость через их

посредство трансцензуса не имеет феноменологического значения.

2. Обычно понимаемой интенции как феноменологической направленности не существует, ввиду отсутствия в сознании гомункулуса, отсутствия действительного разделения на сознание и содержание сознания. Трафаретные прагматические коррелированности феноменологически фиктивны. Причины недоразумений не только в физиологизмах, условностях и спонтанных актах приписывания значений, но и в многослойности сознания, несосуществуемости его данностей, смещении области наивысшей проницаемости. Интенция посюстороння и, как правило, не переходит в трансцендирование.

ИНТРОФОТОФОНОСРЕДА (ИФФС). Среда реальных зрительных и звуковых представлений (неинтеллектуальных). Состоит из интрофотосреды (фотосреды) и интрофоносреды. Либо противостоит, либо смешивается с КВАЗИСРЕДОЙ — топосом внешних зрительных и звуковых ощущений. Эти среды сознания неотделимы от феноменов.

ИСКУССТВО (как психологическая данность). Такая представленность образов неинтегративного плана "действительности", какая кажуще возбуждает те или иные достаточно нерациональные интегративные планы, актуализирует их.

В подавляющем большинстве случаев под предметом подобного восприятия подразумевается созданное человеком, но не исключено и искусство "природы". Однако и в последнем случае необходим инди-

вид, который смог бы обратить на что-либо внимание, выделить, зафиксировать и т. п., например, отыскать и установить в музее минерал необычной формы, кажущийся рукотворным.

В этом понимании термин "художественное" требует большей дифференциации, хотя и здесь возможны исключения, ошибки в экспертизе.

Намечена тенденция искусства к универсализации, отход его от сугубо этносной и этосной семантики. Искусство в современном понимании должно облекаться в форму, доступную чувственному восприятию, и в то же время выходить по содержанию за человеческую ограниченность обыденным.

КАНОНИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ[66] (в том числе чувства, мысли). Феномены, за которыми закреплены традиционные названия и которые легко распознаются, весьма часто встречаются.

Канонические эмоции (эмотивное): тонические проявления (внутренние компоненты) страха, ужаса, ярости, смеха, удивления, радости в классическом понимании, без обертонов и мистики.

Канонические ощущения смысла (мысли) — вербальные или образные мысли, выражающие опознание чего-либо, отношения между предметами: "Кни-

[66] Термин "ощущение" здесь и повсюду мы употребляем в расширенном смысле: ощущение = весь феномен или органическая (неусловная) выделенность из феномена, могущая предстоять в качестве самостоятельного феномена.

га лежит на столе", "Нужно выключить свет" (деятель подразумевается), "Почему трамвая всё нет?" ("Почему трамвай не подходит к этой остановке?") и т. д.

Канонические волевые ощущения: влечения, желания, намерения.

Простых канонических перцепций ("холодно", "далеко") практически нет, ввиду их структурности, незаменяемой индивидуальности и амнезии подробностей таких же предыдущих перцепций. Среди подобных дифференцированных ощущений можно различать только обычные и необычные.

КАСКАДЫ РЕАЛЬНОСТИ. Виды реальности в ее гносеологическом расслоении:

1) здесь-теперь-так наличность;

2) объективная реальность:

а) логически выведенная из здесь-теперь-так,

б) логически выведенная при условной безотносительности,

в) чувственно-интенционно выведенная из здесь-теперь-так или особых, экзотических здесь-теперь-так,

г) объективная реальность якобы сама по себе;

3) зареальности, предреальности — первичные направления в сторону реальности, моменты возникновения реальности;

4) чужие субъективные реальности, свои прошлые или будущие субъективные реальности, буферные реальности;

5) парареальности — "реальности" отрицательной протяженности;

6) вскрытое объективное бытие — совокупность всех моментов распавшейся объективной реальности.

КВАЗИСРЕДА. Совокупность реальных внешних ощущений, то есть совокупность внешних ощущений в настоящем локусе субъективного времени (в моменте "сейчас"[67]). К. — это внешнее здесь-теперь-так. Как правило, к К. относятся зрительные и звуковые ощущения. Иногда к этим ощущениям присоединяются (и даже выступают в качестве ведущих) иные.

Соответствующие комплексы ощущений сновидений, галлюцинаций также квазисредны. Квазисредными являются и последовательные образы.

В квазисреде находится только тот предмет, какой мы видим, и в том виде, в каком мы его видим. Если человек отворачивается от предмета, то предмет исчезает из квазисреды.

КОСМОНИЧЕСКОЕ. Философский космос (абсолют) вместе с его предшественниками-скрытостями, расщеплениями-субъективностями и парасущностями.

К. — мир, рассматриваемый одновременно во всех своих состояниях: добытийных, парабытийных, бытийном и расщепленно-вскрытом бытийном.

Под К. можно понимать и генезис каждого из описанных состояний. Космологическое — вторая часть космонического (переход от объекта к субъектам).

---

[67] Различные виды осознаний-схватываемостей имеют свое временно́е дление, а потому условное общее настоящее — это логическое или инерционное пересечение "сейчас" различных родов ощущений в рамках их фактуальной интеграции.

ЛИЧНОСТЬ. Бытовая фикция, условная модель интегрированных потенций псевдообъективного человека. В представлениях о Л. проявляется желание иметь контрпсихейную проясненность, оструктуренность заведомо неструктурного, опрагматизированность невписываемого в прагматику. Таким образом, личность есть мнимый фокус всего диапазона позиционных интенций по отношению к способностям восприятия и активности.

Личность не есть субъект; личность не есть индивидуальное субъективнее сознание. Денотат слова "личность" нельзя также смешивать с денотатами слова "человек".

ЛОГИКА. В книге: 1) универсальная граница данности вещей в мире, сама остающаяся незримой; 2) методика косвенного выявления этой границы.

ЛОГОС, ЛОГОСНОСТЬ, ЛОГОСНОЕ. См. пояснение в статье ЭРОС-ЛОГОС-ХАОС.

ЛОЖЬ. Фундаментальный первообразующий элемент (сеть элементов) восприятия и коммуникации, составная часть большинства истин. Связана с неизбежной аберрацией действительности в процессе ее умножения и суперпозиции.

Человеческое вúденье, мирочувствование, искусство, науки фактически основаны на Л. Искусство обязано лгать по самой своей сути. При этом искусство выступает не как подделка действительности, а

как средство обмана, извращения, подспудной модификации психического. В науке Л. либо специально оговаривается под видом тех или иных посылок и искусственных приемов, либо остается неявной как в виде методологической лжи, так и в виде разности между научным мировоззрением и предполагаемым кардинально-истинным мировоззрением.

Казалось бы, задачей философии является очистка мировоззрения от Л., представление мировоззрения, соответствующего "действительному положению вещей", но история философии показывает ложность всех дошедших до нас философских учений. Тем не менее очистка мировоззрения от Л. — главная цель философии и наличие такой цели — критерий изначально верно ориентированного философствования.

Различение естественной и искусственной, непреднамеренной и преднамеренной Л. нисколько не облегчает каких-либо этических разграничений. У различных человеческих психотипов одна и та же (однородная) Л. может возникать на различных умственных уровнях, по-разному связываться с явлениями забывания и контаминации. Аналогично неоднозначно проведение разделения грубость-тонкость, где одинаково негативно могли бы оцениваться и "грубая правда", и "грубая ложь".

Религиозная Л. может быть связана с психотехниками и теми дешевыми аффектами, которые предоставляют наивность и конформизм.

Онтологически Л. выглядит как конгломерат вычлененностей, связность неполноценных бытийностей. Постсубъективное творение лжи — продолжение заблаговременно начатого процесса. Будучи необъективной, Л. реальна.

Правдивость вроде бы является пороком. Если, согласно Аристотелю, смелость находится между трусостью и ухарством, то бытово допустимую правду, нужно помещать между общественно неприемлемой абсолютной правдой и ложью. По абсолютной правде (то есть полной правде) мы пребываем в мире приблизительностей, условностей, относительности и бездоказательности, а отсюда всё позволено, всё человеческое ничтожно и не заслуживает упоминания. Эта полная правдивость уничтожает всякую малую правду.

Философ, в отличие от прочих обывателей, должен как будто быть сильно смещен в сторону абсолютной правдивости. Действительно в начале прошлого века и ранее философы могли позволить себе говорить немыслимые для здравого смысла вещи. Таким образом, в те времена собственно философы еще существовали.

МАТЕРИАЛИЗМ. Спонтанно замаскированная под реализм разновидность идеализма, основанная либо на онтологизации субъективных ощущений (I), либо на онтологизации физических и естественнонаучных абстракций (II). Второй вид материализма сводится к первому, поскольку абстракции и описания науки — попытки продолжения субъективных комплексов ощущений, попытки рационально-математизированного, но заведомо фиктивного уловления их за их собственной гранью.

Продолжение ощущений за их грань всё в том же почти неизменном виде или даже в виде, частично подогнанном под уровень современного знания, — довольно фантастическое допущение, не имеющее

для себя никаких оправданий. Если идеализм противоположного типа онтологизирует идеи, относящиеся к уму, то современный идеализм-материализм — идеи, относящиеся к разуму (такие абстрактные данности, как вещество, поле, атом и т. п.). Более приземленный материализм ограничивается экстраполяциями структурного сенситивного. Естественно, в последней детской модели мира не место атомам и молекулам, а их введение в корне подрывает саму наивную модель.

Попытки материалистов придерживаться принципов рационализма ничего не меняют, ввиду катастрофической нелепости суммы начальных посылок. Некоторая заслуга материализма заключается в критике других идеалистических учений и натурального истолкования религиозных догматов, хотя чаще всего подобная критика обращается в фарс.

Самая парадоксальная черта М. в том, что он, благодаря пересечению с прагматизмом и здравым смыслом, является мощной подделкой "действительнизма" (реализма).

МЕНТАЛ. Универсальный термин для обозначения явлений сознания без деления их на обособленные группы, конкретное содержание феномена.

МЕРИСТЕМА. 1. Буквально (биолог.) — образовательная недифференцированная ткань.

2. В книге — особая добытийная сущность, не имеющая каких-либо истинностных позитивных или негативных характеристик, за исключением самостоятельности.

МЕТАФИЗИКА ЛИМИТНО-РЕКОНСТРУКТИВНАЯ. Философия мира за субъективным сознанием, исходящая из натурализации вычлененных из реального сознания (феномены) ограниченного числа предельных принципов возможности существования и не требующая затем обращения к субъективному сознанию.

Попыткой начала такой метафизики явились апории элеатов, отвергающие трансцензус, проводимый путем механического переноса субъективной видимости в модели объективного.

Трансцендированию в М. л. р. подвергаются только предельные логические и предлогические принципы. В отличие от *спекулятивной* метафизики (Платон, Шеллинг, Гегель), М. л. р. отказывается от анализа категорий и привнесения в мир фикций разума.

М. л. р. может быть основой теоретической метафизики.

"МЕТАФИЗИКА" НАУКИ. Типичные для науки кажимости долженствования фактов, возникающие при смещении субъективного опыта в псевдосредные области — ПСЕВДОСРЕДЫ.

Тем самым "метафизика" науки является совокупностью стихийно порождаемых ненаучных принципов, руководящих методологиями науки.

Сходная "метафизика" существует и для наличных философских направлений.

МЕТАФИЗИКА РЕДУКТИВНО-ДЕДУКТИВНАЯ. Философия мира за пределами субъективного сознания, которая приходит к предмету своего рассмотрения путем анализа субъективной реальности.

В отличие от индуктивной метафизики не обращается к конвенциональным представлениям, выводам из частных наук.

Трансцензус в М. р. д. осуществляется через анализ реальных характеристик субъективного ощущения.

Разновидностями М. р. д. являются метафизическая эстетика и анализ интроспекции чувственного трансцензуса. Формально М. р. д. отказывается от данных визионерства.

Задачей М. р. д. является не только выведение объекта из субъекта, но и рассмотрение путей замыкания досубъективного на субъективные феномены.

Чрезмерная связь М. р. д. с психологической эмпирией требует дополнения ее теми или иными релятивными максимами и компарациями.

МЕТАФИЗИКА СИНТЕТИЧЕСКАЯ. Философия метасознания (мира за пленкой субъективного сознания), основанная на взаимной поверке РЕДУКТИВНО-ДЕДУКТИВНОЙ и ЛИМИТНО-РЕКОНСТРУКТИВНОЙ метафизики.

При этом редуктивно-дедуктивная метафизика апеллирует к дленности-протяженности ощущений реального субъективного сознания и не совершает более одного шага методами логических выводов.

Метафизика лимитно-реконструктивная выделяет не разум и не универсальное ощущение, но прежде всего универсальную систему кристаллизации

данности. Отвергая разум, эта метафизика отвергает и диалектику.

По М. с., в основе мира лежит статистика всенаправленной протозаконности (дозаконности), представляющей внутри НЕДОБЫТИЯ узкое тоническое мировое сознание — абсолют, распадающийся на топологии субъективностей.

МЕТАФИЛОСОФИЯ. Вспомогательный аппарат, исследующий систематически излагаемое или систематически изложенное философское мировоззрение на предмет строгости, сопряженности, доказательности, доказываемости, соответствия уровню интеллектуальных достижений человечества и т. п.

Несистематическое философское мировоззрение практически не нуждается в М., т. к. корректировка такого мировоззрения будет достаточно условной.

МИСТИЧЕСКОЕ, МИСТИКА. 1. Реальные тонкие неспецифические ощущения бесструктурного характера, витально и эстетически сверхзначимые. С эмоциональной сферой прямым образом не связаны.

2. Обычно под мистикой понимают попытки рационального объяснения или рациональных демонстраций того, что совершенно не рационально и рациональному объяснению не подлежит.

3. Общие наименования действий, образов, явлений, потенциально способных стимулировать возникновение особых тонических (бесструктурных) восприятий, в частности, мистику в значении 1.

МОНОКАТЕГОРИИ. Термин, относимый к сущностям, не теряющим смысл, не становящимися абстрактными при образовании (трансцендировании) путем присвоения предельных свойств некоторым обычным явлениям. Экзистенциальные результаты подобного присвоения: "ужас в себе как таковой", "сверхужас","абсолютное сознание","смысл всего" и т. д.

В большинстве случаев,монокатегории — это феномены, превращенные в вещи в себе (трансцеденты, "ноумены").

МОШЕННИЧЕСТВО В ФИЛОСОФИИ. Полуосознанное или осознанное создание тем или иным автором концептуальных аберраций и других подобных явлений. В специально неоформленном виде существует состоящая из письменных утверждений целая отрасль критической философии, рассматривающая не только ошибки в философии, но и производящая недвусмысленный приговор тезисам, обоснованиям и стилю изложения подозреваемого в интеллектуальном фальсификаторстве.

Можно видеть аберративную значимость ангажированности в философии (жесткая привязанность к определенной идеологической тенденции, течениям, схоластике, узкому кружку, университетской преемственности). Самые острые обвинения обычно направлены против немецких философов, а также теологии и материализма. Наибольшее число обвинительных реплик адресовано Гегелю.

В новейшее время причастностью к М. ф. более всего выделяется философия языка (начиная с Витгенштейна) и экзистенциализм (начиная с Хайдеггера).

М. ф. связано не только с превратностями толкования тех или иных явлений и порочными эвристическими каналами, но и с замалчиванием значения факторов, не вписывающихся в концепцию, стихийными, но удобными заимствованиями из смежных областей (геометризация, логизация математического толка, общегуманитарно-эссеистическая СУБЪЕКТА ДЕКОНСТРУКЦИЯ, религиозный гуманизм), попытками следовать в практически и социально приемлемом русле, проложенном авторитетами. К М. ф. предрасполагает и сложившаяся философская терминология.

Относительно независимые философы: Шопенгауэр, Киркегор (Kierkegaard), Ницше поражают страстной привязанностью к узкому кругу доминантных идей, биографичностью своего творчества. Подобная эгозависимость приводит к нанизыванию на коллизионно возникающие идеи случайных подтверждающих моментов, к чему и сводится основная масса философствования.

Психологически М. ф., так или иначе, восходит к аналогичному мошенничеству в расхожих схемах богословия, весьма распространенной софистической защите родовых ценностей и верноподданнических установок, школярскому начетничеству. М. ф. возникает и из-за попыток показного следования философским псевдоконвенциям (внешне похожи на конвенции в науке) и моде на стиль, проблематику (как это имеет место в искусстве).

В самое последнее время бессодержательные ни к чему не обязывающие "междисциплинарные" концепции вырастают как грибы повсюду. Обычно их авторы апеллируют к подобиям математизации, ра-

ционализации, представляют всевозможные схемы, диаграммы. Срок жизни всего этого — один день. Но эти однодневки иногда находят себе прибежище на философских кафедрах. Причина подобного положения вещей — предсуществование так называемой абстрактно-категориальной философии, наличие в некоторых странах философии в виде марксистской или теологической псевдонауки.

МУЗЫКА (в неспецифическом смысле.) Ощущение проницаемости границ восприятия, означающей разлитости духа, здесь-теперь происходящих родов смысла существования. Проявленное в виде реального неакустического тона воспоминание о праданностях.

Возможна обычная музыка, в которой нет МУЗЫКИ, и пейзаж, который источает последнюю.

НАГЛЯДНОСТЬ. 1. Умственно-сенситивная очевидность, прямая доступность того или иного явления в том виде, в каком оно дано сознанию.

Н е н а г л я д н о е не дано здесь-теперь-так и является либо реальной поглощенностью, либо пустой рассудочной схемой (без представимой детализации).

2. Совершенно иной аспект наглядности-ненаглядности связан с относительной непередаваемостью знаний в процессе обучения и общения, с определенным "трением" при знакомстве с чем-либо. Возможен эффект парадоксальной наглядности, когда, например, зритель, созерцая совершенно простую, лишенную аллегорий абстрактную геометрическую жи-

вопись, утверждает, что он ничего не понимает, хотя все видит и видит достаточно явно. Этот эффект связан с предустановками, неверной сфокусированностью сознания, вложением ожидания в созерцание.

3. Есть более фундаментальные парадоксы наглядности. Мы можем видеть предметы, но их число не сможем узнать без пересчета.

Таким образом, можно говорить о ступенях наглядности, о возможности зашифрованной видимости, о значении предустановок, свернутых воспоминаний и скользящих интенций.

Процесс выделения субъективности, фильтрации сознательной данности происходит через выпадение ненаглядного. Субъективное детектирование предсубъективносознательного сходно со стробоскопическими иллюзиями. Границы бодрствование — небодрствование — инободрствование проходят через каждое мгновение, и один из критериев наглядности — способность здесь-теперь мнестического связывания, мнестической приемки здесь-так, невзирая на потенции скорой амнезии. Получается, что воспоминания не "вспоминают", а делают, производят, связывают, творят этот мир, если подразумевать именно атомы воспоминания, воспоминания о настоящем. Последующее — уже новая топология.

НАДОБЩЕНИЕ. 1. Общение через людей, а чаще через другие посредники (тексты, книги, архитектуру, музыку, ландшафт и т.п.) человека с цивилизацией в целом и нечеловеческими сущностями.

Далеко не всякий предмет искусства может быть таким посредником.

2. Общение с использованием названных выше посредников людей через эпохи и расстояния. Средства индивидуальной связи (телефон, телеграф и т. п.) здесь не подразумеваются. Критерий: отсутствие здесь-теперь учителей, самостоятельность проникновения во что-то.

НАПОЛНИТЕЛЬ. 1. Потребность сенсорно-моторного и моторно-сенсорного разнообразия,адекватная по своему спектру конкретному психотипу.

2. Сама деятельность и предметы, удовлетворяющие эту потребность.

Наполнитель как потребность — это все "необязательные" и искусственные потребности конкретного индивида.

3. В более общем и уточненном смысле Н. — это потребность жизненного тонуса, и уже в таком качестве Н. — главная человеческая потребность, подчиняющая себе все иные.

НЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД В ФИЛОСОФИИ. Немецкая философия от Лейбница до Шпенглера. Стремительный закат немецкой философии совпадает с буйным расцветом философской мысли в Австрии. Последующая (после Шпенглера) философия в Германии, подобно престарелому Канту, словно бы впадает в детство — гуманитарно-экзистенциальный синкретизм.

Некоторый надлом и переориентация направленности немецкой философии — уже в интеллигибельном перерождении её в системе Гегеля и неожиданном, хотя еще уместном, иррационализме Шопенгауэра.

Небезынтересно, что самое капитальное произведение Ницше ("Воля к власти") самому Ницше целиком не приписывают.

После античной Греции подъема философии, равного немецкому ее периоду, очевидно, не было. Главный недостаток немецкой философии — недооценка чувственного начала и, соответственна, — переоценка искусственных абстрактных построений.

Обращает на себя внимание гораздо более спокойное развитие философии в Великобритании, а еще — одинокая фигура французского философа Декарта, фактически затмевающая по значению любой период в истории философии.

Существует (чисто формальная) аналогия между политической раздробленностью античной Греции и первоначальной раздробленностью Германии. Расцвет и закат философии — более частное явление, но коррелирующие с раздробленностью культурные эффекты отрицать невозможно. Другой вопрос в том, что подобные исторические констатации наивны и на уровне сомнения в том, "что" порождает "что". Любая "чтойность" здесь несамосуща и оказывается отбрасываемым обертоном.

Несмотря на заёмность ведущих идей (античность, Декарт, Юм, Бэкон и др.), неуклюжие подражания теологии и математике, немецкая философия сохраняет свое значение благодаря попыткам пунктуальности, глубины, созданию эвристической модели философии, масштабности и серьезности.

НЕОСОЗНАННОЕ. 1. Недоосознанное. Неосознанное внутри сознательного. Тот или иной шифр внутри субъективного сознания, неосознаваемый временно, постоянно, абсолютно. Мы можем не знать числа видимых предметов, можем не сразу ухватить смысл фразы на иностранном языке, хотя все ее слова знакомы и т. д.

2. Неосознанное, касающееся скрытых мотивов (элиминантов). Выделять какую-либо среду в связи с наличием скрытых пружин поведения и придавать ей характер структуры не имеет смысла.

Не только поведение апеллирует к скрытому, не только грезы и сновидения, но и все субъективное сознание. Вследствие этого членение оборотной стороны субъективной данности и вписывание ее в исчисляемое каким-либо процессом натурфилософское время и геометрическое пространство приобретает фантастические и чисто фиктивные разграничительные черты.

НЕОСЮРРЕАЛИЗМ. Сюрреализм, отличительными особенностями которого являются:

1) отсутствие существенных противоречий принципам неоромантизма и символизма;

2) принцип "палео-футуро", который утверждает, что попытки новых суперпозиций культуры должны иметь опоры в палеоданностных внеэмотивных чувствах (особых бесструктурностях);

3) отказ от эмоций и бытовых описаний — внечеловеческий универсализм;

4) особые фигуративности и сверхфигуративности, если они присутствуют, сочетаются в Н. с принципами нефигуративного искусства;

5) принцип отбора: так называемое автоматическое письмо должно тщательно отбираться и оцениваться на предмет соответствия кульминационным моментам дофункционального сознания.

Стихийно Н. частично присутствовал в недрах обычного сюрреализма и модернизма вообще. Можно привести в пример некоторые тексты Ганса Арпа, отдельные картины Ива Танги. В музыке одной из форм Н. является так называемый минимализм.

ОБЪЕКТ. 1. В собственно философском смысле сущность вне субъективных ощущений, вещь в себе: ничто, субстанция, недобытие и т. п.

2. В псевдогносеологическом смысле мнимовнешняя часть субъекта, область внимания и сосредоточенности, то есть часть сферы сознания, находящаяся в том или ином напряжении, связанная со смыслами и представлениями.

3. В бытовом и научном смысле — аберрация ума, аналогичная предыдущей (пункт 2), но оправданная здравыми соображениями и имеющая в ряде случаев практическое значение.

4. Идеальных объектов как таковых не бывает. Любая идеальная конструкция — это заобъект внутрисознательного "объекта" (пункты 2 и 3). Пусть человек производит операции с треугольником. Это или нарисованный треугольник, или треугольник в реальном воображении субъекта, то есть все это не треугольники в геометрическом значении. Геометрический треугольник — идеальный флюид над треугольниками, что даны психологически.

ОККУЛЬТИЗМ. Различные учения и практики, содержанием которых являются экстрарациональные восприятия и экстрарациональные воздействия. Ныне бытующий О. основан на некритической ассимиляции традиций, фетишизации случайных особенностей, сопровождавших путь к удачному результату.

Передача оккультных способностей чаще происходит не по принципу обучения, а по принципу заражения. При этом наделение оккультными умениями сопровождается модификацией характерологических черт ученика, образа его жизни и манер поведения. Чем большей силой начинает владеть неофит, тем заметнее эти изменения. К подобным изменениям можно отнести легкую роботоподобность, потерю первоначальных степеней свободы, трансформацию системы потребностей и системы ценностей. Нередко "помудрение" сопровождается той или иной степенью ослабления интеллектуальных свойств. Таковы последствия и самостоятельного обретения оккультных способностей.

Практические достижения оккультистов иногда могут вызвать интерес, их теоретические взгляды, как правило, совершенно несостоятельны и представляют собой набор необработанных положений различной степени достоверности, объединенных концепцией наивного реализма с элементами эклектической теологии и герметической игры.

ОНЕЙРОМОНТАЖ. Индуцирование, благодаря ассоциациям бесструктурных ощущений (положительных, отрицательных) с теми или иными образами в условиях снятия сред обыденности, фантастической реальности, существование которой для психейно-

психического комплекса индивида не является обязательной.

Например, оказавшись в состоянии клинической смерти, индивид может увидеть богородицу, умерших знакомых, ад, сатану и т. п. Иные картины будут у представителей других религий (см., например, "Тибетскую книгу мертвых").

Самое чистое виденье будет у неверующего, хотя и здесь возможны образные осложнения. Известны крайности поведения у побывавших в состоянии клинической смерти: бывшие атеисты начинают часто ходить в церковь, верующие, наоборот, разочаровываются в конкретной конфессии, выбывают из числа активных прихожан.

Наличие О. резко снижает познавательное значение визионерства.

ОТРАЖЕНИЕ. Очень удобный нефилософский термин. Неизбежен на ранних этапах введения в философию. Однако в том мире, какой рассматривается в философии, отражение а б с о л ю т н о н е в о з м о ж н о. Существуют массы подобий, сходств, но все они гомологичны. Каждый раз имеет место не отражение чего-то исходного, но затуманивание его.

Отражения прагматического характера типа звук — эхо, предмет — его вид в зеркале, предмет — фотография и т. п. феноменологически никак не объясняются и не могут даже быть названы удвоениями. Само узнавание на портрете кого-либо требует соответствующего навыка и сопряжено с приписыванием значений, расстановкой смысловых координат.

Даже с точки зрения последовательного ортодоксального материализма отражение дерева в воде — нематериально и связано с устройством и положением фиксирующего прибора или наблюдателя. Аналогично нематериальна и тень дерева, солнечный зайчик и т. п. Например, нисколько не противореча Эйнштейновой СТО, световой зайчик может двигаться со скоростью большей скорости света в вакууме, ибо его движение нефизично, подобно движению "дырки" в полупроводнике.

Для глубинной метафизики из подобных дыр и состоит все существующее, вся разница между отражением и отражаемым исчезает.

ОТСУБЪЕКТИВНОЕ. См. также ИДЕАЛЬНОЕ, ПСЕВДОСРЕДА. Несуществующее, полагаемое субъектом как бы существующим. Отсубъективное вполне может быть и рациональным, прагматически приемлемым. Отсубъективное является дальнейшим (хотя иллюзорным) дроблением мирового бытия. Отсубъективное нефеноменально, но в разной степени и в определенных случаях пересекается с реальными чувственными представлениями, воспоминаниями, другим феноменальным. Оно связано со стартовыми посылками смысловых явлений, чувственных и прагматических ожиданий, полаганий.

Фактически отсубъективное является скорее межчеловеческой, родовой "отсебятиной", чем индивидуальной. Индивидуальное нетренированное сознание в основном склонно к интенциям, но не к порождению идеального в чистом виде.

Сфера идеального не всегда отождествима со сферой отсубъективного. Так идеально "наличным" может считаться и то, что еще не создано субъектом и

то, с чем он еще не имел косвенной связи. Отсубъективные конструкты (в точных науках, особенно в математике) вступают между собой в отношения, от человека не зависящие, псевдообъективные и логически оправданные в том или ином аспекте.

Идеальное и отсубъективное суть скульптуры, изваянные из небытия резцами человеческих направленностей, потребностей и попытками логического заострения феноменов.

С философской точки зрения нет большой разницы между отсубъективным (индивидуальной неправильностью) и отсубъективным, имеющим в потенции конвенциональную форму. Отсубъективное можно назвать постсубъективным, а в своей тотальности — постсубъектом. В последний включается все заданное идеальное. Человек — это бог идеального, во многом потерявший контроль над тем, что им создано.

ОЩУЩЕНИЕ. (Слово, этимологически родственное словам очутиться", "очнуться".) В простом случае — вбирание, связывание, скрепление конкретного среза бытия или отдельной грани этого среза, оживление, пробуждение их к мимолетному существованию. Срез бытия чисто субъективен и относится не только к внешним проекциям (среды зрения, звуковые среды), не только к внутреннему (соматические ощущения), не только к индивидуальным тоническим ощущениям (эмотивное и др.), но и к фактуальному прохождению мыслей, представлений, прочих феноменов.

Реально человек имеет дело с комбинацией (пучком) множества срезов бытия. Только несуществую-

щее не имеет никакого отношения к сенсибилитету. На уровне самых тонких духовных вибрисс, прозрачнейших смысловых означений и порождений ни в коей степени не является ощущением только небытие.

Содержанием ощущения могут быть феномены, но не какие-либо абстрактно вычлененные свойства последних. Подразумевается, что прагматический предмет давно отметен и снят, но в таком случае ощущение само есть предмет либо микропредмет, но не та или иная его предполагаемая ипостась. Например, в зрительном поле ощущением будет все то, что может быть получено путем закрытия остальной части данности этого поля. Иерархия ощущений здесь лежит в области сужение-расширение. Накладываемые ощущения смысла придают этому оттенок новых диапазонов: далеко, близко, познаваемо и т. д. Так называемое "ощущение громкости" в действительности не есть громкость: всякий раз оно предстает через определенную бессловесную определенность, а бытование такого высказывания как "ощущение громкости" связано с чисто вербальной практикой. Подобные вербальные вложения-вычленения существуют и для других ощущений. Апперцептивность, давая воспоминания, не нарушает естественной топологии и в большинстве случаев сливается с перцептивностью.

ПАЛЕОЯДРО СУБЪЕКТИВНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ. Предполагаемое, а иногда четко устанавливаемое однородное первосознание, скрытое за обычным, развернутым в дифференцированные ощущения субъективным сознанием. В виде некоторого микроабсолюта или квазиабсолюта может представать в определенных экзотических условиях (искусственная сенсорная депривация, клиническая смерть, редкие

пограничные состояния между сном без сновидений и бодрствованием, визионерство). По своему основному тону П. с. м. сходно с кажимостью резко усиленного ощущения "я", но не в качестве присутствия при ощущениях, а в качестве самостоятельного "присутствия-свечения", присутствия-интонирования.

Палеоядро выступает как материал обычного сознания, его "субстанция". Обычное сознание выглядит как деформация П. с. м. Тем не менее безукоризненных доказательств наличия П. с. м. нет. При любом качестве измененного сознания полное тождество между П. с. м. и психейным или между П. с. м. и абсолютом не проводимо.

ПАРАФИЗИОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА. Совокупность сведений о жизнедеятельности человека, закрепленных в восточных медицинских учениях.

Синтетическая парафизиология представляет собой тот или иной современный вариант этих учений. Чаще всего именно с синтетической парафизиологией и приходится иметь дело. К П. ч. примыкают основания и некоторых других европейских парамедицинских дисциплин.

Понятия П. ч. не являются достаточно обоснованными и строгими, по своей заданности подобны понятиям античной и средневековой европейской медицины.

Ценность П. ч. не в ее краеугольных положениях, а в некоторых оригинальных частных разработках и практических методиках.

Компенсация парафизиологией упущений обычной физиологии не может считаться полной. Европейская наука выбрала один из путей развития, другие возможности для нее закрыты.

[ПАРИЖ] (в аспекте экологии культуры). В XVIII—XIX веках главная "точка сборки", гуманитарная столица мира. Это не столько центр Франции, сколько, в определенной степени, объединяющий центр граничащих с Францией стран (кроме Германии), центр романских стран и, наконец, центр мира.

Философской и научной "столицей" планеты не является. Это более точка исхода некоторой запускающей волны и одновременно центр гуманитарной интеграции.

В мировой культуре этот город играет не только позитивную, но и негативную роль (порождение культурных блефов).

Передать значение П. другому городу довольно сложно. Например, П. — далеко не главный центр джаза, но музыка как искусство для искусства находит свое приоритетное пристанище именно здесь.

ПЕРЕСУБЪЕКТИВИРОВАНИЕ. Изменение кажимостей одного ряда внутри субъекта. Самый простой пример П. касается всем известных оптических иллюзий-перевертышей.

Аналогично возможна замена догм на противоположные. Контрарность при П. необязательна, хотя часто встречается.

Гносеологическое значение П. заключается еще и в том, что оно способно временно изменить границы способностей восприятия или наделить один психотип возможностями другого.

ПОДСОЗНАНИЕ. Условное место действия психоаналитических легенд, суррогат психейного. См. для сравнения БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ и НЕОСОЗНАННОЕ.

ПОНЯТИЕ. Термин, который в философских текстах следует, как правило, избегать. Понятия — значения, вырожденные в идеальность, потерявшие нативную определенность и психологичность. Они могут быть атрибутами науки, но никак — философии. Главная причина такого положения вещей даже не абстрактность и идеальность понятия, но его лимитность (предельность). Понятия задаются, но не осуществляются. В строгом смысле их не существует вообще.

1. В терминах книги "реальное понятие" — основной смысл (каркасный смысл, смыслорадикал), относимый к тому или иному феномену, предмету, отношению, явлению, фикции и т. д. Тем самым главным является не предполагаемая понятийная фокальность и обслуживающие понятийное смыслы, образы и другие психологические феномены (ссылки изнутри субъекта на идеальность), но наиболее существенный, откорректированный реальный смысл. Выведения его вполне возможны. Одно из таких выведений: пересечение (логическое) всех смыслов определенного слова в однородных контекстах.

2. Понятие — абстракция, идея чего-либо вне его самого, стоящая над всеми рядами сходных объектов. Такое понятие может иметь чисто практическое значение в том плане, что опора только на знаки обиходно затруднительна. Тем не менее именно знак под-

меняет собой понятие. Последнее только слабо предполагается. Однако еще чаще предполагается дефиниция, а понятие лишь полагается, допускается. Все это наряду с неточными образами производит упрочение знака, с которым фактически и приходится иметь дело.

3. Понятие как определенная совокупность суждений об отличительных существенных признаках предмета и даже понятие как дефиниция — неоперативны, фактически рассыпаны, бессвязны. Перечни признаков, дефиниции, рассмотрения и т. п. — только подготовительный этап к получению идеи, интенции или смыслорадикала.

ПОСТМОДЕРНИЗМ. Полузагадочное (по своим причинам) маргинальное явление современней культуры, претендующее на центральное и имеющее как совокупность разнородных течений-направлений следующие признаки:

1. Окончательное разрушение ранее бытовавших принципов холистичности и связности в культурных традициях, критика предыдущих культурных традиций с неосознанным и некритичным (философия) и пародированным, карикатурным (искусство) включением их в себя.

2. Потеря "логоцентричности" (философия), потеря нацеленности на прекрасное или "лучшее" (искусство).

3. Уход с высот интеллектуальной рафинированности в философии через посредство серьезных недочетов и непроработанных мест в учениях Гуссерля и его последователей. Сочетание постановки новых проблем с одновременной примитивизацией ста-

рых, интенсификация футуристического прогресса через регресс (философия).

Переход к "уличности", "офенности", ближним мещанским планам существования с одновременным заимствованием композиционных принципов у кинематографа, радио, телевидения, компьютерной технологии, кулинарии (искусство).

П. — несомненная болезнь. Главное для П. — неусвоенность уроков знания промежуточного между имеющим превалирующее хождение (научное, паранаучное, обывательское) и релятивно уточненным знанием, потеря герметической сути внутри программных герменевтических схем.

Общие черты П.: псевдообъективизм, фетиши несуществующего, опора на психоаналитические сказки.

На смену устаревшему принципу гармонии все еще не пришел какой-либо новый, столь же мощный по своей цементирующей силе. В этом трагедия современного общества. П. — нелепо-диффузные, бессвязные поиски такого принципа. П. как бы символизирует женскость современной цивилизации, переход от единства к множественности, от техники — к технологии, от фундаментальной науки — к короткоживущим рабочим гипотезам.

В искусстве и философии выдаются не окончательные произведения, но формальные порывы и сбивчивые эссе, показательные попытки, обещающие материалы для будущего. Это уже не женскость, а — квазидетскость.

ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ. К концу 1980-х годов — наиболее распространенное нигилистическое околофилософское направление. П. фактически под-

готовлен не французскими мыслителями, а всем ходом немецкоязычной философии. Если Гуссерлем был окончательно выветрен из философии живой субъект, то хайдеггеровским компенсаторным псевдотрансцензусом — объект. Попытка оживления объекта превратилась в его смерть. В историко-философском смысле тандем Гуссерль—Хайдеггер не знает аналогий. Таков центральный исходный пункт П.

Гносеологической предпосылкой П. является факт узости сектора реальности субъекта и объекта в сфере практического существования человека. Полагаемое за действительность в основном контингенте случаев является фикцией.

Нигилизм по отношению к главным проблемам философии успешно сочетается в П. с примитивизмом, широким внедрением в философский обиход наивного реализма.

Поражает сходство П. с марксизмом. У провозвестников и апологетов П. нет основополагающих философских трудов, зато есть критика и рассмотрение второстепенных вопросов в подробнейшем журналистском ключе.

ПОЭЗИЯ (в неспецифическом смысле, поэтичность). Малоопределимое тоническое ощущение высшей одухотворенности, эстетической уместности, возвышенной осмысленности, вызывающее катарсис, эмпатию, напоминание о лучшем (мире, чувствах, возможностях, жизни). Этому чувству-ощущению часто параллельны переживания эфемерности, призрачности, утраченности, изгнания из рая.

Отличия от экзистенциала-экзистенционала "красота", "прекрасное" иногда сложно провести, но они

есть. Поэзия не является монокатегорией или чем-то первосубъективным, не определяется как облегченное запредельное положительное ощущение. Она принципиально десубстанциональна.

Сверхмузыка тяготеет к доабсолюту, сверхживописность — к постабсолюту, сверхпоэзия — к одной из сторон абсолюта.

Хочу подчеркнуть: именно тяготеет, но не является! Забвения нечеловеческого (сверхчеловеческого) эроса обязательны, иначе не возникнут смутные напоминания о нем.

ПРААБСОЛЮТ. Недобытие, ни то ни се (НТНС). Не обладает какими-либо позитивными или негативными характеристиками.

П. не в прошлом и не в будущем. Он актуален и неисчерпаем, всегда наличен в своей недоналичности. Его нельзя назвать ни сознательным, ни бессознательным, ни протяженным, ни непротяженным. Однако П. не есть неопределенность, незрелость. Он шире чего-то бы ни было. Бытие — его узкая выходимость, постдетектированность. Возникнув, бытие поглощает недобытие и оставляет последнее как основание своего дления в своих рамках, но вне этих рамок недобытие по-прежнему тождественно себе первоначальному. Таким образом, бытие и шире и уже недобытия. Противоречия здесь нет: недобытие шире бытия по отношению к себе, а бытие — также по отношению к себе. Противоречия не может быть и потому, что логика возникает только вместе с бытием и недобытия не касается. Внелогичность, безосновность — главные характеристики П.

ПРЕДЫДЕАЛЬНОЕ. Совокупность реальных здесь-теперь ссылок и направленностей на идеальное и его сознательные детерминанты. Обычно выражается в смысловых феноменах. Именно П. ответственно за возникновение кажимости идеального. П. — та психологическая почва, которая порождает то, что принято называть абстрактными способностями.

Окончательная кристаллизация возможна только на межсубъективном уровне. Идеальное при этом выглядит как мертвый продукт конвенций. Однако, будучи заданным, идеальное действенно и без какого-либо межсубъективного контакта. Заданная тенденция создания идеального уже не требует давления со стороны элементов традиционной культуры.

Осознание границы между П. и идеальным требует мыслительной робинзонады, отхода от коллективистской настроенности интеллекта, отказа от существующих школ и авторитетов. Не меньше — и от закрепленных психологической практикой трафаретов.

ПРОЗА ХУДОЖЕСТВЕННАЯ. 1. Нестихотворная письменная и устная художественная речь, т. е. формально — речь, характеризующаяся отсутствием соизмеримого деления на отрезки, мастерски созданная или исполненная и обладающая потенциями эстетического воздействия.

2. Для человеческого восприятия — несценарный комбинированный вид искусства, параллельный искусству кино и телевидения. Отличие его от последних — в большей задействованности индивидуальных способностей воображения, мышления, эмпатии. Реальные феномены прозы — итог различных видов

творчества, связанных с писанием, прочтением, мысленным или обычным произнесением, графическим изображением (для письменной речи), разворачиванием представлений, спонтанными ассоциациями, воспоминаниями, актуализациями различных психических настроенностей.

Как и кинематография, П. х. является суррогатом сновидений, жизни вообще, а иногда — аналогом наркотического средства. Отсюда и требование к П. х. как к некоторому органическому и организменному целому.

Атрибуты действенной прозы: некоторая нериторическая здесь-теперь спутанность (в т. ч. замкнутая на нескончаемое, вечное), потенциальная сновиденность, неспецифическая опьяняющая способность, присутствие особым образом данных элементов поэзии, наличие непроизвольной сосредоточенности, "влечения к тексту".

Термин "шедевр" применим к прозе более условно, чем к поэзии. Шедевры прозы более сложно выделить, особенно если предусматривается возможность нового (повторного) прочтения. Требование "ошедевривания" для прозы равносильно требованию живописности для каждого кадра киноленты. Между тем, все-таки остается вероятность его выполнения.

Обман, кажущееся волшебство "добротной" П. х. имеет и оборотную сторону вследствие того, что она требует от субъекта больше времени и энергии, чем другие виды искусства. П. х. может быть не только средством развития и модификации психического, но и фактором регрессии. Это касается как пишущего, так и читающего.

В П. х. осуществляется воображаемый переход через те или иные витальные кульминации. В самом простом случае эти кульминации носят характер

близкий к бытовой (неофициальной) биографии. В более сложных случаях происходит отказ от описания человеческой среды. По своему содержанию (теме) П. х. строится не на вехах квазибиографического характера, а на явлениях, сходных с микробиографией, указаниях на конкретные значимости, непосредственность. В этом плане П. х. сливается с бытовыми фантазмами, а также с чувственной архаикой человеческой данности. Поэтому элементарнее всего дневниковое построение композиции прозаического произведения с представлением непосредственного вúденья-чувствования героя. Любая "объективность" условна и несопоставима по силе воздействия с ведением повествования от первого лица. Очень часто ведение повествования от третьего лица, нескольких лиц или "оно" — довольно прозрачная подмена первого лица, переподстановка-переориентирование, либо подстановка инкогнито "я" вездесущего и всевидящего автора с описанием "внешней" псевдообъективной видимости. Современные культурологические тенденции, ведущие к уничтожению "субъекта", не имеют под собой какой-либо методологической почвы, понарошечны и являются обычным изворотом истории стиля.

П. х. относится к видам искусства, наиболее полно воплощающим потребность в метемпсихозе, однако наличие подробностей подобного воплощения коррелирует с ограничением рамок и структуры воплощения. Обычно осуществляется перенос человек — человек, человек — общество, человек — животное, человек — "ухоглаз", человек — "дух", но не более того. В музыке, поэзии, живописи рамки переноса практически не имеют границ.

ПРОИНТРОЕКТ. 1. В качестве проактивности, прорассудка, прополагания — основание обозримо имманентной стороны деятельности человека-сознания; включается в рассмотрение через элементы как субъективносознательные, так и граничные субъективной сознательности.

П. может быть предшественником рассудочных схем аксиологического. Типичные примеры П. — так называемые смыслы жизни, ее цели, критерии и стимулы.

2. "Психотропизмы", "психотаксисы", "психоградиенты" в качестве тончайших и маловыделенных предшественников обычных представлений, осмысливаний, чувств и деятельности.

ПРОНИЦАЕМОСТЬ. 1. Степень полноты и внутренней обоснованности ощущения. Чем более ощущение структурировано — тем менее оно проницаемо. Наименее проницаемы зрительные ощущения-восприятия.

2. Фундаментальнейшая характеристика существования, его единственное первичное измерение. Степень абсолютности, самодостаточности, полноты данности.

Уменьшение П. приводит к нормальным иллюзиям, кажимости различных типов времени и структуры.

Уменьшение П. прямо связано с уменьшением ментальной емкости бесструктурного, что неизбежно при разделении общего сознания на среды и различные роды чувствований. Специализация восприятия, усиление его развертки фактически являются

мультипликациями первичных ментальных возможностей с одновременным ослаблением последних.

3. Величина, показывающая отношение интенсивности данного субъективного ощущения к интенсивности объективного протоощущения. При этом характеристика "интенсивность" прямо не связана с такими характеристиками как "неуравновешенность" и "напряженность".

Первовозникшая неполная проницаемость — своего рода леность "мирового духа" — источник онтологической (метафизической) протопамяти: во всяком неполном тоническом есть напоминание о полноте. А здесь недалеко до актуально нелепого локально дисконтинуального континуума протовремени-протоструктуры.

ПРОПОЗИЦИОНАЛ. Законоподобие, закономерность внутри субъективного сознания или предстоящие через него, возникновение которых возможно только в интенции или в сопоставлении прошлого и настоящего.

Пропозиционалы не связаны с объективным миром. В отличие от пропозиций, пропозиционалы относятся не к отдельному здесь-теперь, но к потоку здесь-теперь. П. составляют основу "эмпирического" опыта, то есть набора "эмпирических" констатации и утверждений,

ПРОПОЗИЦИЯ СУБЪЕКТИВНАЯ. (ПРО-ПОЗИЦИЯ) 1. Мысль, высказывание, применимые к субъективному сознанию всегда и во всех случаях, инвариант.

2. Мысль, высказывание применимые к субъективному сознанию в отношении определенных субъективных сред, либо в специально оговоренных случаях.

Главное в субъективных пропозициях не форма их выражения, но подразумеваемая смысловая рамка существования.

Возможны не только смысловые подразумевания, но и реактивные (включающие тоны чувств).

Пропозиции неидеальны и внеабстрактны, поскольку направлены на конкретные феномены и допускают подстановку последних.

Пропозиции не есть понятия или узкие локальные представления. Это — акты. Вербально П. с., как правило, выражаются в виде законченных предложений или высказываний, способных к разворачиванию в некоторое сообщение. Собственно феноменология может быть построена только из П. с.: "Субъективный мир реально существует", "Ощущение "я" — присутствие при ощущениях", "Темнота неоднородна". Не исключены вербальные тонкости. Так, высказывание "Темнота всегда неоднородна" хотя и справедливо, но переходит грань пропозиции. Сама вербальность для пропозиций необязательна.

ПРОСТРАНСТВО (ПРОСТРАНСТВА). Вырожденная ПРОТЯЖЕННОСТЬ (см.) того или иного типа. Мультиплицированным представлениям о П. и созданию абстракции П. более всего способствует зрительное восприятие. Значима и кинестезия.

Основа иллюзии — инертность восприятия, его нетождественность мгновению.

Будучи фикцией, П. не является философской категорией. Большее значение имеют заведомо искусст-

венные математические и математизированные пространства.

ПРОТООЩУЩЕНИЕ. 1. Предполагаемое супервитальное праощущение, не имеющее рациональных характеристик; основа других ощущений, не чисто метафизическая, но связанная с организмами, их филогенезом и онтогенезом (смутная реставрация предыдущих этапов).

2. Реликтовое диффузное ощущение, насыщенное витальностью, не предполагающее рациональных координат, чаще всего соматическое.

3. Реставрационная интенция первых двух ощущений.

* *

Не будучи рациональным, П. не является и чистым иррациональным ощущением, имеет в себе кажимости смещения, взаимопогашения противоположностей. П. вызывает ассоциации наличия иных центров сознания и управляющих нецеребральных сил в соматике.

Смежные ощущения:

1) ощущение внезапного и резкого улучшения самочувствия, прилива "телесных сил";

2) измененное и усиленное по интенсивности ощущение соматического облака, сопровождаемое многократным увеличением ощущений бодрости, силы, возможностей.

ПРОТОРЁННОСТИ ЭФФЕКТ. В мировоззренческом плане эффект кажимости бесспорной очевидности и наглядности того, что первоначально считалось далеко не очевидным и не наглядным. То, что из-

начально представляется уму еле брезжащим, едва существующим, при многократных сосредоточениях, повторениях смотрится нормально существующим или связным.

Данный эффект сказывается и на разности интеллектуального восприятия различных субъектов, кристаллизации предубеждений.

ПРОТЯЖЕННОСТЬ. 1. Вторичная протяженность, рациональная протяженность — распределение предметной или беспредметной консистенции таким образом, что у нее могут быть выделены неконгруэнтные части: "центр", "периферия", "правое", "левое" и т. д. Это относительная протяженность.

Большинство тех протяженностей, которые осознаются как зрительные (в т. ч. апперцептивно конструируемые), являются названной протяженностью или близки к ней. В той или иной степени в них присутствуют элементы колебания зрительного поля и сканирования.

2. Первичная феноменальная протяженность — неконсистентная иррациональная протяженность, не имеющая какой-либо структуры и деления на "центр" и "периферию". Она характеризуется всплеском, импульсом, диффузностью, возможностью неожиданного пересубъективирования с одних локальностей на другие.

3. Предфеноменалъная протяженность представляет собой растворение дления и протяжения друг в друге. Это тот атом усилия, где нет видимого производства времени и пространства. Для натурфилософии она означала бы, что определенность импульса с неопределенностью координат первичны, а не-

определенность импульса и определенность координат — вторичны.

4. Суммарная субъективная протяженность (пространство субъективное) возникает благодаря противопоставлению феноменов друг другу. Она охватывает кажимости внешнего и внутреннего. Связана с другими нормальными психологическими иллюзиями и иллюзорна сама по себе. В суммарной протяженности имеют место членения и мультипликации за счет колебаний субъективного мира и добавления дленности, а отчасти — и длительности к протяжимому.

Формально в данном случае лучше говорить не о протяженности, а о протяженностях и их прочерчиваниях-образованиях. В зрительном сознании возникновение протяженностей всегда плюралистично, исходит как бы из нескольких монад-сознаний. Проще обстоит дело с другими чувствами. Идеальный случай — протяженности обоняния.

5. Общая субъективная протяженность (универсальная субъективная протяженность) сходна с первичной феноменальной протяженностью, но менее ярка и представляет собой, в отличие от суммарной протяженности, не объединение, а пересечение различных субъективных данностей, остаток после вычитания особенностей. Не обладает каким-либо определенным числом измерений, но имеет направления типа "правое — левое", "верх — низ". Однако подобное разделение уже не зрительно и не кинестично.

6. Онтологическая протяженность. Элементарная и полная протяженность. Не-ничто обытиенность недобытийного, объективный чувственный взрыв в самом его начале, неразвернутый, неразделенный. Не

имеет не только пространственных, но и отчетливых цветовых измерений. Это протяженность сверхтона; инерция данности здесь слита с самой данностью, воспоминание — с самим воспоминаемым, причина — со следствием, цель — с исходной позицией.

Ввиду описанных характеристик полностью отсутствуют мультипликация, длительность и дленность как таковые.

Данные характеристики вытекают из того факта, что чистой протяженности как таковой быть не может. И негеометрическое протяжение должно подразумевать внутреннюю связность.

ПСЕВДОСРЕДА. Фиктивная (идеальная) среда, которую стихийно (или в той или иной степени целенаправленно) полагают в силу каких-либо потребностей. П. противостоит реальным субъективным средам. Псевдосредный объект — несуществующий объект. В обыденности П. — суррогат восприятий, то есть несуществующее восприятие.

Подавляющее большинство научных знаний и представлений псевдосредны и являются знаниями и представлениями о псевдосредных объектах.

Псевдосреда — мнимый противовес незримой поглощенности, с какой всякий раз приходится иметь дело субъекту. Одно из значений псевдосред — в своеобразной мнемонике, которая компенсирует с помощью искусственных знаков недостаточный объем субъективно-реального здесь-теперь.

ПСИХИЧЕСКОЕ и ПСИХЕЙНОЕ.

ПСИХИЧЕСКОЕ — область здесь-теперь-так доступности вне зависимости от своих временных мнестических и амнестических свойств. Все психическое наглядно и проницаемо в том виде, в каком оно дано. Собственно психическое есть комплекс реальных ощущений.

Психическое психологов — нерафинированное понятие, соответствующее отсутствию общей психологии среди контингента достаточно развитых специальных психологий. Это психическое является чем-то вроде свалки феноменальных и предполагаемых нефеноменальных продуктов, мифологически истолковываемых.

ПСИХЕЙНОЕ — оборотная сторона психического (в первом смысле), метапсихическое, недетализуемое, нерасчленяемое, а также не подлежащее вписыванию в тривиальное пространство-время. Все попытки какого-либо психоаналитического моделирования довольно условны и имеют узкую частную ценность по отношению к какому-либо конкретному случаю из практики.

ПСИХОТИПОВ ЧЕЛОВЕКА ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА[68]**.** Соответствует дискретности психотипов, их квантовости (отсутствию промежуточных возможностей). В двумерном варианте насчитывает двенадцать типов восприятия. Функции активности и осуществленности требуют новых измерений.

[68] В книге "Буквы философии" не рассматривается.

В двумерном варианте таблица делится в горизонтальных рядах на клетки, соответствующие максимальной (преимущественной) сосредоточенности психотипа на каком-либо плане существования (восприятия). В перпендикулярно рядам расположенных группах отражается природная выраженность планов-оболочек сознания: возможности новообразования планов и выпадение (исчезновение) планов.

РАДЕНИЕ ДУХОВНОЕ. Специфическая русская тоника (чувственное интонирование), восходящая к языческой древности. Спектр: плачущие интонации, заунывные, думные, раздумные, вольные, раздольные, праздничные (не без горчинки, избыточности, плохо спрятанного надрыва), игровые и т. п. Перечисленные окраски не являются главными; основа — призыв или заклинание некой высшей силы в специфическом непереводимом тоне.

Р. д. выражается в обрядовых песнях, типично русской музыке, внешнем оформлении церковных служб. Р. есть в ворожбиных и некоторых "ноктюрных" стихотворениях А. Блока (ранний период), в народной поэзии.

Аналоги Р. д. можно выделить в мусульманской и тибетской (буддийской) культурах. В чисто западной культуре феномены, сходные с Р., чаще отсутствуют. Негритянская джазовая культура (от спиричуэла до Колтрейна) — поздний отблеск давно утраченных субъективных проявлений, окрашенный мрачной тенью прошлого периода истории.

РАЦИОНАЛ. Образная или вербальная смысловая выделенность, в том числе мысль в ее тривиальном понимании.

РАЦИОНАЛИЗМ. При снятии издержек (абстрактности, конвенциализма, сциентизма, "объективизма") в противоположность экзистенциализму, структурализму, "феноменологии" и др. — наиболее приемлемое направление в философии и эвристике науки при существующем положении вещей и прочих равных условиях.

Бытовавшие многочисленные попытки иррационализма в этом отношении неизменно оказывались неудачными. Однако и рационализм в исторически данном виде все еще далек от РЕАЛИЗМА. Невзирая на многочисленные недостатки, Р. менее проигрышен, чем иные сверхобщие направления в философии.

Суть рационализма не в воображаемом разуме, но в следовании за предсуществующей неявной логикой, выделении бесспорных начал, логико-смысловой связи представлений. Аналогичных логических оправданий требует и изложение той или иной концепции. Оставаясь не-наукой, философия невозможна без тотальной доказательности. Аргументация в философии не может носить такого же характера, как в науке и обыденности, поскольку исток философии — дообыденность, донаучное, дообщепринятое, в форме внекультурологической. Журналистика в этом узком слое — смерть философии.

Потребность иррационального с у щ е с т в у е т, но для ее удовлетворения необходимо ИСКУССТВО. Может показаться странным, но значение РЕЛИГИИ — вовсе не в иррациональном.

РАЦИОНАЛЬНОЕ. Данность, соответствующая частичному синтезу расчлененного, результату процесса оструктуривания и сравнения, в том числе в числовых соответствиях.

Рациональное восприятие — восприятие суммы разделенностей, то есть предметоположенностей, процессоданностей одновременно в их сумме и отдельности. Такая уравнительная одновременность приводит к поверхностности и недопроницаемости.

Рациональность — главная особенность человеческого сознания (см. СИГНАЛЬНО-РАЦИОНАЛЬНАЯ ОБОЛОЧКА). Другие искусственные планы рационального связаны с методами организации деятельности (поиск и учет различных возможностей, планомерность, оптимизация, регламентирование, сосредоточенность, актуализация нужных воспоминаний и т. д.).

На практике рациональное обладает действенностью только при определенном балансе рационального и иррационального (бесструктурного, первично-сигнального).

РЕАКТИВНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ (Р-ОЩУЩЕНИЯ). Бесструктурные и близкие бесструктурным ненейтральные самоценностные ощущения; иначе говоря: ощущения-чувства различных рангов и типов в качестве "оттелесных" и "бестелесных" импульсаций, вибраций, интонирований, внутренних музык, токов. Р. о. не сводятся только к эмоциям. Их спектр гораздо шире, чем спектр чувств, имеющих словесные обозначения. Р. о. не всегда подразделяются на положительные и отрицательные. Часто такое подразделение условно: сложное (слитое в бесструктур-

ности) р-ощущение может быть комплексом как положительных, так и отрицательных тонических ощущений без нейтрализации или при недостаточной и весьма сумбурной нейтрализации.

Характеристиками Р. о. являются: степень организменности, интенсивность, степень сложности (моноощущение или полиощущение), эйдетические и тонические оттенки, негативность или позитивность, динамичность или константность, воспроизводимость, вызываемость и т. д. Организменным ощущением является, например, ощущение ярости, неорганизменным — то или иное эстетическое ощущение (в т. ч. тонкое эротическое ощущение, ощущение таинственности и т. д.). Под воспроизводимостью понимается возможность возникновения р-ощущения в тех самых или близких условиях, с какими такое р-ощущение коррелировало прежде. Под вызываемостью — возможность искусственного вызывания р-ощущений, пусть в ослабленном и менее интенсивном виде.

Часто сила, интенсивность, острота ощущения не соответствуют друг другу, а также смежному ощущению напряжения-расслабления. На уровне особых р-ощущений мышечные и вазомоторные реакции не всегда адекватны психической кажимости.

Тонкие неспецифические р-ощущения (мистические ощущения) могут быть чрезвычайно остры и интенсивны, но бихевиористское измерение их силы не сможет навести на какую-либо закономерность в соответствиях прямого и косвенного наблюдения.

Удовлетворительное представление о Р. о. можно получить при подробном рассмотрении таблиц и перечней с достаточным количеством примеров.

РЕАЛИЗМ И НАТУРАЛИЗМ. Реализм — мировоззрение (или способ художественного ви́дения), основанное на отказе от традиционализма и бытового фетишизма, от свойственных человеческой цивилизации искусственных схем науки, философии, идеологии, предусматривающее свободное отбрасывание фикций.

Реализму не присуще абсолютизирование кажимостей восприятия и расширение этих кажимостей за их собственную грань. Сказанное касается, прежде всего, содержания. Форма выражения часто ограничивается диапазоном человеческой способности ощущения. Заведомая ограниченность формы (мода, преемственность, готовность создателя и воспринимающего здесь могут не подразумеваться) до определенной степени ограничивает и содержание, а потому речь идет не о некоем "реалистическом" произведении в себе (или мировоззрении), а о произведении искусства (мировоззрении), ориентированном на реализм.

Нативная человеческая реальность здесь-теперь-так, если и сковывается возможными способами представленности, все-таки в состоянии модифицироваться сама в себе, в том числе с помощью искусства, но она не должна теоретически распространяться в неизменяем виде за свои пределы, то есть туда, где ее нет. Тем не менее она может использоваться в попытках внеобразной передачи того, что находится вне ее, в тех или иных рамках ее гибкости, пластичности, что часто предусматривает подход к границам человеческих способностей.

Натурализм — копирование в мыслительном и художественном творчестве ближнего плана обыденной прагматики — не есть реализм. Многие худо-

жественные направления: символизм, импрессионизм, фовизм, экспрессионизм — отчасти были попытками открытия глубинной реальности, способами вызова к жизни чувств, связанных с фундаментальными началами. Речь идет именно о призыве, вызове, а не о мимесисе.

Создание новой реальности в искусстве технически затруднено и касается только структуры. Иногда можно стимулировать появление новых оттенков чувств, но создание новой бесструктурности в чувственном невозможно. Другое дело, когда речь идет о чисто индивидуальной новизне — том или ином бесструктурном, впервые открывающемся перед индивидом и неизбежно вплетающемся в события его потока существования.

Подавляющее большинство направлений в искусстве, литературе, философии реализмом не являются. Это своего рода относительное функционально-биологическое, функционально-социальное описание в доступных формах ближайших нужд и кажимостей человеческого муравейника и отдельных элементов последнего.

Литература часто выступает как продукт сенсорного пропитания, строится на законах возникновения пристрастий и азарта, то есть оказывается чем-то вроде спорта для воображения… Разного рода социальный реализм — пример навязывания миру случайных фигур, рядоположенностей внешних проявлений родового и стадного без какого-либо онтологического преломления.

Особенность течений, близких Р. — универсализм, выход за социальные и биологические оболочки. Описательно-натуралистическое искусство неких

разумных червей могло бы быть интересным только зоологам.

Итак, основная черта существующего натурализма — гоминидная ограниченность.

РЕАЛЬНОЕ. Фактуально наличное и, как правило, независимое от рассудочных схем. Реальное подразделяется на феноменальное и ноуменальное. Соответственно, реальность оказывается либо субъективной, либо объективной, либо буферной. Субъективная и буферная реальности могут быть относительны и в той или иной степени иллюзорны.

Важно заметить, что фактуальная иллюзия реальна в том виде, в каком она дается. Иллюзия — статика связи, форма осознанности.

Не следует противопоставлять феноменальную реальность некой прагматической реальности. Последней просто не существует. Поэтому реальность, ощущаемая в состоянии бодрствования, не имеет более высокого статуса, чем реальность, воспринимаемая в сновидениях. Дополнительно см. статью "КАСКАДЫ РЕАЛЬНОСТИ".

Противоположность реального — ИДЕАЛЬНОЕ. В отличие от реальности, идеальное не иллюзорно, но мнимо, является отсутствующим по своему существу, оказывается чем-то вроде тени отношений на небытии.

РЕДУКЦИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ. Нередко ошибочно называется трансцендентально-феноменологической редукцией. Это совершенно разные мировоззренческие операции. Первая операция (феноменологиче-

ская) действительно значима и представляет собой философский трюизм — отделение восприятия от бытовых и научных координат. Это уже предусматривает сама область философии — невнесение инертных значений. Заслуга Гуссерля — в индивидуально-поэтическом описании такого действия (эпохэ-процедура).

Вторая операция (трансцендентальная) совершенно неправомерна и дает абстрактное вырождение субъективной реальности (назад к Канту и далее Канта). В плане психологическом и историко-философском недоумение, которое вызывает вторая операция, вполне прояснимо. Дело в том, что Гуссерль все-таки с великим трудом осуществлял первую операцию с самого начала философствования. Представление о философии как философии у него возникало не сразу. Так, у Гуссерля всерьез рассматривается обыденное человеческое тело, животное "я", психофизика внутри психики, а трансцендентными он считает не только вещи в себе, но и самые обычные вещи. Философский мир Гуссерля населен наукообразно описываемыми бытовыми кажимостями. Порвать с ними Гуссерль решил старым немецким путем. "Заключение в скобки" превращается в инстинктивный акт спасения.

Аналогичная неизбываемая пропитанность мыслительных построений фикциями, материализмом была свойственна и Канту. Последним трансцендентальная редукция и совершалась: от живого сознания — к списку абстрактных категорий. В логическом плане подобная редукция оказалась бессмысленной, ввиду значительной произвольности категорий и их взаимоотношений, категоризации не только данных сознания, но и условностей.

Нельзя не видеть интеллектуальной трагедии в попытке превращения философии в алгебру. Случайное торможение в дальнейшем превращении субъективного сознания в символ вызвало неправомерное понимание интенциональности.

РЕЛИГИЯ. Индивидуально, система ориентиров метапсихическому (психейному), попытка возврата к архаическим родовым началам.

Сакральные тексты тех или иных религий не допускают ни прямого, ни аллегорического истолкования и содержат в себе довольно произвольные легенды. Гораздо важнее коллективистский элемент религиозности, соответствующие ему ритуалы, обряды.

Возникновение и поддержание Р. возможно благодаря наличию в обществе определенного контингента легко внушаемых и легковерных людей, лиц с особым спектром эмоциональности. Эти субъекты составляют главный корпус любой конфессии. Благодаря им возникает особая, психейно действенная атмосфера, привлекающая и более скептически настроенных лиц.

Значение Р. почти таково же, как и значение "любви". Между этими сферами (в психейно-психологическом плане) существует значительная область пересечения. Религия также способна, хотя и в меньшей степени, обеспечить интерпсихейный кроссинговер. Однако интимность религии не решает всех человеческих проблем. Р. не так психотерапевтична, как это иногда представляется. Иногда одну болезнь

Р. подменяет другой (примеры Паскаля, Гоголя, Ньютона, Толстого и т. п.).

Бросается в глаза большая разница между католиками и протестантами, индуистами и буддистами в областях, не имеющих прямого отношения к религии. Понятно, что XIX—XX века являются в этом смысле расцветом протестантизма и атеизма.

Очевидно, материал, необходимый для изучения феномена коллективного атеизма, недостаточно разнообразен. Гораздо доступнее психология индивидуального атеизма.

Религия — ценностная игра с элементами коллективного помешательства, способ канализации массовых психозов.

Через посредство Р. субъект архаически контактирует не столько с некой высшей силой, сколько с обществом и собственной глубоко спрятанной и постоянно нарушаемой поведенческой программой. Межчеловеческие малоосознаваемые кара и награда подобны здесь телергонам общественных насекомых.

В некотором смысле вера и неверие соответствуют вдоху и выдоху, окислению и восстановлению. Уже на уровне элементарных актов есть квантовость в следовании витальным требованиям или в отказе от них. Трудно не дышать, но можно какое-то время не есть и не пить. Корни религиозности и соответствующего скептицизма имеются и здесь. И все-таки подобные психотропности слишком далеки от навязываемой от имени "общества", "народа" и якобы "бога" обычной тоталитарной религиозности.

РЕФЛЕКСИВНО-РЕФЛЕКСНОЕ. Граница потока сознания, ответственная за градацию возможности восприятия и суммационной активности. В отдельном сложном сознании связана с восприятием времени и мнестическим.

Разделяет соседние сознания (я-среды) по локусам (моментам) субъективного времени. Создает иллюзию субъективной реальности как таковую, экстериоризирует интериорное.

РОМАНТИЗМ. Практическое культивирование особых неспецифических смыслов и чувственных интонирований, сосредоточение на рафинированных моментах существования, концентрирование их. Может быть понят только как вершина мировоззренческого реализма в рамках предсуществующей или создаваемой реальности.

Романтизм в немецком духе, романтизм схемы, условности, приукрашенности имеет только временное значение, т. к. не обладает глубокой укорененностью, не соответствует интегральным планам психики.

СИГНАЛЬНО-РАЦИОНАЛЬНАЯ ОБОЛОЧКА СОЗНАНИЯ (**СРОС**). Извнутренняя протяженностная граница сознания, формирующая восприятие структуры и информации. СРОС разделяет множество сознаний в одном человеческом суперсознании. Несливаемость, несплавленность впечатлений обеспечиваются за счет инертности сознания, полисосредоточенности, сводящейся в конечном итоге к пе-

реключению сосредоточения, колебанию ментального поля.

[СИЛА] (немеханическая, метафизическая). Полихроносная ориентация скрытой поглощенности, являющейся комплементарной к какой-либо структуре, к самой этой структуре. Для субъективного сознания С. может предстоять только как виртуальность. В объективном также нет никаких сил. С. — всегда симптом среза или разреза существования, изменения характера вычленения части из целого.

Таким образом, комплекс сила-время-движение-структура — всегда данность недополненности по проницаемости, неохватимости целого, на границе части и ей дополнительного. Однако именно С. по своему значению является наибольшим понятийным суррогатом. Она оказывается локально здесь-теперь представляемой проекцией множественности факторов.

Субъект ощущает не те или иные внутренние психические силы, но даже в самом крайнем или экстремальном случае — только давления "сил". Утилизация этих давлений в виде актов и аффектов также оставляет любые предполагаемые новые силы скрытыми.

Мы вполне можем перейти от обычных феноменов к микрофеноменам, реальным, но лежащим вне обычных обыденных и научных кажимостей, однако переход к какой-либо микромоторике, микрокинестичности невозможен.

Тривиальное определение силы как меры воздействия эвристически неприемлемо. Все то, что связано с энергией, предстает как прорыв недобытия через ту или иную систему запретов, определяемую

структурами конкретной данности. При этом сам прорыв канализируется определенным образом. Вопрос осложняется тем, что структуры не могут существовать ни в каком качестве, если заведомо не являются уже данной оформленностью энергетического прорыва. В некое гипотетическое абсолютное мгновение никаких структур нет — они временны́е порождения,а за гранью циклов — инертные повторы.

СИМВОЛИЗМ. Зачастую довольно неудовлетворительно определяемое направление в искусстве и литературе конца XIX — начала XX века. Столь же неудовлетворительно объяснение причин того, почему символизм себя "исчерпал". Сложность оценок вытекает из неоднородности творчества символистов, многослойности их произведений.

Сила и одновременно слабость С. в том, что в главной своей нацеленности он был направлен на создание шедевров, причем чисто эстетических, абсолютных, а не историко-эстетических, музейно значимых. Шедевры в первом смысле требуют от художника иного отношения к своей области, чем при обычном акте творчества. Мастер должен как бы покидать собственное мастерство, свою область, оказываться на ничейной полосе в сфере культуры вообще.

В поэзии подобные отходы от ремесла лишь в исключительных случаях приводят к успеху (попытки сверхискусства), а чаще дают либо графоманию, либо потерю экспрессии и выразительности при относительно товарном виде произведения.

Направления до С. и после него отличались гораздо большей цельностью своих конечных резуль-

татов. Критерии такой цельности, конечно, относительны. В русской поэзии школа символистов создала не более 150—200 шедевров за всю свою историю. Эти стихотворения отличаются высочайшим эстетическим накалом, экзистенциальной необычностью — постоянно создавать именно такие произведения не способен никто, а творчество, как правило, оценивается не по исключительным случаям. Такова одна из причин падения С.

Другая его причина в том, что питательной средой С. был декаданс, явление не только искусства, но и цивилизации в целом. Возникая на известных перегибах истории, декаданс не может продолжаться вечно.

Одна из вершинных особенностей русского символизма заключается в следующем: так называемый "образ героя" в произведениях, "лирический герой" есть НЕ-ЧЕЛОВЕК[69]. Не-человек даже в тех случаях, когда автор навязывает ему будто бы обычные человеческие эмоции и намеренную приземленность. Герой здесь — субъект, вылетевший из человеческой оболочки, нечто вроде того духа, что смутно брезжил и раньше, но вгонялся в прокрустовы формы либо байронического героя, либо демона и нелепого Заратустры. Именно в символизме не-человек предстал без маски и приставных крыльев. Русская нелюдь перешагнула не только национальные формы, но — в отдельных случаях — и европейские эстетические каноны. Не-человек живет миром таких экзотических чувств, какие для обычного человека

[69] Такое написание выбрано вследствие обычного придания других смыслов словам "нечеловек" и "сверхчеловек".

невозможны. Мир ИНЫХ ЧУВСТВ (чувств, не являющихся эмоциями) — еще одно отличие символизма, и не символизм их изобрел.

Структурные и фактурные особенности С. даже при наличии обычной тематики или формальной бестематичности (собственно "искусство для искусства") призваны вызывать сверхэмотивные чувства, делать видимым даже за намеренно неприхотливым, квазиобычным описанием нечто НАДМИРНОЕ, СУПЕРВАЖНОЕ, по сравнению с которым смерть человека или его жизнь — ничто. Вполне законны такие старые определения символа как "дверь в Эдем" или "ключ от вечности" — С. во многом опережает философию.

Термин "символизм" первоначально неверно связывался с наличием двойственности мира (в чисто житейском плане в этом есть некоторый смысл). Удвоение мира — и в любом несимволическом произведении: во всяком случае, присутствует противопоставление структуры произведения иному. Однако идеи Платона (и даже Плотина) никакого отношения к С. не имеют, если, конечно, не подразумевать платонизма в трактовке мыслителей-эклектиков. Теоретическая сторона С. была довольно слабо проработана и французскими символистами: их манифесты, заявления в основном чисто декларативны.

Потустороннее — не идеальное. Оно — норма, субстанция не-человека либо здесь-теперь обычного человека в тех или иных редких случаях. Задача искусства и, в частности, символизма заключается в приближении т о г о с ю д а. Однако подобное высказывание — условность. В действительности т о находится з д е с ь, никакого дуализма нет. Искус-

ство только усиливает не-человека в человеке (модернистские шедевры). Дается не контрарное отношение двух плоскостей, не перетекание из одной области в другую, но прояснение, отмывание, призывание человеком не-человека, а иногда — отбрасывание не-человеком человека. Такое отбрасывание может осуществляться самым невинным образом, например, методом особой выразительности при выписывании натюрморта, вне каких-либо художнических эксцессов. Изобразить можно довольно простое; главное — наличие в простом не нашего, не людского, а каким образом этот эффект достигается — дело мастера. "Девушка вензель чертила на зимнем окне...", "Сырой песок покорно был готов отпечатлеть ослиные копыта..."[70] — ничего выходящего из рамок формально здесь нет. Достаточно показать, что девушка и копыта — ни при чем, что они — примета неприметности, случайности, то, чего могло и не быть.

СМЫСЛ, ОЩУЩЕНИЕ СМЫСЛА. В самом элементарном случае память о настоящем, здесь-теперь наличном. С. — офеномитель феноменов, детектор субъективности, фактор осознанности, выделяющий психическое из психейного, связующая компонента любого восприятия.

Таковы же, но в увеличенном, предельном виде и высшие ощущения смысла.

Другие ощущения смысла обслуживают разнообразные субъективные функции как рациональные,

[70] Строчки из стихотворений В. Брюсова и Ф. Сологуба.

так и иррациональные. Представление об иерархии смыслов дают соответствующие таблицы и разделы книги.

Обычный рабочий смысл (мысль, в повседневном понимании) есть связка, выражающая отношение между предметами, между предметами и свойствами, свойствами и свойствами, предметами и действиями и т. п. Вербализация смыслов необязательна.

Мысль как ощущение смысла внеразумна и внерассудочна — это разновидность тонкой и пластичной витальности, способной принимать пусть не любые, но разнообразные формы. Однако изначально смысл бесформен, хотя и не лишен некоторой тонической протяженности. Этот примативный смысл (мысль мысли) саморефлексивен, пределен и субъективно достаточно экзотичен. В нормальном случае представление о нем можно получить при рассмотрении всей лестницы смыслов, потенцировании смысла как такового до уровня Логоса. Прозрачные бессодержательные смыслы — симптомы творчества в высоком накале последнего. Их природа неинформационна, они — как бы тот заряд, который расходуется на смыслы второстепенные, подобные дифференцированным щупальцам.

СМЫСЛОРАДИКАЛ. Остов рабочего (обыденного) смысла, в частности, то, что соответствует пересечению смыслов-значений одного и того же слова в однородных контекстах.

СОЗНАНИЕ. Совокупное дление, обнаруженность-присутствие, безотчетная символичность. Фундаментальнейшее явление-сущность, неопределимое в рам-

ках философской метафизики. К сожалению, на практике термин С. принято смешивать или соотносить с термином ЛИЧНОСТЬ или иным образом подменять С. несуществующей машиной-схемой, диаграммой, приписывать ему абстрактно трансформированные свойства коры и подкорки головного мозга.

Эпистемологически можно выделить: субъективное сознание в целом, частное сознание-осознание, буферное сознание, объективное сознание-субстанцию, частные моносознания (моносубъекты-объекты), космологическую досознательность, не являющуюся ни сознанием, ни бессознательным, ни бытием, ни небытием.

Сознание невозможно без самозамыкания, логического отканивания. Второе вполне коррелирует с первым. Сознание — всегда самосознание, но не сознание чего-то. Экстериоризация интериорного — только одна из иллюзий. Нет деления на наблюдателя и наблюдаемое, но есть противопоставление одних осознаваемостей другим осознаваемостям в рамках человеческого субъекта.

Человеческое обыденное ("нормальнее") сознание в состоянии среднего уровня бодрствования является суперсознанием, состоящим из массы конкурирующих, наложенных друг на друга, параллельных, пересекающихся, непересекающихся, кажимостно взаимодействующих иерархичных и неиерархичных сознаний. Суперсознание — своего рода антидискретная топология. Содержимым субъективного сознания оказываются структурные и бесструктурные элементы, а само оно — совокупностью забвения и вспомненности, срезом леса метафизических гомологий.

Сознание не есть разум или рассудок, оно не имеет идей и фактически является сплавом ощущений.

Конкретное субъективнее сознание здесь-теперь-так не может быть знанием и включает в себя не обычно понимаемую память, но только воспоминания и интенции воспоминаний. В строгом смысле:

сознание = восприятие = ощущение.

Сознание — не только самосознание целостности или интегративности, но и сознание самоосознающейся частности, далекой от индивидных отождествлений. Невзирая на прагматическую разницу и рациональные конструкции, все сознания в суперсознании равноправны, а отсюда в локальное частное (в т. ч. экстериоризированное) самосознание не всегда правомерно вмешивать интегративные осознавания. А такое интегративное ощущение как "я" вообще не имеет никакого отношения к восприятию самоосознаваемых (т. е. самоосознавательных) связностей, кажущихся периферийными.

Отражает что-либо сознание или нет — вопрос второстепенный: прежде всего оно отражает (подает) само себя, и в этом его сущность, самовыделенность, сходство с монадой.

Единство целого сознания в том, что его раздробление проведено неполно, метамерно. Внутренняя связность одних сознаний с другими, невыпадение их из общего суперсознания объясняется наличием бесструктурных интегративных ощущений-сознаний, базовой недифференцированностью. Кошмар медицинской "деперсонализации" именно в сохранности самосознания каждого внутреннего сознания при некоторой доле необычного отчуждения составляющих сознаний друг от друга. Для сознания, как и для фи-

зической "вселенной", общим является только прошлое: главное интегративное — именно прошлое, которое реликтово сохраняется в настоящем. Деперсонализация вполне коррелирует с ретроградной амнезией. Чаще всего имеет место синдром, сходный с синдромом "нового места": возникает разрыв между "внешними" и "внутренними" ощущениями с превалированием внешних ощущений из-за неожиданности, картинности их явления, например, после выхода из обморока. Возможны другие варианты изменения интеграции сознания.

Довольно часто сознание неправомерно отождествляют либо с умственной способностью производить фикции, либо с самими фикциями. Например, сознание приравнивают к абстрактному фиктивному разуму и даже к "социальному разуму".

Способность производить фикции связана со способностью к обычным представлениям и осмыслениям и может выглядеть автоматическим логическим пересечением различных представлений.

СОЛИПСИЗМ. Противоречивее учение, отрицающее какое-либо существование за пределами субъективного сознания. Отрицание "других существ" (других субъективных сознаний) для солипсизма необязательно. Сам субъект — всего лишь комплекс ощущений, а "другие существа" могут сохраняться в виде иных комплексов. В любом случае подобное отрицание в С. не является краеугольным. Иногда оно дается как следствие.

Критика солипсизма совершенно невозможна при традиционном фетишистском отношении к категории "идеальное", смешении идеального с феноменальным..

Условно-временный С., вытекающий из принципов сомнения, необходимости отказа от постулатов, имеет большое методологическое значение.

С. может выступать как одно из начал философии.

СОМАТИЧЕСКОЕ ОБЛАКО. Совокупность "телесных" ощущений нейтральных или близких к нейтральным (ощущение тела). Зрительные ощущения от собственного тела, а также ненейтральные ощущения типа ощущения боли и удовольствия выходят за грань соматического облака, хотя и могут пересекаться с ним.

Соматическое облако — это психическое тело. Какого-либо физического или физиологического тела не существует (его вакансию изначально занимает нечто совсем иное). Соматическое облако — часть субъекта, часть сознания.

[СОЦИУМА НЕРАЗУМНОСТЬ]. Аргументами в пользу С. н. служат стихийность в общественной динамике, отсутствие общественного сознания или каких-либо заменяющих последнее структур. Сознанием обладает только отдельный человек.

Общество не похоже не только на индивида-человека, но даже на организм высокоразвитого животного. Гораздо больше аналогий между обществом и растением или закрепленным на грунте кишечнополостным.

Правительства и подобные им институты не являются чем-то вроде головного мозга. Проходят сравнения социума с компьютером, вычислительные ячейки которого рассеяны и превалируют в своей массе над

тем узлом, который претендует на роль центрального.

Информационные и силовые связи в социуме необходимо раздельны. Слепота в общественных проявлениях неизбежна.

Наличие нерациональности и алогичности при взаимодействии различных рационально-логических систем приводит к тому, что и взаимодействия, и сами системы оказываются во власти статистических законов, то есть случайной (как бы посторонней) суммации.

СРЕДА СУБЪЕКТИВНАЯ. Результат макроразделенности человеческого сознания, одно из макровосприятий внутри общего восприятия. Макроразделенность — деление сознания на те или иные "внешние" и "внутренние" среды, либо среды воображения. Обычное деление на "мысли", "восприятия", "ощущения" не совсем точно ввиду многогранности конкретных реальных феноменов. Резонно говорить о восприятии собственных мыслей, экспресс-осмыслении зрительных кажимостей и т. п.

Наряду с реальными феноменальными средами можно говорить о фиктивных (идеальных) средах — псевдосредах.

Особое значение имеют *микросубъективные* среды. Они фактически являются микроощущениями-микровосприятиями и составляют ментальную ткань. В зрительных микросредах-микровидимостях релятивированы цвет, форма, движение и объемность трехмерного пространства. В звуковых — невозможно опознание привычных данностей. В соматических — расстроена "схема тела".

СУБСТАНЦИЯ. В узком смысле вещь в себе, которая характеризуется негеометрической протяженностью, самостоятельностью, самопроницаемостью, самосознанием-связью, довременностью, дорациональностью, ологиченностью, бесструктурностью. С. — абсолют по отношению к ее производным.

Возникает вследствие детекции виртуального недобытия. С. имперсональна. Выявляет в себе предельные тонические потенциалы.

СУБЪЕКТА ДЕКОНСТРУКЦИЯ. Одна из черт современной культурологии и культурологической философии — псевдообъективное описание набора данных при кажущемся отсутствии "субъекта". Под словом "субъект" в данном случае подразумевается суммарное субъективное сознание, а не субъект в узком смысле — порождение философской вербальности.

С. д. фактически осуществляется внутри субъективного сознания при явном или неявном его сокрытии. Непосредственное указание на мнимость, понарошечность деконструкции вызывает эффект абсурда, а потому на практике его, как правило, не делают.

С. д. характерна для многих случаев анализа языка, текста. Иногда она неизбежна, скажем, при приписывании тексту или языку самодовлеющих значений. Действительное и мнимое как бы меняются местами. Текст, оказавшийся впереди субъекта и коррелирующий с другими текстами при определенном спрятывании создающего или сканирующего текст субъекта, — один из ключевых современных мифов.

СУЩЕСТВОВАНИЕ. Особый, кульминационный вид самозамкнутой иллюзорности, которая тем или иным образом начинает предстоять сама для себя, рефлексировать сама себя, получает ту или иную степень связности, а также частично, искаженно или трансформировано может предстоять для иного С.

Существование возникает на стыке дологическое — логическое и получает оформление на стыке иррациональное — рациональное.

С. субъективное не обладает полнотой внутренней связности.

С. объективное полностью связно, иррационально, способно к распаду на древа субъективных существований.

Псевдотвердое, псевдоматериальное С. в действительности является сложным древом почти несчетного множества субъективных существований, вытекающих, по крайней мере, из одного объективного С. Другая причина "отвердения", "консервации" — наличие прошлого в настоящем, завернутость субъективности, его неодновременность, разновременность и разнопротяженность.

"Материалом" для объективного существования является объективное виртуальное недосуществование, не поддающееся никаким метафорическим и антропоморфным описаниям вследствие своей дологичности, доосновности, возможности беззаконного, не оформляемого в существование предстояния.

СЮРРЕАЛИЗМ. Инореализм, сверхреализм, открытие оборотных значений кажимости. В широком смысле — совокупность весьма разнящихся направлений в искусстве, демонстрирующих первые фазы пересмотра натуралистической связности или отказа от предметности, а также — пересмотра традиций в творческих методах и мышлении.

Эмоционально менее стерилен, чем абстракционизм; в отличие от многих направлений экспрессионизма содержит отказ от трафаретной системы ценностей; эйдетически близок имажинизму, но значительно радикальнее его.

Большинство произведений С. оказались эстетически ложными, коллаже- и плакатоподобными. Известность их сравнима с геростратовой славой. Деструкция, трансформация, гибридизация, создание новых предметностей, формально не имея в себе ничего запретного, в С. чаще всего обращены не к демонстрации некой сверхреальности, но де-факто к обывателю, к не самым лучшим его свойствам.

Вершина С. — психоделический С. Сюрреалистические шедевры, как правило, не противоречат предыдущим экспериментальным направлениям в искусстве, универсальной (расчеловеченной) эстетике. Квинтэссенцией С. являются произведения, рассчитанные не на социально утилизованное сознание, а на сознание феноменально независимое, раскрепощенное, на филогенетическое ядро сознания.

Связанный с именем А. Бретона, исторически осуществленный С. имеет в первую очередь пропагандистское значение, важен событиями агрессивного внедрения крайностей новейшего искусства в суперструктуру социума, то есть созданием условий для

последующих приемок необычного искусства и развития последнего. В этом аспекте роль исторического сюрреализма более заметна, чем роль кубизма, абстракционизма, футуризма.

ТОНИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ. Неструктурные и малоструктурные ощущения, неинформационные или почти неинформационные по своей данности, иными словами, беспредметные ощущения. Невзирая на внутреннюю неинформационность (неинформативность), эти ощущения могут быть указателями, знаками, ссылками, а витально — прасигналами. Эти ощущения вполне протяженны, но не имеют четких границ и четких локальностей, отнесенности к определенной субъективной среде. Они не являются ни собственно "внешними", ни собственно соматичными.

Представление Т. о. невозможно. Если нам все-таки как будто бы удалось представить тоническое ощущение, это будет не представление, а само тоническое ощущение, которое мы с той или иной долей успеха вызвали. Т. о. — всегда нерациональны (иррациональны). Они могут возникать как в определенных условиях, так и без всяких условий, спонтанно, ассоциативно, совершенно, казалось бы, беспричинно.

Т. о. — это собственно ощущения смысла (вне слов, образов, в т. ч. иррациональная компонента рациональности), ощущения-чувства (например, компоненты, эмоций), ощущения волевых импульсов, ощущение дления времени, ощущение "я" и др.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ. Фикции, издержки абстрагирования, относимые либо к гипостазируемым "очищенным", "внеэмпирическим" феноменам, либо к другим отвлеченным фантазмам ума, связываемым с условиями и возможностями познания как такового. Трансцендентализм, как правило, тяготеет к априоризму.

Термин "трансцендентальное" совершенно не подходит для обозначения пропозиций (про-позиций, предпозиций) сознания. Говорить о доопытности, внеопытности данного пропозиционального нелепо и в том случае, если выбирать из него то, что могло бы относиться не только к сознанию человека, но и к сознанию любого думающего инопланетянина, любого мыслящего существа вообще.

Удобный термин "трансценденталии" приходится изымать из обращения ввиду того, что он относился в истории философии не только к трансцендентальному, но и — к трансцендентному.

Эвристическое значение исследований Т. более чем сомнительно. Наоборот, мертвая бухгалтерия трансцендентализма способна порождать только иллюзии, так как в ней разрывается связь не только с психологической реальностью, но и с ментальной логикой.

Попытки устроения философии по типу математики представляются неоправданной игрой. Трансцендентальное с большим успехом можно выделить даже из инженерных принципов работы автомобиля, но такое Т., как и всякое прочее, будет бесполезной, муляжной вычлененностью, операции с которой весьма произвольны. В отличие от математики философия не должна делать шаг от внеумности (которую она частично все же допускает) к внесознательности вообще, переходу к чисто знаковым

алгоритмизированным операциям. Замена одной математической науки другой, ей противоположной, нисколько не вредит им обеим — все дело в исходных аксиомах и принципах, но распускание подобных вееров значимостей в философии является абсурдом, тем более что полный антипсихологизм (читай: антиреализм) часто идет вместе с невиденьем более приемлемых альтернатив, оказывается тем же психологизмом, но ухудшенным, спрятанным в скорлупу схоластических традиций.

ТРЕТЬЯ СВИНЬЯ. По отношению к российскому постсоциалистическому идеологическому пространству — антифилософские тенденции постструктурализма. Соответственно первой свиньей являются невыветренные остатки марксистской (неэкономической, неполитической) философии, второй — совокупность стихийных тенденций на сращивание теологии и философии.

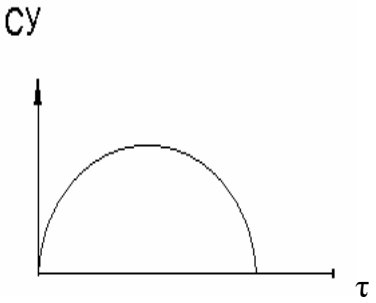
УЖАСНОЕ ПОДОЗРЕНИЕ. Если под главным принципом калейдоскопа понимать вовсе не сменяемость узоров от вращения трубки, но иллюзорную достройку, то можно попытаться этот принцип применить к мирозданию. И нечто получается! Сотканные из иллюзорного сущности становятся рабами и материалом для создания супериллюзий. Подтверждением такого подозрения являются натуральные автоабстракции. Целостности и гармонии в действительности нет, на их месте — метафизическая пропасть. Однако в данном случае ни ценностно, ни теоретически, ни практически и не имеет особого значение статус исходной базы субъективной реальности.

УМ. Зона реальных ощущений смысла, распыленная по всему субъективному сознанию (я-среде). Имеет несколько ядер наибольшей проницаемости смысла, ответственных за мышление в его специфическом понимании.

Рассудок и разум — фиктивные надстройки над умом, мнимо предстоящие через условные апелляции ума к спонтанно предполагаемому сверхуму.

УПОРЯДОЧЕННОСТИ СТЕПЕНЬ.

Характеристика, определяемая относительно конкретного фактора и условно описываемая кривой, подобной кривой Гаусса: от беспорядка — к максимуму порядка, затем — к новому беспорядку. Сверхмаксимум (теоретический порядок) оказывается несоответствующим фактору считывания (например субъекту) и обращается в беспорядок.



Для случая, когда $n_1 >> n_0$, где n_0 — число элементов рационально воспринимаемых субъектам; n_1 — число элементов воспринимаемой структуры; СУ

— степень упорядоченности; $\tau(t)$ — перестановочная функция; $\Delta\tau(t) > 0$; $\Delta n(t) >> 0$.

ФЕНОМЕНОНОУМЕН (ФЕНОУМ). Извнутренне данная и извнутренне выраженная граница сознания, взятая сама по себе. Дается не топологически или функционально, но качественно и интенсивностно в виде недостигнутости, недопроницаемости в чем-либо конкретном. Например, граница между поглощенным и непоглощенным в воспоминании — граница между явно вспомненным и его комплементарным в нечеловеческим, несубъективном.

Ф. касается не объективного, а способа выделения субъективного из объективного.[71]

ФИЛОСОФИЯ (в неспецифическом смысле). Ощущение внепрагматической серьезности, нечеловеческой самости, надмирной обусловленности. Более всего это ощущение воспроизводимо в музыке.

ФИЛОСОФИЯ АБСТРАКТНАЯ. Прикладная философия, изначально берущая в качестве материала не конкретную область, а условные предельно общие понятия. Подобная философия неизбежно теряет свои доказательные возможности, становится абстрактным классификаторством, игрой в категории,

[71] Итак, мы имеем следующие границы сознания: логику (границу данности явлений), рефлексивно-рефлексное (дорациональную границу), СРОС (рациональную границу), а также феноменоноумное в узком специальном смысле (границу всякого поглощенного).

неудачной попыткой инвентаризации философских терминов.

К сожалению, именно Ф. а. была немецкая классическая философия. Неожиданным шагом назад, в направлении Ф. а. явилась и феноменология Гуссерля.

Трагедия Ф. а. — не только упор в небытие, но и неверная формальная ориентация. Будучи оторванной от всех сфер, в т. ч. от математики и даже во многом — от логики, Ф. а. фактически не имеет своего предмета и не способна к каким-либо внутренним корректировкам.

Ф. а. не претендует на роль метафилософии, хотя возможны сходные с ней, но более узкие области, играющие некоторую эвристическую роль в этом смысле.

ФИЛОСОФИИ НЕКОНЦЕПТУАЛЬНАЯ. Различные философские озарения, просветления и находки (не обязательно связанные с вербальным), которые встречаются в самых различных сферах и погруженностях сознания. Проявления "житейской мудрости", как правило, не относятся к Ф. н.

ФИЛОСОФИИ ПРИКЛАДНОЙ ОБЛАСТЬ. Определяется возможностью использования методов, наработанных в чистой философии, отчасти аппарата последней для решения различных, но далеко не всех задач, в науках о "человеке", "обществе" и др. Подобная прикладная философия, вообще говоря, *не есть философия*, хотя и производит иногда впечатление необычайней интеллектуальности.

Прикладная философия несколько сглаживает те дефекты, которые возникают из-за отсутствия целостного подхода в тех или иных частных сферах, но, тем не менее, и сама нуждается в холистической правке. Подобную правку способны обеспечить только развитая интуиция и достаточный набор прецедентов.

ФИЛОСОФИЯ ЧИСТАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ. Сфера изучения и рассмотрения явной и неявной реальности, а также ВИРТУАЛЬНОГО. Фактически Ф. ч. к. — это нестандартная и своеобычная искусство-наука (а вернее, сфера рассмотрения), занятая в отличие от прочих человеческих погруженностей (в том числе наук) собственно реальным миром и его объяснением. Ф. ч. к. подразделяется на эмпирико-пропозициональную феноменологию и философскую метафизику.

Разделение Ф. ч. к. на гносеологию (эпистемологию) и онтологию — совсем иное разделение. Онтология не является тождественной философской метафизике, как и собственно феноменология — гносеологии.

ФИЛОСОФСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА, ФИЛОСОФИЯ СИНКРЕТИЧЕСКАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ.

1. Неразвитые формы философии как человеческой сферы. Связаны с историко-философскими исследованиями, адаптациями иностранных философских концепций на национальной почве. Неразвитой формой философии является и так называемая религиозная философия.

2. Современная околофилософия, культурология. Философские рассмотрения с уклоном в историю философии.

3. Постмодернистская философия.

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА. Как правило, не только направление, течение в философии, но и система неформальных связей между деятелями, представляющими ту или иную школу. В момент образования Ф. ш. ее роль обычно позитивна, позитивность сохраняется некоторое время, после чего само наличие Ф. ш. представляет собой несомненный вред. Если в научных школах объединение ученых позволяет экономить усилия и средства, дает высокий уровень специализации и эффективности работы (хотя и здесь далеко не все идеально), в Ф. ш. положение дел иное. Первоначально Ф. ш. дает кристаллизацию чисто социального плана, увеличивая возможности определенной философской работы, заодно подавляя другие, особенно местные, направления мысли. Если при этом эффективность работы весьма заметна, то значение конкретной Ф. ш. можно оценивать в целом как позитивное. Однако ввиду того, что фундамент философии конвенционально неопределен и неопределим по существу, любые формы развитого философского монополизма рано или поздно становятся идеологическими аберрациями, порочащими философию как таковую.

ФИЛОСОФСКИЕ НАЧАЛА. Начала философии как концепции и начала, регламентирующие изложение какой-либо философской системы. Чистая философия невозможна без Ф. н. Некая философия в ви-

де статей, философия, исходящая из общегуманитарных принципов, традиций, герменевтика и т. п. не есть собственно философия.

Ф. н. относятся к наиболее острым мировоззренческим вопросам, логическим принципам, системообразующим факторам. Необходимость Ф. н. диктуется тем, что у философии есть свой предмет, коренным образом отличный от предмета сфер культуры и науки. Кроме того, философские мировоззрения обычно сильно отличны друг от друга, не способны к полной теоретической воспроизводимости друг друга, исторической реставрации, требуют не ссылок, а собственных достаточных оснований.

Философия, не имеющая выделенных начал, не проводящая их обоснования, обессмысливает сама себя, превращается в беллетристику или в околофилософскую публицистику.

ХАЙДЕГГЕРИЗМЫ. Специфические приведения в плоскости слов различных идеально, неопределенно и условно заданных действий, объектов, состояний к относительно монолитному, витально окрашенному здесь-теперь существованию. Примеры: "бытование", "веществование", "должение", "по-знание", "пред-мет", "за-бытье", "бытийствовать", "со-кровенное", "In-der-Welt-sein", "Sein-bei-inner-weltlichem Seiende".

В Х. могут превратиться отдельные временные элементы аналитических рассмотрений (бытие для себя) и данности, претендующие на реальность (вещь в себе), в том случае, если им приписывают житийные значимости с соответствующей трансформацией соотносимого.

Х. редко являются экзистенциалами. Иногда они сходны с неологизмами. Эффект, свойственный Х., даже усиливается за счет грамматической кальки, отсутствия полной переводимости терминов. Чаще всего долженствующее сосредоточение, интенционирование не переходит при Х. обычных отсловесных гипостазирований. Остается наличным факт усилия, сосредоточенности вообще, вектора как такового. Х. — основа современных неправомерных представлений о способах философствования.

В художественной литературе операции, подобные Х., проводились почти всегда. В философии Х. и сходные с ними явления связаны либо с нефилософским подходом (наивный реализм), либо с избыточным введением диалектики с целью формального удержания суперфикций (Гегель), либо с предельно проведенной трансцендентальной редукцией, совмещенной с компенсаторными явными и неявными отвитальными попытками восстановления собственно живых феноменов (Гуссерль, Хайдеггер).

Х. означают уход от проблем современной философии. Поиски новых гуманитарно-гуманистических областей, околонаучных религиозных откровений выходят как за пределы философии, так и художественной литературы, порождают своего рода репортерство. Х. неизбежно связаны с порождением сугубо индивидуальных образов, психических полей, структура и тонизм которых в достаточной степени произвольны. Формально такие порождения с равным успехом могут рассматриваться и как побочные (эпифеномены), и как центральные, главенствующие. Изречения, насыщенные Х., могли бы восприниматься как великая мудрость, звучи они за пять веков до нашей эры. В новейшее время (в сфе-

ре философской мысли) Х. — стилистически осовремененный анахронизм. Появление в XXI веке Лаоцзы или Гераклита свидетельствовало бы о душевной болезни человечества.[72]

Более значимы Х. для разрушения традиционных жанров художественной литературы, формально-методической продвинутости в этом направлении (попытки стилистического барокко в современном духе, попытки повести-романа после "нового французского романа"), появления довольно любопытных, но пока не дошедших до ранга оправданности нехудожественных и околохудожественных текстов. Таким образом, областью применения Х. является в основном литература и культурология. Это связано с необходимой апелляцией последних к архаике и обыденности, а также к онейроидным данностям. Легкая психоделичность Х. — уже в чисто лингвистической игре дефисов, суффиксов, а также в переобразе, дообразе расформированных образов, во втягивании образов в новое тягучее существование (вивисекция субъективной реальности, понарошечность накопления ее отдельных элементов для комплектования философско-фантастической или художественно оформленной житийной реальности).

Х. субстанционализуют то, что не может быть субстанциональным, и придают статус динамики тому, что статично остается за бортом мгновения. Есть сходство Х. с "животворными" глупомудростями учителей дзен.[73] В отличие от экзистенциалов, Х. обычно

---

[72] Этот возврат можно сравнить с игрой восьмидесятилетней пенсионерки в "дочки-матери".

[73] Катарсис, "облегчающий" эффект дзен, связан с наличием многочисленных тупиков в автономной деятельности

оставляют эйдетический привкус веществующего материализма или несколько сглаженной абсурдности гераклитовского противоречия. Добротный экзистенциал, в противоположность рядовому Х., создается путем интенсивностного усиления интенциально-витальной окрашенности обычных представлений, без каких-либо динамических изменений и переносов (ДОМ, ЗАБРОШЕННОСТЬ, ТОШНОТА, РАЙ).

ХРОНОС. Буферное первовремя, не являющееся длительностью, не являющееся математической абстракцией, неодномерное, апространственное. Заведомая условность термина в том, что Х. связан не с частными представлениями, но с распадом абсолюта на постабсолют, выворачиванием абсолюта наизнанку, разделами, разрезами его и попытками нового синтеза. Все названное — вовсе не процесс, но предполагаемый взгляд на очередную метафизическую пропасть при осуществлении всех возможных распределений проницаемости (доступности сквозного бúденья) по всем интенсивностям.

Некоторые картинные представления о Х. могут дать индуистские и буддийские философские учения при очистке их от мифов и материализма. Таким образом, Х. доступен только теоретическому визионерству

мозга, возможностью простейших выходов из затруднений, обусловленных инерцией и стереотипами. Душа человека, невзирая на свою филогенетическую древность, подобна девушке или ребенку; она требует, чтобы ей показывали кунштюки. Иначе она не повеселеет.

при идентификации наблюдателя со слитным здесь-там.

МИКРОХРОНОС (или слово "хронос" со строчной буквы) — "фрагмент" Хроноса. Имеет отношение только к какой-либо отдельной буферности.

[ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЗЕМНАЯ И СОСТАВНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ]. Цивилизация земная — нефилософский термин, связанный с общими характеристиками культуры человечества планеты Земля за весь период развития этой культуры или за период, достаточный для смены одного поколения (около 30 лет), нескольких поколений, столетий, тысячелетий.

Так называемая современная земная цивилизация — это цивилизация Земли последних 30 лет. Парадокс в том, что удовлетворительная характеристика названного периода возможна только по истечении двух-трех подобных периодов, что неизбежно приводит к уточнению временных рамок. Поэтому высказывание "современная земная цивилизация" является лишь ориентировочным.

Составные цивилизации — цивилизации отдельных территорий, заметно выделяющиеся из остальной земной культуры, влияющие на нее, вовлекающие в свою орбиту смежные территории. Составные цивилизации возникают при наличии критической массы народонаселения и его плотности, сосредоточении в некоторых точках сборки ("столицах мира") особой рафинированности культуры, высших достижений своей и чужих культурных ойкумен.

ЦИТОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ТЕХНОЦЕНОЗА. Сводятся к сходствам между архитектоникой, динамикой общества и целесообразностью на внутриклеточном уровне (включая уровень квантовой биохимии). Результат сравнения неизменно показывает, что общественные проявления менее целесообразны и более низко и хуже организованы. Формально это очередное свидетельство о ранге человека и общества в этом мире.[74]

Техноценоз (техносоциобиоценоз или даже идеотехноценоз) — социум в современном понимании — делает создаваемое человеком, но отчужденное от него более важным, чем сам человек или общество. Человек оказывается узким слоем слизи, которая оживляет технику и сооружения, заставляет их функционировать. Цивилизация превращается в гигантский протез, движущийся коралловый риф. При этом, будучи новым средоточием, фокусом мира, техника выявляется повтором, эхом органического и суборганического.

На таком фоне искусство и философия землян выглядят эпифеноменами, бессмысленными культуральными выделениями.

ЧЕЛОВЕК. 1. Буквально: "чело" (возвышенность, верх) + "век" (сила, энергия). В современном духе мож-

[74] Начальные доказательства и свидетельства — в карикатурных подобиях различных общественных проявлений макроорганическим. Подразумеваются не только обычные примеры (взаимоотношения внутри стад и стай, общественные беспозвоночные и т. п.), но и подобия кибернетические, статистические.

но перевести: *"чело*, паразитирующее на *веке* + *век*" или "существо, состоящее из симбионтов *чело* и *века*". Этимология как бы закрепляет дуальность, наличие в человеке двух типов витальности. Естественно, типов витальности в нем гораздо больше. Можно говорить о пучках различных жизненностей и триллионах жизней в одном и том же организме. В этимологическом определении есть противопоставление одного контингента существований — другому. По сути человек оказывается совокупностью древностей в настоящем, где архидревность ("чело-душа") привязана к древностям-сателлитам — "завернутым душам": электронам, молекулам, клеткам и т. п. Такова первичная эвристическая схема.

2. Фактически: сумбурный, эклектический предмет совокупности интенций, удовлетворительный синтез которых заведомо невозможен. Биологические, психологические, антропологические и прочие "научные" определения человека грубо ограничены, формальны. Определение, согласно которому Ч. есть единство явного суперсознания и совокупности неявных буферных сознаний, — малоприемлемо. Причина этого в том, что реальные ощущения в более масштабном рассмотрении выявляют себя как иллюзорные, схлопывающиеся, растворяющиеся в комплементарном — "микрокосм" исчезает в "гигакосме", а в некоем сверхгигасверхмикродлении-протяжении[75] никакого человека вообще нет.

Феномен человека оказывается совокупностью разверток и аур (в том числе фиктивных) вокруг некоторого бесструктурного центра — реликта прасуще-

[75] Естественнонаучная, либо натурфилософская совокупность уровней.

ствования, ослабленного и выродившегося почти до исчезновения.

В космоническом (надкосмологическом) смысле Ч. не обладает существенными отличиями от растений, животных, собственных клеток.

Предметная и интеллектуальная техника Ч. сопоставима с гомологичными достижениями других существ. Ч. не способен к прямой эстетической или открытой мыслительной деятельности, но было бы нелепо все сводить к целям накопления потенций приспособительного характера. Ч. производит горы бесполезной "руды", в его функционировании всегда есть зерна катастрофы, то есть и приспособления оказываются частными, отрывочными, хотя и образующими в сумме колоссальный пласт. Выживание в широком смысле происходит через серию ухудшений, поломок, ослаблений — разбазаривание кредита, отпущенного фактом рождения. Часто идет речь не о противоречии мечты и действительности, а о противоречии плана и действительности — о слепоте намерений. В этом смысле развитие Ч. и человечества достаточно стихийно и сравнимо с ростом водорослей, кораллов. Ясно, что интеллект склонен к той же тупиковости, что и инстинкт.

Если все организмы характеризуются особым процессом, сходным с медленным горением и медленным перераспределением потоков электронов, с одной стороны, а с другой стороны, сохранением и репликацией наследственного кода (внутри клеток), то многим классам животных свойственны аналогичные процессы на уровне поведения. К ним относится способность к научению, передача умений в рамках популяции, вербальный и невербальный язык, высшие проявления спонтанности (например, игра). У

Ч. подобные потенции выходят за рамки популяции, ареала, обозримого промежутка времени — во многом благодаря внебиологическим системам кодифицирования. Способность к ощущению-осознанию не является особым отличием человека от животных, растений и даже бактерий. Отсутствие у человека достаточно развитого самомышления, склонность к конформизму, подверженность пропаганде делают гипотезу о привнесенности основополагающих элементов культуры на планету Земля извне не столь уж абсурдной.

То, что называют человеком, не есть что-то сплошное. Это всего лишь совокупность иллюзорных контуров. То же самое можно сказать и о человеческом субъективном сознании, но последнее гораздо менее иллюзорно и сверх того в своем строгом понимании не является фикцией.

[ШАНТАЖ]. 1. В специальном смысле главная скрепка социума (социобиоценоза). Ограниченность конкретного Ш. как социального мезона — в полишантажированности самого индивида, осуществляющего какой-либо здесь-теперь шантаж.

Структура любого общества — это прежде всего древо шантажа. Только нежелание снять розовые очки не позволяет обратить внимание на этот простой факт. Уже чисто геометрическое построение Ш. отличает один вид социума от другого.

2. Шантаж, корректирующий витальность. Подобен психейному витамину. Без него не происходит нормальное развитие человека. Отсутствие Ш. на тонком уровне или его недостаточность приводит к порождению асоциальных социопатов и означает прогрессию шизоидных черт при развитии индивида.

Самое тонкое шантажирование осуществляется через интимные отношения (мать — ребенок, семья, друзья, любовники и т. п.). Без шантажа на этом подуровне увеличивается вероятность огрубления манер поведения и потеря дееспособности при поддержании неформальных отношений.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛ и ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛ. См. пояснение в статье ИНТЕНЦИЯ.

ЭРОС-ЛОГОС-ХАОС. "Оно", отсубъективный абсолют (абсолют со стороны субъекта), который выражается в триединстве Эроса — запредельного положительного ощущения, Хаоса — запредельного отрицательного ощущения и Логоса — запредельного смысла.

Инвертированным выражением Логоса является Антилогос — отрицательный смысл, связанный с антипротяженностью, бездейственностью логического закона тождества.

Соответственно, Хаос-Антилогос-Эрос есть отсубъективный антиабсолют.

"Я" и [Я].

1."Я" — ощущение присутствия при ощущениях, константное, протяженное, не имеющее границ. "Я" не является наблюдателем или делателем.

2. [Я] — условная оболочка, в которую вмещены все человеческие ощущения-восприятия (в т. ч. "внешние"), субъект.

[Я] не является непосредственным носителем идей или идеального.

Я-СРЕДА. Совокупность ощущений (осознаний) в локусе субъективного времени. Я-среда — всё субъективное настоящее. В субъективное настоящее включены и наличные воспоминания.

ВАЖНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Автор еще раз повторяет, что целый ряд статей словаря выходит за пределы чистой философии. В этих статьях берутся за основу не реальные среды, но те или иные псевдосреды, в том числе прагматические, с учетом перехода от одних гносеологических шкал к другим. Так, все соображения, касающиеся социума, заведомо ограничены рамками моделей, а иное изложение подобных материалов невозможно.

СИНОПСИС

Книга "БУКВЫ ФИЛОСОФИИ" представляет собой редуктивную философскую систему неаристотелевского типа.

Эта система редуктивна не только потому, что анализ в ней необходимо превалирует над синтезом, но и потому, что кульминационный момент единства связан, по ее положениям, с растворением той формы данности, которую называют структурой.

Аристотелевской по духу является не только старая европейская философия, но и, в значительной степени, современная наука[76], если иметь в виду ее принципы очевидности и верификации, способы разрешения чисто теоретических дилемм. В этих принципах и способах нельзя не увидеть характерной для Аристотеля половинчатости, а в определенной мере — и заискивания перед обыденным взглядом на вещи, особенно тогда, когда логика и здравый смысл находятся в противоречии. Именно поэтому автору приходится возвращаться к проблематике, типичной для элеатов, в том числе к логическим апориям. Многие умственные апории, как античные, так и современные, могут иметь значение и критическое, и эвристическое одновременно, а в своем пере-

[76] Сходство между учением Стагирита и современной наукой в частности можно видеть в попытке сохранения полного бытия. Но если Аристотель скромно прячет его внутрь своего Перводвигателя, то современная наука по странной прихоти уравнений отбрасывает его карикатурное подобие на 13,2±0,2 млрд. лет в прошлое, в точку сингулярности.

работанном виде выступают критериями проверки аппарата любой связной философской концепции.

Согласно метатеоретическому введению в книгу первое начало философии достаточно четко не формулируется и является совокупностью предначал. К предначалам одного класса относятся явления гомологичные языку, сам язык (не как идеальность, но более как способность, функция), а также неявная (первичная, неформализуемая в символах) логика, предстоящая как незримая граница возможности существования. Предначала следующего класса: наличие мировоззренческой сосредоточенности, способности переоценок опыта, другие чисто индивидуальные параметры.

Предначала третьего класса — многочисленные мировоззренческие ошибки, несопряженности в человеке и его вúдении мира. Почти любая фраза, выступающая в качестве моста от обыденности к философии или от науки к философии, — ошибочна и требует исправлений, уточнений, корректировок.

Суть предначал не может быть вполне наглядной, коренится в дочеловеческой заданности человеческого, а также в индивидно-случайных чертах условий познания. Главная проблема при этом — преодоление самой поставленности в определенную интеллектуальную нишу, переход от субъективной и интерсубъективной маргинальности *к негуманитарному кардинальному* мировоззрению или, по крайней мере, максимально возможному приближению к нему. Несмотря на одиозность таких дефиниций, как "истинное", "единственно верное", в первой части книги под определенным метатеоретическим углом рассматриваются гарантии философской приемлемости

и тот механизм разворачивания концепций, который в узких рамках ограниченных языковых форм мог бы представить достаточно универсальное содержание, способное удовлетворить, скажем, не только человека, но и любое условно-воображаемое мыслящее существо. Однако такого рода автоматическая запрограммированность рассуждений не предусматривает какой-либо избыточной абстрактности. Место абстракций и абстрагирования в философии, в отличие от математики, сильно ограничено. Прибегая к абстракции, мы неизбежно вызываем те или иные не всегда контролируемые и осознаваемые интеллектуальные аберрации и рискуем выйти в денотативной плоскости (сфере фактической связи денотатов) за пределы истинности или реальности. Пример тому — циклопические творения немецкий классической философии. Обычной заменой абстракций в книге являются пропозиции, допускающие подстановку конкретного материала, то есть не пропозиции-высказывания, характерные для аналитической философии, а про-позиции (предпозиции), пропозиции-формулы. Далеко не всякое высказывание может выполнять эту роль.

Смешение языка и мышления, мышления и логики — довольно распространенная ошибка. Обычный язык не есть язык философии, его грамматика и стилистика несут в себе отпечатки наивных предустановок, но в этом нет никакой гносеологической трагедии. Подобные особенности обыденного и научного языка легко корректируются или элиминируются. Например, слова "я" и "Оно" в ряде контекстов де-факто являются не местоимениями, а несклоняемыми существительными. В других контекстах (при больших требованиях строгости) констатации "я ви-

жу дерево" или даже "я имею образ дерева" совершенно неверны и правильным будет высказывание: "восприятие "я" плюс частное восприятие образа дерева". Существует безличная интенция как таковая, но не интенция кого-то во что-то или на что-то. Гомункулуса нет, восприятие "я" практически однопорядково другим восприятиям в конкретном моменте наличности сознания, а слово "вос-при-ятие" для философии не имеет никаких физиологических оттенков и тождественно той или иной целокупности ощущений, а иногда — одному свободно данному ощущению. Сама ситуация: «"я" плюс образ дерева» не обязательно должна обращаться в высказывание, может существовать только в воле-смысловом плане.[77]

Второе начало философии связано со сферой субъективных ощущений. Автор дифференцирует традиционно понимаемое психическое на собственно психическое и психейное. Психейное, в отличие от психического, не может быть наглядно наблюдаемым, но может оставлять следы в наглядности. Тем не менее заданность психейного такова, что оно не исчерпывается тем, что называют сферой неосознанного (субъективно неосознанного). Сверх того якобы "неосознанное" — часто всего лишь амнестичное осо-

[77] В высказывании необходимо дополнительное уточнение термина "я". "Я" — бесструктурное ощущение присутствия при ощущениях, вполне наглядное и доступное, несет в себе сигнальность бодрствующего или сновиденийного существования. Не является синонимом ни слова "субъект", ни слова "личность". Одно из интегративных ощущений, обеспечивающих единство сознания. Застывшая (константная) специфическая внутренняя мелодия. Несмотря на нетривиальную протяженность, не имеет границ.

знанное. Проводится дальнейшая дифференцировка терминов. Те подразделения феноменов, которые удобны в психологии восприятия, далеко не всегда правомерны гносеологически. Особенно это касается пресловутого деления феноменального на "внешнее" и "внутреннее". С другой стороны, возникает необходимость в проведении разделения между реальным и идеальным (но не материальным и идеальным!), между феноменальным и идеальным. Действительное феноменальное — стартовая площадка отсылок в идеальное, но не идеальное по своей сути, несмотря на возможность спонтанных, находящихся ниже уровня субъективного сознания идеализаций. Таким образом, происходит полный отказ от использования трансцендентальных феноменологий и гуссерлевского подхода, в частности. "Чистые феномены" — неработающая абстрактная модель.

Основные системообразующие факторы предлагаемой философской системы имеют не абстрактно-категориальное, а логико-психологическое преломление. Мир ощущений настоящего локуса времени замыкается в особое негеометрическое пространство — я-среду. В я-среде нет места персонам-личностям. Даже смысловые феномены (в том числе реально данные мысли) и волевые феномены оказываются поставленными вне идеального и персонального, выглядят в общей я-среде своеобразными тонкими и тончайшими ощущениями. Даваемая классификация смысловых, реактивных (в том числе эмотивных) и волевых феноменов еще более подтверждает это. Возможен анализ не только выделенного смыслового или необычно чистого смыслового, но также смыслового, связанного с образами и знаками. Осмысленность структуры вовсе не предстает в ка-

честве некого застывшего движения или мнестического накопления. В смыслообразах, смыслознаках, смыслообразознаках всегда можно выделить главные и побочные смыслы, каркасные и второстепенные, основные и фактурные; смыслы, связанные с содержанием, и смыслы-формы. Существуют смыслы, обслуживающие знак как таковой, и смыслы данности знака в его неповторимом конкретном предстоянии.

Вне специальных сосредоточений вполне возможно мышление без мыслей, мышление, аналогичное передвижению движка логарифмической линейки или барабана арифмометра. В реально данной плоскости феноменов постоянно происходят подмены одних явлений другими, интеллектуальные сокращения, лишенные и следа каких-либо разворачиваний. Основные смыслы (суррогатами которых являются приписываемые субъекту понятия) исчезают, их место занимает быстрое шествие знаков и второстепенных смыслов. Второстепенное и означающее полностью вытесняет содержательное и суммарно оказывается его новосимволом, а сама знаковость знака растворяется в калейдоскопе случайностей, но именно таково реальное, а не идеальное мышление. Последнего просто нет, независимо от того, предполагается оно или отвергается. Тем не менее подобный "клочковатый" процесс мышления при необходимости (например, в математике) будет достаточно точен. Нет разницы в том, что именно берет роль механизма: живое сознание или валик с изображением цифр. И здесь, и там есть знаки, пусть даже эти знаки реально не совсем знаковы и самодовлеют.

Плоскость слов как бы обязывает к дополнительным идеализациям, смешению феноменального с условными фантомами. Перейти ко второму началу фи-

лософии непросто, ибо ошибочно уже высказывание "ощущаю, следовательно существую". Но из первого начала философии следует, что философия требует недофилософии, пусть и первоначально ошибочного мыслительного производства. При исправлении устраняются не только констатации персоналистического толка, но и более строгие формулировки типа: "второе начало есть сфера ощущений". Такие утверждения непродуктивны. Именно поэтому конструктивно формулируемое начало философии будет заключаться в попытке различения субъективной реальности и нереальности (идеальности), а сложность такого различения — в инертности мыслительной практики, в интерсубъективной и конвенциональной засоренности ее фикциями. Особую роль здесь играют чисто философские фикции. Было бы очень странно считать некие выдуманные сущности более устойчивыми и надежными, чем реально чувственное. Скорее наоборот: рафинированные идеальные объекты можно вполне заменить и иными, причем выбор "этих", а не "иных" объектов весьма произволен, зависит от теоретических ракурсов и степени абстрактной вырожденности.

Собственно реалистическая феноменология требует холистического подхода: обычно реально не существует просто красного, просто гладкого, а поэтому именно в феноменологическом смысле некая искусственная выделенность качеств теряет значимость и ощущением-восприятием-осознанием может быть названо все то, что получается при ограничении феноменологического поля, и само феноменологическое поле. Подобное ограничение — лишь сужение обзора, но не живосечение, срывающее "цвет" с текстуры поверхности и формы предмета.

Я-среда — совокупность сред сознания, и не всегда возможно пересосредоточение, полностью снимающее какую-либо среду, а потому правило о сужении обзора может касаться только конкретной среды.

Таким образом, субъективное сознание выглядит как особая топология целостных ощущений-восприятий-осознаний. На нее распространяются спонтанные операции, подобные математическим операциям пересечения, объединения, включения и т. п. Каждой подобной операции соответствуют те или иные дополнительные эффекты, вызывающие кажимость единства сознания и наличие ментальных аналогов абстрактного. Однако сами разум и рассудок не имеют никакого отношения к феноменальному сознанию. Человек — существо не разумное, а умственное. Разум — это воображаемый ум, которому доступно то, что недосягаемо для человеческого ума, то есть нечто идеально-потенциальное. Так в действительных представлениях нет собственно геометрических треугольников. Предполагается, что такие треугольники есть в представлениях разума. Живой ум подменяется несуществующим механистическим призраком. Такова природа чистого идеального.

Одной из главных апорий является апория солипсизма. Помимо мыслительного затруднения, остановки беспостулативного процесса мышления в явном виде, она имеет и иное следствие, а именно: можно сколь угодно долго рассуждать о реальности объективных миров и тем не менее оставаться замаскированным солипсистом как в рамках наивного реализма, наивного материализма, так и за их пределами. Одни корифеи философии простодушно помещают материю в мир ощущений, другие, представляясь материалистами, сводят ее к совокупности фи-

зических абстракций и продолжению данностей сознания вовне, давая пример нового идеализма. Солипсизм оказывается непреодолимым, несмотря на те или иные попытки здравых рассуждений. В солипсизме — фундамент не только обычной философии, но и науки. Последняя лишь тиражирует и модифицирует данности эмпирических образов.

Постулаты, разрывающие рамки, наложенные на познание, весьма обманчивы и усугубляют интеллектуальный кризис. Выйти из солипсизма можно с помощью интериорных методов, относясь с полным пиететом к его акцентуализациям. Условно-методический солипсизм непосредственно связан со вторым началом философии. Солипсизм невозможно преодолеть без отбрасывания фетишей идеального. Они мнимо уплотняют субъекта в самом субъекте надстройками различных надсубъективностей. Солипсизм — вовсе не отрицание других существ (других субъективных сознаний), а прежде всего отрицание бытия за пределами субъективного сознания или, в крайнем случае, усомнение в наличности метасубъективного. После возврата феноменального в феноменальную реальность (ссылки смыслового на идеальное могут сохраняться), мы будем иметь дело с непосредственной реальностью здесь-теперь-так. В подобной реальности нет ничего, кроме нее самой, и найти в ней брешь можно при достаточно полном ее рассмотрении, причем рассмотрении именно ее, а не производных от ее сферы фантомов со стихийно-конвенциональной заданностью. Такое рассмотрение и осуществляется во второй части книги "Буквы философии".

Во второй части книги автор также рассматривает и оценивает возможность двух экстраполяций:

экстраполяции иррационального и экстраполяции рационального, первично соответствующих неструктурным и структурным осознанностям субъекта. В первом случае проводится анализ более 20 родов реальных мистических ощущений. Как таковые эти рафинированные мистические переживания чисто тонического (бесструктурного) характера остаются посюсторонними, хотя в них и присутствует некоторая кажимость иного, указание-ожидание. По своей классификации эти моноощущения оказываются как бы хроматической гаммой, происходящей от двух экстраполятивных объектов. Реальность названных объектов на данном этапе анализа не утверждается, так как они носят лишь характер точек схождения тенденций и эстетический порыв в их сторону еще не дополняется каким-либо иным образом. Отказ от направленности на них дает только некоторую аксиологическую пробоину в сознании.

Первый объект предстает как бесструктурный, лишенный суммационной динамики Эрос-Логос-Хаос (уравновешенное слитие запредельного положительного ощущения, запредельного смысла и запредельного отрицательного ощущения). Этимология термина не связана с историей философии и определяется структурными коррелятами тонов. Термин "Логос" не означает ни разума, ни нуса-ума. Это — предел освобожденного смысла. Человек, который ни разу в жизни не имел чистых предельных осознаний, все-таки примерно может понять, что такое сверхположительное или сверхотрицательное ощущение. Однако понять, что есть "сверхсмысл" (сверхмысль) в подобном случае можно только при подробном рассмотрении таксономической лестницы ощущений смысла (ощущений!) при явном прослеживании по-

тери связи смысла со структурой. Последняя отпадает при наличии предельных смыслов окончательно, ибо ощущение смысла — особый суперпластичный род витальности в своем истоке. Смысл подобен психически выраженному зачатку несуществующей конечности, который способен проходить те или иные трансформации. На практике получается, что слово "смысл" подменяют словом "значение".

Экстраполируемый нами объект, это "Оно", этот Эрос-Логос-Хаос вовсе не есть некая высшая сила, а тем более бог-персона.

Второй выводимый из гаммы особых чувств объект предстает как добытийная меристема[78] и всеобщее основание, к которому не применимы никакие позитивные характеристики и логический закон тождества в прямом и обратном виде. Несмотря на некоторые субъективные сходства, второй субъект не может быть назван волей в духе Шопенгауэра или Эдуарда Гартмана, несмотря на то, что он сам появляется в конце таксономической лестницы именно волевых феноменов.

Во второй части книги "Оно" и добытийная меристема рассматриваются только как мифические, как пределы субъективных субстанционализаций и преувеличений, ввиду необычности чувственного

[78] Меристема — образовательная недифференцированная ткань (биолог.). Вне от консистентных соответствий — удобный термин для характеристики протобытия, свободного от внутренних аналогов логического, а потому безосновного.

трансцензуса для собственно философии. Однако на многих примерах показывается осуществление этого трансцензуса в области искусства и литературы (в частности, даются отрывки из произведений поэтов-символистов). На протяжении всего текста автор старается оставлять в покое область религии.

Далее в книге проводится экстраполяция рационального. Последняя более искусственна, но необходима именно потому, что вокруг науки постоянно создаются и уничтожаются различные натурфилософии, а сама наука получает ложные интерпретации. На место мифического преувеличения ставится мифическое отвлечение и упрощение. Собственно мифом является так или иначе полагаемый синтез всех моделей и картин мира. В связи с этим показывается невозможность общей теории всего в рамках современной науки. Даже новейшие и "неклассические" направления науки не могут не использовать "классических" парадигм, пусть даже чисто математического плана. Метатеоретически порочной показывает себя не только натурфилософия, но и любая философия, претендующая на чрезмерную тотальность охвата. В последнем случае явно или скрыто происходит выход за рамки предмета философии, непродуктивно заимствуются объяснительные принципы из науки и обыденности. Тем самым философия принимает вид гомологичный не обыденным и научным знаниям, а таким сферам, как околонаука, алхимия, хиромантия и т. п.

То же самое можно сказать о "строго научных" и математизированных философских концепциях. Об искажающей роли абстрагирования мы уже говорили. Это относится и к попыткам метафилософии в рамках логико-лнгвистических или психоаналитиче-

ских. И здесь и там, с одной стороны, происходит уход из области философии, а с другой, сами рассуждения принимают довольно разбросанный вид, превращаются в логицистскую или культурологическую поэму, лишенную внутренних оснований и строгого локуса собственных положений. В подобных случаях проводятся те или иные интерпретации, делаются заключения при полном отсутствии сформулированной общей базы и статуса этих интерпретаций и заключений. Выясняется, что речь шла о неизвестном уровне неизвестного идеального. Связность последнего с языком остается исключительно постулированной, а главное — закованные в логическую броню рассуждения о языке и логике в духе далеко не заглядывающего здравого смысла.

В третьей части книги на основе интериорного выхода из солипсизма осуществляется редуктивный логический переход к вещи в себе — самосуществующей данности, лишенной структуры, времени, движения. Трансцензус производится в различных логических параллелях и подкрепляется ранее сделанным смыслореактивным трансцензусом. Однако внезапно проступающий реально-объективный абсолют не есть материя, бог, высшая сила.

Сверх того, невзирая на сверхинтегральность по всем представимым координатам сознания (исключая структуру), он выявляет себя только как фаза виртуального[79] праабсолюта — уже упоминавшейся

[79] Термин "виртуальность" не имеет здесь значения вероятности. Он ближе к пониманию виртуальности в физике элементарных частиц, но если в физике виртуальное — это вычисленное ненаблюдаемое (принципиально ненаблюдаемое), то в онтологии — доказанное неотражаемое, не имеющее "образа и подобия" в субъективном

добытийной мировой меристемы. Последняя имеет особый статус, а именно: статус недобытия, недореальности. Противоположным бытию оказывается не "нуль", не "ничто", а именно недобытие. Недобытие нельзя назвать ни существующим, ни несуществующим. Это та сущность, в которой нет ни причинности, ни "законов", ни логической ограненности, но в которой нативные предпосылки всего этого зарождаются. Это не только меристема, но и главная пружина (основание, ипостась, подставка, подложка) любого существования. Если абсолют — это третье начало философии и начало любого типа сознания, то недобытие-праабсолют, будучи четвертым исходным пунктом философии, одновременно — и источник бытия в любом смысле. Абсолют логичен, но дорационален (иррационален). Праабсолют не только дорационален, но и дологичен. Неявная (внутренняя) логика как бы зарождается задним числом путем отбора всенаправленности-всеотменимости праабсолюта. Это не эволюция и не процесс во времени, а нечто совершенно новое, подробное описание которого требует современнейших областей математики.

От абсолюта и праабсолюта осуществляется обратный переход к субъективному, которое теперь получает наименование постабсолюта. Постабсолют в целом — это расщепленное бытие, совокупность несамостоятельных миров, являющихся относительностью. Относительно одного субъективного мира другие возможности выделенностей предстают не вполне, а чаще всего отсутствуют. Совокупность всего постабсолютного, взятая тотально, — это монстр, гносеологический мыльный пузырь. При этом отдельная субъективность вполне субъективно-реальна, хотя и несамостоятельна.

Сознание человеческого типа полисознательно, имеет вид среза смежных субъективностей. Именно последние частично дают горизонт иерархии, филогении в строении естественнонаучных моделей мира.

Вычлененности из объективного образуют многочисленные суперпозиции, вычлененности вычленностей и т. д. В их эффектном синтезе совершенно маскируется причина наличия времени и изменений — имеет место эффект, сходный со стробоскопическим. Характерные для человека "потоки" ощущений, тяжи ощущений (если иметь в виду константные восприятия типа восприятия "я") — не только интерференции моновыделенностей, но и грань между абсолютом и праабсолютом. При более элементарном (нечеловеческом) рассмотрении, все это выглядело бы и как распад абсолюта, и как не совсем удачная попытка синтеза — неверное направление от недобытия, минующее ветви прямых дивергенций. Степень космологической тупиковости человека может быть различной в зависимости от расстановки тех или иных отсубъективных акцентов. Пусть человеческое сознание — оживший конгломерат осколков сознания абсолюта, но человек, в отличие от своего космического прасознания, обладает интеллектом. В этом относительном плане абсолют как бы находится на более низкой ступени, чем человеческое сознание.

Неколебимость конкретной вычлененности из объективного — в наличии вычлененностей буферных, сателлитных, смежных, первообразных и пр.

Пошатнуть изнутри это гигантское древо невозможно, несмотря на всю его необязательность и схлопнутость в мире собственно объективного.

Сделанные рассмотрения проливают новый свет на природу сознания и, в частности, субъективного сознания. Сознание не есть что-то вершинное; структурированное сознание по отношению к сознанию моничному (бесструктурному, нерациональному) предстает как калейдоскопическая случайность, эпифеномен и как новый, осмысливающий сам себя мир, задыхающийся в несамоданности. Непрерывное латание испаряющегося самобытия — вот удел структурированной ментальности. Для западного типа рациональности это более приемлемо, чем противоположная сосредоточенность. Невзирая на этимологию, сознание есть универсальная дочеловеческая функция связи, единственная фиксация геометрически рассыпанного мира. Бытие — это зафиксированный момент недобытия, уравновешенность, лишенная обычных динамических характеристик. После разложения на моносубъективности и суперпозиционного структурирования собственно смежные сознания оказываются несоизмеримыми — возникает эффект "завернутости" буферного и сателлитного и, соответственно, эффект псевдоматериализации.

Совокупность всего реально-истинного, но необъективного в его извнутреннем виде, то есть бытие, анатомированное на все контингенты субъективностей, в книге именуется бытием в широком смысле (БШС). Последнее представляет собой логически невозможный разрез абсолюта. Тем самым БШС не может быть даже потенциальным бытием. Это метафизическая пропасть со статусом большим, чем трансфинитность.

На основе всего изложенного, в пятой части книги осуществляется переход к рассмотрению древа смы-

слов жизни, а в связи с последним — иерархии критериев, целей и стимулов. В прагматическом отношении, важны не многочисленные смыслы жизни, не их тотальность, но важна их рифма, соразмерность.

Достаточно считать, что исходно нет ни "мирового", ни "персонального" смысла жизни. Исходно все внесмысленно, но эта внесмысленность и может явиться поводом к осмыслению.

Шестой раздел книги содержит систематическое изложение парадоксов (около тридцати параграфов). Он только текстуально может считаться завершающим, а в большинстве случаев имеет опорное значение для предыдущих разделов.

К книге прилагается философский словарь. В основном он является тезаурусом смысловых отличий терминологии книги "Буквы философии" от терминологии, принятой в истории философии.

Наиболее нетрадиционны в книге общий подход к феноменологии (принцип сред), координирование философского изложения со средами субъективного сознания (попытка нахождения на неидеальной почве), классификация ощущений различных групп, описание способов чувственного и теоретического трансцензуса, принципы раскрытия метафизической данности, метааксиология.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ СЛОВАРЯ

Абсолют
Абсолютные потребности, потребность абсолютного
Антиабсолют
Антиинформация
Антилогос
[Астрал, астральность, астральный план.]
Бесконечность
Беспорядок
Бессознательное
Буферные сознания
Бытие в узком смысле
Бытие в широком смысле
Виртуальное
Волевые ощущения
Восприятие
Временная развертка
Время
Гносеологические ограничители
Гносеологические шкалы
Диалектика
Диалектичность
Дленность
Длительность
Емкость субъективного сознания
Живописность (в неспецифическом смысле)
Законоподобие
Идеального отношения внутренние
Идеальное
Идеометрическое
Идея
Инободрствование
Интегративные ощущения
Интенция
Интрофотофоносреда
Искусство (как психологическая данность)

Канонические ощущения
Каскады реальности
Квазисреда
Космоническое
Личность
Логика
Логос, логосность, логосное
Ложь
Материализм
Ментал
Меристема
Метафизика лимитно-реконструктивная
"Метафизика" науки
Метафизика редуктивно-дедуктивная
Метафизика синтетическая
Метафилософия
Мистическое, мистика
Монокатегории
Мошенничество в философии
Музыка (в неспецифическом смысле)
Наглядность
Надобщение
Наполнитель
Немецкий период в философии
Неосознанное
Неосюрреализм
Объект
Оккультизм
Онейромонтаж
Отражение
Отсубъективное
Ощущение
Палеоядро субъективной ментальности
Парафизиология человека
[Париж] (в аспекте экологии культуры)
Пересубъективирование
Подсознание
Понятие

Постмодернизм
Поэзия (в неспецифическом смысле)
Праабсолют
Предыдеальное
Проза художественная
Проинтроект
Проницаемость
Пропозиционал
Пропозиция субъективная
Пространство (пространства)
Протоощущение
Проторенности эффект
Протяженность
Псевдосреда
Психическое и психейное
[Психотипов человека периодическая таблица]
Радение духовное
Рационал
Рационализм
Рациональное
Реактивные ощущения (р-ощущения)
Реализм и натурализм
Реальное
Редукция феноменологическая и трансцендентальная
Религия
Рефлексивно-рефлексное
Романтизм
Сигнально-рациональная оболочка сознания
[Сила]
Символизм
Смысл, ощущение смысла
Смыслорадикал
Сознание
Солипсизм
Соматическое облако
[Социума неразумность]
Среда субъективная
Субстанция
Субъекта деконструкция

Существование
Сюрреализм
Тонические ощущения
Трансцендентальное
Третья свинья
Ужасное подозрение
Ум
Упорядоченности степень
Феноменоноумен
Философия (в неспецифическом смысле)
Философия абстрактная
Философия неконцептуальная
Философии прикладной область
Философия чистая концептуальная
Философская беллетристика, философия синкретическая и просветительская
Философская школа
Философские начала
Хайдеггеризмы
Хронос
[Цивилизация земная и составные цивилизации]
[Цитологические параллели техноценоза]
Человек
[Шантаж]
Экзистенциал и экзистенционал
Эрос-Логос-Хаос
"Я" и [я]
Я-среда

СОДЕРЖАНИЕ

1. МЕТАТЕОРИЯ-1

1.0 Предисловие…….. 12
1.1 Границы доданности и первый исходный пункт философии…… 16
1.2 Максимы…… 45

2. "СУБЪЕКТ"

2.1 Я-среда и ее деления…… 54

2.1.1 Присутствие при кажимостях …… 54

2.1.2 Квазисреда…… 62
А. Квазисреды…….. 62
Б. Зрительная квазисреда бодрствующего созна- 66
В. Звуковые ощущения и среды…… 79
2.1.3 Контактные ощущения и среды…….. 83
А. Контактные ощущения…….. 83
Б. Соматическое облако…… 86
2.1.4 Интрофотофоносреда и ее окрестности 90
2.2 Интегративные ощущения……... 96
2.1.2 Реактивные ощущения…….. 96
2.2.2 Ощущения смысла. Ум-ощущение. Отумственные фикции разума и понятий 102
А. Типы смыслов…… 102
Б. ИФФС и смысл…… 111
В. Смыслознак. Фикции понятий…… 117

2.2.3 Волевые ощущения…… 126

2.2.4 Другие интегративные ощущения…….. 133
2.3 Я-среда в целом (резюме)…… 138
2.4 Я-среда
и второй исходный пункт философии…….. 145

2.5 ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО 154

2.5.1 Видимость…….. 154
2.5.2 Эрос-Логос-Хаос……... 156
2.5.3 Мистические ощущения…….. 159
2.5.4 Предельные ощущения…… 178
2.5.5 Протоощущения. Сверхощущения……. 181
2.5.6 Волевая и смешанная мистика…… 185
2.5.7 Антилогосное…… 215
2.5.8 Мистика и символика…….. 219
2.5.9 Об эстетическом (Контртезисы к распространенным концепциям)……. 222

2.6 ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО 225
2.6.1 Происхождение обмана. Бытовость центрального принципа науки. Псевдосреды 225
2.6.2 Идеализм практики……... 232
2.6.3 Шесть типов истин……... 234
2.6.4 Классы псевдосред…… 240
2.6.5 Уровни как свидетельство не-мира…… 243
2.6.6 Фантомы математики. Мыслят ли вычислители?..... 251
А. Общие вопросы…….. 251
Б. Пример чисел…….. 254
2.6.7 Точные науки…… 260
2.6.8 Псевдосреды оккультизма……... 269
2.6.9 Наука и мировоззрение. Невозможность теоретического синтеза различных наук 272
2.6.10 Комедия психологии и философии….. 276

3 "ОБЪЕКТ"
3.1 Метафизический космос (третье начало философии) …… 283

3.1.1. Метасознание и переход к абсолюту…. 283
3.1.1.1 Отправные точки……. 283
3.1.1.2 Субстанция…….. 291
3.1.1.3 Альфа и омега. Связность объективного 301
I. Предварительные аналогии…….. 301
II. Пункты А — К. Доказательства и обоснования…… 302
III. Возможность вписанности импульса Эроса-Логоса-Хаоса в абсолют…… 312
3.1.2 Праабсолют. Виртуальное недосуществование…… 314
3.1.3 Контуры антиабсолюта…… 326
3.2 Расщепленное бытие…… 338
3.2.1 Постабсолют…….. 342
3.2.2 Время, времена, Хронос. Проницаемость, схватываемость, объем менталитета. (Сводка.)…….. 347

4 ТЕЗИСЫ ВОСХОЖДЕНИЯ…… 356

5 "ПРОИНТРОЕКТ" …….. 358

5.1 Смысл жизни (абсолютный, рефлексивно-рефлексный, реактивный, умозрительный, относительный /разграничения представлений: А. Фикция личности; Б. Псевдосреда потребностей, относительный смысл жизни/, автономный, подспудный, бессмысленный, программный, отрицательный, панродовой, сновиденийный и здесь-теперь смысл жизни, иерархия смыслов жизни)…… 362
5.2 Цели (тонические; базовые; спонтанно-импульсивные; ложные и фантастические; свободные: высшая, автономная, относительные

цели, звёзды наполнителя; цели оптимизации; заключение раздела)..... 392
5.3 Критерии (абсурд, отрицательные комплексы тоники, критерий: успех, эктропия, иллюминаторность, законченность, произведение критерия и интуитивный критерий)..... 410

5.4 Стимулы..... 422
5.5 Сопряжение разделов части "Проинтроект" 425
5.6 Вариант резюме..... 427

6. МЕТАТЕОРИЯ-2, парадоксы (раздел-приложение)..... 439
6.1 Введение..... 439
6.2 Апории Зенона Элейского..... 441
6.3 Парадоксы Эвбулида из Милета. Парадокс Диодора..... 448
6.4 Парадоксы пирронистов 450
6.5 Софизмы..... 452
6.6 Парадоксы саморефлексивности..... 454
6.7 Парадокс несуществования..... 459
6.8 Парадоксы бесконечности..... 460
6.9 Теоремы Гёделя о неполноте..... 468
6.10. Парадоксы измерения (метрики)..... 469
6.11 Парадокс нефатальности..... 470
6.12 Псевдопарадокс необходимости..... 471
6.13 Парадокс атома протяженности 472
6.14 Замыкание псевдосред на вечное повторение..... 473
6.15 Границы диалектики..... 477
6.16 Парадокс структуры..... 481
6.17 Причинность..... 482
6.18 Случайность..... 485
6.19 Итальянские виноградины..... 486

6.20 Поиски онтологий..... 488
6.21 Парадокс субъективного ощущения..... 493
6.22 Парадокс логики..... 496
6.23 Астрофизические парадоксы..... 498
6.24 Двигатель..... 499
6.25 Мозг и ощущение..... 499
6.26 Вещество и жизнь..... 504
6.27 Парадоксы эволюции..... 507
6.28 Парадоксы субъективно-социальных сфер 508
6.29 Апология жизни и апология самоубийства 509
6.30 Нивеляция бессмертия..... 510
6.31 Знаменательные ошибки философов..... 511

ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ..... 517
Синопсис..... 635
Перечень статей словаря..... 652

Некоторые произведения Александра Акулова

1.Сверхкраткий философский словарь. Краткое изложение книги "Буквы философии". СПб,1999.

2.Послание вундерменам.Проза.СПб,2003.

3.В поисках беспредметного.Шесть книг стихотворений.СПб,2002,2009. С приложением статей о поэзии. СПб., 2016.

4.Чай с мандолиной. Роман. СПб, 2010.

5.Этюды.Нефигуративная живопись.СПб,2008.

6.Скважина.Статьи по литературной критике,культурологии,философии. СПб,2009.

7. Плазма. Проза для высоколобых. СПб., 2012. Третье издание. СПб., 2022.

8. Летящая стрела (Хулиганские парадоксы здоровья, лечения, питания, или Куншtюки с дразнилками для ортодоксов). СПб., 2016.

7. Камень от входа, или Попытка мощи. Литературная критика, введения в философию. Торонто, 2018.

8. Ключевая философия и ее окрестность.: Сборка, СПб., 2023.

9. Скобки икса. Литературная критика. — СПб.: Печатный элемент, 2024.

Максимально вычитанные варианты — через поисковик. Ссылки на оригинальные файлы PDF (без нарушений графики и форматирования) — в низу (реже верху) доведённых до упора главных *авторских* страниц.

ISBN 978-5-85263-238-8